

5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes

5th INTERNATIONAL CONGRESS OF ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

Kazakhstan, Turkistan, 11–14 October, 2022

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-61-4

Eurasian steppe civilization: *human and the historical and cultural environment*

ISBN 978-601-7106-61-4

9 786017 106614

official website of the Margulan Institute of Archaeology:
<https://archaeolog.kz/>

official website of the Khoja Ahmed Yasawi International
Kazakh-Turkish University:
<https://ayu.edu.kz>

official website of the A.Kh. Khalikov Institute
of Archaeology:
<http://archtat.ru>

official website of the International Institute
for Central Asian Studies:
<https://www.unesco-icas.org>

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты
Татарстан Республикасы Ғылым академиясының А.Х. Халиков атындағы Археология институты
Орталық Азиялық зерттеулер халықаралық институты
Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті
Түркістан облысының әкімдігі
Қазан федералдық университеті
Ресей Ғылым академиясының Археология институты (РҒА АИ)
РҒА Сібір бөлімінің Археология және этнография институты
РҒА Ұлы Петр атындағы Антропология және этнография музейі (Кунсткамера)
РҒА Материалдық мәдениет тарихы институты
РҒА Сібір бөлімінің Моңғолтану, буддология және тибетология институты
РҒА ҚБ Қиыр шығыс халықтарының тарих, археология және этнография институты
Алтай мемлекеттік университеті
Ұлттық археологиялық институты мен музейі (Болгария)

Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта

Еуразия даласы археологиясы
V халықаралық конгресінің материалдары

(Түркістан қ., 11–14 қазан 2022 ж.)

3-том

Алматы – Түркістан
2022

ӘОЖ 902/904
КБЖ 63.4
Е 89

Жинақ Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің
бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру, ЖТН OR11465466 жобасы аясында
басылып шығарылды

Баспаға Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Ғылыми кеңесі ұсынған

Бас редактор

А. Оңғар, тарих ғылымдарының кандидаты,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының бас директоры

Жауапты редакторлар:

Б.Ә. Байтанаев, тарих ғылымдарының докторы, ҚР ҰҒА академигі
А.Ф. Ситдиқов, тарих ғылымдарының докторы, ТР ҒА корреспондент мүшесі
Д.А. Воякин, тарих ғылымдарының кандидаты

Рецензенттер:

М.Е. Елеуов, тарих ғылымдарының докторы, профессор
Т.В. Савельева, тарих ғылымдарының докторы

Редакциялық алқа:

Т.Б. Мамиров, тарих ғылымдарының кандидаты; И.В. Мерц, тарих ғылымдарының кандидаты,
философия докторы (PhD); Г.С. Жұмабекова, тарих ғылымдарының кандидаты; Ә.М. Манапова,
тарих ғылымдарының кандидаты; Ғ.А. Базарбаева, тарих ғылымдарының кандидаты;
Т.Н. Лошакова; Д.А. Байтілеу, тарих ғылымдарының кандидаты; Е.Ш. Ақымбек, философия
докторы (PhD); Ж.Р. Утубаев, тарих ғылымдарының кандидаты, философия докторы (PhD);
А.Қ. Айтқали, философия докторы (PhD)

Е 89 **Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта.** Еуразия даласы
археологиясы V халықаралық конгресінің материалдары (Түркістан қ., 11–14 қазан 2022 ж.).
5 томдық. Алматы – Түркістан: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2022. 3 том. 224 б.

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-61-4

Жинақтың үшінші томында Еуразия даласы орта ғасыр археологиясының жалпы мәселелері
қамтылған. Атап айтқанда, Даладағы урбанизациялық үрдістер мен кезеңдер; ортағасырлардағы
Еуразияның далалық аймағындағы фортификация жайлы көзқарастарды жүйелеу және
қалалардың қызметі; Сырдарияның төменгі ағысындағы ерте ортағасырлық қоныстары мен
Оңтүстік Қазақстанның кейінгі орта ғасырлық қалаларындағы қала тұрғындары мен көшпелілердің
этникалық байланыстарын зерттеу; ерте орта ғасырдағы Батыс Сібірлік орманды-дала тұрғындары
мен Қазақстан халқының өзара қарым-қатынасы және т. б.

Кітапта Даланың орта ғасыр археологиясы мәселелерінің мерзімдік және тақырыптық
жағынан кең қамтылуы археолог, тарихшы ғалымдарға, студенттер мен орта ғасыр мәселелерімен
айналысатын барлық мамандарға қызығушылық тудыратыны анық.

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-61-4

ӘОЖ 902/904
КБЖ 63.4

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Комитет науки
Институт археологии имени А.Х. Маргулана
Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
Международный институт центральноазиатских исследований
Международный казахско-турецкий университет имени Ходжа Ахмеда Ясави
Акима́т Туркестанской области
Казанский федеральный университет
Институт археологии Российской академии наук (ИА РАН)
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Институт истории материальной культуры РАН
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего востока ДО РАН
Алтайский государственный университет
Национальный археологический институт и музей (Болгария)

Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда

материалы V международного конгресса
археологии евразийских степей

(г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.)

Том 3

Алматы – Туркестан
2022

УДК 902/904
ББК 63.4
Е 89

Сборник издан в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта OR11465466

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета
науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Главный редактор

А. Онгар, кандидат исторических наук,
генеральный директор Института археологии им. А.Х. Маргулана

Ответственные редакторы:

Б.А. Байтанаев, доктор исторических наук, академик НАН РК
А.Г. Ситдиков, доктор исторических наук, член-корреспондент АН РТ
Д.А. Воякин, кандидат исторических наук

Рецензенты:

М.Е. Елеуов, доктор исторических наук, профессор
Т.В. Савельева, доктор исторических наук

Редакционная коллегия:

Т.Б. Мамиров, кандидат исторических наук, И.В. Мерц, кандидат исторических наук, доктор
философии (PhD), Г.С. Джумабекова, кандидат исторических наук; А.М. Манапова, кандидат
исторических наук; Г.А. Базарбаева, кандидат исторических наук; Т.Н. Лошакова,
Е.Ш. Акымбек, доктор философии (PhD); Д.А. Байтлеу, кандидат исторических наук;
Ж.Р. Утубаев, кандидат исторических наук, доктор философии (PhD);
А.К. Айткали, доктор философии (PhD)

Е 89 **Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда.**
Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан,
11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
2022. Т. 3. 224 с.

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-61-4

В третьем томе сборника затронуты вопросы археологии средневековья евразийских
степей: процессы и этапы урбанизации в Степи; систематизация представлений о фортификации
в степной зоне Евразии в эпоху средневековья и функционирования городищ; исследования
раннесредневековых поселений в низовьях Сырдарьи и этнических контактов горожан и
кочевников позднесредневековых городов Южного Казахстана; взаимодействие населения
лесостепи Западной Сибири в раннем средневековье с народами Казахстана и др.

Широкий хронологический и тематический охват проблем средневековой археологии Степи
представляет несомненный интерес для ученых – археологов, историков, студентов, всех, кто
интересуется вопросами средних веков.

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-61-4

УДК 902/904
ББК 63.4

Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan
Committee of Science
Margulan Institute of Archaeology
A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
International Institute for Central Asian Studies
Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University
Akimat of Turkistan region
Kazan Federal University
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (IA RAS)
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) of the RAS
Institute for the History of Material Culture of the RAS
Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the RAS
Altai State University
National Archaeological Institute and Museum (Bulgaria)

Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment

Proceedings of the 5th International Congress
of Archaeology of the Eurasian Steppes

(Turkistan, 11–14 October, 2022)

Volume 3

Almaty – Turkistan
2022

UDC 902/904
LBC 63.4
E 89

The collection is published within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, IRN of the project is OR11465466

Recommended for press by the Scientific Council of the Margulan Institute of Archaeology of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Editor-in-chief

A. Onggar, Candidate of Historical Sciences,
Director General of the Margulan Institute of Archaeology

Executive editors

B. Baitanayev, Doctor of Historical Sciences,
Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan
A. Sitdikov, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
D. Voyakin, Candidate of Historical Sciences

Reviewers:

M. Eleuov, Doctor of Historical Sciences, Professor
T. Savelieva, Doctor of Historical Sciences

Editorial board:

T. Mamirov, Candidate of Historical Sciences; I. Mertz, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Philosophy (PhD); G. Jumabekova, Candidate of Historical Sciences; A. Manapova, Candidate of Historical Sciences; G. Bazarbayeva, Candidate of Historical Sciences; T. Loshakova, D. Baitileu, Candidate of Historical Sciences; Ye. Akymbek, Doctor of Philosophy (PhD); Zh. Utubayev, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Philosophy (PhD); A. Aitkali, Doctor of Philosophy (PhD)

E 89 **Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment.** Proceedings of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022). In 5 volumes. Almaty – Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 2022. Vol. 3. 224 p.

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-61-4

The third volume of the collection deals with the issues of archaeology of the Middle Ages of the Eurasian steppes: the processes and stages of urbanization in the Steppe; systematization of ideas about fortification in the steppe zone of Eurasia in the Middle Ages and the functioning of settlements; studies of early Medieval settlements in the lower reaches of the Syr Darya and ethnic contacts of citizens and nomads of late Medieval cities of Southern Kazakhstan; interaction of the population of the forest-steppe of Western Siberia in the early Middle Ages with peoples of Kazakhstan, etc.

The wide chronological and thematic coverage of the problems of medieval archaeology of the Steppe is of undoubted interest to archaeologists, historians, students, and anyone interested in the issues of the Middle Ages.

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-61-4

UDC 902/904
LBC 63.4

М. К. Хабдулина

Марал Калымжановна Хабдулина,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Нур-Султан, Казахстан; mk_khabdulina@mail.ru

Исторические типы городов в степных империях Азии*

Аннотация. В методологии исторической науки обоснована связь города и государственности. Концепция города оформилась при изучении оседлых цивилизаций Древнего Востока, Средиземноморья, Восточной Европы. Изучение древних городов этих территорий началось в конце XVIII в. и продолжается до настоящего времени. Масштабные раскопки в степной Евразии и Центральной Азии развернулись с запозданием почти в 200 лет. За это время в исторической науке успело сложиться предубеждение об отсталости, периферийности степных регионов азиатской части Старого Света, неисторичности проживающих здесь кочевых сообществ, неспособности их социоестественным путем достичь уровня государственности и отсутствия у них градостроительной культуры. Сложилось противоречие между историческими фактами существования степных империй Центральной Азии и оседлоцентристской оценкой их социополитического и культурного устройства. К началу нового тысячелетия археологические источники по городской культуре степного средневековья резко возросли, и появилась возможность осветить процессы и этапы урбанизации в Степи. Выяснилось, что особенностью градостроительной практики в Степи является формирование множества типов городов в древних и средневековых империях Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, Евразия, урбанизация, Аркаим, «Страна городов», степные империи

Марал Калымжановна Хабдулина,
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,
Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан

Азияның далалық империяларындағы қалалардың тарихи түрлері

Аннотация. Тарих ғылымының әдістемесінде қала мен мемлекеттілік арасындағы байланыс негізделді. Қала тұжырымдамасы Ежелгі Шығыс, Жерорта теңізі және Шығыс Еуропаның отырықшы өркениеттерін зерттеуде қалыптасты. Бұл аумақтардың көне қалаларын зерттеу XVIII ғ. аяғында басталып, қазіргі уақытқа дейін жалғасуда. Еуразия даласы мен Орталық Азиядағы ауқымды қазба жұмыстары 200 жылға жуық кешеуілдеп басталды. Осы уақыт ішінде тарих ғылымында ескі әлемнің Азиялық бөлігінің далалық өңірлерінің шеткері орналасуы, артта қалуы мұнда өмір сүрген көшпелі қауымдардың тарихи еместігі, олардың мемлекеттілік деңгейіне әлеуметтік табиғи жолмен жете алмауы және оларда қала құрылысы мәдениетінің болмауы туралы пікір қалыптасып үлгерді. Орталық Азияның далалық империяларының өмір сүруінің тарихи фактілері мен олардың әлеуметтік-саяси және мәдени құрылымына отырықшы-орталықтық баға беру арасында қайшылық болды. Жаңа мыңжылдықтың басына қарай далалық орта ғасырлардағы қала мәдениеті туралы археологиялық дереккөздер күрт көбейіп, Далалдағы урбанизация процестері мен кезеңдерін жарыққа шығаруға мүмкіндік туды. Даладағы қала құрылысы тәжірибесінің ерекшелігі Орталық Азияның ежелгі және ортағасырлық империяларында қалалардың көптеген түрлерінің қалыптасуы екені анықталды.

Түйін сөздер: Орталық Азия, Еуразия, урбанизация, Арқайым, «Қалалар елі», дала империялары

© 2022 Хабдулина М.К.

*Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта грантового финансирования Комитета науки МОН РК 2020–2022, ИРН проекта AP08857699.

Maral Khabdulina,
Eurasian National University after named L.N. Gumilyov,
Nur-Sultan, Kazakhstan

Historical types of cities in the Steppe Empires of Asia

Abstract. The connection between the city and statehood is substantiated in the methodology of historical science. The concept of the city took shape when studying the settled civilizations of the Ancient East, the Mediterranean, and Eastern Europe. The study of the ancient cities of these territories began at the end of the 18th century and continues to the present. Large-scale excavations in steppe Eurasia and Central Asia unfolded with a delay of almost 200 years. During this time, a prejudice has developed in historical science about the backwardness, the periphery of the steppe regions of the Asian part of the Old World, the unhistoricity of the nomadic communities living here, their inability to achieve the level of statehood in a socio-natural way and their lack of urban culture. There is a contradiction between the historical facts of the existence of the steppe empires of Central Asia and the sedentric assessment of their socio-political and cultural structure. By the beginning of the new millennium, archaeological sources on the urban culture of the steppe Middle Ages had increased dramatically, and it became possible to highlight the processes and stages of urbanization in the Steppe. It turned out that a feature of urban planning practice in the Steppe is the formation of many types of cities in the ancient and medieval empires of Central Asia.

Keywords: Central Asia, Eurasia, urbanization, Arkaim, “Country of cities”, steppe empires

Введение. Исследование и разработка проблемы города основана на археологических источниках и открытых при раскопках памятниках письменности, содержащих тексты храмовых, дворцовых архивов, сведения династийных хроник. Самые ранние города были открыты на территории древней Месопотамии, Сирии, Египта. Города Эгеиды, Малой Азии стали исследоваться в конце XIX в. В XIX – начале XX в. археология и история приступили к изучению городов Европы, Мезоамерики, Средней и Передней Азии: древнерусских, западноевропейских, парфянских, бактрийских. Раскопки и открытия сопровождались разработкой критериев понятия «город», изучением закономерностей появления, функционирования, и роли городов как центров политической, производственной, духовной жизни.

Во второй половине XX в. прошли длительные дискуссии о значении города как исторического явления [Массон 1977: 5–7; Андреев 1987: 3–18; Павленко 1989: 57–73]. В ходе дискуссий сложились археологические признаки понятия «город». За основу предлагались различные критерии: размеры площади, численность населения, монументальная архитектура светского или религиозного характера, ремесленная специализация. Однако, как пишет В.М. Массон, для каждого из этих пунктов, каждой конкретной эпохи, как и конкретного региона, не было единства [Массон 1976: 143–148]. В итоге в качестве признаков выдвинуты: оборонительные укрепления, компактная территория с правильной планировкой, более или менее благоустроенные жилища, наличие ритуального центра в виде открытой церемониальной площадки или закрытого святилища [Андреев 1987: 7]. Сложилась оседлоцентристская концепция города.

В формировании ее главным стал историографический приоритет. Масштабные раскопки в Центральной Азии развернулись с запозданием почти в 200 лет. И при изучении городской культуры этих регионов традиционная концепция города оказалась не применима по многим показателям. В последние десятилетия многократно возросшие источники по степной археологии позволяют существенно скорректировать сложившиеся стереотипы об отсталости и периферийности внутриматериковых районов Северной Евразии.

Материалы

Урбанизационные процессы в степной Евразии зародились 4000 лет назад и представлены ранней цивилизацией эпохи бронзы. Первые поселения, обнесенные оборонительными укреплениями (Новоникольское I, Петровка II), были открыты на р. Ишим в начале 70-х годов XX в.

Они были отнесены Г.Б. Здановичем к раннеалакульской петровской археологической культуре [Зданович Г.Б. 1988: 132–133]. В 1976, 1983 г. на Южном Урале начались археологические раскопки комплекса Синташта, давшие удивительный для степной бронзы материал в виде обширных подземных склепов с захоронением человека в сопровождении лошадей, остатков колесниц [Генинг 1977: 53–73]. Лишь в 1987 г., после открытия городища Аркаим, все эти факты соединились в единое целое и привели к обоснованию феномена, известного в археологии степной бронзы как «Страна городов» [Зданович Г.Б., Зданович Д.Г. 1995: 48–62].

«Страна городов» – это более 20 укрепленных центров, локализованных в междуречье Тобола–Ишима. Они протянулись вдоль восточных склонов Южного Урала на 400 км с севера на юг и 150 км с запада на восток. Города расположены на расстоянии 40–60 км друг от друга по берегам мелких степных рек – притоков Тобола и Урала. Каждый город имеет прилегающую хозяйственную округу площадью 25–30 км², на которой размещены могильники, неукрепленные селища, производственные площадки и рудники по добыче медной руды. С 1987 г. частично исследованы семь укрепленных поселений [Зданович Г.Б. 2020: 31–33]. Установлено, что памятники «Страны городов» существовали 250–300 лет. Не все одновременно и постоянно. Как и многие поселения бронзового века, города многослойны и периодически жизнь на них прекращалась, возобновлялась, подвергалась перестройке.

Наиболее масштабно раскопан Аркаим. С 1987 по 1995 г. на памятнике площадью 20 000 м² вскрыто 8000 м². Поселение Аркаим – город-крепость с монументальными оборонительными укреплениями, возведенными из бревен, глины и грунта. Поселение имеет круглую форму. Основу его составляют два кольца оборонительных укреплений: внешнее, диаметром 160 м и внутреннее – диаметром 85 м. На аэрофотоснимке середины 1950-х годов читается и третье кольцо, разрушенное к настоящему времени. Внутренняя крепостная стена окружала цитадель городища. В самом центре оставлена незастроенная площадка 35×25 м. Оборонительные укрепления состоят из рва глубиной 2–3 м и крепостной стены, имевшей высоту 3,5 м [Зданович Г.Б. 1997: 48–50].

На территории городища насчитывается 65–66 жилищ. Они расположены по кругу, имеют плотную застройку, их длинные стены радиальны относительно круговой фортификации и ориентированы к центру городища. Раскопано 30 жилищ. Жилища внутреннего круга, судя по деталям конструкций, были двухэтажные [Зданович Г.Б. 2020: 16].

Всего по подсчетам демографической емкости жилищ, на городище Аркаим могло проживать 2000–2500 человек. Среди укрепленных центров «Страны городов» есть объекты, в два раза превышающие площадь городища Аркаим, следовательно, это были города с высокой концентрацией населения.

«Страна городов» Урало-Ишимского междуречья – явление эпохального уровня, свидетельствующее о начале градообразовательного процесса в степной зоне 4000 лет назад. Устройство ранних городов, их внутренняя архитектура, завершенность планировочной структуры, модель расселения и освоения пространства являются яркими показателями качественно высокого уровня социокультурного развития, который можно трактовать как раннегородская цивилизация. Этот процесс сопровождается усложнением социальной структуры обществ эпохи бронзы, возникновением древней религии (зороастризма), возведением крупных храмовых сооружений (Большой Синташтинский курган) и мемориалов в виде «степных пирамид» Каражартастас [Генинг и др. 1992: 360–374; Кукушкин и др. 2018: 107–108]. В экономической сфере освоение всего комплекса металлургического производства: от горного дела, металлообработки, до торговли (или обмена) бронзовыми изделиями. В историко-культурной сфере изобретение и распространение боевых колесниц [Новоженков 2012: 132].

«Страна городов» имеет длительность в пространстве и времени и в структуре ее оседлых памятников присутствуют все признаки понятия «город», выделенные для земледельческих цивилизаций [Андреев 1987: 7; Зданович Г.Б. 2020: 15]. Но трактовка их как центров административного управления, как культовых, хозяйственных центров определенной округи вызывает у историков отрицание. Им отказано в статусе раннего города степной зоны. Главным доводом является утверждение, что города возникли не на местной основе, не формировались постепенно из поселений. Само появление этих городов носит неожиданный «взрывной» характер и они привнесены в результате миграции из передовых земледельческих центров Передней Азии. На Южный Урал их привел поиск рудных богатств [Григорьев 1996: 83, 86].

Событие, которое относится к явлениям эпохального уровня, не вписывается в концептуальные установки исторической науки о периферийности и отсталости евразийской степи. Появление, распространение и концентрация таких поселков на рубеже III–II тыс. до н.э. в глубинном районе степного континента можно трактовать как начало зарождения раннегосударственных образований в виде номовых городов-государств, известных по истории Древнего мира. В таком случае выясняется, что это были почти синхронные процессы, развитие которых приходится на конец III тыс. до н.э. (В серии радиоуглеродных дат «Страны городов» есть группа дат в пределах XXI–XX вв. до н.э.) [Зданович Г.Б. 1997: 60].

Градостроительная культура бронзового века не ограничивается только «Страной городов». В последние десятилетия в азиатской части Евразии открыты крупные стационарные объекты, размеры, планиграфия, фортификация которых не оставляют сомнения в отнесении их к экономическим, административным, культовым центрам эпохи. Это широко известное поселение Кент в Центральном Казахстане. Кент был центром огромной агломерации площадью более 30 га, включающей обширную сельскохозяйственную зону по двум берегам р. Кзылкенеш, поселения металлургов, кварталы ремесленников, культовые места, специальные площадки. В культурном слое находки импортной керамики, разнообразной металлической коллекции – свидетельство торгово-обменной деятельности жителей городища Кент [Варфоломеев 2011: 86–89].

В 1999–2003 гг. в Барабинской лесостепи исследован крупный поселенческо-погребальный комплекс Чича-1. Площадь его 50 000 м². При сложной системе фортификаций особо выделяется «цитадель», окруженная валом и рвом. Освоение площадки коренного берега озера началось в эпоху поздней бронзы (XIV в. до н.э.) в качестве святилища, культовой площадки [Чича 2009: 51–52, 72]. В поздней ирменское время была построена укрепленная «цитадель» с плотной внутренней застройкой. Территория постепенно расширялась, появлялись новые дуги оборонительных укреплений, но сохранялась строго продуманная планировка жилищ, распложенных рядами. Радиоуглеродные даты, керамика и предметы определяют время функционирования городища и некрополя XIV–VIII вв. до н.э. Сложная структура историко-культурного пространства организована сосуществованием двух культурных групп, организовавших две хозяйственные модели.

Более грандиозный объект – Семейское поселение протогородского типа XIV–XIII вв. до н.э. открыто на правом берегу Иртыша [Мерц 2017: 494–509]. Масштабность и сложная планировка позволяют считать его главным административным и культовым центром обширной территории юга Западной Сибири и Восточного Казахстана. Площадь памятника 6720 га, на его территории насчитывается 300 домов, в которых, по мнению исследователей, одновременно проживали 2000–2500 человек [Мерц 2017: 494, 498–499, 505].

Феномен градостроительства эпохи бронзы требует теоретического истолкования и концептуального признания, что история степных сообществ переживала периоды взлета и этапы цивилизационного развития. Эти этапы заложили генетический код цивилизационного ресурса проявлявшийся в последующие исторические эпохи.

Обсуждение

Следующий хронологический период интенсивного градообразования в степной зоне – средневековая эпоха. Средневековая городская культура достаточно полно изучена на территории Восточной Европы и Средней Азии. В последние десятилетия масштабный размах получили поиски и раскопки оседлых памятников на территории Центральной Азии. Сама тема градообразования зародилась в середине XX в. именно с раскопок древнемонгольских, уйгурских, хуннских городов Центральной Азии [Древнемонгольские города 1965; Кызласов 1981: 50, 52–53; 2006: 142–218].

Первые раскопки городов в Центральной Азии были осуществлены в 1947–1949 гг. советско-монгольской экспедицией под руководством С.В. Киселева. В результате двухлетних работ на территории городища Каракорум – столицы Монгольской империи исследовано 6000 м², изучена семиметровая стратиграфия культурных слоев, открыты ремесленные кварталы, дворцы, бассейны, жилища знати и рядового населения. Составлена схема размещения оседлых и культовых объектов в долине Далалха-Тала и доказано, что у кочевников были города [Древнемонгольские города 1965: 10–14]. В 50–70-е годы XX в. расширяется диапазон историко-культурных, хронологических исследований стационарных памятников Центральной Азии.

В новом тысячелетии археологические работы по изучению городской культуры на территории Центральной Азии приобрели масштабный характер. Региональные и международные археологические экспедиции ведут целенаправленные поиски на территории Тувы, Монголии, Дальнего Востока, Прибайкалья. Проводятся сплошные обследования с целью составления свода памятников, региональные маршруты с целью выявления этнокультурных массивов городов, их хронологического членения, районирования [Данилов 2014: 205; Харинский 2015: 6].

В результате к настоящему времени на археологическую карту нанесены сотни стационарных объектов, накоплен огромный объем информации по степной урбанизации в средневековых империях Центральной Азии [Кызласов 2006: 142–208; Крадин, Ивлиев 2014: 65–79]. Публикуются материалы раскопок различных видов городской культуры (столиц, поселений, святилищ, дворцов, пограничных крепостей, факторий) [Харинский 2015: 6; Данилов и др. 2016: 74–93; Чжан Цяньлинь 2012: 29–31; Крадин, Ивлиев 2014: 101–105]. Обращается внимание на типологическое многообразие городов, связанное с их основной функцией, разрабатываются факторы и механизм происхождения городов, топографические особенности их расположения, своеобразие фортификации, планировки. Археологический материал сопоставляется с данными письменных источников.

Несмотря на огромный объем археологических открытий, в исторической науке сохраняются прежние оценки социокультурных достижений кочевников: «<...> город и кочевничество несовместимы» <...> «кочевниковеды не могут создать адекватную методологическую концепцию <...>» [Иванов 2012: 113]; «<...> При всех обстоятельствах – строителями и основным населением городов были не сами кочевники, а иноэтничные выходцы из оседлых стран» [Хазанов 2004: 324]. Т.о., сохраняется проблемная ситуация раздельного самостоятельного развития исторической теории и новых археологических знаний. Они не включаются в процесс историзации. Наблюдается информационная блокада кочевой культуры западноцентризмом.

Результаты

Критерии понятия «город» не соответствуют в полной мере городам средневековых степных империй Азии. Причина кроется в *факторе пространственного образа и непривычной планировочной структуре городов кочевых империй*. Пространственный образ по европейским меркам – это небольшая плотно застроенная территория обнесенная крепостными стенами. Город в Азии имеет разреженную протяженность и не соотносится с «точечным» европейским стандартом. В этом смысле показательна история длительных поисков и атрибуции столицы Монгольской империи – г. Каракорума.

Оказалось, что город занимает всю территорию Орхонской долины протяженностью в несколько десятков километров. Планиграфически Каракорум сочетает в себе структуру оседлого торгово-ремесленного и земледельческого города с планировочными принципами кочевой ханской ставки. Город состоит из отдельных поселений ремесленников, торговцев и земледельцев, оседлых ставок знати, перемежавшихся пастбищами, огороженными пашнями, юрточными лагерями воинов. Только в таком составе столица-плацдарм могла представлять функционально полноценное образование городского типа [Ткачев 1987: 125–128].

Непривычная планировочная структура. Внутри киданьских, монгольских и центрально-казахстанских городов исследователи открыли обширные незастроенные участки. Первоначально их назначение было непонятно. Постепенно с накоплением материала стало ясно, что эти территории предназначены для размещения кочующих со двором хозяйственных, армейских и административных структур.

С традиционной точки зрения город должен отличаться замкнутой, компактной планировкой различных типов строений. Кочевники привнесли свое собственное понимание того, как должна быть организована архитектурная среда. Они переформатировали представления о внутригородском пространстве таким образом, чтобы город стал для кочевников реальным домом, местом, похожим на бескрайнюю степь [Крадин, Ивлиев 2014: 72, 82]. Именно поэтому в столичных городах, да и не только в них, имеются достаточно большие пространства, на которых не было произведено никаких масштабных строительных работ. Здесь можно было быстро и без проблем разбить огромный кочевой лагерь, чтобы через определенный промежуток времени снова отправиться в путь. На протяжении всей истории династии Ляо (907–1125 гг.) императорский двор в значительной степени оставался кочевым и перемещался в соответствии с сезонными перекочевками. Основные политические решения всегда принимались в юртах.

Своеобразием отличается *процесс формирования городской культуры*. По традиционной схеме в Европе города возникали вокруг замков феодалов. Постепенно разрастаясь, включали ремесленную, аграрную округу, и превращались в торговые центры. Города в Азии появлялись в местах сезонных ставок правителя, выбор которых был связан с родовыми святилищами, сакральными территориями. Постепенно эти остановки трансформировались в оседлые центры. Это правило характерно для всех кочевников. Например, царствующий двор Персидской державы в течение года совершал сезонные перекочевки: осень и зиму проводил в Вавилоне, лето – в Экбатанах, весну в Сузах, а время больших праздников – в Пасаргадах и Персеполе. Коронация и возведение на трон происходили в Пасаргадах [Дандамаев, Луконин 1980: 122]. Хотя Ахеменидская держава – крупное государство VI–IV вв. до н.э. со стабильной сетью городов, сатрапий, провинций, но традиции предшествующей кочевой жизни древних персов сохранились в сезонных перемещениях царского двора.

Выводы

Особенностью городской культуры кочевых империй было *многообразие типов городов*, выполнявших специализированные функции: храмовые, религиозные центры, где проходили ежегодные сборы для совершения обрядов и жертвоприношений, города – как хранилища государственных запасов, города как сакральные, церемониальные резиденции общегосударственного значения. Существование у гуннов, тюрков, киданей специально отведенных мест для жертвоприношений и обрядов зафиксировано и письменными источниками. У гуннов Центральной Азии одна из столиц – г. Лунчэн – являлась храмовым, религиозным центром, где проходили ежегодные сборы для совершения обрядов и жертвоприношений [Кызласов 2006: 145]. У киданей возле пяти столиц существовали особые места – храмы для поклонения Небу, Земле и Великому предку [Крадин, Ивлиев 2014: 66].

Своеобразие степного градостроительства обусловлено конкретными естественно-географическими и историко-культурными условиями, определившими формирование городов возле зимовок, в местностях, связанных с какими-то важными историческими событиями, чаще всего возле храмов, святилищ. Они не имели плотной застройки, длительных жилых конструкций, но всегда выделялись возведением храмов, поминальных сооружений вокруг которых формировалось свободное внутригородское пространство для быстрого размещения кочевого лагеря. Для большинства стационарных объектов характерна сезонность обитания, маломощность культурного слоя. Фортификация городищ не несла оборонительных функций, а отмечала особый тип оседлого памятника – святилище, культовый центр, храмовая площадка [Харинский 2015: 6; Хабдулина 2021: 233–234].

Города у кочевников были. Они возникают как престижные центры власти. Центры, через которые распространяется авторитет хана, шаньюя. Как пишет французский исследователь Жак Легран: «Город становится материализацией новых отношений внутри империи. Функция города кочевника – не место накопления, а центр рассеивания в общество влияния и богатства. Это отвечает логике кочевого пасторализма» [Легран 2004: 331–336].

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Ю.В. Ранние формы урбанизации // ВДИ. 1987. № 1. С. 3-18.
- Варфоломеев В.В. Кент — город бронзового века. Новые исследования в эпоху Независимости // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991–2011): сб. науч. статей / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК, 2011. С. 85-96.
- Генинг В.Ф. Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. № 4. С. 53-73.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Челябинск: Южно-Уральское Изд-во, 1992. 408 с.
- Григорьев С.А. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н.э. // Новое в археологии Южного Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. С.А. Григорьев. Челябинск: Изд-во «Рифей», 1996. С. 78-96.
- Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана / Ред. Н.Б. Кондырева. М.: Вост. лит., 1980. 415 с.
- Данилов С.В. Изучение городов кочевников Центральной Азии // Материалы V Междунар. науч. конф. (г. Кызыл, 15–19 сентября 2014 г.) / Отв. ред. Е.В. Айыжы, Р.Ш. Харунов. Кызыл: Тувинский гос. ун-т, 2014. С. 204-207.
- Данилов С.В., Именохоев Н.В., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., Очир А., Эрдэнэболд Э. Города эпохи хунну на востоке Монголии // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 17. С. 74-93.
- Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. 371 с.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 180 с.
- Зданович Г.Б. Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. 1997. № 2. С. 47-62.
- Зданович Г.Б. Аркаим. Археология укрепленных поселений: монография: в 2-х кн. Кн. 1: Жилища и жилое пространство / Г.Б. Зданович, Т.С. Малютина, Д.Г. Зданович. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2020. 450 с.
- Зданович Г.Б., Зданович Д.Г. Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: м-лы конф. Ч. V, кн. 1. Челябинск: Чел. гос. ун-т, 1995. С. 48-62.
- Иванов В.А. Степные миражи (к проблеме «кочевнических городов на Южном Урале») // Средневековая городская культура и кочевая цивилизация бассейна реки Урал: м-лы междунар. науч. конф. / Отв. ред. А.Е. Бижанова. Уральск, 2012. С. 113-128.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. История киданьской империи Ляо (907–1125). М.: Наука; Вост. лит., 2014. 351 с.
- Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Каражартас – новый социально-стратифицированный некрополь бегазы-дандыбаевской культуры (предварительные результаты исследования) // Археологические вести. 2018. Вып. 24. С. 102-109.

- Кызласов Л.Р.* Культура древних уйгур (VIII–IX вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. Серия: Археология СССР. М.: Наука, 1981. С. 52-54.
- Кызласов Л.Р.* Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: исторические и археологические исследования. М.: Вост. лит. РАН, 2006. 360 с.
- Легран Жак.* Кочевые формы городов в степных кочевых империях // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. М-лы Междунар. конф. Алматы: Дайк-пресс, 2004. С. 331-336.
- Массон В.М.* Типология древних городов и исторический процесс // Древние города: м-лы к Всесоюзн. конф. «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья» (Пенджикент, октябрь 1977 г.) / Отв. ред. В.М. Массон. Л.: Наука, 1977. С. 5-7.
- Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976. 191 с.
- Мерц В.К.* Семьярское поселение бронзового века в контексте проблемы формирования протогородской культуры в Верхнем Прииртышье // Улкен Алтай әлемі. Мир Большого Алтая. World of Great Altay. 2017. № 3 (4). С. 495-509.
- Новоженев В.А.* Андроновская изобразительная традиция: конец мифа? Методологический аспект // Археология и история Сарыарки: сб. науч. ст. / Отв. ред. В.Г. Ломан Караганда: Изд-во КарГУ, 2012. С. 114-145.
- Павленко Ю.В.* Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). Киев: Наукова думка, 1989. 288 с.
- Ткачев В.Н.* Столицы кочевников Центральной Азии // Информационный бюллетень, Специальный выпуск. М., 1987. С. 125-128.
- Хабдулина М.К.* Сакральный код древнетюркского городища Бозок (Центральный Казахстан) // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: м-лы XI Междунар. науч. конф. / Отв. ред. А.В. Поляков, М.Т. Кашуба, А.Д. Цыбиктаров. Абакан: ИИМК РАН, 2021. С. 230-236.
- Хазанов А.М.* Кочевники и города в евразийском степном регионе и соседних странах // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. М-лы Междунар. конф. Алматы: Дайк-пресс, 2004. С. 318-330.
- Харинский А.В.* Городища-святилища в структуре сакральных представлений древнего населения Предбайкалья // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «История». 2015. Т. 13. С. 6-17.
- Чжан Цзяньлинь.* Характеристика и время сооружения крепости Пор-Бажын в Туве // История и культура средневековых народов степной Евразии: М-лы II Междунар. Конгресса средневековой археологии Евразийских степей (г. Барнаул, сентябрь 2012 г.) / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: изд-во АлтГУ, 2012. С. 29-33.
- Чича –* городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / Отв. ред. В.И. Молодин, Г. Парцингер. Новосибирск; Берлин: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. Т. 3. 248 с.

И. Л. Кызласов

Игорь Леонидович Кызласов,
Институт археологии РАН,
г. Москва, Россия; kyzlasovil@mail.ru

Почитание военной аристократии в раннем средневековье: свидетельства последующего посещения тюркских мемориалов*

Аннотация. В раннесредневековых государствах степной и лесостепной Евразии правящую аристократию отличали лично-семейные тамги, характеризовавшие каждого и в деталях изменявшие свой вид по поколениям. Их размещение на камнях и скалах Верхнего и Среднего Енисея выявляют земельные владения внутри возглавлявшегося родом Кыргыз Древнехакасского государства IX–X вв. В Центральной Азии семейно-личные тамги родов Ашина и Яглакар, вторично выбитые на стелах и скульптурах тюркских мемориалов и на уйгурском памятнике Шине-Усу, свидетельствуют, что эти объекты не раз посещались в VIII и IX вв. представителями как самих древнетюркских, так и последующих властителей Монголии – древними уйгурами или древними хакасами. В почитании мемориалов выражалось самосознание аристократии, понимание ее сословного единства, неразделяемого национальными и государственными границами.

Ключевые слова: тюркоязычные государства VIII–X веков, лично-семейные тамги, мемориалы, самосознание аристократии

Игорь Леонидович Кызласов,
РФА Археология институты, Москва қ., Ресей

Ерте ортағасырлардағы әскери ақсүйектерді құрметтеу: түркі мемориалдарына кейіннен бару мәліметтері

Аннотация. Еуразияның далалық және орманды-далалық ерте ортағасырлық мемлекеттерінде басқарушы ақсүйектерді жеке-отбасылық таңбалар ерекшелеп, әрқайсысын сипаттап, ұрпақтарына қарай өз түрлерін өзгерткен. Олардың жоғарғы және орта Енисейдің тастары мен жартастарына орналастырылуы IX–X ғғ. Қырғыз руынан тараған ежелгі Хакас мемлекетінің ішінен басқарған жер иеліктерін анықтайды. Орталық Азиядағы Ашина мен Яглакар руларының отбасылық-жеке таңбаларының түркі ескерткіштерінің скульптурасы мен стелаларында және Шине-Усу ұйғыр ескерткішінде екінші рет ойылып салынуы, бұл объектілерге VIII және IX ғасырларда ежелгі түркілердің өздері де, Моңғолияның кейінгі билеушілері де – ежелгі ұйғырлар немесе ежелгі хакастар да бірнеше рет барғанын куәландырады. Ескерткіштерді құрметтеу ақсүйектердің өзін-өзі тануын, оның ұлттық және мемлекеттік шекаралармен бөлінбейтін таптық бірлігін түсінуді білдірді.

Түйін сөздер: VIII–X ғасырлардағы түркі тілді мемлекеттер, жеке-отбасылық таңбалар, ескерткіштер, ақсүйектіктің өзіндік санасы

Igor Kyzlasov,
Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

Veneration of the military aristocracy in the early Middle Ages: evidence of subsequent visits to Turkic memorials

Abstract. In the early medieval states of steppe and forest-steppe Eurasia, the ruling aristocracy was distinguished by personal-family tamgas that characterized everyone and changed their appearance in detail over generations.

© 2022 Кызласов И.Л.

*Работа выполнена в рамках Государственного задания Института археологии РАН № НИОКТР 122011200266-3.

Their placement on the rocks and hills of the Upper and Middle Yenisei reveal the land holdings within the Kyrgyz-headed Ancient Khakass state of the 9th-10th centuries. In Central Asia, the family and personal tamgas of the Ashina and Yaglakar clans, secondarily carved on the steles and sculptures of Turkic memorials and on the Uighur monument to Shin-Ussu, indicate that these objects were visited more than once in the 8th and 9th centuries by representatives of both the ancient Turkic and subsequent rulers of Mongolia – ancient Uighurs or ancient Khakass. The self-consciousness of the aristocracy, the understanding of its class unity, inseparable by national and state borders, was expressed in the veneration of memorials.

Keywords: Turkic-speaking states, 8th–10th centuries, family and personal tamgas, memorials, self-consciousness of the aristocracy

В августе 2021 г. исполнилось 300 лет со дня обнаружения российской, а потому и мировой наукой памятников так называемой древнетюркской рунической письменности. В 1721 г. Д.Г. Мессершмидт встретил в Хакасии стелу, покрытую знаками самобытного енисейского письма. С тех пор выяснилось, что такие памятники ставили у курганов князей VIII – начала XI в. Согласно классическому древнехакасскому обряду, камнеписные строки содержали слова горестного плача самого умершего. Потому в начале текста стояло имя покинувшего этот мир героя и высекалась его личная тамга. Иногда называлось имя его отца и деда.

I. В 1950-е гг. Л.Р. Кызласов отыскал эпитафии отцов и сыновей, в одном случае – деда, отца и внука (рунические памятники Е 3, Е 43 и Е 44), сопоставил их тамги и, поняв законы графических изменений знаков по поколениям, к 1960 г. определил и обосновал лично-семейную принадлежность шести групп таких символов. Тамги составили генеалогические древа отдельных аристократических семей до 6–7 поколений (рис. 1). Картографирование этих групп (с дополнением форм, вырезанных на скалах) обрисовало на Верхнем Енисее земли шести наследственных владений IX–X вв. и, доказывая прямые родственные связи, указало, откуда пришли в Туву князья-основатели этих династий [Кызласов Л.Р. 1960; 1965].

Основу исследования составила замеченная Л.Р. Кызласовым особенность древнехакасской геральдики: всякий раз сын сохранял форму отцовской тамги, лишь дополняя ее одним графическим элементом. Обычно это был новый, добавляемый штрих. Благодаря проведенной типологии собранных знаков, каждая новая тамга занимала свое место в цепи поколений, а графический облик недостающих звеньев мог быть надежно восстановлен (рис. 1, III, 6, V, 9).

Так была открыта лично-семейная принадлежность тамговых знаков южносибирского Древнехакасского государства.

II. Вслед за Тувинской котловиной подобное изучение было проведено на землях Среднего Енисея [Кызласов И.Л. 2019а: 172, 173, рис. 22] и начато в отношении тамгового материала тюркоязычного населения Алтая и Монголии [Кызласов И.Л. 2004: 115, 116, рис. 5–10]. Тамговые знаки аристократического тюркского рода Ашина, вырезанные на мемориалах Второго Восточнотюркского каганата (682–745 гг.) в виде гербовых козликов, принадлежали к одной семейной линии с Кюль-тегином и Бильге-каганом (рис. 2, 3, 4) и, изменяясь по уже известному нам закону, показали тот же лично-семейный характер, выстроив родословное древо в 4–5 поколений. Эти генеалогические цепочки обнаружили кровные связи и, среди прочего, указали тамгу самого Эльтерес-кагана, в 682 г. возродившего Восточнотюркское государство (рис. 2, 1).

Тем же законам подчинялись тамги Уйгурского каганата середины VIII – середины IX в. Каганская бутоновидная тамга венчает единственный уцелевший памятник Шине-Усу – стелу Моюн-чур (Баян-чора) (рис. 3, I). Этим знаком, как увидим, сам владыка отметился и на плите в Шивет-Улане. Там же позднее вырезал свой знак и его прямой потомок, проявив этим для нас

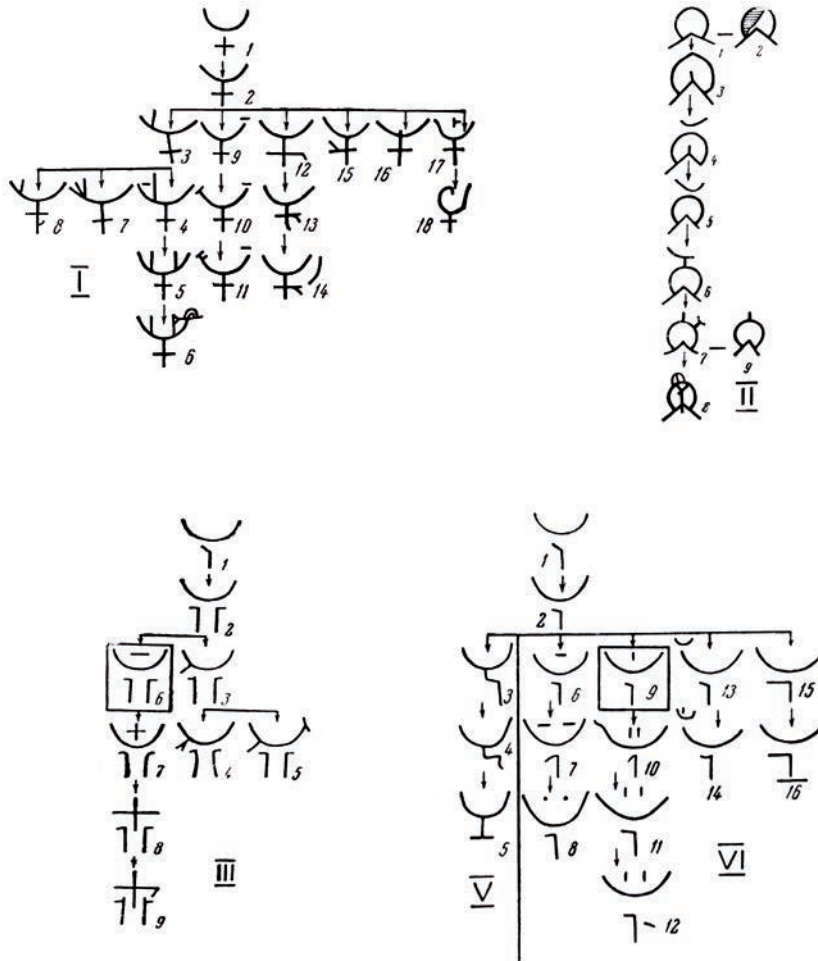

Рис. 1. Изменения по поколениям I, II, III, V и VI групп древнехакасских лично-семейных тамг. Хакасско-Минусинская и Тувинская котловины. В рамке – умозрительно восстановленные формы знаков (по: [Кызласов Л.Р. 1965])

принцип графического развития лично-семейных тамг правящего уйгурского рода Яглакар через добавление нового графического элемента к сохраняемому символу прямого предка.

Из другой аристократической семьи, владевшей тамгами в виде широкой дуги на прямом основании, происходили резчики двух памятных стел Уйгурского каганата — Терхинской и Моюн-чура (50–60-гг. VIII в.). Добавив к ним подобные знаки, вырезанные на скале Дэл-ула (Монголия), получаем цепь семейных отметок наследственных создателей орхонских стел в 4-х поколениях, то есть не менее чем за столетие (рис. 3, II). Третий тип тамг уйгурской аристократии – круг с противоположащими отводками. Самый графически сложный знак этого типа позднее высечен слева от каганской тамги на вершине той же стелы Моюн-чура (759/760 г.). Гербовые знаки этой безымянной для нас семьи ныне представляют пять поколений (рис. 3, III). Ряд недостающих форм может быть

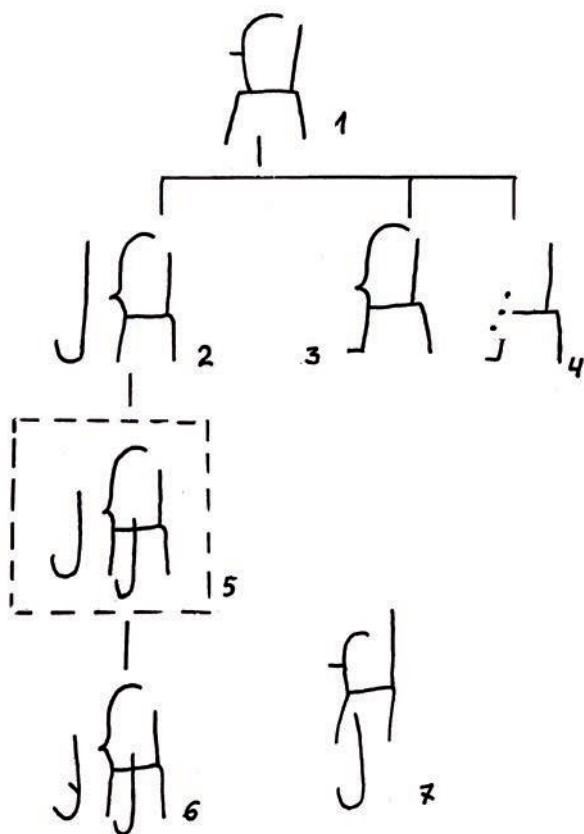

Рис. 2. Тамговое древо династийного рода Второго Восточнотюркского каганата: 1 – Унгету; Шивет-Улан, лев; Онгин, скульптура; мемориал Кюль-тегина, скульптура; Асхете; 2 – Онгин, малая стела (дважды); балбал; 3 – стела Кюль-тегина; Кошо-Цайдам III, скульптура; 4 – стела Бильге-кагана; 5 – форма, воссозданная автором; 6 – Онгин, большая стела; 7 – Кошо-Цайдам III, скульптура

98, № 7, илл. 78], на спине изваяния из Унгету (рис. 4, 4) [Войтов 1987: 97, № 16, рис. 3, 4, 5, 1], на левых бедрах двух каменных изображений львов в Шивет-Улане (рис. 5, 2, 3) [ОЕТА 2005: 79, 82, 83, № 1, 18-сур.; АОП 2006: 78, 79, 82, 83, № 1, илл. 44; Базылхан 2005: жап. 9; Самашев и др. 2010: 23, рис. 23; 2016: 16, рис. 13, 140, 141, 195, 196] и на поминальной плите в Асхете (рис. 5, 3, 4) [Радлов 1892: табл. XV, 2; XXVI, 3; 1896: табл. LXXXIV, 1, 2; Войтов 1987: рис. 67].

Тамги следующего поколения Ашина представлены двумя линиями. Первая (рис. 2, 2) трижды отмечена на Онгинском мемориале: выбита с обеих сторон – на передней и задней – на вершине малой стелы, а также у основания головного балбала. Представитель этой же мужской линии отмечился на животе изваяния на поминальнике Кошо-Цайдам III (рис. 4, 3). Быть может, два

восстановлен закономерным умозрительным дополнением вида ненайденных пока знаков типа Шине-Усу.

Установив этот принцип видоизменения лично-семейных тамг Южной Сибири и Центральной Азии¹, оказавшийся общим для всей раннесредневековой степной и лесостепной зоны Евразии вплоть до Вислы и Одры [Кызласов И.Л. 2021а], рассмотрим материалы, предоставляемые аристократическими мемориалами тюркоязычных государств, отличавшихся самобытной рунической орхонописьменной традицией.

III. Помимо лично-семейных тамг, обозначающих конкретных аристократов и потому вырезанных на вершинах посвященных им памятных стел одновременно с надписями, на мемориалах народа тюрков известны иные случаи употребления таких гербовых знаков. Во всех этих случаях тамги вторичны, нанесены на уже стоявшие статуи и камни.

Так, в комплексе Кюль-тегина тамга, начинающая генеалогическое древо рода (рис. 3, 1) была выбита ниже лица изваяния (рис. 4, 1, 2) [Радлов 1892: табл. XI, 9] (ныне уцелела только голова [ОЕТА 2005: 147, 169, № 14, 36-сур.; АОП 2006: 129, № 14, илл. 135]). Такой же знак был изображен еще пять раз – ниже груди не сохранившейся антропоморфной скульптуры Онгинского мемориала (рис. 5, 1) [Радлов 1892: табл. XIV, 3; ОЕТА 2005: 98, № 7, 20-сур.; АОП 2006: 97,

¹ Это понятие употребляется мною в рамках русской географической традиции, основанной на водоразделах, постоянных естественных рубежах, а не на западноевропейских историко-культурных показателях, изменчивых во времени.

графических элемента этой тамги оказались разделены по вертикали из-за узости занятого поля, тогда перед нами не особая (рис. 2, 7), а та же форма, что на малой стеле Онгина (рис. 2, 2). Ко второй ветви рода принадлежали два брата – Кюль-тегин и Бильге-каган (рис. 2, 3, 4). Помимо именной памятной стелы, тамга Кюль-тегина вырезана на балбале комплекса Кошо-Цайдам III (рис. 5, 6).

Как видим, во всех указанных случаях тамги именитых представителей двух поколений правящего древнетюркского рода Ашина были нанесены на самые разные объекты мемориальных комплексов. Допустимо думать, что таковы личные отметки, оставленные при их посещении. И если пребывание двух младших членов династии на памятном сооружении Кошо-Цайдам III не кажется особенно удивительным, то допущение, что их прямой родственник отцовского поколения (едва ли не сам Эльтерес-каган) навесил пять мемориалов разных лиц, может вызвать сомнение. Особенно невероятным выглядит в этом случае его посещение памятника Кюль-тегина.

Однако сравнение скульптур, установленных на этом ритуальном сооружении, указывает на их разнородность. Одни изготовлены мастерски, другие примитивны. Первые, согласно тексту на стеле, были изваяны китайскими умельцами и составили ритуальную аллею (см. фигуры: [ОЕТА 2005: 152–163, 23-32-сур.; АОП 2006: илл. 118–120, 122–130]), иные принадлежат к местной архаичной традиции и указанных рядов не составляли [ОЕТА 2005: 164–169, № 14, 33-36-сур.; АОП 2006: илл. 131–135]. Именно к последним относится антропоморфное изваяние, отмеченное указанной тамгой (рис. 4, 4). Вторичность использования на мемориале Кюль-тегина этих скульптур, перемещенных с иных поминальных комплексов, где они первоначально стояли, вполне очевидна. Эти статуи не принадлежат к классическому канону древнетюркских изваяний VI–VIII вв. На иные обрядовые нормы указывает положение рук, сложенных на груди, изображенное на многих из них, как

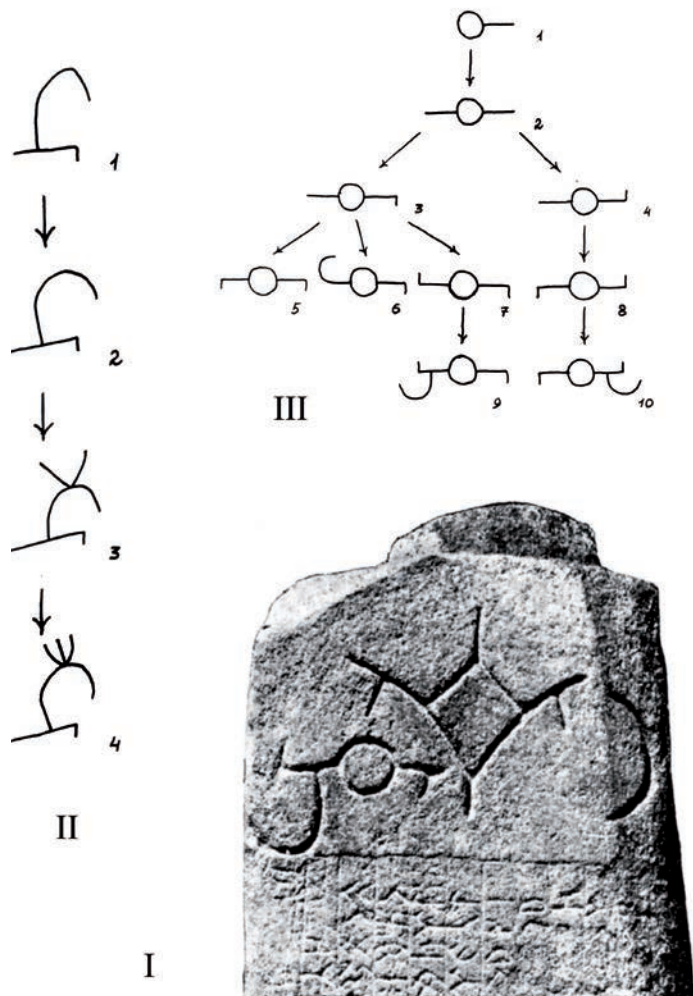

Рис. 3. Тамги Уйгурского каганата: I – стела Моюн-чуря; II – знаки создателей младших орхонских надписей (1–3, 6 – гора Дэл-ула; 4 – Дэл-ула и стела Моюн-чуря); III – развитие тамг третьего типа (1, 10 – скала с надписью Тэс I; 2–4, 7, 8 – воссоздаваемые знаки; 5 – Шарбулак I; 9 – стела Моюн-чуря)

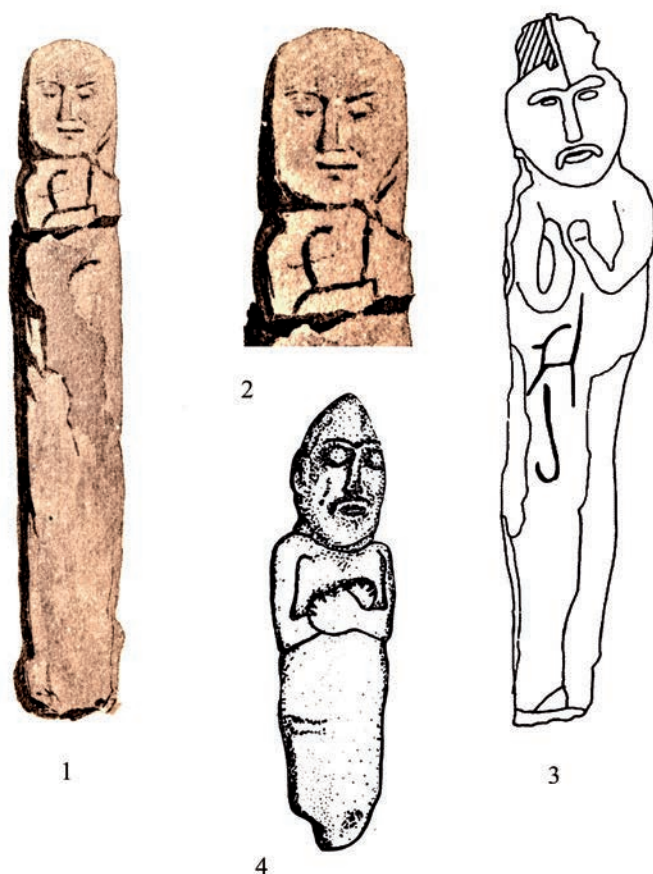

Рис. 4. Статуи с тамгами рода Ашина:
1, 2 – мемориал Кюль-тегина, скульптура
(по: [Радлов 1892]);
3 – Кошо-Цайдам III (по: [АОП]); 4 – Унгету, знак на спине
(по: [Войтов 1987])

у скульптуры с тамгой (рис. 4, 4) [ОЕТА 2005: 164, 165, 33-сур.; АОП 2006: илл. 131]. Изучение комплекса Унгету, пережившего два этапа существования, показало бытование этих монументов ранее Тюркских каганатов, при которых прежний мемориал подвергся разрушению и перестройке. Проводившие раскопки археологи Д. Баяр и В.Е. Войтов [Войтов 1987: 92–108, 327–320, рис. 1–4] обнаружили 34 антропоморфных скульптуры этого иконографического типа трех разновидностей. Неслучайно, как говорилось, интересующая нас тамга Второго Восточнотюркского каганата оказалась в Унгету на спине одного из изваяний. В VIII в. многоразовое использование тюркскими аристократами комплексов, возведенных в память своих прямых предков, подтверждают письменные стелы деда и внука, установленные в семейном Онгинском мемориале (рис. 2, 2, б) (историографию вопроса см.: [Войтов 1989]).

Перед нами не случайность. В Онгинском комплексе на одном из двух известных ныне науке отмеченных краткими текстами балбалов, надпись $\Gamma \downarrow \downarrow \downarrow \downarrow \downarrow \downarrow \downarrow \downarrow \downarrow \downarrow$ (i)šb(a)r[a] t(a)rq(a)n b(a)lb(a)li (первое слово может читаться и как s(a)br[a] или, с большими основаниями, išvara [Малов 1959; 8,

9, 102; Древнетюркский словарь 1969; 220, 479; ср.: Clauson 1957: 182, 188]), вероятно, также нанесена не создателем текста большой поминальной стелы. На это указывает орфографическая ошибка, допущенная на балбале – пропуск конечной руны $\downarrow a$ в первом слове, дважды верно написанном на основном камне в строке 4². Тамга на балбале тождественна знаку малой стелы (рис. 6, 1), т. е. принадлежит деду героя большой надписи (рис. 2, 2, 5, 6), т. е. нанесена ранее нее. Сохранившаяся стела с большим текстом – самая поздняя на Онгинском мемориале³.

² Загадочна запись надписи на балбале, сделанная С. Пяльси в 1909 г. и постоянно используемая исследователями [Войтов 1989: рис. 2, 6; ОЕТА 2005: 96, 6в-сур.; АОП: илл. 63, г] (рис. 6, 1). В ней нижняя часть руны t^1 показана ромбом, в то время как эстампаж Н.М. Ядринцева ясно фиксирует овал – δ [Радлов 1896: табл. LXXXIII, 5].

³ Иное мнение, возникшее без учета закономерности развития тамговых знаков, см.: [Войтов 1989: 48; 1996: 32].

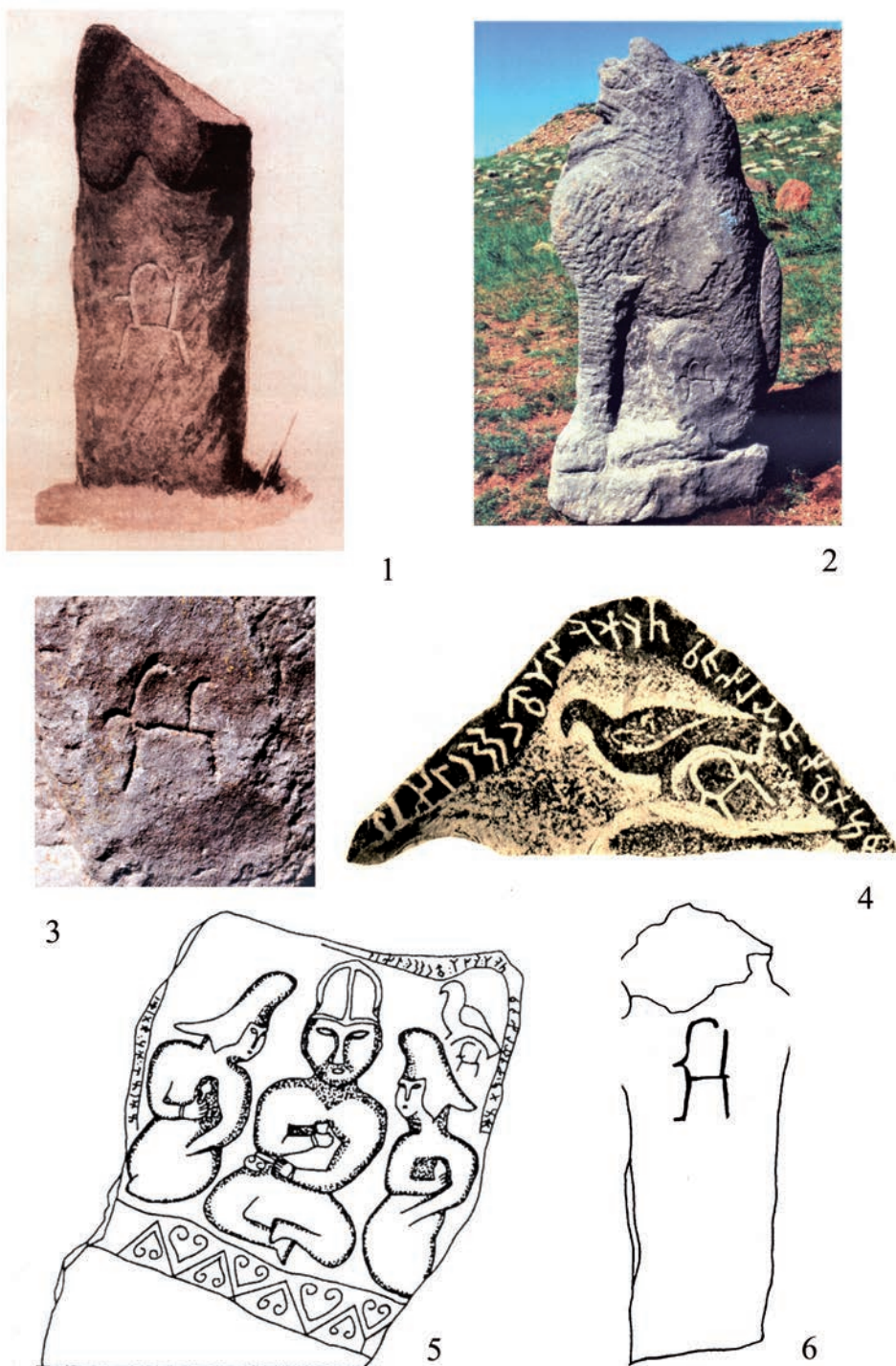

Рис. 5. Тамги Ашина на скульптурах, плите и камне: 1 – Онгин (по: [Радлов 1892]);
2, 3 (деталь) – Шивет-Улан (по: [Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. 2010]);
4, 5 – Асхете (по: [Войтов 1987, Радлов 1896]); 6 – Кошо-Цайдам III (по: [АОП])

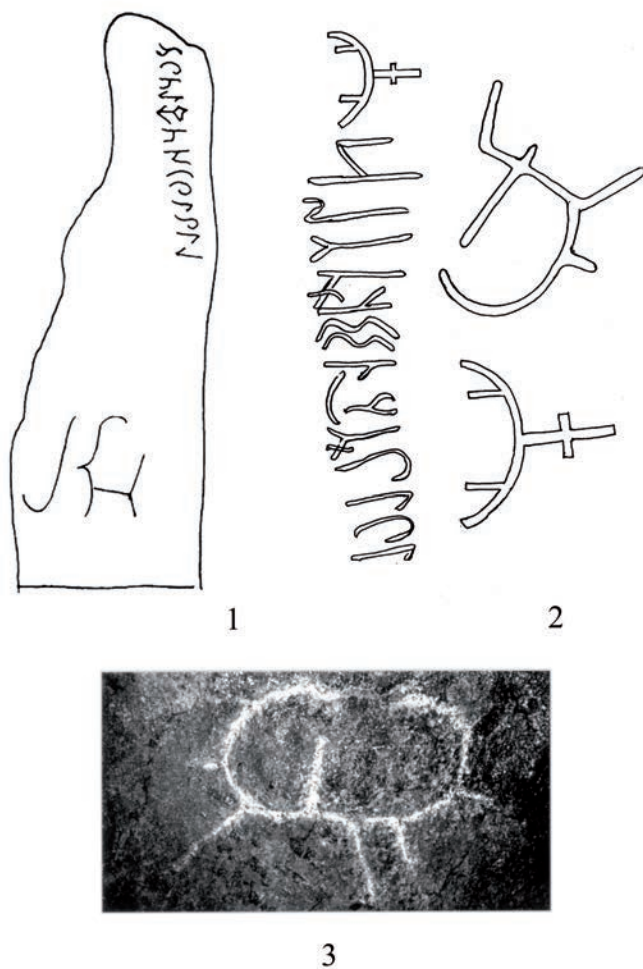

Рис. 6. Надписи и тамги на балбалах: 1 – Онгин (по: [АОП (прорисовка С. Пяльси)]); 2 – мемориал Бильге-кагана (по: [АОП]); 3 – мемориал Бильге-кагана, тамги боковой стороны (тонируется) (по: [Самашев З. и др. 2010])

[Кызласов И.Л. 2004: рис. 7; 10]). Тамга самого Моюн-чура выбита у правого края стелы, верхняя бутоновидная тамга Шивет-Улана принадлежит его потомку, т. к., судя по графическому облику, так же позднее его личного знака⁵ (рис. 8, 1).

⁴Показанные на этой прорисовке знаки на вершине стелы (тамга рода Ашина в виде козлика, круг с противоположащими чертами и др.) недостоверны (вариант рисунка, увы, некритично использован В.Е. Войтовым [Войтов 1996: рис. 55]. Вид вершины стелы см.: [Самашев 2016: рис. 14–22; Самашев и др. 2016: 33 сл., рис. 15, 120–125]).

⁵Знающим облик тамги Моюн-чура не составляет труда выделить подобные уйгурские тамги на стеле Шивет-Улана. На личном экземпляре публикации под ретушированную фотографию стелы, сделанную Ц. Доржсурэном в 1956 г. [Aalto 1958: 81], Л.Р. Кызласов вынес карандашные рисунки обеих ромбических тамг памятника, отметив рядом: «– заведомо уйгурские тамги VIII–IX вв. Ср. тамгу Моюн-чура!».

IV. Классические тюркские мемориалы содержат свидетельства их посещения не только представителями самих древнетюркских, но и последующих иных аристократических семей, господствующих в этих землях позднее, во времена Уйгурского каганата.

Так, на балбалах комплекса Гиндин-Булак и Бугутского мемориала, сооруженных во время Первого Тюркского каганата [Войтов 1996: рис. 54, 2, 4; ОЕТА 2005: 50, 11-сур., 65, 2-сур.; АОП 2006: илл. 15], как и на знаменитой стеле Шивет-Улан (рис. 7), относимой к концу VII в. [Войтов 1996: 28, А6, 30; ОЕТА 2005: 73, 8-сур.; АОП 2006: илл. 32, 33], высеченные тамги в виде круга с отходящей коленчатой линией (Гиндин-Булак), бутоновидных ромбов с отводками и дуг с прямым основанием (рис. 3, I–III; 8, 1) [Базылхан 2005: жап. 3, 4; АОП 2006: илл. 33⁴; Самашев и др. 2010: рис. 38; Самашев 2016: рис. 12–14, 20, 21, 22, 1, 2, 13, 14, 26, 31; Самашев и др. 2016: рис. 120–125, 134, 136, 137, 1, 2, 13, 14, 26, 31], вопреки распространенному мнению, не принадлежат времени Тюркских каганатов, а нанесены в эпоху Уйгурского каганата (745–840 гг.). Знаки в виде кольца с противоположащими чертами оказываются позднее 760 г., т. к. один из их ряда вместе с другим боковым знаком вторично добавлен к основной тамге на установленной в тот год стеле Моюн-чура (Баян-чора) (рис. 3, I, III) (ср.:

К сожалению, нет публикаций эстампажей, но сравнивая прорисовки и фотоснимки, приходишь к выводу, что в мемориале Бильге-кагана на широкой боковой стороне того балбала, который наделен рунической надписью, рядом с гербовым знаком рода Ашина (в виде горного козла) справа нанесена уйгурская тамга позднего типа (IX в.) (рис. 6, 2, 3) [Кляшторный 1976: рис. 2; Самашев и др. 2010: рис. 52, верх (тонируется)]. О посещении памятника в эпоху Уйгурского каганата свидетельствует и сама нанесенная на балбал надпись $\Gamma \downarrow \downarrow \downarrow \downarrow \downarrow \Upsilon \uparrow \Upsilon \downarrow \downarrow \downarrow (\downarrow ? \sim) \Upsilon \downarrow \Upsilon \downarrow \downarrow \downarrow$ $t\ddot{o}l(e)\check{s}(a) d(i)\eta t(a)\check{s} b(a)l(b)a\check{l}i$ «Каменный балбал Тёлеш-шада». Вопреки прорисовке В.В. Радлова, сделанной на основе снятого экспедицией эстампажа (письменные знаки повреждены и поверхность неровна – [Радлов 1892: табл. XXVI, 6, 7], ср. фото: [Inscriptions 1892: Tab. 40; Кляшторный 1978: 254, рис. 3; Базылхан 2005: жап. 40]), 4-я, 8-я и 9-я буквы надписи иначе воспринимались исследователями, работавшими с памятником позднее. Следуя их материалам (рис. 6, 2) [Кляшторный 1978: 254, рис. 2, 3; ОЕТА 2005: 252, 34-сур.; АОП 2006: илл. 222], придется признать: руны на этом камне не одновременны тексту основной стелы мемориала, посвященной Бильге-кагану. Те относятся к старшему орхонскому письму Второго Восточнотюркского каганата, в то время как строка на балбале начертана младшей орхонской письменностью, отличавшей каганат Уйгурский и турфанское княжество Кочо (см. форму рун $\uparrow t^1$ и $\Upsilon \check{s}^1$, ср. со знаком δt^1 онгинского балбала старшего письма – прим. 4 выше). Палеографические отличия двух стадий бытования орхонского алфавита (старшего и младшего), были выделены в отдельной работе [Кызласов И.Л. 1994: 82, 83, 92, табл. XXV, Б, 5, 6]. Здесь важно отметить, что надпись на балбале нанесена значительно позднее эпитафии того же мемориала.

V. С падением Уйгурского каганата, на тюркских мемориалах не раз бывали и оставляли свои личные отметки аристократы-соратники Кыргыз-кагана, завоевавшего земли современной Монголии, предводители Древнехакасского государства. Так, согласно одной из прорисовок, помимо оговоренных свидетельств посещения комплекса Бильге-кагана уйгурами, балбал Тёлеш-шада выше строки рун несет еще и древнехакасскую тамгу середины X в. (рис. 6, 2) [ОЕТА 2005: 252, 34-сур.; АОП 2006: илл. 222]; ср. аналогии: [Кызласов Л.П. 1960: рис. 9, 6; 1965: 45, № 8, рис. 1, 5]. Обозначенная здесь и выше эпиграфическая ситуация с балбалом мемориала Бильге-кагана требует изучения подлинника.

Рис. 7. Стела комплекса Шивет-Улан
(по: [Самашев и др. 2006])

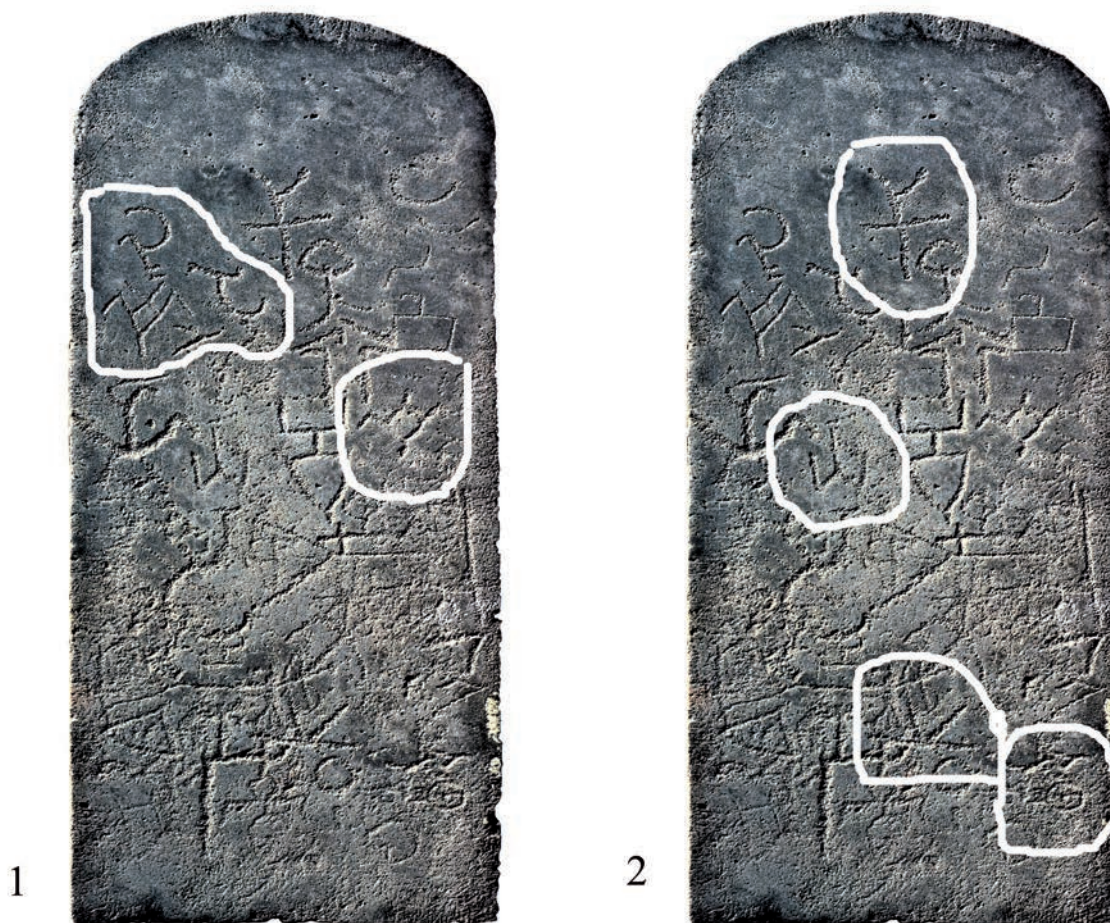

Рис. 8. Стела комплекса Шивет-Улан. Размещение уйгурских (1) и древнехакасских (2) знаков

На стеле комплекса Шивет-Улан нанесено много гербовых знаков (пишут, более 60 [Войтов 1996: 88]; так ли?) (рис. 7). Наравне с тюркскими и уйгурскими тамгами VIII в., о которых уже шла речь, у основания камня выбиты по крайней мере два древнехакасских фамильно-личных герба IX–X столетий (рис. 8, 2) [Самашев 2016: рис. 15, 16, 19, 22, 21-22а; Самашев и др. 2016: рис. 122, 125, 127, 133, 137, 21-22а – оставшиеся неузнанными]. Левая тамга (угол на горизонтальной черте) в Хакасии отличает бывших владельцев р. Камышта (хак. Камыстығ Ӧӧк, левый приток р. Абакан) (полевые материалы автора). Усложняясь по поколениям и сопровождаемые енисейскими руническими надписями, тамги этого типа в итоге войны 820–840 гг. продвигаются вместе со своими носителями в Тувинскую котловину [Кызласов Л.Р. 1965: рис. 15, 18] и Монголию [Самашев и др. 2010: рис. 39; Базылхан 2005: жап. 94]. Вторая тамга (круг с точкой и крылышками) – лично-семейный знак ряда поколений княжества в Северной Хакасии той же эпохи (рис. 9; 10) [Кызласов И.Л. 2000; 2019а: 172, 173, рис. 22]. Стадиально наиболее поздней древнехакасской отметкой на плите Шивет-Улан является тесно размещенная ближе к центру краткая енисейская надпись из одной буквы Υr^2 , судя

по развороту руны, нанесенная уже на упавшую плиту (рис. 8, 2). О бытовании подобных надписей, состоящих из одной буквы и отличавших носителей манихейской веры, см.: [Кызласов И.Л. 2019б; 2021б: 78, рис. 7]. Вполне вероятно, что на рассматриваемой стеле есть и четвертый тамговый знак, оставленный аристократом Кыргызского каганата. Таково изображение угла со свисающим крестом, расположенное на вершине камня (рис. 8, 2). Однако именно угловатость верхней части, в древнехакасской символике обычно выражавшаяся широкой дугой (см. выше о знаке на балбале, рис. 6, 2), побуждает пока воздержаться от уверенного определения.

Таким образом, многочисленные тамги, вторично выбитые на стелах и скульптурах тюркских мемориальных комплексов Кюль-тегина, Онгинском, Шивет-Улан, Кошо-Цайдам III, а также на уйгурском памятнике Шине-Усу, как и орхонские рунические надписи на балбалах, свидетельствуют о том, что все эти объекты не только не разрушались последующими раннесредневековыми тюркоязычными властителями Монголии – древними уйгурами или древними хакасами, как это нередко утверждается в литературе, но почитались и не раз посещались в VIII и IX вв. Первоначальные проявления этой общей для воинской аристократии традиции прослежены для знати самого Второго Восточнотюркского каганата.

Рис. 9. Енисейская руническая надпись и тамга близ оз. Фыркалы (Хакасия). Фото автора

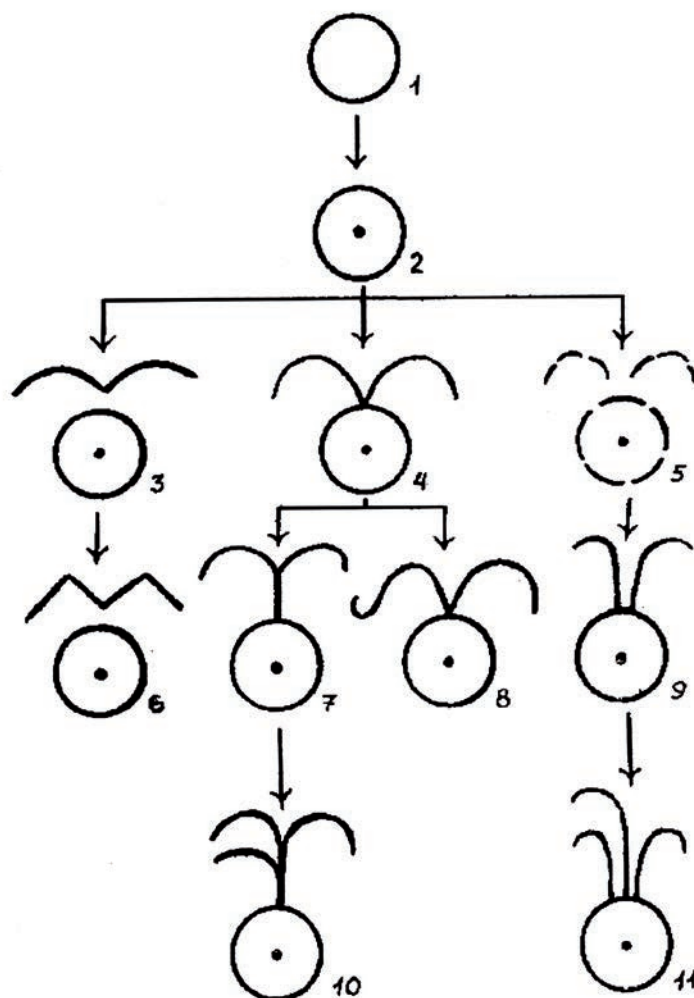

Рис. 10. Северная Хакасия. Семейное тамговое древо шести поколений предков и потомков автора Фыркальской надписи, номер его знака 4

В почитании мемориалов выразилось самосознание аристократии того времени, понимание ею своего общественного статуса и признание сословного единства, неразделяемого национальными и государственными границами. Надо думать, все это воспринималось как особенность мироустройства.

ЛИТЕРАТУРА

- Базылхан Н. Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері. II том. Көне түрік бітіктастары мен ескерткіштері (Орхон, Енисей, Талас). Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 252 б. + 144-бет жапсырма.
- Войтов В.Е. Каменные изваяния из Унгету // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1987. С. 92-109, 327-331.
- Войтов В.Е. Онгинский памятник. Проблемы культуроведческой интерпретации // Советская тюркология. 1989. № 3. С. 34-50.

- Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во Гос. музея Востока, 1996. 152 с.
- Древнетюркский словарь. Редакторы: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. LX+676 с.
- Кляшторный С.Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (К интерпретации Ихэ-Ханын-норской надписи) // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978. С. 238-255.
- Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Восточная литература РАН, 1994. 327 с.
- Кызласов И.Л. Фыркальская руническая надпись и ее тамга // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2000. Вып. IV. С. 69-75.
- Кызласов И.Л. Удаль витязя и благочестие попа (Шаханшах Варахран I, пророк Мани и рунические надписи горы Дэл-ула в Монголии) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.: ИА РАН, 2004. С. 104-122.
- Кызласов И.Л. Археологические признаки государственного межевания. Методическое значение южносибирской медиевистики // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. Памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань; Кишинев: Stratum Plus, 2019а. С. 157-177.
- Кызласов И.Л. Свидетельства дальнего продвижения енисейского рунического письма на запад (Одна из форм самовосприятия в северном манихействе) // Звучат лишь письма. К юбилею А.А. Медынцевой. М.: ИА РАН, 2019б. С. 251-290.
- Кызласов И.Л. Корни башкирской геральдики: аристократические тамги тюркских государств раннего средневековья // Башкиры в контексте междисциплинарных исследований тюркских народов Евразии: М-лы научн. сессии по этнической истории и антропологии башкир. Уфа: Самрау, 2021а. С. 254-267.
- Кызласов И.Л. Енисейские рунические надписи Яр-хото (Из находок первой археологической экспедиции Академии наук в Восточный Туркестан) // Урало-алтайские исследования. 2021б. № 4. С. 69-83.
- Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. 1960. № 3. С. 93-120.
- Кызласов Л.Р. О датировке памятников енисейской письменности // СА. 1965. № 3. С. 38-49.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 111 с.
- ОЕТА – Жолдасбеков М., Сартқожаұлы Қ. Орхон ескерткіштерінің толық Атласы. Астана: Күлтегін, 2005. 360 б.
- АОП – Жолдасбеков М., Сартқожаулы К. Атлас орхонских памятников. Астана: Күлтегін, 2006. 360 с.
- Радлов В.В. Атлас древностей Монголии. Вып. 1 / Труды Орхонской экспедиции. СПб.: Типография Имп. АН, 1892. Табл. I-LXX + [14 с.].
- Радлов В.В. Атлас древностей Монголии. Вып. 3 / Труды Орхонской экспедиции. СПб.: Типография Имп. АН, 1896. Табл. LXXXIII-XCVII + XCVIII-CIV (вклейки) + [С. 1-4].
- Самашев З. Древнетюркский культово-мемориальный комплекс на горе Шивээт Улаан в Центральной Монголии // Кадырбаевские чтения – 2016: м-лы V Междунар. науч. конф. Актобе: [б.и.], 2016. С. 19-64.
- Самашев З. Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги. Алматы: АБДИ Компани, 2010. 168 с.
- Самашев З., Цэвээндорж Д., Онгарулы А., Чотбаев А. Древнетюркский культово- поминальный комплекс Шивээт Улаан. Астана: ФИА, 2016. 272 с.
- Aalto P. Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei. Gesammelt von G.J. Ramstedt, J.G. Granö und Pentti Aalto // Journal de la Société Finno-Ougrienne. Т. 60. Helsinki, 1958. S. 1-93 (extrait).
- Clauson G. The Ongin Inscription // Journal of the Royal Asiatic Society, 1957, October. P. 177-192 + Pl. V, VI.
- Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise 1890 et publiées par la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors: Imprimerie de la Société de Littérature Finnoise, 1892. L+48+66+1 p.

Г. Н. Белорыбкин

Геннадий Николаевич Белорыбкин,
Институт регионального развития Пензенской области,
Пенза, Россия; belorybkingn@gmail.com

Кочевнические древности Золотаревского городища*

Аннотация. Золотаревское городище расположено у с. Золотаревка Пензенской области в верховьях р. Суры. Крепость на мысу окружают три селища. На протяжении VIII-XIII вв. Золотаревское городище служило торговым перекрестком Европы и Азии и контролировало брод через р. Суру. В X в. оно вошло в состав Волжской Булгарии. На территории средневекового города проживали представители таких народов, как буртасы, мордва, болгары, русские, половцы, хакасы. Жители города занимались пашенным земледелием, кузнечным, гончарным и ювелирным ремеслом. В период монгольского нашествия здесь произошли сражения, оставившие тысячи предметов военного и кочевого снаряжения. Это, прежде всего, конская упряжь, оружие и украшения всадников болгар, монгол, половцев и носителей аскизской культуры. Среди них выделяются уникальные поясные наборы и украшения, характерные для символов власти, половецкие гривны, сабля с двумя долами, булава, аскизские накладки конской сбруи. Сюда же можно отнести и уникальную сохранность валов и ловчих ям перед ними. Однако это не смогло остановить монгольское войско и в 1237 г. город был взят штурмом и разрушен.

Ключевые слова: Золотаревское городище, снаряжение всадника, сражение, этносы

Геннадий Николаевич Белорыбкин,
Пенза облысының Аймақтық даму институты, Пенза, Ресей

Золотарев қаласының көшпелі ежелгі дәуірі

Аннотация. Золотарев қаласы Пенза облысының, Золотаревка ауылындағы Сура өзенінің жоғарғы жағында орналасқан. Бекініс үш ауылды қоршайды. VIII–XIII ғғ. бойы Золотарев қаласы Еуропа мен Азияның сауда қиылысы болды және Сура өзеніндегі өткелді қадағалады. V ғ. ол Волга Болгариясының құрамына кірді. Ортағасырлық қала аумағында буртас, мордва, болгар, орыс, қыпшақ, хакас сияқты халықтардың өкілдері өмір сүрді. Қала тұрғындары егіншілікпен, темір ұсталығымен, қыш және зергерлік қолөнермен айналысқан. Моңғол шапқыншылығы кезінде мұнда мыңдаған әскери және көшпелі жабдықтар қалдырған шайқастар болды. Бұл, ең алдымен болгар, моңғол, қыпшақтардың және аскиз мәдениетін ұстаушылардың ат әбзелдері, қару жарақ және салт аттылардың әшекейлері. Олардың ішінде биліктің нышандарына тән белбеу жиынтықтары мен әшекейлері, қыпшақтардың гривналары, екі жақты қылыш, күрзі, ат әбзелдерінің аскиздік төсемдері ерекшеленеді. Бұған сонымен қатар олардың алдындағы біліктер мен шұңқырлардың ерекше сақталуын кіргізуге болады. Алайда, бұл моңғол әскерін тоқтата алмады және 1237 ж. қаланы шабуылдап, қирады.

Түйін сөздер: Золотарев қаласы, салт атты жабдықтары, шайқас, этностар

Gennady Belorybkin,
Institute of Regional Development of the Penza Region,
Penza, Russia

Nomadic antiquities of Zolotarevskoye settlement

Abstract. Zolotarevskoye settlement is located near the village of Zolotarevka, Penza region, in the upper reaches of the Sura River. The fortress on the cape is surrounded by three villages. For 8th–13th centuries, Zolotarevskoye

© 2022 Белорыбкин Г.Н.

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, №22-28-20314 «Этногенез народов Западного Поволжья в эпоху средневековья».

settlement served as a trade crossroads of Europe and Asia and controlled the ford across the Sura River. In the 10th century it became part of Volga Bulgaria. Representatives of such peoples as Burtas, Mordvins, Bulgars, Russians, Polovtsians, Khakas lived on the territory of the medieval city. Residents of the city were engaged in arable farming, blacksmithing, pottery and jewelry craft. During the Mongol invasion, battles took place here, leaving thousands of items of military and nomadic equipment. These are, first of all, horse harnesses, weapons and ornaments of the riders of the Bulgars, Mongols, Polovtsians and carriers of the Askiz culture. Among them there are unique belt sets and ornaments characteristic of symbols of power, Polovtsian hryvnia, a saber with two doles, a mace, Askiz horse harness pads. This also includes the unique condition of the shafts and fishing pits in front of them. However, this could not stop the Mongol army and in 1237 the city was stormed and destroyed.

Keywords: Zolotarevskoye settlement, horseman's equipment, battle, ethnic groups

Золотаревское городище (рис. 1) расположено в верховьях р. Суры (правый приток р. Волги), вдоль оврага, по которому течет р. Медаевка, у с. Золотаревка Пензенской области [Белорыбкин 2001]. Оно расположено на высоком мысу (до 20 м), образованном двумя оврагами (Кудеяров овраг), и огорожено со всех сторон валом со рвом. Поперек мыса насыпаны еще четыре вала со рвами, слегка выгнутые к напольной стороне, примерно в 30–40 м друг от друга. В центре валов везде имеется проезд, а на внешнем валу - еще один проезд сбоку. Имелся проезд и на оконечности мыса, где валы идут параллельно друг другу. Высота поперечных валов достигает 3 м, ширина – 8 м, глубина рвов – 3 м, ширина – 5 м. Ров бокового вала сделан с внутренней стороны. На

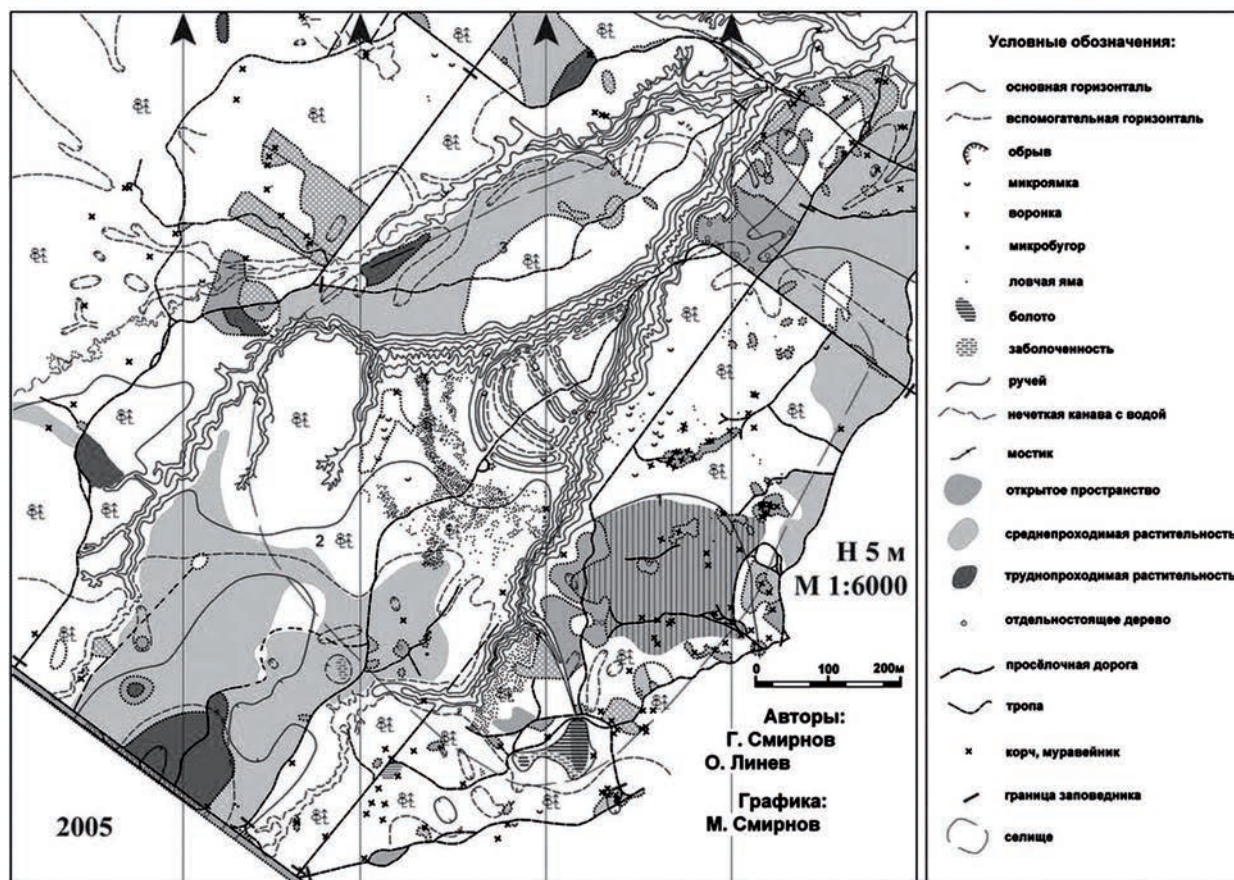

Рис. 1. План Золотаревского городища

оконечности мыса боковой вал имеет высоту 1,5 м, а по мере продвижения к напольной стороне увеличивается до 3 м. За внешним валом в 20 м от него находится широкая полоса круглых ловчих ям, расположенных в шахматном порядке. Диаметр ям около 1 м, глубина также в пределах 1 м. Вполне очевидно, что эти ямы были частью оборонительной системы. Общая площадь городища составляет около 2,5 га, а вместе с селищами 14 га. По планиграфическим особенностям Золотаревское городище выделяется своей сложностью среди всех городищ Верхнего Посурья и Примокшанья [Белорыбкин 1995; 2001], что свидетельствует о большой важности данной крепости в жизни региона. По сравнению с площадью городищ Волжской Булгарии, Золотаревская крепость – это небольшая усадьба [Фахрутдинов 1992; Хузин 2006], но по сравнению с крепостями Древней Руси – это небольшой город [Куза 1996: табл. 9]. Наличие же ловчих ям – вообще исключительное явление, не характерное для оборонительных сооружений Восточной Европы [Древняя Русь 1985].

В период монгольского нашествия Золотаревское городище дважды становилось ареной ожесточенных сражений. Первый раз это произошло в 1223 г. и закончилось разгромом монгольского войска. Второй раз в 1237 г. городище было взято штурмом и полностью уничтожено. На поле боя осталось множество останков людей и лошадей, большое количество оружия, частей доспеха и деталей конской упряжи. Одних только наконечников стрел на сегодняшний день насчитывается около 50 000 штук, из которых около 3000 характерны для монгольской армии. Особо следует выделить и детали сабельного оружия, число которых (более 200) превышает количество этого вида оружия со всех поселений Древней Руси, а также множество деталей кольчужного и пластинчатого доспеха. В целом вполне очевидно, что основными участниками битвы были всадники и лучники.

Среди кочевнических древностей следует отметить целый ряд уникальных изделий. Это, прежде всего, детали поясов и конской сбруи.

Поясной набор (рис. 2, 1–6), состоящий из 15 накладок и щитка от пряжки, отлит из бронзы. Все части пояса выпуклые с рельефным орнаментом. Шесть накладок имеют форму квадрата с шатровым навершием, девять других миндалевидной формы. С обратной стороны накладок по три клепки с шайбами на концах, а на щитке пряжки – пять штырьков.

По форме и мотивам орнамента поясной набор ближе всего, по мнению одних, к индоиранским традициям [Древняя Русь 1997] или, по мнению других, к тюркско-угорским [Солдатенкова 1993] и был, очевидно, привезен со стороны. Об этом можно судить хотя бы по тому, что у накладок сохранились мятые шайбы на клепках, а у некоторых они отломаны. Одна накладка, кроме того, отремонтирована и крепилась за счет двух дополнительных клепок, пробитых насквозь.

Части пояса были обнаружены как на городище, так и на третьем селище. Две квадратные накладки частично оплавлены, т. е. побывали в сильном огне. Возможно, это связано со штурмом Золотаревского городища.

Седельные накладки (рис. 2, 7, 8) представлены двумя совершенно одинаковыми полусферическими накладками из бронзы в виде человеческого лица и четырьмя симметрично расположенными трилистниками по краю. На каждом из них сзади расположено по длинному шпеньку для крепления. Поверхность накладок покрыта позолотой. Вероятнее всего, накладки изображают женское лицо, напоминающее мифологическое солнышко. Аналогии этим накладкам нам неизвестны. Наиболее близки изображения личин на решмах тюхтятской культуры, но все-таки различия слишком велики [Степи Евразии 1981: рис. 33; Михайлов 1997: рис. 4]. В то же время истоком изготовления седельных накладок в виде личины может послужить и Нижнее Поволжье, где они начали распространяться с VI–VII вв. [Амброз 1989: рис. 30] и получили широкое распространение в X в. [Гаврилина 1993: 84].

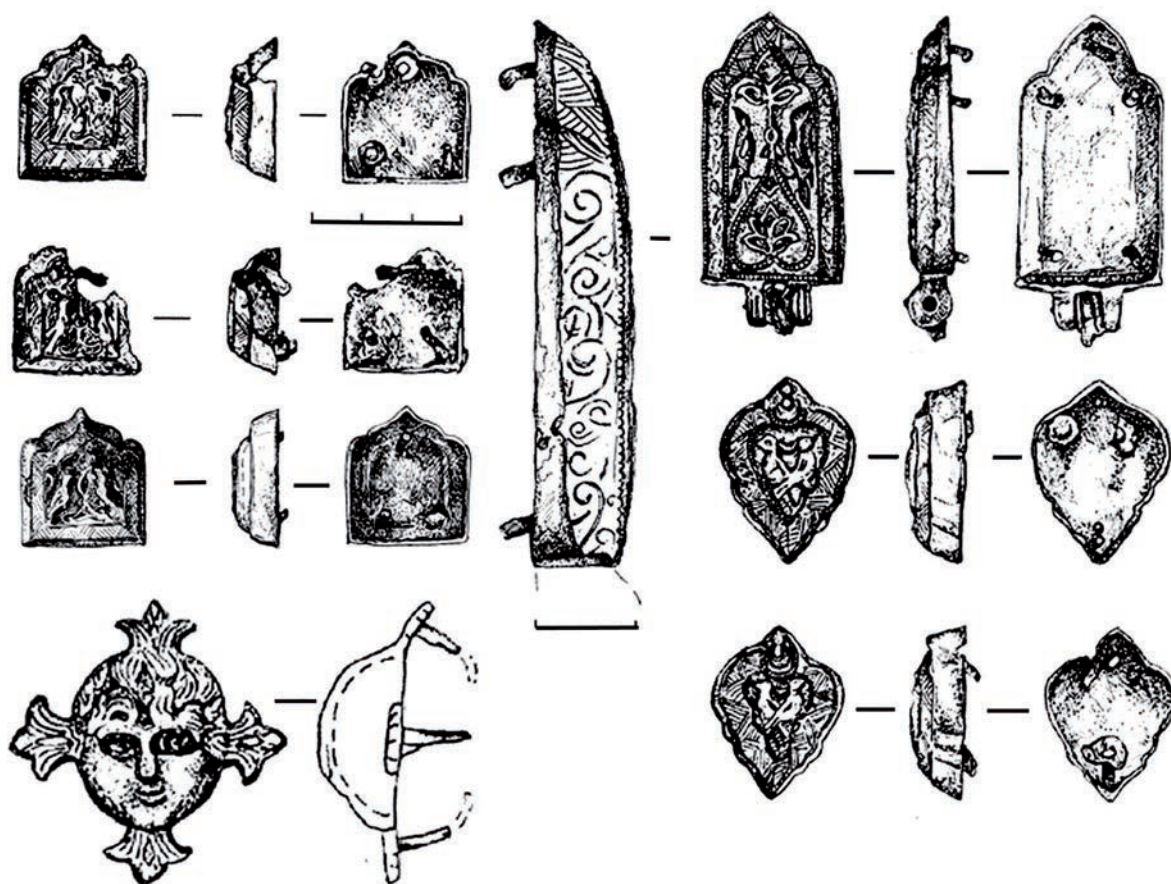

Рис. 2. Поясные накладки и деталь седла

Гривны (рис. 3) являются шейным украшением. Среди них можно выделить две гривны, сделанные в виде перекрученной толстой пластины из низкопробного серебра. Концы этих гривен заострены и загнуты. Гривны из перекрученной пластины встречаются среди древностей XII–XIII вв. на Нижнем Дону и Волге [Степи Евразии 1981: рис. 82; 84]. Но и там их немного. Причем, иногда они встречаются сломанными и в распрямленном виде, что, по мнению одних исследователей, является знаком особого достоинства или жезлом власти [Степи Евразии 1981: 215], а, по мнению других, – денежной единицей [Ильюков 2000: 208]. Очевидно, именно такие гривны изображены на половецких изваяниях 2-й пол. XII в., причем, как правило, по две [Степи Евразии 1981: рис. 89]. Возможно, и две гривны с Золотаревского поселения были принадлежностью костюма половца, погибшего в сражении.

Накладки (рис. 3) сделаны в основном из бронзы и весьма разнообразны по форме, размерам и способам крепления. Накладка крепилась при помощи шпеньков, которые либо загибались, либо расплющивались с шайбами. Накладки можно объединить в группы: сплошные, прорезные, с петлей. По форме они делятся на квадратные, прямоугольные, геральдические, круглые, сердцевидные.

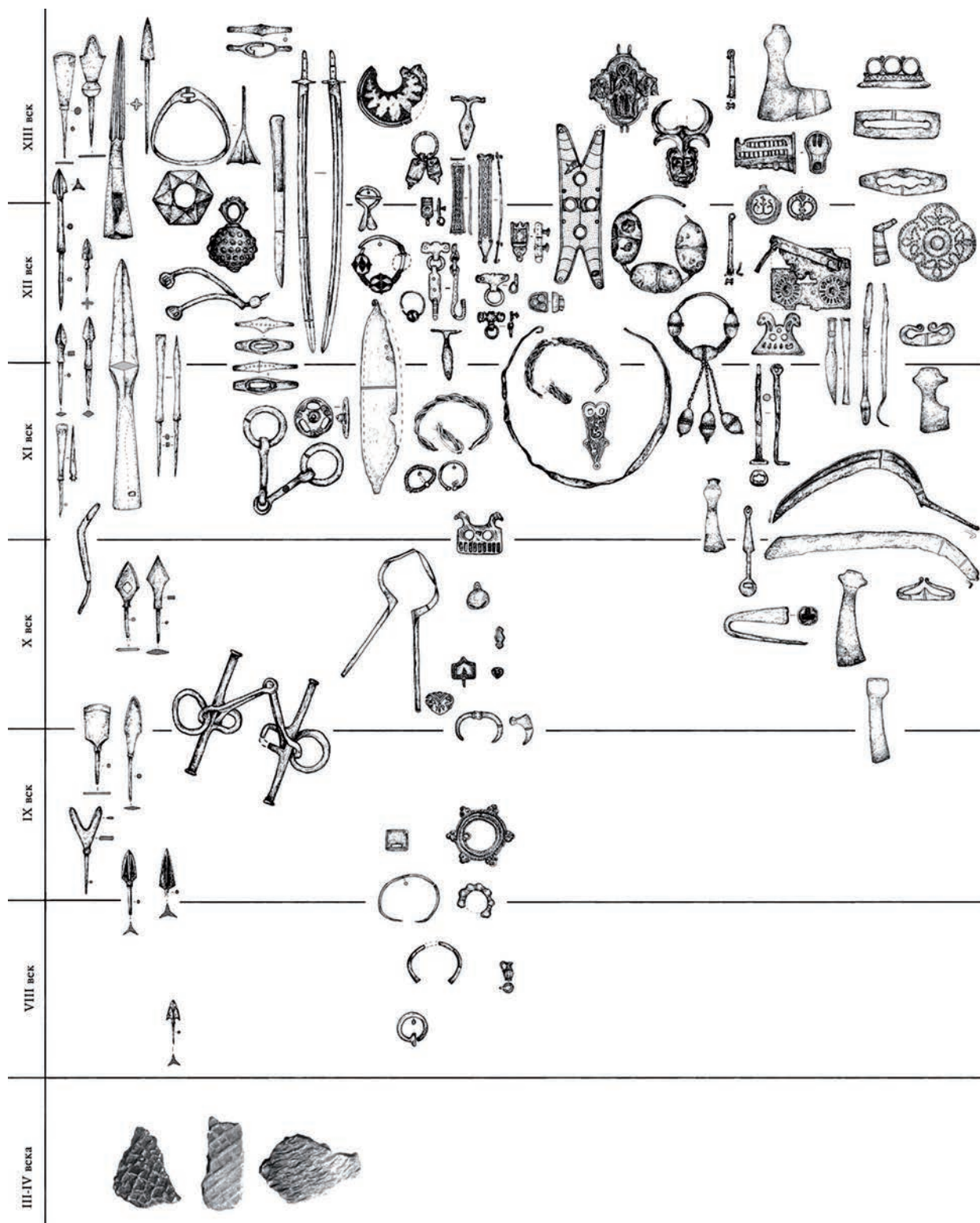

Рис. 3. Предметы Золотаревского городища

Наконечники стрел (рис. 3) представляют одну из самых больших групп предметов на поселении и включают самые разные типы. Для определения основных параметров была проведена систематизация, в основу которой положена типология наконечников стрел, разработанная А.Ф. Медведевым [Медведев 1966]. Наконечники стрел по форме насада на древко делятся на два отдела: 1) черешковые, 2) втульчатые. По форме сечения пера они подразделяются на три основные группы: а) трехлопастные, б) плоские, в) граненые (бронебойные). По форме пера каждая из указанных групп подразделяется на подгруппы и типы, соответствующие их функциональному назначению. Внутри некоторых типов выделены варианты, небольшие отличия которых имеют зачастую хронологическое значение.

Вероятно, что все три селища, как и расположенное рядом городище, перестали существовать в начале XIII в. после штурма монголами, о чем свидетельствуют результаты археологических исследований Золотаревского городища [Полесских 1977а, б; Белорушкин 2001]. В пользу этого говорит также тот факт, что на поселении обнаружены 1600 наконечников стрел, которые вышли из употребления после нашествия монголов, 3000 типично монгольских наконечников стрел, а также 2000 наконечников, которые употреблялись как до, так и после XIII в. Остальные хорошо датированные наконечники, судя по аналогам, обнаруженным на других археологических памятниках, вышли из употребления до XII в. [Древняя Русь 1985].

Очень многие типы наконечников употреблялись в строго определенные периоды времени и поэтому являются вполне надежным датированным материалом. Так, появление у народов Восточной Европы в IX–X вв. кольчуг, пластинчатых панцирей, щитов, шлемов и т. п. вызвало распространение железных и стальных наконечников стрел, способных пробивать любые металлические доспехи. Для пробивания кольчуг использовались наконечники с узкой массивной шиловидной головкой, для пробивания пластинчатых доспехов, шлемов и щитов – узкие массивные долотовидные наконечники и бронебойные с граненой шейкой. Долотовидные наконечники были особенно эффективны при стрельбе по защищенному шлемом и щитом противнику. Такие наконечники (а их большинство на территории сражения) легко раскалывали деревянный щит, обтянутый кожей и иногда усиленный железным умбоном [Древняя Русь 1985: 315].

Среди наиболее характерных для всадника элементов снаряжения можно отметить, прежде всего, сабельное оружие, а также различные виды вооружения, детали плетки и шпору [Белорушкин и др. 2020].

Сабли (рис. 3) представлены как целыми экземплярами, так и многочисленными деталями. Это, прежде всего, 6 целых сабель, 7 фр. клинков, 2 навершия рукояти, 35 перекрестий, 8 обойм, 80 скоб от ножен, 6 наконечников сабельных ножен.

Сразу же необходимо отметить, что такого количества деталей сабельного оружия не обнаружено ни на одном поселении Восточной Европы. Более того, на всей территории мордвы в X–XIII вв. известно лишь “о более чем двадцати саблях, сабельных перекрестьях, фрагментах ножен, портупей и пр.” [Святкин 2000: 32]. Около 70 сабель и их деталей найдено на территории Волжской Булгарии [Измайлов 1997: 19] и в два с лишним раза больше – на территории Древней Руси [Древняя Русь 1985: 307], причем с поселений известно чуть более 60 находок [Кирпичников 1966а: 62]. Все это свидетельствует о том, что сабля была дорогим оружием, которое тщательно берегли и высоко ценили.

Сабли состоят из клинка с долами и обкладкой, а также перекрестья. Конец клинка немного согнут. Особо хочется отметить прекрасную сохранность сабель, что связано, очевидно, с использованием передовых технологических приемов при ее изготовлении.

По всем основным параметрам (клинок, обкладка, перекрестье) сабли относятся к XII – началу XIII в. Сопоставление с саблями близлежащих территорий позволяет предполагать, что сабля с двумя долами является местной традицией. В частности, в одном из могильников XII–XIII вв. в Верхнем Примокшанье (Татарская Лака II) обнаружена сабля с двумя долами, как и на Золотаревском поселении, только с перекрестьем, имеющим шишечки на концах, и более коротким клинком (83,5 см) с обоюдоострым концом (15 см) [Расторопов 1994; Святкин 2000: рис. 2]. На этой сабле из Татарской Лаки II как бы смешались типы разных времен. Так, по мнению А.Н. Кирпичникова, перекрестья с шарообразными окончаниями, загнутыми книзу (тип IA), характерны для X–XI вв. [Кирпичников 1966а: 68], а обкладка на клинке, по мнению И.Л. Измайлова, появляется в XII в. [Измайлов 1997: 20–21]. Для X–XI вв. характерна слабая изогнутость клинка, как у золотаревской сабли, а для XIII–XIV вв. характерна большая длина сабли и ее значительный вес.

В большом количестве найдены и такие детали сабель, как гарды (рис. 3) известные как в степи, так и в Волжской Булгарии [Культура Биляра 1985: 176–177; Измайлов 1997: рис. 8–10], скобы ножен сабли, которые встречаются как на Руси [Кирпичников 1966а: табл. XXXV, 6], так и в Волжской Булгарии [Измайлов 1997: рис. 6], в мордовских памятниках [Святкин 2000: рис. 3].

Среди редких предметов вооружения можно назвать пальмы (рис. 3), которые представляют собой железные ножи с разомкнутой втулкой, куда, очевидно, вставлялось древко, что превращало нож в оружие. Подобное оружие использовалось длительное время в Сибири [Худяков 1991], в т. ч. и на памятниках аскизской культуры малиновского этапа [Кызласов 1983], но для Восточной Европы это пока редкость, хотя проникать сюда они начинают уже с 1-ой пол. X в. Об этом свидетельствует временная стоянка (Сарское 2) в Верхнем Поволжье, где был обнаружен военно-торговый комплекс вещей X в., в т. ч. и пальма (рогатина – по А.Е. Леонтьеву) [Леонтьев 1996: рис. 39, 12]. Еще одна пальма найдена на могильнике XI–XIII вв. Заречное II [Мартьянов 1998: рис. 25].

Кистень (рис. 3) сделан в виде шара с крупными горошковидными выпуклостями в пять рядов, отлитого из оловянистой бронзы, весом 158,8 грамма (тип IIA по Кирпичникову, тип IV по Измайлову). По мнению А.Н. Кирпичникова, они появились на Руси в XII в., преимущественно в южных районах, и были распространены в Волжской Булгарии [Кирпичников 1966б: рис. 12; Даркевич, Борисевич 1995: табл. 23, 1]. Однако в Волжской Булгарии их известно всего 4 экз. [Измайлов 1997: 97–100] и делались они, как правило, с мелкими горошковидными выпуклостями. В связи с этим можно отнести кистень к типу древнерусских.

Булавы (рис. 3) представлены железными навершиями в форме шестигранника со срезанными углами. Диаметр втулки практически одинаковый и составляет 2,3 см. Один немного уплощен и имеет более четкие грани, а другой ближе к квадрату и с округлыми гранями. Во втулке второго навершия находился железный четырехгранный гвоздь с широкой шляпкой, закрывающей всю втулку. Точно такая же булава с гвоздем найдена в могильнике “Акимовщина” XII–XIII вв. в Верхнем Примокшанье [Полесских 1977: 29].

Подобные булавы датируются XII–XIII вв., они характерны для Древней Руси и Волжской Булгарии (тип IIB по Измайлову) и практически полностью отсутствуют в финских памятниках Поволжья [Кирпичников 1966б: 48; Измайлов 1997: 97–100]. Это объясняется значением булавы как социально-престижного символа власти. Анализируя золотаревскую булаву, И.Л. Измайлов отмечает, что это довольно редкий тип и подобная булава известна лишь в Ярополче Залесском [Измайлов 1997: 99–100; Седова 1978: табл. 16]. Еще одна шестигранная булава хранится в Тверском краеведческом музее. Наибольший интерес в плане датировки представляет подобная булава, найденная в Старой Рязани, в жилом доме, сожженном в 1237 г. [Даркевич, Борисевич 1995: табл. 82, 5], что надежно связывает золотаревскую булаву с домонгольским временем.

Копья (рис. 3) составляют небольшую группу оружия разных видов и форм и почти все представлены фрагментами. Все копья, кроме одного, втульчатые. Среди них можно выделить: 1. копьё с вытянуто-треугольным пером ромбического сечения; 2. копья с узким четырехгранным пером (пики) ромбического или крестовидного сечения и с воронковидной тульей; 3. двушипный наконечник с черешком (гарпун) и линзовидным сечением пера использовался в основном для охоты. Все наконечники бытовали с XII в. до начала XIII в. [Кирпичников 1966б: 14, тип IIIБ; с. 15–16, тип V; с. 94, № 557].

Плетки представлены железными кольцами с обоймами для бича и затыльником рукояти с боковидным клювовидным выступом из оловянистой бронзы. Если кольца начали использоваться уже с IX в., то клювовидные бытовали в XI–XIII вв. [Древняя Русь 1985: табл. 148; Медведев 1959: рис. 20; Культура Биляра 1985: табл. 69].

Шпора (рис. 3) сделана из железа в виде изогнутой дужки с шипом, направленным вниз. Для ограничения глубины наколов на шип надет железный шарик. Подобные шпоры были широко распространены среди конных и в основном знатных воинов Восточной Европы начиная с XII в. [Древняя Русь 1985: табл. 147].

Снаряжения верхового коня включает в себя удила, подпружные пряжки, соединительные кольца и украшения.

Удила (рис. 3) состоят из двухзвеньевого гызла с кольчатými или крюковыми окончаниями и псалиев.

В хронологическом плане большинство удил бытует с I тыс. н.э. и до сих пор [Древняя Русь 1985: табл. 145, 18; Культура Биляра 1985: табл. 64]. Однако кольца с подтреугольным сечением появились, по мнению И.Л. Кызласова, в XII в. среди аскизских древностей и стали широко использоваться лишь в XIII–XIV вв. [Кызласов 1983: 58, табл. 2]. Обнаружение подобных колец на Золотаревском поселении можно считать одним из самых ранних свидетельств их распространения в Восточной Европе. Но если у аскизов кольчатые уплощенные (или подтреугольные) псалии сочетались с крюковыми гызлами [Кызласов 1983: 56–58], то здесь они жестко связаны с кольчатými гызлами. Подобные удила практически не встречаются на территории Восточной Европы. Единственные такие удила известны лишь в Прикамье на городище Иднакар IX–XIII вв. [Иванова 1998: рис. 50]. Встречаются также кольчатые удила с большой петлей гызла. Аналогичные удила известны в домонгольском Биляре [Культура Биляра 1985: табл. 64, 2].

Кольцо соединительное диаметром от 3 до 5 см применялось как в оголовье, так и в других местах сбруи. По форме они практически всегда круглые. Аналогичные кольца широко представлены в мордовском могильнике XI–XIII вв. Заречное II [Мартьянов 1998: рис. 22]. В могилах они, как правило, встречаются попарно и на некоторых сохранились кожаные ремни. По мнению В.Н. Мартьянова, это поясные подвески [Мартьянов 1998: 94], но, на наш взгляд, их можно отнести к конской сбруе. По сечению выделяются круглые, квадратные, ромбовидные, плоские кольца с преобладанием первых. Иногда встречаются сдвоенные кольца, как бы вставленные друг в друга. На некоторых имеется орнамент в виде насечки. Эта деталь конского снаряжения активно использовалась на всем протяжении существования сбруи.

Трензели (рис. 3), или соединители ремней, сделаны в виде круглой бляхи с выпуклым центром, прорезьями по краям и орнаментом на поверхности. Изделия подобного типа широко использовались в узде тюркских народов начиная с VI–VII вв. [Степи Евразии 1981]. Однако основная масса трензелей представляет собой сочетание круглого в сечении кольца с плоским тройным перекрестием с листовидными окончаниями или с шишечками по краям. Трензели же с прорезьями встречаются очень редко и наиболее ранние известны в древностях кимаков Прииртышья (VI–

VIII вв.) [Степи Евразии 1981: рис. 26, 58] и на караякуповских памятниках IX–X вв. Южного Урала [Степи Евразии 1981: рис. 55, 85]. Бляхи с выпуклым центром и циркульным орнаментом появились лишь на булгарских памятниках и прежде всего в Биляре, где они датируются X–XII вв. [Культура Биляра 1985: 200–201]. Учитывая редкость этих тrenzелей и то, что один из них покрыт золотом, можно предполагать большую их значимость и считать типично булгарскими. Возможно, на Золотаревское поселение они попали из Биляра.

Пряжки подпружные практически все сделаны из железа. Важным признаком, на наш взгляд, является сечение пряжки. Это относится, прежде всего, к пряжкам с треугольным сечением, подобным сечению удила, имеющих аналогии в аскизских древностях [Кызласов 1983: табл. XIII; XXXVI]. Большую группу составляют пряжки с плоским и квадратным сечением, встречаются также с круглым сечением, ромбическим и треугольным. Среди пряжек можно выделить крупные и мелкие. Пряжки всех типов бытовали широко и долго [Степи Евразии 1981: рис. 82; Генинг, Халиков 1964: табл. XI]. Они применялись в основном в конской упряжи, но могли использоваться и в португее.

Стремена (рис. 3) сделаны из железа и по общему контуру относятся к арочным, в верхней части которых, прямо в уплощенной дужке, сделаны прямоугольные горизонтальные прорезы для путлиц. Среди них можно выделить стремяна с округлым (прямым) и заостренным верхом. Подножки слегка вогнуты, а на двух – округлые. В трех случаях на них имеется ребро жесткости. Одно стремя имеет боковые выступы “кулачки”, игравшие роль шпор. По существующим типологиям их можно отнести к XII–XIII вв. [Древняя Русь 1985: табл. 144].

Подковы использовались, как правило, для тягловых лошадей, либо для коней тяжеловооруженных всадников. Сделаны они в виде полукруга с одним передним шипом и четырьмя прямоугольными отверстиями для гвоздей, которые также сохранились в подкове. Вдоль центральной оси подковы проходит неглубокая канавка. Такие подковы широко бытовали с XI по XVII в. [Древняя Русь 1985: табл. 148], но на них, как правило, нет канавок.

Шипы предназначались для движения по льду и были широко распространены.

Ледоходный шип для человека сделан в виде миндалевидного железного кольца с заостренными концами и привязывался ремешками к ноге. Он встречается по всей Восточной Европе [Древняя Русь 1985: табл. 148; Культура Биляра 1985: 208].

Конский шип сделан в виде «П»-образной железной скобы с округлым основанием и острым четырехгранным шипом в центре с внешней стороны. Точное назначение этих шипов до сих пор вызывает споры. Одни считают их ледоходными конскими шипами [Кирпичников 1973: 80; Культура Биляра 1985: 206; Древняя Русь 1985: табл. 148], другие – шипами для оковки палицы [Колчин 1959: рис. 100]. Эти шипы характерны для домонгольских памятников Восточной Европы.

“Чесноки” сделаны из железа в виде четырех лучей, торчащих в разные стороны, и применялись для борьбы с конницей противника. Они были разбросаны в разных местах Золотаревского 1 селища. Подобные “чесноки” встречаются на многих памятниках Восточной Европы [Биляр 1991: табл. 5; Город Болгар 1996: рис. 45].

На памятнике было собрано около 1500 предметов, так или иначе связанных с **аскизскими древностями** (рис. 3) [Кызласов 1983]. Основная масса этих предметов сделана из железа и относится к снаряжению коня и всадника.

В целом набор предметов для коня и всадника на Золотаревском поселении, конечно же, значительно больше. Это удила, стремяна, «чесноки», сабли, стрелы и другие вещи, имеющие широкий ареал, которые использовались вместе с предметами “аскизского” круга. Среди них выделяются такие группы предметов, как накладки, султанчики, украшения седла и сбруи, пальмы, крюки для шнуровки, панцирные пластины.

Снаряжение коня представлено железными и бронзовыми деталями уздечки, седла и подпруги. По функциональному назначению уздечный набор можно разделить на группы: наносные султанчики, накладки или наконечники нащечных ремней, распределители ремней, крючки на пластинах, пряжки, детали седла.

Сопоставление золотаревских пластин от наносных султанчиков с аскизскими древностями показывает их близость между собой [Кызласов 1983]. В то же время имеются и некоторые отличительные детали в виде форм и отверстий.

Накладки или наконечники нащечных ремней составляют самую большую группу предметов конского снаряжения. Все они сделаны из железа. На всех накладках имеются отверстия для клепок. Клепки, где они сохранились, имеют снаружи округлую шляпку, а с другой стороны расплющены. На некоторых клепках встречаются шайбочки.

Распределители ремней составляют еще одну многочисленную группу предметов конской сбруи. Они представляют собой железные пластины с ушком на конце, куда вставлялось соединительное кольцо. Пластина соединялась с ремнем при помощи одной или двух клепок. Там, где на кольце сохранилось по две накладки, они были однотипны. Практически все они не орнаментированы. В целом прямоугольные накладки распределителей ремней, с одной стороны, имеют восточноевропейские корни, а с другой – стилистически близки аскизским древностям [Кызласов 1983].

Крючки на пластинах делятся на два типа: 1 – с ушками, 2 – без ушек. В целом подобные крючки характерны для малиновского этапа аскизской культуры [Кызласов 1983].

Детали седла представлены седельными бляхами, пробоями и накладками.

Подводя итоги, можно отметить, что на Золотаревском поселении представлен практически весь набор аскизского снаряжения коня, за редким исключением. Нет лишь вертикальных псалиев да боковых крюков на пластинах. В то же время золотаревские материалы менее разнообразны, чем аскизские древности, что вполне объяснимо локальностью их расположения и значительной удаленностью от основной территории аскизской культуры. При этом очень ярко прослеживается линия местного производства снаряжения, похожего на аскизское, но имеющего творческие добавления. Учитывая стилистически грамотное и сообразное по форме производство, можно отметить, что местные ремесленники и заказчики были хорошо знакомы с аскизской культурой в Хакасско-Минусинской котловине.

Обращает на себя внимание и тот факт, что на Золотаревском поселении сосредоточено довольно большое по сравнению с любым памятником Восточной Европы количество предметов аскизского типа. Все это свидетельствует, с одной стороны, о длительности пребывания представителей аскизской культуры, а с другой стороны, если учесть тот факт, что на поверхности поселения обнаружено множество разрозненных останков людей, можно предположить, что во время монгольского нашествия в начале XIII в. здесь произошло сражение, в результате которого погиб конный военный отряд, использовавший аскизоидные украшения и вещи. Вместе с ним погибло и само поселение, о чем свидетельствуют результаты археологических исследований Золотаревского городища [Полесских 1977а, б; Белорыбкин 2001].

Вполне возможно, что стоявший здесь военный отряд осуществлял охрану торгового пути из Булгара в Киев и других торговых магистралей этого региона, а также торговой фактории у Золотаревского городища. Одним из подтверждений этого могут служить находки железных накладок с позолотой на поселениях как Древней Руси [Пряхин, Цыбин 1991], так и Волжской Булгарии [Казаков 1991; Руденко 2000], правда, в единичных экземплярах, но зато типологически близких к золотаревским изделиям.

В целом, очевидно, что кочевнические древности широко представлены на территории Золотаревского городища. С одной стороны, они отражают местные европейские традиции, с другой стороны показывают, что восточные инновации быстро проникали на европейское пространство и перерабатывались под нужды местных воинских отрядов.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа в V–VII вв. М.: Наука, 1989. 134 с.
- Белорыбкин Г.Н. Городища X–XIII вв. Верхнего Посурья и Примокшанья (материалы к археологической карте) // Страницы истории Волго-Донья / Отв. ред. А.С. Касимов. Пенза: ПГПУ. 1995. С. 1-61.
- Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб.; Пенза: ИИМК РАН, 2001. 198 с.
- Белорыбкин Г.Н., Гусынин В.А., Измайлов И.Л., Винничек В.А., Губайдуллин А.М., Офман Г.Ю., Пономаренко Е.В., Пономаренко С.В., Сафронов П.И., Яньков В.В. Вооружение населения юго-западной Булгарии (X – середина XIII века) // Археология евразийских степей. 2020. № 1. С. 5-306.
- Биляр – столица домонгольской Булгарии: [Сб. ст.]. Казань: Ин-т яз., лит. и истории, 1991. 139 с.
- Гаврилина Л.М. Бляхи-решмы в украшениях узды у кочевников Восточной Европы X–XI веков // Новое в средневековой археологии Евразии: сб. науч. тр. / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара: СОИКМ, 1993. С. 77-85.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964. 201 с.
- Город Болгар. М.: Наука, 1996. 315 с.
- Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М.: Кругъ, 1995. 228 с.
- Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР. Отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука, 1985. 798 с.
- Древняя Русь. Быт и культура / Археология СССР. Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1997. 368 с.
- Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. Урал. отд-ния РАН, 1998. 290 с.
- Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань; Магадан: РАН. Дальневост. отд-ние. Сев.-вост. науч. центр, 1997. 213 с.
- Ильюков Л.С. Позднекочевническое погребение с двумя серебряными гривнами // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. М-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию И.В. Сеницына (Саратов, Энгельск, 14–18 мая 2000 г.). Саратов, Энгельск: Саратов. гос. ун-т, 2000. С. 207-208.
- Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.
- Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие / САИ. Вып. Е-1-36. Вып. I. Мечи и сабли IX-XIII вв. М.-Л., Наука: 1966а. 176 с.
- Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие / САИ. Вып. Е-1-36. Вып. II. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966б. 147 с.
- Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / САИ. Вып. Е-1-36. Л.: Наука Ленингр. отд-ние, 1973. 138 с.
- Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. М.: АН СССР, 1959. № 65. С. 7-120.
- Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. / Свод археологических памятников. М.: Христианское изд-во, 1996. 254 с.
- Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М.: Наука, 1985. 216 с.
- Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. / САИ. Вып. Е3-18. М.: Наука, 1983. 128 с.
- Леонтьев А.Е. Археология Мери (к предьстории Северо-Восточной Руси). М.: ИА РАН, 1996. 341 с.
- Мартьянов В.Н. Могильник Заречное II // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола: МГУ, 1998. С. 91-105.
- Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР, № 65: Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М.: Наука, 1959. С. 121-191.
- Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука, 1966. 184 с.
- Михайлов К.А. Центральназиатские ремешковые украшения в материалах древнерусских памятников X века // Новгород и новгородская земля. История и археология / Сост. П.Г. Гайдуков, Т.Н. Казармщикова. Вып. 11. Н. Новгород: Новгор. гос. объедин. музей-заповедник, 1997. С. 251-260.
- Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области за 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977а.

- Полесских М.Р.* Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. Пенза: Приволж. кн. изд-во. Пенз. отделение, 1977б. 88 с.
- Пряхин А.Д., Цыбин М.В.* Древнерусское Семилукское городище XII–XIII вв. // Археология славянского юго-востока. Воронеж: ВГУ, 1977. С. 93-106.
- Расторопов А.В.* Отчет об археологических исследованиях в Вадинском районе Пензенской области в 1993 году. Пенза, 1994.
- Руденко К.А.* Датировка находок “аскизского круга” из Волжской Булгарии // Аскизские древности в средневековой истории Евразии / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, К.А. Руденко. Казань: Гос. объединенный музей Респуб. Татарстан, 2000. С. 48-127.
- Святкин С.В.* Клинковое оружие мордвы в первой половине II тыс. н.э. // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья / Тезисы науч. конф. Мордов. гос. пед. ин-т / Отв. ред. В.В. Гришаков, Саранск: МГПИ, 2000. С. 27-34.
- Седова М.В.* Ярополч Залесский. М., Наука, 1978. 158 с.
- Солдатенкова Д.В.* Мотив птицы в вышивке народов Волго-Уральского региона (к проблеме этнокультурных связей) // Культура, искусство татарского народа: истоки, традиции, взаимосвязи / Отв. ред. Г.Ф. Валеева-Сулейманова. Казань: ИЯЛИ. 1993. С. 69-78.
- Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. Серия: Археология СССР. М.: Наука, 1981. 302 с.
- Фахрутдинов Р.Г.* Мелодия камней: записки археолога. Казань: Таткнигоиздат, 1992. 175 с.
- Худяков Ю.С.* Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1991. 186 с.
- Хузин Ф.Ш.* Ранние булгары и Волжская Булгария. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2006. 583 с.

**Э. Р. Усманова,
М. Б. Кожа,
З. К. Сураганова,
А. Д. Искандерова**

Эмма Радиковна Усманова,
Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова,
Караганды, Казахстан;
Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск, Россия; emmadervish2004@mail.ru

Мухтар Бакадырулы Кожа,
Международный Казахско-Турецкий университет им. Ходжа Ахмеда Ясави,
Туркестан, Казахстан; mukhtar_kozha@mail.ru

Зубайда Кабиевна Сураганова,
Государственный историко-культурный музей-заповедник «Есік»,
Алматы, Казахстан; suraganova_zk@mail.ru

Айсулу Джапбарбергеновна Искандерова,
Самаркандский Институт археологии им. Я. Гулямова,
Самарканд, Узбекистан; aysulu.iskander@gmail.com

Символика ритуалов мавзолея Джучи-хана (к вопросу об истории изучения)*

Аннотация. Казахская народная традиция связывает мавзолей Джучи-хана с именем старшего сына Чингиз-хана (Казахстан, Улытау). А.Х. Маргулан, исследовавший два погребения мавзолея в 1946 г., предположил, что они принадлежали Джучи-хану, похороненному в 1227 г., и его жене. Радиоуглеродное датирование деревянных архитектурных деталей мавзолея определило два этапа его строительства в рамках XIV в. Символика черепа жертвенного верблюда из погребения и формы навершия на куполе мавзолея входит в серию мифологем. Они определены архетипом культов верблюда и быка в традициях народов Центральной Азии. Мавзолей сочетает исламские и доисламские черты в обрядности. Высказана версия, что погребение Джучи-хана отсутствует в мусульманском мавзолее, которое, по всей видимости, названо в его честь и является мемориальным комплексом.

Ключевые слова: мавзолей, Золотая Орда, Джучи-хан, кубба, культ верблюда и быка, алем

Эмма Радиковна Усманова,
Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды, Қазақстан;
Оңтүстік Орал мемлекеттік университеті, Челябинск, Ресей

Мұхтар Бақадырулы Қожа,
Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті,
Түркістан, Қазақстан

© 2022 г. Э.Р. Усманова, М.Б. Кожа, З.К. Сураганова, А.Д. Искандерова

*Работа выполнена в рамках программно-целевого финансирования Министерства культуры и спорта Республики Казахстан, ИРН проекта BR10164218, 2021–2023 гг.

Зубайда Кабиевна Сураганова,
«Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы, Алматы, Қазақстан
Айсұлу Джапбарбергеновна Искандерова,
Я. Гуляммов атындағы Самарқанд археология институты,
Самарқанд, Өзбекстан

**Жошы хан кесенесіндегі ғұрыптардың символикасы
(зерттелу тарихы мәселесіне)**

Аннотация. Қазақтың халық дәстүрі Жошы хан кесенесін Шыңғыс ханның үлкен ұлының есімімен байланыстырады (Қазақстан, Ұлытау). 1946 ж. кесенедегі екі мүрдені зерттеген Ә.Х. Марғұлан олардың 1227 ж. жерленген Жошы хан мен оның әйеліне тиесілі деп болжам айтты. Кесененің ағаш бөлшектерінің радиоқөміртекті мерзімдеу тәсілі оның құрылысының XIV ғасырда екі кезеңнен тұрғанын көрсетті. Жерлеу орнынан алынған құрбандық түйенің бас сүйегі және кесене күмбезі ұшындағы шошақ пішіннің символы мифологемалар сериясына жатады. Олар Орталық Азия халықтарының дәстүрлеріндегі түйе және өгіз культтерінің архетипімен айқындалады. Кесене ғұрыптарында исламдық және исламға дейінгі белгілер бар. Мұсылмандық кесенеді Жошы ханның мәйіті жоқ деген болжам айтылады, шамасы оның құрметіне есімімен аталған және мемориалдық кешен болып табылады.

Түйін сөздер: кесене, Алтын Орда, Жошы хан, кубба, түйе мен өгіз культі, алем

Emma R. Usmanova,
Buketov Karagandy University, Karaganda, Kazakhstan,
South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
Mukhtar B. Kozha,
Yassawi International Kazakh-Turkish University,
Turkestan, Kazakhstan
Zubaida K. Suraganova,
State Historical and Cultural Museum-Reserve “Esik”,
Almaty, Kazakhstan
Aysulu D. Iskanderova,
Ya. Gulyamov Institute of Archaeology,
Samarkand, Uzbekistan

Symbolism of Jochi Khan Mausoleum's rituals (to the question of studying)

Abstract. Kazakh folk tradition connects the mausoleum of Jochi Khan with the name of the eldest son of Genghis Khan (Kazakhstan, Ulytau). A. Margulan, who examined two burials of the mausoleum in 1946, suggested that they belonged to Jochi Khan, buried in 1227, and his wife. Radiocarbon dating of wooden architectural details of the mausoleum determined two stages of its construction within the 14th century. The symbolism of the skull of the sacrificial camel from the burial and the shape of the pommel on the dome of the mausoleum is included in a series of mythologies. They are defined by the archetype of camel and bull cults in the traditions of the peoples of Central Asia. The mausoleum combines Islamic and pre-Islamic features in ritual. A version has been expressed that the burial of Jochi Khan is missing in the Muslim mausoleum, which, apparently, is named after him and is a memorial complex.

Keywords: mausoleum, the Golden Horde, Jochi Khan, qubba, camel and bull cult, alem

«<...> смутные силуэты пасущихся в поле верблюдов. Они стояли под луной, застыв в неподвижности, пережидали ночь. И среди них различил Едигей своего двугорбого, крупноголового нара – самого сильного, пожалуй, в сарозеках и быстроходного <...>. Едигей гордился им, редкой силы животное <...> надо <...> пригнать Каранара домой, поставить под седловище. Пригодится для поездок на похоронах».
Ч.Т. Айтматов. И дальше века длится день

*«Глава неба, бык <...>»
Ригведа, IX, 27-3*

«<...> подобно магической церемонии или молитве, которая может выразить одновременно и благодарение, и обет, и просьбу о милости, жертвоприношение способно выполнять сразу множество функций».
М. Моос. Социальные функции священного

Мавзолей Джучи-хана. Архитектурный контекст. В Улытау насчитывается около 40 памятников времени Золотой Орды (XIII–XV вв.). Самый известный из них – мавзолей Джучи-хана (по-казахски Жошыхан), который народная традиция связывает с именем старшего сына Чингис-хана [Хорош 2009]. Однокамерный портално-купольный мавзолей из жженного красного кирпича с двойным куполом сфероконической формы (рис. 1–3), облицованный глазурованной плиткой бирюзового цвета находится в 45 км от г. Жезказган, на левом берегу реки Каракенгир (Улытауская обл., Казахстан) (48°09'20.08536»N; 67°49'02.10342»E).

Мавзолей имел два одновременных этапа строительства, ремонты и подновления, появление ограждения и замощения площадки перед входом в последующие годы. «К первому этапу строительства относится возведение основного портално-купольного объема с одинарным куполом и порталом<...>. Ко второму этапу относится реконструкция, включавшая надстройку 13 рядов кладки по верху четверика мавзолея, возведение над существующим куполом второго, внешнего купола на ребристом «звездчатом» барабане и их облицовку, а также добавление новой кладки с тыльной стороны и по верху портала и устройство декоративного заполнения П-образного пояска»

Рис. 1. Мавзолей Джучи-хана. Вид до реставрации. Фото Г.Г. Герасимова, 1946 г.

Рис. 2. Мавзолей Джучи-хана. Вид после реставрации.
Фото Е.Х. Хорош, 2000 г.

Рис. 3. Мавзолей Джучи-хана. Вид сверху, после реставрации.
Фото В. Шуптар, 2021 г.

[Хорош 2009: 104]. Интерьер мавзолея лишен декоративного убранства, свет проникает через два небольших окошка в боковых стенах у основания купола. В помещении два захоронения, первоначальные надгробия их не сохранились.

На основании археологических, архитектурных данных специалисты по-разному датируют постройку мавзолея. По мнению А.Х. Маргулана, он был сооружен в 1228 г., после смерти Джучи-хана в 1227 г. [Маргулан 1948: 142–143]. На основании письменного свидетельства, что Джучи-хан «умер раньше своего отца – в 622/1225 году» [ал-Карши 2005: 119] представляется, что прежняя дата его смерти 1227 г. является ошибочной [Ускенбай 2013: 65–67].

Другое мнение – строительство относится к XIV в., ко времени правления Узбек-хана, когда ислам стал государственной религией Золотой Орды [Егинбайулы 2001: 104]. Второй же этап строительства Е.Х. Хорош датирует тимуридским временем [Хорош 2009: 108]. Сопряжённый анализ калибровки 14С дат образцов деревянных конструкций

мавзолея, собранных Е.Х. Хорош, позволил пока выделить два этапа в строительстве мавзолея в XIV в. Ранняя дата строительства мавзолея, возможно, относится к возведению самого здания, а более поздняя дата – к последующей достройке высоты фасада и его украшению [Panyushkina et al. 2022: 1–9].

Мавзолей Джучи-хана. Археологический контекст. Первые археологические исследования двух погребений внутри мавзолея были проведены в 1946 г. [Маргулан 1948]. В погребении № 1

у стенки мавзолея обнаружены остатки деревянного гроба и разрозненные кости человека, кости животных, череп верблюда, фрагменты кожи, ткани и знамени. В центральном погребении № 2 найдены кости другого скелета, остатки деревянного гроба, фрагменты ткани. Дно погребения было выложено плитками, среди которых две из жженного кирпича, декорированные растительным орнаментом и стилизованной надписью на арабском языке. Стенки обоих погребений были облицованы кирпичами из самана [Маргулан 1948: 142–143]. Захоронения оказались сильно поврежденными грабительским вскрытием в 1928 г. или 1929 г. [Пацевич 1946: 31–33].

Исламская архитектура и компоненты погребального обряда позволили специалистам предположить назначение мавзолея как мемориального комплекса, названного в честь памяти Джучи-хана. Была высказана версия о нахождении настоящего его тайного погребения, совершенного по ритуалам, принятым в правящем роду борджигинов, «золотого рода» Чингиз-хана, в другом месте [Егинбайұлы 2001: 104; Усманова и др. 2021: 249–257].

Посмертный инвентарь: череп верблюда. Археологический аспект. Разрушенный инвентарь двух погребений не сохранился *in situ* и в настоящее время не доступен для исследования. По всей видимости, наличие черепа верблюда, единственной определимой кости, в какой-то степени дает возможность объяснить символику совершенного обряда. Видовая принадлежность других костей животных осталась неизвестной. Череп верблюда упоминается и при повторном вскрытии погребения № 1, видимо, оставленного в могиле после раскопок 1946 г. [Егинбайұлы 2001: 96].

Один из авторов статьи (М. Кожа – прим. авт.) не исключает возможность попадания в могилу верблюжьего черепа в момент вторичной засыпки после грабительского вскрытия в 1928 г. или 1929 г. Верблюжий череп мог находиться внутри мавзолея в надмогильной насыпи как элемент ритуала, совершенного до первого грабительского ограбления. Известна находка верблюжьего черепа внутри надмогильной насыпи на могиле казахского поэта Махамбета, убитого в 1846 г. [Шаяхметов 1969: 57].

Верблюд: археолого-этнографический аспект. Мировое искусство с древнейших времен демонстрирует изображения верблюда в металле, глине, камне и кости [Гюль 2020: 117–129]. Культ верблюда с его символикой развивался, формируя зооморфной код культуры, вероятно, параллельно с процессом одомашнивания этого вида животного [Khazbulatov, Shaigozova 2020: 231–242; Исянгулов 2014: 109]. Физические и тяговые качества, способность давать молоко, шерсть, мясо, сделали верблюда незаменимым животным в хозяйстве человека.

Находки на поселении Гонур-депе (БМАК, 2400–1600 гг. до н.э.) демонстрируют роль двугорбого верблюда как тягового животного. Скелеты верблюдов находились во всех погребениях, где были найдены четырехколесные повозки [Сарианиди, Дубова 2015: 527]. Сюжеты с изображениями верблюдов и сценами битвы двух самцов выделяются в скифском искусстве [Королькова 1994: 68–96]. Образ верблюда представлен в торевтике саков и петроглифах кочевников Центральной Азии [Акишев 1984: 69–76].

Природная и культурная сущность образа верблюда проявилась в религиозной системе символов зороастризма. Имя пророка Заратуштра означает «обладающий старым верблюдом», и в этом есть глубинный природно-социальный смысл мифической обожествляемой личности [Соколов 1997: 168]. Верблюд в «Авесте» – это одно из воплощений божества войны и победы Верэтрашы [Есбергенова 2001: 11].

В большом объеме смысловые функции верблюда выразились в ритуальных практиках тюркских и монгольских народов в виде фундаментального образа, который можно считать мифологемой [Абишева 2013: 108]. Домусульманские верования тюрков Средней Азии и Казахстана представляют ипостаси верблюда, которые могут быть сведены к следующим основным

символическим показателям в культурном коде тюрко-монгольского симбиоза [Шомбал-Кукашев 2001: 351–373]:

1. *Помощник шамана.* Верблюд связан с потусторонним миром, с образом Коркыта-ата, тюркского первопредка шаманов. Является транспортным средством шаманов и символом бубна. Духи-покровители в верблюжьем обличье являются к баксы-гадателю [Масалимова 2007: 27; Наурызбаева 2013: 19; Опарин 2012: 10].

2. *Оберег, талисман.* Почитание верблюда было связано с культом плодородия. Его кости применялись в лечебной магии. Мясо очищает и помогает роженице, воплощает мужскую силу. Верблюжьи черепа и шерсть являются универсальными оберегами [Снесарев 1969: 318; Ураева 2013: 16]. По традиции у каракалпаков женщины в период беременности стараются не есть верблюжье мясо и не пить верблюжье молоко. В случае несоблюдения данного запрета беременность женщины по поверьям может продлиться до 10–12 месяцев [Есбергенов, Атамуратов 1975: 124]. Подобные представления широко распространены у туркмен, казахов и киргизов [Теджев 1989: 118; Толеубаев 1991: 62; Баялиева 1972: 30–31].

3. *Календарь.* Верблюд – это воплощение всех животных 12-летнего цикла [Аманов, Мухамбетова 2002: 37].

4. *Орнамент.* Түйе мойын, бота мойын (на каз. яз.) – верблюжья шея в виде латинской буквы «S», түйе табан, түйе көз (на каракалпакском и казахском языках) – верблюжий след и глаз – распространённые орнаменты тюркских народов [Khazbulatov, Shaigozova 2020: 238; Снесарев 1969: 318; Алламуратов 1977: 33; Богословская 2019: 28, 158]].

5. *Жертвенное животное.* В казахской традиции верблюд считался самой ценной жертвой [Аргынбаев 1975: 195–197]. Монголы также использовали верблюда-самца белой масти в качестве жертвенного животного [Содномпилова, Нанзатов 2013: 34]. В исламском жертвоприношении курбан в жертву приносят верблюдов или крупный и мелкий рогатый скот [Гаджиев ...]. «Очень богатые люди забивают на праздник курбан одного верблюда, и считается, что он заменяет семь овец» [Радлов 1989: 286].

6. *Перевозчик и проводник умерших.* В мировоззрении монгольских народов верблюд, животное с «холодным» дыханием, рассматривается как дар земного божества [Содномпилова, Нанзатов 2013: 42–43]. У тюрков верблюд – посредник между умершим человеком и небом. Где садится верблюд с телом умершего, там образуются кладбища и места паломничества, отмеченные святыми людьми, суфиями [Ураева 2013: 16–18].

7. *Природные явления.* Тема появления грозы в мифологии монгольских народов представлена различным образом. «Небесный верблюд» в качестве громовержца известен в мифологии калмыков и других ойратских народов [Неклюдов 2019: 144].

Таков основной семантический «узел» образов верблюда в традиционной культуре народов Центральной Азии. В случае реконструкции ритуальности мавзолея Джучи-хана верблюд выступает как ипостась животного, которое совмещает воедино профанные (доставка тела покойного до места захоронения) и сакральные (доставка усопшего в мир духов) функции. В казахской погребальной традиции есть на эту тему показательный сюжет: «Мужчину везли только на «атан түйе» (верблюд-самец), а женщину – на «инген» (верблюдица). <...> если покойника везли издалека, то верблюда, на котором его везли, обязательно резали и погребали в той же могиле. <...> место погребения святых людей определяет «атан түйе» (атан), на котором везли покойника. Обычно этот верблюд останавливается и оседает на том месте, где должен быть похоронен святой (легенда о некрополе Камысбая в Мангистауской области, Мулкилана в Кызыл-Ординской области, Раимбека в Алма-Ате)» [Толеубаев 1991: 99].

Реконструкция мифологемы «верблюд». Многокомпонентный ресурс по семиотическому статусу позволяет с большой долей вероятности интерпретировать знаковый смысл присутствия головы этого животного в ритуальном пространстве мавзолея Джучи-хана. По всей видимости, образ верблюда, обозначающего сакральные места и мир предков, символизировал святость захороненного в мавзолее человека, скорее всего, принадлежавшего к мусульманскому вероисповеданию. Голова верблюда, вероятно, относилась к животному, доставившего тело усопшего до места погребения, и затем принесенного в жертву. Верблюжья голова была захоронена вместе с умершим человеком, соединив в погребальном обряде элементы исламского и доисламского культов.

«Кубба» – навершие купола мавзолея. Исторический контекст. Кубба, куббе – арабский термин для обозначения исламской куполообразной святыни, гробницы, куполов, более точный перевод – «купол неба» [Кубба – Qubba]. «Кубба – это завершение (навершие), которое устанавливается в верхней точке купола. Изготавливается из керамики или металла в виде одного–двух шаров с пикой» [Булатова, Маньковская 1983: 138]. Покрытые глазурью зеленого и голубого цвета цельные «кубба», напоминающие своим видом «спортивные кубки», были найдены в керамической мастерской второй половины XIII – первой половины XIV в. вблизи городища Отрар [Кожа 2003: 254–259]. В архитектуре тимуридского периода второй половины XIV–XVI в. появляются сложносоставные навершия из нескольких отдельных элементов. До настоящего времени сложносоставная кубба венчает купол гурханы ханакки Ходжа Ахмеда Ясауи, Туркестан (рис. 4). Кубба схожей формы первоначально украшала купол мавзолея Рабии Султан-бегим – дочери Улугбека (рис. 5) [Туркестанский альбом, 1871–1872].

Кубба и алем мавзолея Джучи-хана. В 1973 г. во время расчистки кровли от завала кирпичей разрушенного внешнего купола мавзолея Джучи-хана сотрудниками Центрально-Казахстанской экспедиции Министерства культуры КазССР М.К. Семби, М.С. Нуркабаевым и М.А. Маманбаевым были обнаружены фрагменты керамического навершия куббы с поливой светло-зеленого цвета: три «кувшинообразных» и два «чашеобразных» элемента (рис. 6). По словам историка М.К. Семби,

Рис. 4. Кубба. Реставраторы Л.Ю. Маньковская, И. Усманходжаев, 1956 г. (по: [Фотоальбом 1971]. Обработка фото: М.А. Антонов

кувшины легко вставлялись друг в друга, а нижнее основание навершия имело чашеобразную форму. Авторы находки считают, что кубба принадлежала позднему надстроенному куполу. На этот факт косвенно указывают кирпичи с поливой верхнего купола и наличие глазури на «кувшинах» навершия. Внутренний купол не был облицован поливными изразцами.

Верхушка куббы заканчивалась двумя боковыми заостренными горизонтальными про-

екциями в виде изогнутых отдельных «рогов» в венчающей части, что разительно отличает их от единой дуги серпа новой луны – полумесяца. «Рога» с двух сторон прикреплены к верхнему «кувшину» наверху, между ними находится конусовидный выступ в виде полой трубки (рис. 7). Позже по проекту реставрации мавзолея была изготовлена модель трехчастного навершия, с поливой синего цвета, что отличалось от цвета оригинала. Именно эта верхняя архитектурная деталь сегодня украшает отреставрированный купол мавзолея Джучи-хана (рис. 8). Все детали сохранились во фрагментах и были восстановлены в оригинале. Аналогов подобного навершия с алемом в виде «рогов» вместо полумесяца среди средневековых куполов в Средней Азии и Казахстане авторам неизвестны.

Алем – это тип металлического навершия, в турецком языке слово «алем» означает военное знамя, в арабском – знамя, вымпел, столб, знак [Алем Интернет-ресурс]. Принято считать, что изображение полумесяца первыми стали применять мусульмане Османской империи в архитектурном оформлении верха минарета, купола мечети или минбера (кафедра) после XIV в. О позднем появлении полумесяца как символа ислама «над крышами и куполами мечетей» и его характерной принадлежности для турецко-османского ислама упоминает В.В. Бартольд [Бартольд 2002: 489–491]. За пределами тюрко-турецкой цивилизации архитекторы часто используют другие элементы или вовсе не используют никаких символов на куполах. По всей видимости, в символике Золотой Орды изображение полумесяца играло роль государственного или геральдического знака [Юрченко 2012: 111–116].

Возвращаясь к алему-знаку на куполе мавзолея Джучи-хана, можно предположить, что он изо-

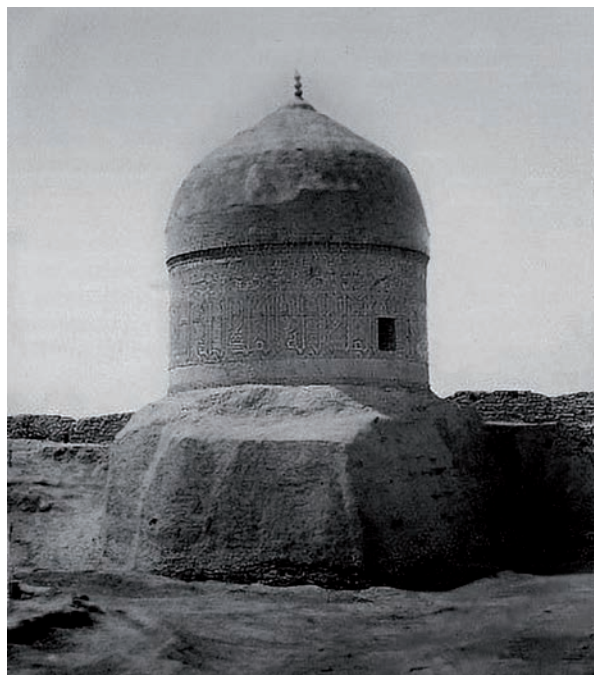

Рис. 5. Туркестан. Мавзолей Рабии Султан-бегим. XV в. (по: [Туркестанский альбом 1871–1872: 5]).
Обработка фото: М.А. Антонов

Рис. 6. Мавзолей Джучи-хана. М.К. Сембин и М.С. Нуркабаев. Находка навершия-куббы. Фото М.А. Маманбаева, 1973 г.

Рис. 7. Мавзолей Джучи-хана. Навершие-кубба. Оригинал. Национальный историко-культурный и природный музей-заповедник Улытау. Фото Э.Р. Усмановой, 2021 г.

Символический образ быка-оберега определен культом плодородия [Окладникова 2010: 6–11]. Под охраной бычьих рогов – знаком полумесяца – находились неолитические дома Чатал-Гююка и минойские дворцы лабиринта Минотавра на Крите [Говорухина ...].

«В некоторых памятниках художественной культуры народов Центральной и Передней Азии встречаются сюжеты, связанные с быком, в частности сюжет с полумесяцем над рогами быка. Видимо, здесь проявляется представление древнего населения о том, что бык – животное лунного происхождения» [Есбергенова 2001: 9]. Образ Быка широко

бражен в образе «рогов». По своей форме и внешнему виду он отличается от алама в конфигурации полумесяца в горизонтальном или вертикальном положении. Вероятно, полисемантическое значение подобного алама сохраняется в исламской архитектуре тюркского происхождения. Символ фигуры почти замкнутого кольца, похожий на полумесяц — у турок, означает не только неполную луну, но и рога [Чеснокова ...]. В данном случае представляется древнейшая мировая мифологема образа быка.

Символика рогов быка – общий контекст. Бык один из первых одомашненных животных [Хлопин 1981: 26–30]. Культурное отношение к нему складывалось в течение многих тысячелетий. Рога животного – это сакральный знак с глубоким мифологическим смыслом, который присутствует в изобразительной символике божеств, астральной символике. Рога воспринимаются как символический способ переноса человека в иные миры [Сала, Деом 2019: 151–169].

Рис. 8. Мавзолей Джучи-хана. Навершие-кубба. Современная копия на куполе. Фото Э.Р. Усмановой, 2021 г.

представлен в мифологии и шаманизме многих тюркских и монгольских народов. К примеру, мифический предок Огуз-хан был наделён зооморфными чертами священного быка [Павлов 2010: 266]. С глубокой древности земледельческие народы связывали образ быка с водной стихией, дарующей плодородие земле – посвященное божеству Окса жертвенное животное, обладающее мощной производящей силой [Аширов 2016: 208].

Сюжет о Небесном быке – один из устойчивых в мифологии и фольклоре народов тюрко-монгольского культурного круга, где его образ определен архетипом борца со злыми силами. Доминирующим кодом в семантике Небесного быка является цветовой. Небесный бык предстает то в голубой (серой), то в черной, то рыже-пестрой мастях: – буха-ноин – у бурят [Потанин 1883: 265], көк өгіз – у тюрков Центральной Азии. Серый или голубой цвет у степняков ассоциировался с небом. В казахской мифологии цветовой код семантически присутствует в имени Небесного быка – Көк өгіз – голубой (серый) бык. У якутов в образе голубого пестрого быка шаман вступает в ритуальный поединок с рыже-пестрым быком, олицетворявшим болезнь Оспу [Потанин 1883: 265]. Көк өгіз выступает в одном из казахских преданий в образе духа предка-покровителя. Согласно ему, дух Арыстан-баба (Арыстан бабтың әруағы) – учителя и наставника одного из основоположников суфизма на территории Казахстана Ходжа Ахмеда Ясави являлся в образе огромного көк өгіз [Дастанов 1967: 9].

Рост красных рогов у голубо-пестрого быка («знак» небесного начала) интерпретируется как «рождение солнца на его рогах», ознаменовывая тем самым уничтожение темных деструктивных сил (болезнь) и начало новой жизни. Если в тюркской мифологии Небесный бык держит на одном из своих рогов планету Земля, то в зороастрийской традиции «при сотворении основы люди передвигались (на нем) из кешвара (в кешвар), а при воскрешении» из него готовили «(напиток (?)) бессмертия» [Зороастрийские тексты 1997: 291–292].

Широко распространенным персонажем в тюркской мифологии был бык-земледержец [Потанин 1883: 737, 799]. В Слове о возникновении земли в Kitab-ал-булдан Ибн ал-Факиха приводятся сведения, имеющие отношение к Корану о сотворении Аллахом семи небес и семи земных твердей, где седьмой слой земли представлялся в образе быка, на рогах которого покоилась земля [Коран, сура 65, стих 12: 450; Ибн Ал-Факих Ал-Хамадани 1960: 68-69].

Приведенная реконструкция семантики алама с верхнего архитектурного устройства мавзолея Джучи-хана как «рогов» быка носит характер гипотезы. Еще раз отметим, что в оригинале кубба-навешие имела зеленый цвет поливы с лёгким оттенком бирюзы, купол был же покрыт глазурованными плитками голубого цвета. Цветовая разница деталей, по всей видимости, также подразумевала сакральную символику. Фрагмент керамического «рога» был выявлен в коллекции керамики из раскопок жилых помещений, расположенных рядом с мавзолеем Джучи-хана [Егинбайулы 2001: 93–100]. Скорее всего, навешие для купола изготавливались здесь же на месте, в ремесленной гончарной мастерской около мавзолея. Архитектурный декор купола мавзолея Джучи-хана предстоит еще изучить в свете новых изысканий и датировок мавзолея.

Мавзолей Джучи-хана – архитектурная презентация взаимоотношений между исламом и доисламскими верованиями. Главный фасад мавзолея Джучи ориентирован на ЮЗ (азимут 210°), что отвечает правилам посещения и поклонения могил в исламе. В составленной в городе Самарканде в XII в. «Малой Кандии» Абу-ль Фазл Мухаммад ан-Насафи рекомендуется «<...> при поклонении могилам стоять спиной к «кыбле» и лицом в сторону покойника, произнести там приветствие <...>» [Кандия Малая 1905: 259]. Очевидно, что при проектировании и строительстве мавзолея Джучи-хана его главный фасад был специально ориентирован на Каабу в Мекке (рис. 9).

Исламский облик архитектуры мавзолея, датированного по первым периодам строительства и перестроек XIV в., сочетается с компонентами доисламских реликтов и мифологем. Мавзолей

Рис. 9. План расположения мавзолея Джучи-хана относительно направления (кибла) в сторону священной Каабы в г. Мекке. Исполнитель: М.А. Антонов

Джучи-хана – это архитектурное и ритуализированное свидетельство о проникновении ислама в среду кочевников, который основательно закрепился в имперской надэтничной золотоордынской культуре Улуса Джучи в 1313 г., когда к власти пришел хан Узбек [Измайлов 2016: 601–627].

История создания мавзолея Джучи-хана напоминает детектив со многими вопросами. Почему мавзолей в стиле мусульманского канона получает имя Джучи-хана, который не был мусульманином. Кто был инициатором постройки второго купола и какова причина его воздвижения? Кому принадлежали захоронения в мавзолее, устроенные под куполом, синим как бесконечное степное небо? История изучения символики ритуалов мавзолея Джучи-хана в какой-то степени способствует поиску ответов на эти вопросы.

ЛИТЕРАТУРА

- Абишева О. Путешествие в край аруаны. Сакральные смыслы образа // Простор. 2013. № 12. С. 108-117.
- Акишев А.К. Образ верблюда в легендах Центральной Азии // Этнография народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. С. 69-76.
- Аманов Б.Ж., Мухамбетова А.И. Казахская традиционная музыка и XX век. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 544 с.
- ал-Карши. Джамал ал-Карши. ал-Мулхакат би-с-сурах / Отв. ред. А.К. Муминов. Введ., пер. с арабо-перс., коммент., текст, факс. Ш.Х. Вахидова, Б.Б. Аминова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 416 с. (История Казахстана в персидских источниках. I т.).
- Алламуратов А. Каракалпакская народная вышивка. Нукус: Каракалпакстан, 1977. 80 с.
- Аргынбаев Х.М. Народные обычаи и поверья казахов, связанные со скотоводством // Хозяйственно-культурные традиции Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1975. С. 194-205.

- Аширов А. А. Традиционные верования и шаманизм (Узбекистан) // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. I. Самарканд: МИЦАИ, 2016. С. 200-256.
- Бартольд В.В. К вопросу о полумесяце как символе ислама // Работы по истории ислама и Арабского халифата. М.: «Восточная литература» РАН, 2002. С. 489-491.
- Баялиева Т. Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе: Илим, 1972. 171 с.
- Богословская И. В. Каракалпакский орнамент: образ и смысл. Алматы: МИЦАИ, 2019. 220 с.
- Булатова В.А., Маньковская Л.Ю. Памятники зодчества Ташкента XIV–XIX вв. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1983. 146 с.
- Гаджиев Мухаммад аль-Инчхи. Как правильно совершить жертвоприношение (курбан). URL: <https://islam.ru/content/veroeshenie/43506.Islam.ru> (дата обращения 02.06.2022 г.).
- Говорухина Е.А. Украшенные бычьими головами стены домов в поселении Чатал-Гююк. Турция. К вопросу семантики быка в культах минойского Крита. URL: https://vk.com/wall-86388164_4934 (дата обращения 02.06.2022 г.).
- Гюль Т.И. Образ верблюда в доисламском искусстве Средней Азии (культово-религиозный аспект) // Народы и религии Евразии. 2020. № 1 (22). С. 117-129.
- Дастанов О. «Әулиелі» жерлер туралы шындық. Алматы: Қазақстан, 1967. 66 б.
- Егинбайулы Ж. Археологические исследования комплекса Жошы-хана // Отан тарихы. 2001. № 2. С. 90-106.
- Есбергенова С.Х. Почитание животных в культовой практике каракалпаков (конец XIX – сер. XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нукус, 2001. 21 с.
- Есбергенов Х., Атамуратов А. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус: Каракалпакстан, 1975. 212 с.
- Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадастан и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и др. тексты / Издание подг. О.М. Чунаковой. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 351 с.
- Ибн Ал-Факих Ал-Хамадани «Книга стран» // Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Т. 1. Арабские источники VII–X вв. М.-Л.: АН СССР, 1960. С. 46-86.
- Измайлов И.Л. Соотношение ислама и язычества в улусе Джучи: проблемы историографии и современные дискуссии // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). Алматы: ИА КН МОН РК, 2016. С. 601-627.
- Исянгулов Ш.Н. Верблюды в древних воззрениях башкир. // Этногенез. История. Культура: Вторые Юсуповские чтения. М-лы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Р.М. Юсупова (г. Уфа, 13 ноября 2014 г.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 108-112.
- Кандия Малая // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 8. Самаркандский областной статистический комитет. Самарканд, 1905. URL: http://drevlit.ru/docs/central_asia/XII/1140-1160/Qandija_malaja/text.php (дата обращения: 10.04.2021 г.).
- Кожа М. Архитектурная керамика Отрара второй половины XIII – первой половины XIV в. // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2003. № 1. С. 254-259.
- Коран. Пер. с араб. акад. И.Ю. Крачковского. М.: Раритет, 1990. 528 с.
- Королькова Е.Ф. Образы верблюдов и пути их развития в искусстве ранних кочевников Евразии // АСГЭ. 1999. Вып. 34. С. 68-96.
- Кубба–Qubba. URL: <https://wikijaa.ru/wiki/Qubba./site:wiki5.ru> (дата обращения 02.06.2022 г.).
- Масалимова А.Р. Маргинальные фигуры в верованиях казахов (легенда о Коркыте – Первом шамане и создателе кобыза) // Наука и религия в глобализирующемся мире: сб. статей / Отв. ред. В.В. Королев. Казань: Казанский федеральный университет, 2007. С. 27-37.
- Маргулан А.Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.) // Известия АН КазССР. Сер. ист. 1948. № 49. Вып. 4. С. 119-145.
- Наурызбаева З. Вечное небо казахов. Алматы: «СаҒа», 2013. 704 с.
- Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Миф и обряд. М.: Индрик, 2019. 520 с.
- Окладникова Е.А. Палеокалендарные тексты горы Калбак-Таш (Горный Алтай, Исторический контекст современности). Сыктывкар: Коми. пед. ун-т, 2010. С. 6-11.
- Опарин А.А. Манкурты – наследие жужанского ханства // Обзор мировых вопросов. 2012. № 3. С. 10-15.

- Павлов Е. В. Этнические истоки культа Буха-нойон баабая и генезис западно-бурятского племени булагат // Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье) / отв. ред. П. Б. Коновалов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 256-274.
- Пацевич Г.И. Дневник ЦКАЭ 1946 г. // Архив ИА КН МОН РК. Инв. № 367.
- Потанин Г. Н. Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 году. Вып. 4. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 1026 с.
- Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Изд-во Гл. ред. вост. лит., 1989. 749 с.
- Сала Р., Деом Ж.-М. Рога и быки, живущие и мертвые в петроглифической традиции Западно-Центральной Азии: семиотический подход // История и археология Семиречья. 2019. Вып. 6. С. 151-169.
- Сарианиди В.И, Дубова Н.А. Культ животных в Маргиане // Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015): Археология, история, культура / Под ред. Никонорова В.П., Алёхина В.А. СПб.: ООО «Контраст», 2015. 1112 с.: ил.
- Снесарев Г.Б. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 338 с.
- Содномпилова М.М., Нанзатов Б.З. «Табан хошуу мал» верблюды в традиционных представлениях монгольских народов // Вестник БНЦ СО РАН. 2013. № 4. С. 34-45.
- Соколов С.Н. Зороастризм – древнейшая религия иранских племён. Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб: Журнал «Нева» – РХГИ, 1997. 480 с.
- Теджев А. Детские обряды и воспитание детей в семье // Новое и традиционное в быту туркменской сельской семьи / Отв. ред. Г.П. Васильева, А.О. Оразов. Ашхабад: Ылым, 1989. С. 112–148.
- Толубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов Алматы: Ылым, 1991. 213 с.
- Туркестанский альбом. Часть археологическая. Составители Кун А.Л., Богаевский Н.Б. 1871–1872. Лист 5.
- Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и-Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. 288 с.
- Усманова Э.Р., Кожа М.Б., Ускенбай К., Ахатов Г.А., Джумабеков Д.А. К вопросу о тайных погребениях золотордынской эпохи в Улытау // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: м-лы XI Междунар. науч. конф. (г. Абакан, 8–11 сентября 2021 г.) / Отв. ред. Поляков А.В., Кашуба М.Т., Цыбиктаров А.Д. Абакан: ИИМК РАН, 2021. С. 249-257.
- Ураева Д.С. Толкование народных поверий, связанных с культом верблюда в узбекском фольклоре // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы. М-лы 2-й Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, 20–23 апреля 2013 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2013. С. 16-18.
- Фотоальбом к отчету по архитектурно-археологическому изучению мавзолея Ахмеда Ясави в ходе реставрации 1951–1959 гг. Ташкент-Алма-Ата, 1971.
- Шаяхметов Н. Из тьмы веков: (Портрет по черепу). Алма-Ата: Казахстан, 1969. 103 с.
- Шомбал-Кукашев Р. О символике старинного казахского поминального ритуала «түйе шешу» // Қазақтың әдет-ғұрыптары мен салт-дәстүрлері: өткендегісі және бүгіні. Алматы: Ылым, 2001. С. 351-373.
- Чеснокова Лена. Ясно-понятно. Что в исламе означает полумесяц и когда этот символ стали использовать в строительстве мечетей? URL: <https://inde.io/article/2522->. (дата обращения 02.06.2022 г.).
- Хлопин И.Н. Образ быка у первобытных земледельцев Средней Азии // Древний Восток и мировая культура. М.: Наука, гл. ред. Восточной литературы, 1981. С. 26-31.
- Хорош Е.Х. К вопросу о строительной истории мавзолея Жоши-хана // Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: м-лы науч.-практ. конф. (г. Алматы, 25–26 апреля 2008 г.) / Под ред. Жанаева Б.Т. Алматы: Дайк-Пресс, 2009. С. 101-109.
- Юрченко А. Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. 432 с.
- Alem (final Alem (окончание) – Alem (final). URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/site:wiki5.ru> (дата обращения 02.06.2022 г.).
- Khazbulatov A.R., Shaigozova Z.N. Zoomorphic code of Kazakhstan Culture: Camel Symbols (cultural and art history understanding) // Педагогика и психология. 2020. № 3 (44). С. 231-242.
- Panyushkina I.P., Usmanova E.R., Uskenbay K.Z., Kozha M.B., Dzhumabekov D.A., Akhatov G.A., Timothy Jull A.J. Chronology of the Golden Horde in Kazakhstan: 14C dating of Jochi Khan mausoleum // Radiocarbon. 2022. Vol. 10, nr. 24. P. 1-9.

Н. П. Матвеева

Наталья Петровна Матвеева,
Тюменский государственный университет,
г. Тюмень, Россия; nataliamatveeva1703@yandex.ru

Взаимодействие населения лесостепи Западной Сибири в раннем Средневековье с народами Казахстана*

Аннотация. В IV–IX вв. н.э. под влиянием Великого переселения народов в западной части западносибирской лесостепи, в долинах рек Тобол и Ишим, на местной основе с участием таежных мигрантов формируется бакальская культура, ареал и специфика которой в значительной мере обусловлены экономическими и политическими связями с южными регионами. Интенсификация взаимодействия с южными соседями произошла вследствие остепнения, включившего лесостепь в зону хозяйственных интересов кочевников, а также развития торговли. Местное население в результате заимствовало не только предметы престижа и воинской культуры, но и элементы кочевого быта, переходя на более подвижный образ жизни. Предполагаем, что исчезновение бакальской культуры в начале IX в. связано с борьбой печенегов и огузов за земли Приаралья в VIII–IX вв. и продвижением первых, как потерпевших поражение, по Тоболу на север, а также с нажимом кыпчаков с востока. Вероятно, что смешанное бакальско-потчевашское население, оставившее памятники переходного типа, участвовало в этногенезе мадьяр в числе прочих, сформировавших караякуповское сообщество.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Приаралье, раннее Средневековье

Наталья Петровна Матвеева,
Тюмен мемлекеттік университеті, Тюмен қ., Ресей

Батыс Сібірдің орманды далалық тұрғындарының Қазақстан халқымен ерте ортағасырдағы өзара қарым қатынасы

Аннотация. V–IX ғғ. халықтардың Ұлы қонысы әсерінен Батыс Сібір орманды даласының батыс бөлігінде, Тобыл және Есіл өзендерінің аңғарларында тайга мигранттарының қатысуымен жергілікті негізде оңтүстік аймақтардың ауқымы мен ерекшелігі көбінесе экономикалық және саяси байланыстармен шартталған бакал мәдениеті қалыптасады. Оңтүстік көршілермен өзара іс-қимылдың күшеюі көшпенділердің шаруашылық мүдделері аймағына орманды даланы қосуы, сондай-ақ сауданың дамуынан болды. Нәтижесінде жергілікті тұрғындар бедел мен әскери мәдениет заттарын ғана емес, көшпелі тұрмыс элементтерін де неғұрлым шапшаң өмір салтына көшірді. IX ғ. басында бакал мәдениетінің жоғалуы VIII–IX ғғ. печенегтер мен оғыздардың Арал бойы жерлері үшін күресімен және бірінші, жеңіліске ұшыраған ретінде Тобыл бойымен солтүстікке жылжуымен, сондай-ақ шығыстан қыпшақтардың қысымымен байланысты деп болжаймыз. Бәлкім, бұл аралас бакал-потчеваш тұрғындары, переходного типіндегі ескерткіштерді қалдырған караякупов қауымдастығын құраған басқалардың ішіндегі мадияр этногенезінде атсалысты.

Түйін сөздер: Батыс Сібір, Арал бойы, ерте Ортағасыр

Natalia Matveeva,
Tyumen State University, Tyumen, Russia

Relations between West Siberia population and Kazakhstan steppe peoples in the Early Middle Ages

Abstract. In the 4th–9th centuries AD, under the influence of the Great Migration of peoples in the western part of the West Siberian forest-steppe, in the valleys of the Tobol and Ishim rivers, the Bakalskaya culture was formed

© 2022 Матвеева Н.П.

*Подготовлено при поддержке гранта РФФИ-Тюменская область № 20-49-720001 «Роль миграций в историко-культурной динамике юга Западной Сибири в эпоху средневековья».

on a local basis with the participation of taiga migrants, the area and specifics of which are largely due to economic and political ties with the southern regions. The intensification of interaction with the southern neighbors occurred as a result of settling down, which included the forest-steppe in the zone of economic interests of nomads, as well as the development of trade. As a result, the local population borrowed not only prestige items and military culture, but also elements of nomadic life, switching to a more mobile lifestyle. We assume that the disappearance of the Bakalskaya culture at the beginning of the 9th century is connected with the struggle of the Pechenegs and Oghuzes for the lands of the Aral Sea in the 8th–9th centuries and the advance of the former, as defeated, along the Tobol to the north, as well as with the pressure of the Kipchaks from the east. It is likely that the mixed Bakal-Potchevash population, who left monuments of the Pereymin type, participated in the ethnogenesis of the Magyars, among others, who formed the Karayakup community.

Keywords: Western Siberia, Cis-Aral, Early Middle Ages

Вопросы влияния на культуру западносибирского населения раннего железного века взаимоотношений с кочевниками и торговыми центрами Средней Азии активно обсуждаются в литературе, поскольку имеются обширный фонд импортной продукции, существенные новации в обрядах, проведены сравнительно-исторические и технологические штудии, показана включенность региона в систему Великого Шелкового пути [Довгалюк 1995; Матвеева 1997; 2000; 2014; Матющенко, Татаурова 1997; Погодин 1996, Киселева и др. 2020]. Применительно к последующему периоду это направление только начинает разрабатываться из-за слабости источниковой базы, недостаточной изученности могильников, тогда как по материалам Приуралья и Прикамья постулирован расцвет торговли на дальние расстояния, подтвержденный импортными предметами,кладами, так и серийными нумизматическими находками [Голдина Р.Д., Голдина Е.В. 2010 и др.; Даркевич, 2010]. Сложившаяся проблемная ситуация актуализирует рассмотрение некоторых инноваций в инвентаре и погребальной практике населения в западной части лесостепи как свидетельств меридиональных контактов. Благоприятные условия для них создались вследствие остепнения и даже сдвига ландшафтных зон на север в раннем средневековье, что позволило предполагать включение лесостепи в хозяйственный ареал казахстанских кочевников [Рябогина, Иванов 2013; Матвеева 2016].

В Притоболье и Приишимье в рамках IV – нач. IX в. была распространена бакальская культура, памятники которой представлены городищами, селищами и курганными могильниками (рис. 1). Она возникла на саргатской основе с рядом привнесенных компонентов. Преемственность между саргатской и бакальской культурами явно не выражена, поскольку произошла трансформация унаследованных традиций. Сохранились саргатская система расселения вокруг крепостей как центров эксплуатации территории (рис. 1Б), при значительно возросшей мощности оборонительных линий на них (рис. 2, 2–4), преемственный курганный обряд с ориентировкой простых ям в СЗ сектор и сосудами в изголовье. В украшении бакальской керамики из нескольких приемов декорирования раннего железного века жемчужно-ямочная и гребенчатая техники связаны с местными подтаежными культурами, и саргатская линия продолжается только в накольчато-резной орнаментации (рис. 4, 14–19). Комплексное хозяйство имело производящую направленность с преобладанием скотоводства и коневодства, в частности. Имеются свидетельства охоты на мясных копытных, боровую и водоплавающую дичь, запорного и сетевого рыболовства, пушного промысла и развитого собирательства.

Самостоятельно местное население производило черный металл: бытовые ножички, длинные засапожные ножи, топоры, удила и псалии, тесла с несомкнутой втулкой, серпы, наконечники стрел, панцирные пластинки, поясные и седельные пряжки. Почти полное отсутствие клинкового оружия в памятниках (кинжал – 1 ед., обломок перекрестия сабли – 1 ед.) указывает на его высокую ценность. Для шлифовки и заточки готовых предметов использовали абразивные

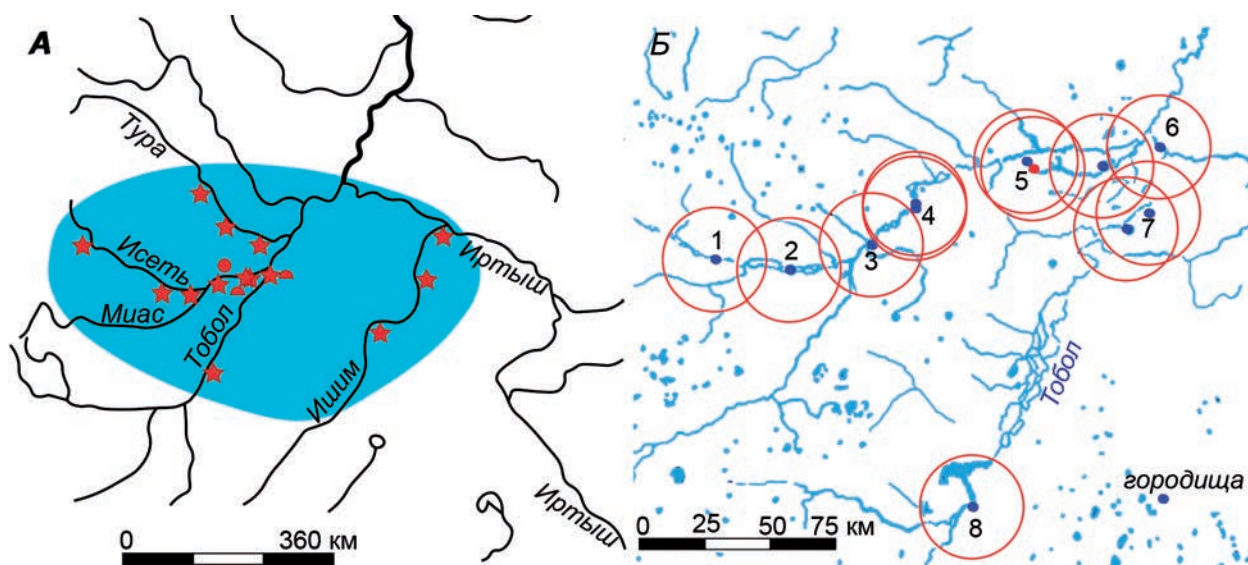

Рис. 1. Ареал бакальской культуры (А) и схема расположения бакальских городищ в Притоболье: 1 – Большое Бакальское; 2 – Прыговское; 3 – Папское; 4 – Усть-Терсюк-1; 5 – Красногорское и Коловское; 6 – Старо-Лыбаевское-1; 7 – Упоровское; 8 – Усть-Утяк-1

камни и оселки. Продуктами цветной металлообработки являлись разнообразные украшения костюма и предметы туалета: пуговицы, пинцеты, серьги, поясные пряжки и накладки, литые зооморфные и антропоморфные подвески, пронизи, гривны, браслеты. Из бронзы известны вотивные копья, зажимы и мелкие бляшки для уздечки, кольца для упряжи, шилья. На основании точных аналогий в степных и прикамских культурах по форме и размерам предметов большую часть украшений и котелков, клепанных из полос, соединенных швом «в зубец», считаем предметами импорта. Существовали косторезное ремесло, деревообрабатывающее производство, домашнее прядение и ткачество, кожевенное производство. находка берестяного туеска с обрезками хорошо выделанной кожи в бакальском жилище Царева городища говорит об использовании аппликации в декоративных изделиях, набранных из кусочков разных материалов, бисер в погребениях – о вышивке одежды и головных уборов. Валяние войлока, плетение циновок, дальняя торговля, сопровождение караванов, документированы костюми верблюдов, импортной посуды, например, салтово-маяцкой на городище Усть-Утяк-1, металлической утвари в случайных сборах, фрагментами вышеназванных органических материалов и стеклянными и металлическими привозными украшениями в могильниках.

Новации в погребальной практике. Курганы бакальской культуры известны только малые без ровиков в коротких цепочках с малой дистанцией между ними, расположенные на мысах рек и озер и краях террас. Монументальное мемориальное строительство на высоких гривах и водораздельных увалах с IV в. прекратилось. Круговая ориентировка умерших вокруг центра кургана сменилась на рядовую, появляются разнородные заимствования из среды поздних сарматов, праболгар и гуннов: кольцевая деформация черепа, захоронения с размещением коня на перекрытии могил (рис. 3, 3, 4), поминальные комплексы со шкурой лошади рядом с могилой, сооружение курганов только для лошади [Матвеева 2016]. Способы обращения с умершими различны: помещение в гробовище, берестяные покрывки, кошму, кожу, камышовую циновку

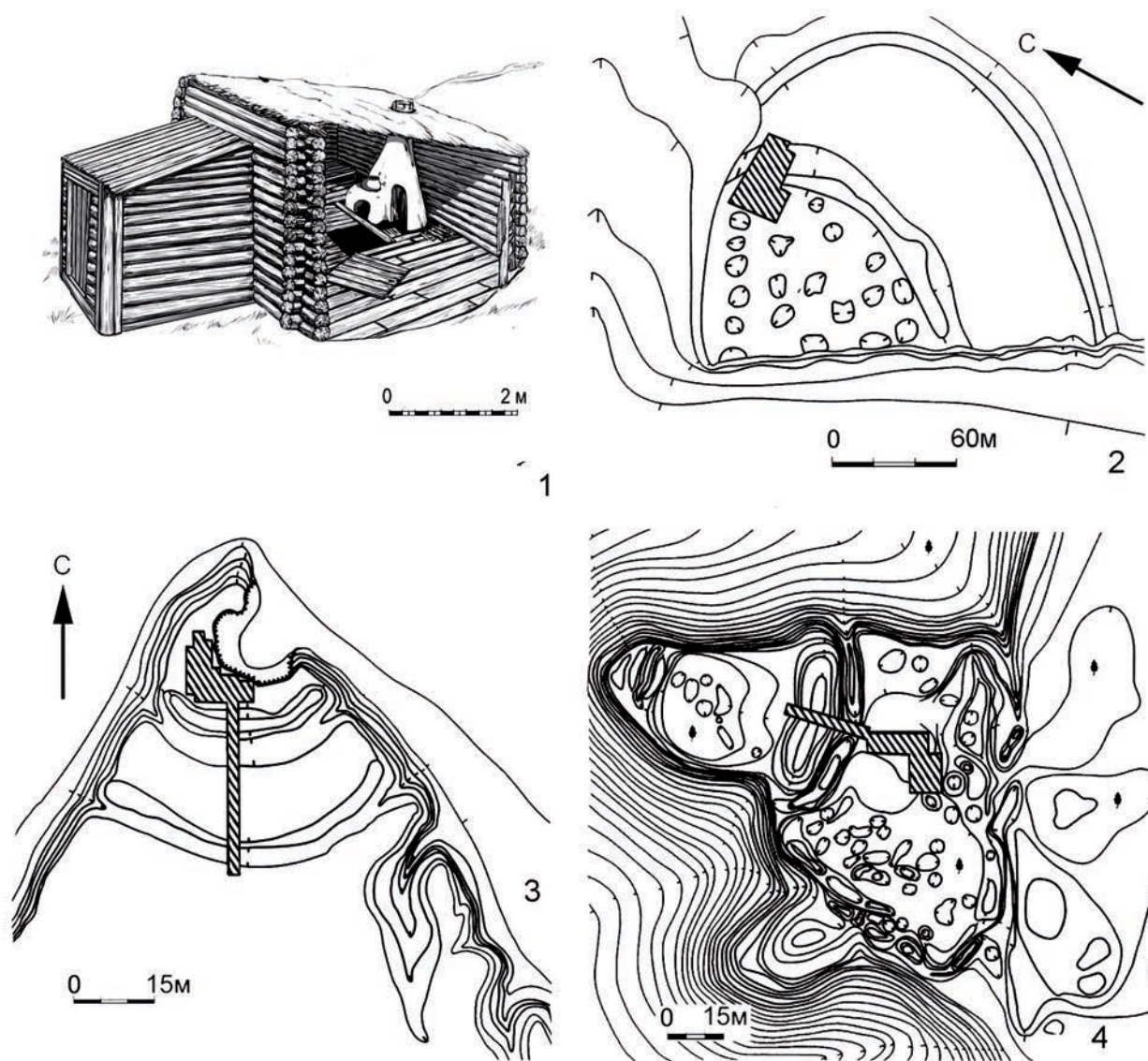

Рис. 2. Жилище (1) с городища Усть-Терсюк-1 и планы укрепленных поселений бакальской культуры:
2 – Борки; 3 – Большое Бакальское, Усть-Терсюк-1

или войлочный ковер, причем тела подвергались тугому пеленанию. В зимнее время их хранили в мешках или коврах-килимах, в наземных постройках на могильниках (напр., Воденниково-1), где они оказывались доступны хищникам, о чем говорят погрызы на костях и позы людей ничком, а также вторичные погребения с кучным положением костей скелета, но не смещенным инвентарем [Чикунова 2013: 221]. На площади могильников (Козлов Мыс-2, Ревда-5) изучены специальные площадки для коллективного поминовения всех умерших с остатками построек, костями животных и керамическим боем.

Возникли ранее неизвестные в лесостепи обычаи снимать пояс с умершего и расправлять его, класть культовые предметы в коробочках у плеча, сохранять выпавшие зубы и помещать их с владельцем при захоронении, по-видимому, заимствованные при брачных контактах из

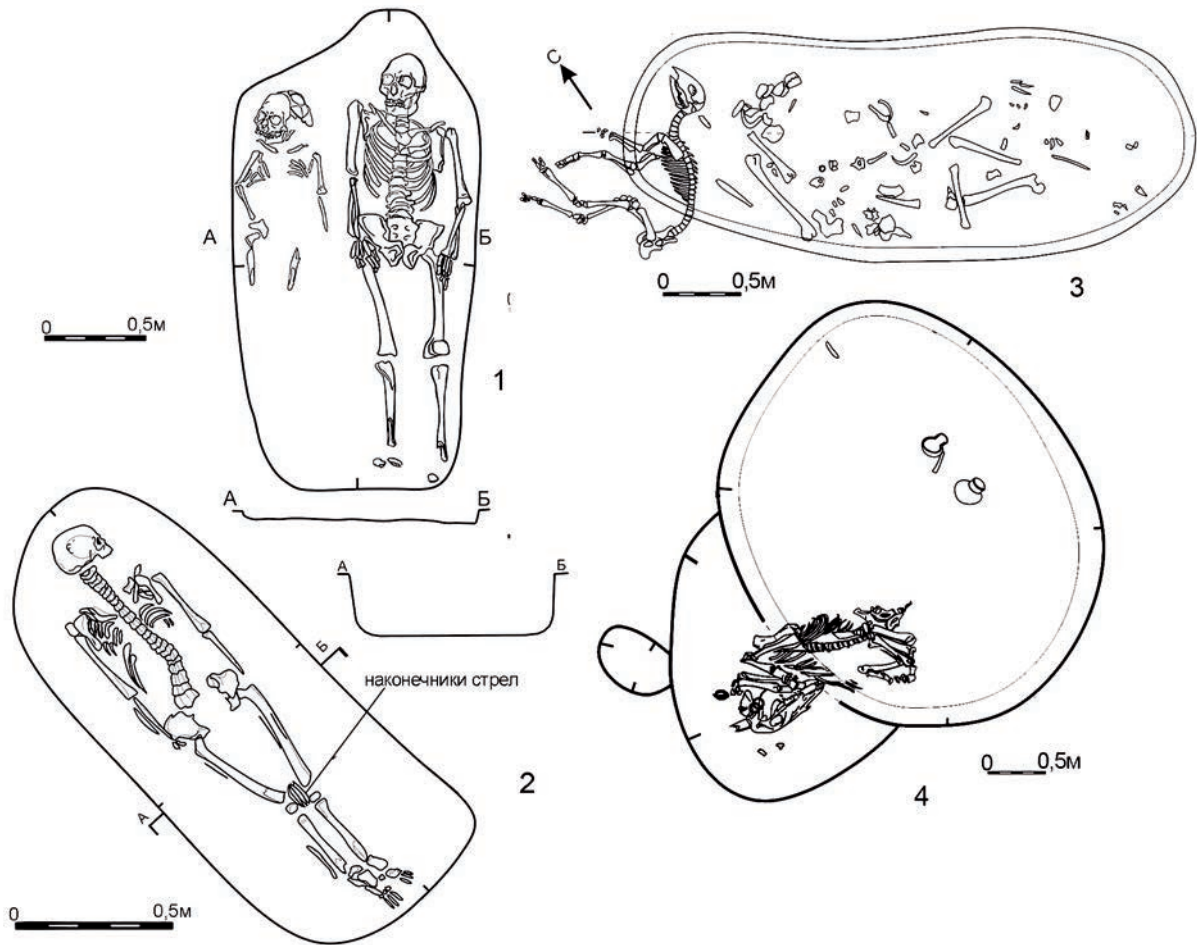

Рис. 3. Погребения бакальской культуры могильника Устьюг-1: 1 – погр. 1, к. 1; 2 – погр. 1, к. 14; 3 – погр. 1, к. 26; 4 – погр. 1, к. 34

более северной финно-угорской среды. Как культ черепа, известный в Западной Сибири и в предшествующие эпохи, рассматриваем случаи обнаружения костей от голов других людей в могилах с умершими [Матвеева 2016: 126]. Если северный мигрантный компонент проявляется весьма отчетливо [Западная Сибирь... 2022: 196], то притока степного населения на антропологическом материале пока не зафиксировано. В IV–VI вв., вероятно, имели место отдельные воинские рейды кочевников в лесостепь и попытки установления даннических отношений, захвата пленников, на что указывают высокая доля ранений на скелетах и случаи явных казней [Слепченко, Пошехонова 2014], отсутствие оружия в могилах.

На вторжение номадов на Средний Тобол в VII–VIII вв. н.э. указывает изменение в обряде могильников Хрипуновский и Усть-Суерка-1: вместо устройства ям в материке покойных располагали на древнем горизонте или впускных могилах в ранние курганы, с юго-западной ориентировкой умерших, появилась практика включения оружия в инвентарь захоронений [Маслюженко и др. 2011].

Миграцию из лесного Прииртышья на склоны Урала в VII–VIII вв. показывают комплексы перейминского типа (синкретичные бакальско-потчевашские) могильников Перейминский и

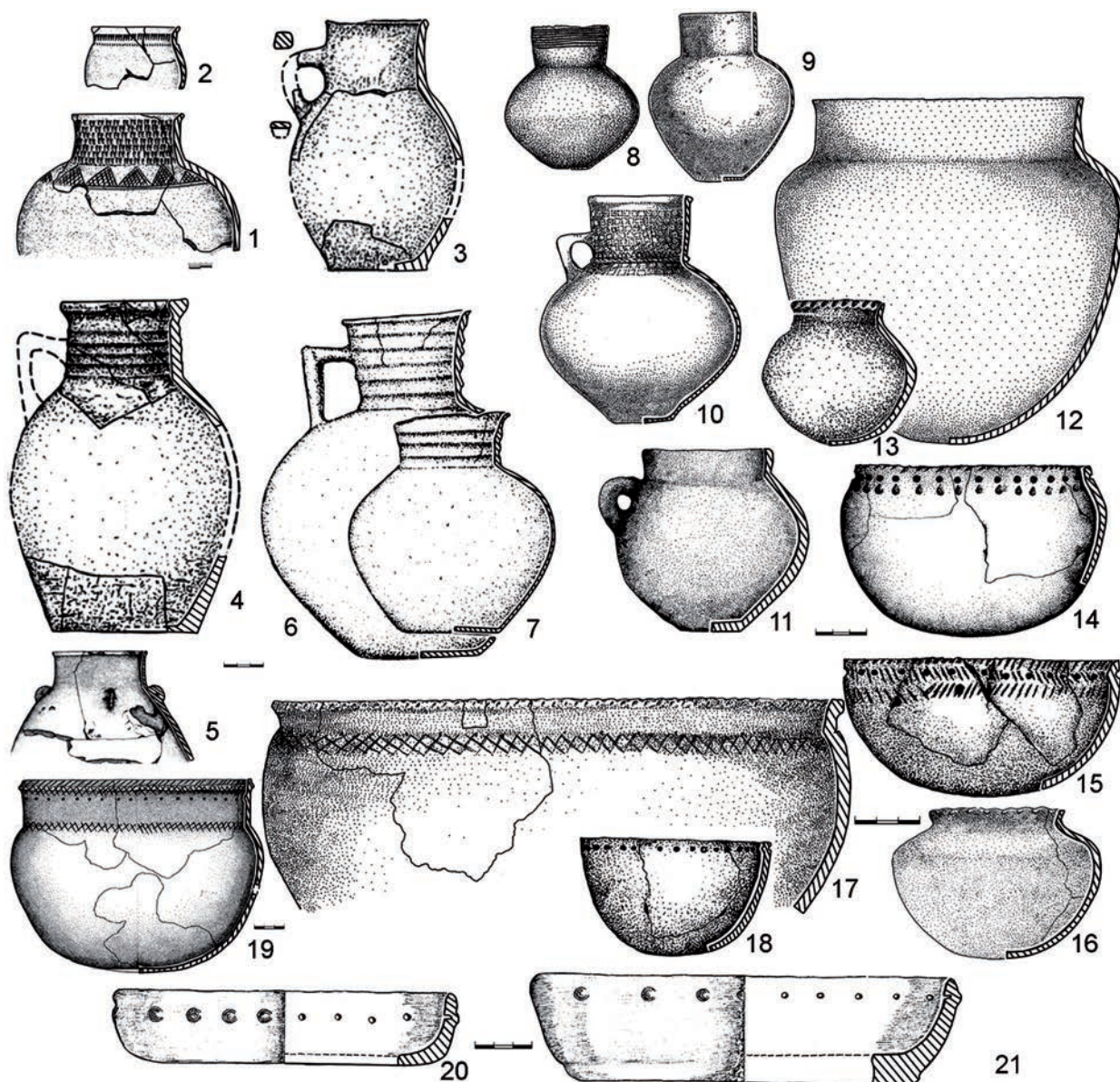

Рис. 4. Керамика из памятников бакальской культуры: 1, 2 – кушнаренковская; 3–7 – импорты; 8–11 – подражания; 12–21 – типичные формы. 1, 2 – Коловское; 5 – Усть-Утяк-1; 3–4, 20–21 – Усть-Терсюк-1; 6, 7 – Карасье-9. Подражания: 8 – Ревда; 9–11 – Устюг-1; 12 – Ревда; 13, 16 – Устюг-1; 14, 15, 18 – Коловское; 19 – Перейминский

Воденниково-1. Новации видим в использовании гробов, ориентировке умерших головой на запад, установке сосудов вне могил, в синкретичных формах и узорах посуды [Матвеева и др. 2021].

Смену образа жизни на сочетание полукочевого и полуседлого укладов в лесостепи (без явного экологического толчка) документируют кратковременность обитания на бакальских городищах и селищах, разборные жилища. Новым типом построек являются наземные срубные дома малой площади с сенями, печами-чувалами, т. е., глинобитными пристенными каминами на каркасе из жердей и подпольями (рис. 2, 1). Источник заимствований в домостроительстве,

вероятно, является общим для Урала, Прикамья, судя по аналогиям в полемской, неволинской культурах [Черных 2008], и Притоболья, но конкретное его расположение пока не ясно.

Новации в керамике выражены в резком расширении ассортимента форм изделий, способов изготовления и декоров по сравнению с ранним железным веком. Посуда делится на столовую, кухонную и тарную. В первую входят миски, кружки с ручками, кувшины с одной ручкой и без нее, мелкие горшочки, чаши; во вторую: горшки объемом 2–10 л, котлы (рис. 4, 19), сковородки (рис. 4, 20, 21). В третью – горшки объемом 13–17 л (рис. 4, 17). Горшки имеют низкую шейку, прямо срезанную по венчику или глубоко насеченную, что дает волнистый край бортика. В качестве сырья брали ожелезненную глину, реже – илестую, в нее добавляли шамот, навоз, выжимки из него, песок, а в целом, можно сказать, посуда запесоченная. Бакальская керамика низкого качества, сильно расслаивается и не поддается склейке в целые формы, что обусловлено крупноразмерным шамотом, кратковременной сушкой на воздухе, костровым низкотемпературным обжигом при недостатке хорошего топлива или перепаде температур. Орнамент нанесен только в верхней трети тулова рядами ямок или жемчужин, грубых нарезок, наколов палочкой, уголков, ногтевых вдавлений, зашипов, гребенки, часты «елочка», нарезная решетка (рис. 4).

С точки зрения навыков формообразования можно отметить, что в ранних памятниках типа некрополя Устюг-1 второй пол. III – нач. IV в. преобладают сосуды средних пропорций, аналогичные саргатским образцам. Затем в конце IV–V в. появляются сосуды низких-средних пропорций, подражающие карымской керамике [Зеленков 2017: 103]. Позднее, в VII–VIII вв. распространяются высокогорлые кувшины с поясами геометрических узоров, нанесенных мелкой гребенкой, желобками или шнуром, имеющие прототипы в потчевашской гончарной традиции Прииртышья и Барабы.

На большинстве памятников бакальские комплексы содержат примесь инокультурной посуды в единичных изделиях или в виде малочисленного боя. Как правило, это карымская и зеленогорская керамика с фигурными штампами, полученная от северных таежных соседей, а также неопределенная нами до конкретной культуры «среднеазиатская», выполненная из теста с примесью жженой кости, единично встречена салтово-маяцкая, более часто регистрируется джетыясарская – в виде плоскодонных кружек и кувшинов с желобчатым декором (рис. 4, 3–7). Кушнаренковская посуда отчетливо выделяется по форме и качеству выделки. Это коричневая, красно- и черноглиняная тонкостенная керамика высоких пропорций, в основном представлена кувшинами с ручками и без них и плоскодонными горшками с мелким просеянным песком в тесте, горнового обжига (рис. 4, 8–11). Ее технологическая специфика определена И.Н. Васильевой: изделия, формованные по формам-моделям, в т. ч. кожаным, выбивкой заготовки из лоскутов, с тщательным заглаживанием и лощением, ангобированием для финишного выравнивания поверхности [Васильева 1993: 46].

Кушнаренковская керамика встречается в виде малочисленной примеси не только в бакальских поселениях и могильниках, но и в карымских памятниках, а также в материалах разных культур Приуралья, Поволжья и Прикамья (табл. 1). Вслед за Н.А. Мажитовым, который на своей трактовке 1980-х годов данной керамики как высоко качественной столовой посуды [Мажитов 1981: 27–28], в дальнейшем не стал настаивать, предлагаем рассматривать эту гончарную продукцию как тип артефактов. Кроме того, у этой оригинальной кушнаренковской керамики не оказалось тесной связи ни с одним из типов погребений. А именно, считаем ее престижными изделиями столового назначения, отмечая их распространение от Волги и Камы до Иртыша [Матвеева 2019; 2021]. Ныне кушнаренковская керамика обнаружена в более чем 120 объектах Приуралья, в 25 памятниках Зауралья, в степных курганах «с усами» [Грудочко 2018: рис. 7; Краева, Матюшко 2018: рис. 11, 15],

на сезонных стоянках на Волге [Сташенков 2018: 258–259], что поддерживает версию престижного характера данного типа посуды. Кушнаренковская технология имеет приаральское происхождение, т. к. часть сосудов этого типа является импортами, а часть – сосудами-подражаниями джетыасарским [Зеленков 2019], что наряду с другими товарами свидетельствует об активной торговле аборигенов Тоболо-Ишимья с населением Приуралья и Сырдарьи в течение IV–VII вв. н.э. Где именно производились такие гончарные изделия, пока остается не ясным.

Таблица 1 – Распределение кушнаренковской керамики в памятниках (по опубликованным данным)

Памятник	доля в комплексе в % или кол-во	Источник	Памятник	доля в комплексе в % или кол-во	Источник
Верх-Саинское городище	0,69	Пастушенко, 2008	Новобиккинский мог.	1 ед.	Мажитов, 1977
Верх-Саинский мог.	0,84	Там же	Булгарский мог.	1 ед.	Там же
Бартымское-1 селище	0,18	»	Уфимский мог.	1 ед.	»
Морозковское-4 селище	0,07	»	Муракаевский мог.	1 ед.	»
Антоновское городище	1,41	»	Стерлитамакский мог.	2 ед.	»
Халиловский мог.	1 ед.	Мажитов, 1977	Каранаевский мог.	3 ед.	»
Манянский мог.	21 ед.	Там же	Хусаиновский мог.	3 ед.	»
Красногорский мог.	1 ед.	»	Ишимбай мог.	1 ед.	»
Кушнаренковский мог.	8,69	Васюткин, 1968	Старокалмашевское городище	56 ед.	»
Бахмутинский мог.	2 ед.	Мажитов, 1977	Бирский мог.	15,4	Султанова, 2000
Шареевский мог.	2 ед.	Там же	Новотурбаслинское селище	18 ед.	Мажитов, 1977
Староянгизитовский мог.	2/ ед.	»	Бирское городище	10 ед.	Там же
Бекешевский мог.	10 ед.	»	Романовское-2 селище	9 ед.	»
Сынташевский мог.	2/ ед.	»	Турбаслинское городище	4 ед.	»
Лагереvский мог.	16 ед.	»	Уфа-2 городище	15,2	Иванов, 2012
Новотурбаслинский мог.	1 ед.	»	Усть-Утяк-1 городище	12,8	Боталов и др., 2013
Колоvское городище	7,47	Матвеева и др., 2008	Кузубаевское городище	16,19	Останина, 2002
Папское городище	10,4	Матвеева и др., 2020	Б. Бакальское городище	11,1	Боталов и др., 2013

Новации в инвентаре. Новые типы изделий, появившиеся в бакальской культуре, связаны с распространением ведущих типов поясной гарнитуры, украшений, конской сбруи эпохи Великого переселения народов. В начальный период бакальской культуры поясной гарнитуре доминируют позднесарматские пряжки с овальными рамками равномерной ширины, круглорамчатые с утолщением спереди, с щитком прямоугольной, сегментовидной или овальной формы, прикрепленным к рамке перегибом пластины [Малашев 2000: 209–210], ременные накладки с подвесками, восьмерковидные зажимы [Голдина 2003: табл. 2, 12]. Примером вещей этого же хронологического горизонта являются веретенovidные, в виде параллелепипедов и пирамидальные темно-коричневые бусы, грибовидные пронизки янтарные [Алексеева 1978: 24–25], бусы красные удлиненные цилиндрической формы и бочковидные, трехчастные, удлиненно-цилиндрический бисер из черного стекла, а также золоченые [Алексеева 1978: табл. 33, 71]. Из украшений характерны фибулы с узкой ассиметричной спинкой удлиненно ромбовидной формы и калачиковидные серьги. Из материалов лесной зоны распространены бронзовые подвески в виде стоящих медведей и росомых с рельефным литым узором шнурами и желобками [Матвеева 1994: рис. 69, 2, 5; Казанцева 1988: рис. 3, 35].

Позднее круг вещей отражает активизацию торговли с кочевниками Казахстана и Южного Приуралья. Это лировидные и трапециевидные бесщитковые пряжки, пластинчатые штампованные наконечники ремней, декорированные цепочкой ромбов, сердцевидных фигур, квадратные, пятиугольные, «Т»-образные штампованные рельефные с геометрическим узором накладки на пояс «среднеаварского» периода [Мажитов 1981: 102; Эрдели 1986: рис. 132; Гавритухин 2014: 138], бронзовые распределители ремней с прямоугольной петлей и двумя сердцевидными лопастями [Гавритухин 1996: рис. 4, 79]. Из украшений характерны бронзовые прутковые браслеты с наплывами на концах и по центру и витые гривны [Голдина 2012: табл. 172, 16], сходные с потчевашскими [Генинг, Зданович 1987: рис. 3, 11; Могильников, Конилов 1983: рис. 9, 10], бусины яйцевидные светло-коричневые полупрозрачные, бочковидные черные, золоченые, зеленые, аналогичные неволинским [Голдина Е.В. 2010: 29–30, 57].

В памятниках перейминского типа VII–VIII вв. появляется набор совершенно новых вещей: перстни с круглым и ромбическим щитком, с тремя выпуклостями на щитке, «предгеральдические» пряжки, коньковые подвески, колесовидные фибулы, двухдисковые бляхи с крупной зернью, височные гроздевидные подвески – с аналогиями, уводящими не только в Приуралье [Голдина 2004: рис. 102, 15], но и в низовья Сырдарьи [Левина 1996: рис. 142], средневековый Согд [Распопова 1980: рис. 77, 18]. Хрустальные бусы и сердолик также имеют аналогии в неволинской культуре [Голдина Е.В. 2010: табл. 32, 36] и на Северном Кавказе [Деопик 1963: рис. 5, 2, 23]. Поэтому можно предполагать, что насельники Тоболо-Ишимья были включены в международную торговлю и обмен с соседями, а со второй пол. VI в. н.э. стали реципиентами влияния Первого, а позднее – и Второго Тюркских каганатов, а позднее – сепаратистских групп кимаков и кыпчаков.

Исчезновение бакальской культуры в начале IX в., возможно, связано с борьбой печенегов и огузов за земли Приуралья в VIII–IX вв. и продвижением первых, как потерпевших поражение, по Тоболу на север, а также с нажимом кыпчаков с востока. Предполагаем, что перейминские группы участвовали в этногенезе мадьяр в числе прочих, сформировавших караякуповское сообщество где-то в степи, поскольку в лесостепи преобладали таежные монголоиды [Западная Сибирь... 2022: 197]. Смешение тюрков с местным населением отразилось в обрядах могильников VIII в. восточной части ареала потчевашской культуры – в Барабе [Молодин и др. 1988]. На Верхней Оби в составе популяций доминирует монголоидный кулайский субстрат с более поздней примесью южно-сибирских элементов (кимако-кыпчакских) [Западная Сибирь... 2022: 196].

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1-12. Ч. 2. М.: АН СССР, 1978. 120 с.
- Боталов С.Г., Гущина Е.В., Кайдалов А.И., Сечко Е.А.* К итогам исследования бакальского историко-культурного горизонта // II-й Междунар. Мадыарский симпозиум / Отв. ред. С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 14-37.
- Васильева И.Н.* Гончарство Волжской Болгарии в X–XII вв. Екатеринбург: Наука, 1993. 246 с.
- Васюткин С.М.* Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тыс. н.э. // СА. 1968. № 1. С. 56-72.
- Гавритухин И.О.* К изучению ременных гарнитур Поволжья // Культуры Евразийских степей / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-культурный музей им. П.А. Алабина, 1996. С. 115-133.
- Гавритухин И.О.* Ременная накладка ранневизантийского круга из Подмосквья // РА. 2014. № 4. С. 134-144.
- Генинг В.Ф., Зданович С.Я.* Лихачевский могильник на р. Ишим – памятник потчевашской культуры VI–VIII вв. н.э. // Ранний железный век и средневековье / отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: ЧелГУ, 1987. С. 119-133.
- Голдина Е.В.* Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.). Ижевск: УдмГУ, 2010. 264 с.
- Голдина Е.В., Голдина Р.Д.* «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.). Приложение // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). Ижевск: УдмГУ, 2010. С. 156-263.
- Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск: изд-во «Удмуртия», 2003. Т. II, илл. 727 с.
- Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2004. Т. I, текст-каталог погребений. 319 с.
- Голдина Р.Д.* Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье. Материалы и исследования Камско-Вятской археол. экспедиции. Т. 21. Ижевск: УдмГУ, 2012. 472 с.
- Грудочко И.В.* Курганы с усами урало-казахстанских степей // III Международный Мадыарский симпозиум. Budapest: PPKE BTK Régészettudományi Intézet; MTABTK Magyar Östörténeti Társaság; Martin Opitz Kiadó, 2018. С.63–90 (на венгер. и рус. яз.).
- Деопик В.Д.* Классификация и хронология аланских украшений VI–IX вв. // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА № 114, М. 1963. С. 122-147.
- Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.: Либроком, 2010. 184 с.
- Довгалоук Н.П.* Стекланные украшения Западной Сибири эпохи раннего железного века (по материалам саргатской культуры): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 19 с.
- Зеленков А.С.* Особенности гончарства как показатель взаимодействия населения Урало-Сибирского региона в раннем средневековье // Вестник Пермского университета. История. 2017. № 1. С. 98-106.
- Зеленков А.С.* О статусе псевдокушнаренковской керамики в археологическом контексте Западной Сибири раннего средневековья // Ab Origine. 2019. / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Вып. 11. С. 24-44.
- Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей / Н.П. Матвеева, А.П. Зыков, А.С. Зеленков, Е.А. Третьяков, А.Н. Багашев, О.Е. Пошехонова, С.М. Слепченко, Е.А. Алексеева, Л. Клима, В.С. Кулешов. Тюмень: изд-во ТюмГУ, 2022. 260 с.
- Иванов В.А.* Четыре монеты как эквивалент наличия городов в Башкирии в эпоху Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. 2012. Вып. 5. С. 404-414.
- Казанцева О.А.* Красноярский могильник // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Л.Д. Макаров. Ижевск: УдмГУ, 1988. С. 44-65.
- Киселева Д.В., Данилов Д.А., Домрачева Д.В., Труфанов А.Я., Хорькова А.Н., Шарапока С.В.* Хрономатографическое изучение растительной меси из элитного погребения саргатской культуры в Среднем Прииртыше // Российские нанотехнологии. 2020. Т. 15. № 5. С. 657-663.

- Краева Л.А., Матюшко И.В.* Древневенгерские комплексы из раскопок в Оренбуржье // III Международный Мадьярский симпозиум. Budapest: PPKE BTK Régészettudományi Intézet; MTA BTK Magyar Östörténeti Támasoport; Martin Opitz Kiadó, 2018. – С. 173-189 (на венгер. и рус. яз.).
- Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1996. 396 с.
- Мажитов Н.А.* Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.
- Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.
- Малашев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. Вып. 1. С. 194-232.
- Маслюженко Д.Н.* Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган: Изд-во Курганского ГУ, 2008. 168 с.
- Маслюженко Д.Н., Шилов С.Н., Хаврин С.В.* Раннесредневековый могильник Усть-Суерское-1 в лесостепном Притоболье// Ab Origine: археолого-этнографический сб. / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень, изд-во ТюмГУ, 2011. Вып. 3. С. 72-86.
- Матвеева Н.П.* Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.
- Матвеева Н.П.* О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке // Российская археология. 1997. № 2. С. 63-77.
- Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск: Наука, 2000. 400 с.
- Матвеева Н.П.* Актуальные вопросы изучения древней караванной торговли (Западная Сибирь и Центральная Азия) // Арии степей Евразии. Сб. памяти Е.Е. Кузьминой / Отв. ред. В.И. Молодин, А.В. Епимахов. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 100-109.
- Матвеева Н.П.* Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (Проблемы культуругенеза по данным погребальных памятников). Тюмень: изд-во ТюмГУ. 2016. 264 с.
- Матвеева Н.П.* Некоторые проблемы изучения средневековой археологии лесостепной зоны Приуралья и Зауралья в свете формирования мадьяр // Ab Origine: археолого-этнографический сб. / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2019. Вып. 11. С. 44-60.
- Матвеева Н.П.* О связях урало-западносибирского населения со Средней Азией в раннем Средневековье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49 № 1. С. 83-92.
- Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н.* Коловское городище. В сер.: Древности Ингальской долины. Новосибирск: Наука, 2008. Вып. 2. 228 с.
- Матвеева Н.П., Зеленков А.С., Третьяков Е.А., Овчинников И.Ю.* Хронологические комплексы раннего железного века и средневековья в Зауралье (по материалам Папского городища) // Вестник НГУ. Серия: Археология, этнография. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 31-48.
- Матвеева Н.П., Третьяков Е.А., Зеленков А.С.* Свидетельства миграции группы южно-таежного населения Западной Сибири на Урал в раннем средневековье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49. № 4. С. 91-99.
- Матющенко В.И., Татаурова Л.В.* Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука. 1997. 198 с.
- Могильников В.А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В.В. Седов. Серия: Археология СССР. М.: Наука, 1987. С. 163-235.
- Могильников В.А., Конилов Б.А.* Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. 1983. № 2. С. 162-182.
- Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С.* Бараба в тюркское время / Отв. ред. Е.И. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1988. 173 с.
- Останина Т.И.* Кузубаевское городище IV–V, VII вв.: каталог археологической коллекции. Ижевск: УдмГУ, 2002. 112 с.

- Пастушенко И.Ю.* Кушнаренковские материалы памятников бассейна р. Сылвы // Проблемы изучения бакальской культуры: м-лы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры, (г. Шадринск, 5–6 ноября 2007 г.) / Науч. ред. С.Г. Боталов. Челябинск; Шадринск: Южно-Уральский фил. ИИА УрО РАН; Рифей, 2008. С. 142-146.
- Погодин Л.И.* Золотное шитье Западной Сибири (первая половина I тыс. н.э.) // Исторический ежегодник. Омск: ОмГУ, 1996. 123-134.
- Распопова В.И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 140 с.
- Рябогина Н.Е., Иванов С.Н.* Реконструкция облика ландшафтов в Притоболье в раннем средневековье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. Вып. 1 (20). С. 134-138.
- Слепченко С.М., Пошехонова О.Е.* Паталогические проявления на палеоантропологическом материале раннесредневекового могильника Устюг-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. Вып. 4 (27). С. 58-66.
- Сташенков Д.А.* О некоторых вопросах, связанных с выделением памятников мадьярского круга в Самарском Поволжье // III Международный Мадьярский симпозиум. Budapest: PPKÉ BTK Régészettudományi Intézet; MTA BTK Magyar Östörténeti Témacsoport; Martin Opitz Kiadó, 2018. С. 255-264 (на венгер. и рус. яз.).
- Султанова А.Н.* Бирский могильник: дис. ... канд. ист. наук. Уфа: Уфим. науч. центр РАН, 2000. 202 с.
- Черных Е.М.* Жилища Прикамья. Ижевск: Удм. ун-т, 2008. 272 с.
- Чикунова И.Ю.* Новые данные о погребальном обряде населения южнотаежного Притоболья в раннем средневековье (по материалам Ипкульского могильника) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. трудов в 2-х. т. / Гл. ред. Н.А. Томилов, отв. ред. Д.Дж. Андерсон, М.А. Корусенко, С.С. Тихонов, А.В. Харинский. Иркутск: изд-во ИргТУ, 2013. Т. 1. С. 220-224.
- Эрдели И.* Археология Венгрии VI–XI вв. // Археология Венгрии. Конец II тыс. до н.э. – I тысячелетие н.э. / Отв. ред. В.С. Титов, И. Эрдели. М.: Наука, 1986. Т. 2. С. 310-346.

К. А. Руденко

Константин Александрович Руденко,
Казанский государственный институт культуры,
г. Казань, Россия; murzih@mail.ru

Некоторые итоги изучения взаимодействия кочевников и оседлого населения в Среднем Поволжье в XI–XIV вв. по археологическим данным

Аннотация. В статье дается анализ проблемы взаимодействия кочевников и оседлого населения в Среднем Поволжье в эпоху средневековья. Автор рассматривает точки зрения ученых, занимавшихся этой проблемой в XX в. Он отмечает, что многие аспекты ее рассматривались с точки зрения официальной методологии, особенно в советский период. Активно изучалась эта тема в последней трети XX века в связи со значительными археологическими исследованиями, которые велись в этот период археологами региона. Автор утверждает, что сложилось два направления в исследованиях этой темы. Первое направление связано с гипотезой о доминирующей роли кочевников тюрков – болгар в этнокультурных процессах на Средней Волге в VIII–X вв. и их седентаризацией в период формирования государства. В результате седентаризации болгары в X в. стали земледельцами, которые в дальнейшем с кочевыми племенами не контактировали. Второе направление связано с уграми – кочевниками, которые в IX веке вошли в состав населения Волжской Булгарии, частью ассимилировались, частью жили обособленными анклавами, сохранявшими национальный язык и культуру. В начале XXI в. на основе новых материалов было установлено, что кочевники гузы входили в состав населения Волжской Булгарии не только в X в., но и в XI в. Соседи болгар – половцы, которые совершали постоянные набеги на Волжскую Булгарию с конца XI – XII в. После монгольского нашествия часть кочевого населения (монголы и половцы) остались на землях завоеванной Волжской Булгарии. В XIV в. они находились здесь постоянно, а во второй половине этого столетия смешивались с городским и сельским населением.

Ключевые слова: археология, кочевники, Волжская Булгария, Золотая Орда, половцы, угры, седентаризация, этнокультурное взаимодействие

Константин Александрович Руденко,
Қазан мемлекеттік мәдениет институты, Қазан қ., Ресей

XI–XIV ғғ. Орталық Волга бойындағы көшпенділер мен отырықшылардың өзара қарым қатынасын зерттеудің кейбір қортындылары археологиялық мәліметтер бойынша

Аннотация. Мақалада ортағасырлардағы Орталық Волга бойындағы көшпенділер мен отырықшылардың өзара қарым қатынасы мәселесінің сараптамасы беріледі. Автор осы мәселемен XX ғ. айналысып жүрген ғалымдардың көзқарасын қарастырады. Ол көптеген аспектілер әсіресе кеңес кезеңінде ресми методология көзқарасымен қарастырылды деп атап өтеді. Бұл тақырып XX ғасырдың соңғы үшінші бөлегінде зерттелді, аймақтың археологтары археологиялық зерттеулерді қарқынды жүргізді. Автор бұл тақырыпты зерттеудің екі бағыты қалыптасты деп жазады. Бірінші бағыт VIII–X ғғ. Орталық Волганың этномәдени процесіне көшпенді түрік-булгарлардың үстем ролі жайындағы гипотезамен байланысты және олардың мемлекеттің қалыптасуы кезеңіндегі отырықшылануы. Отырықшыланудың нәтижесінде X ғ. булгарлар кейінірек көшпенді тайпалармен араласпайтын жер игерушілер болды. Екінші бағыт IX ғасырда Волга Булгария тұрғындарының құрамына кірген көшпенділер-угрламен байланысты, олардың бір бөлігі ассимиляцияланды, бір бөлігі оқшауланып ұлттық тілі мен мәдениетін сақтады. XXI ғ. басындағы жаңа материалдардың негізінде көшпенді

гуздар Волга Булгария тұрғындарының құрамына X ғасырда ғана емес, XI ғасырда да кіргені анықталды. Көршілері булгар-сары қыпшақтар XI-XII ғ. соңынан бастап Волга Булгарияға үнемі шабуыл жасады. Монғол шапқыншылығынан кейін көшпенділердің бір бөлігі (монғолдар мен сары қыпшақтар) басып алған Волга Булгария жерінде қалды. XIV ғ. олар осында тұрақты тұрды, осы жүзжылдықтың екінші жартысында қалалық және ауылдық тұрғындармен араласып кетті.

Түйін сөздер: археология, көшпенділер, Волга Булгариясы, Алтын Орда, сары қыпшақтар, угрлар, отырықшылану, этномәдени қарым қатынас

Konstantin Rudenko,

Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russia

Some results of the study of the interaction of nomads and the settled population in the Middle Volga region in the 11th–14th centuries according to archaeological data

Abstract. The article analyzes the problem of interaction between nomads and the settled population in the Middle Volga region in the Middle Ages. The author examines the points of view of scientists who dealt with this problem in the twentieth century. He notes that many aspects of it were considered from the point of view of the official methodology, especially in the Soviet period. This topic was actively studied in the last third of the twentieth century in connection with significant archaeological research conducted during this period by archaeologists of the region. The author claims that there are two directions in the research of this topic. The first direction is connected with the hypothesis of the dominant role of the nomads of the Turks – Bulgars in the ethno-cultural processes on the Middle Volga in the 8th–10th centuries and their sedentarization during the formation of the state. As a result of sedentarization, Bulgars in the tenth century became farmers, who later did not contact nomadic tribes. The second direction is connected with the Ugrian nomads, who in the 9th century became part of the population of Volga Bulgaria, partly assimilated, and partly lived in isolated enclaves that preserved the national language and culture. At the beginning of the 21st century on the basis of new materials, it was established that the Ghuz nomads were part of the population of Volga Bulgaria not only in the 10th century, but also in the 11th century. The neighbors of the Bulgars are the Polovtsians, who have been making constant raids on Volga Bulgaria since the end of the 11th–12th centuries. After the Mongol invasion, part of the nomadic population (Mongols and Cumans) remained on the lands of the conquered Volga Bulgaria. In the 14th century, they were there all the time, and in the second half of this century they mixed with the urban and rural population.

Keywords: archaeology, nomads, Volga Bulgaria, Golden Horde, Cumans, Ugrians, sedentarization, ethnocultural interaction

Изучение истории взаимодействия кочевого и оседлого населения в Среднем Поволжье насчитывает почти 200 лет. До второй половины XIX в. – на протяжении более 100 лет – основным сюжетом в этом плане были завоевания монголов в XIII в. и образование Золотой Орды, поскольку именно с этим событием связывались ключевые моменты русской истории и происхождение ряда народов Поволжья, в частности, казанских татар. По мере утверждения и развития в России научных принципов в исторических исследованиях и актуализации в них археологических материалов, что пришлось на конец XIX – первую четверть XX в., эта тема приобрела новый аспект, поскольку сформировалась гипотеза о более раннем импульсе кочевого населения в мир оседлых народов Волго-Камья в эпоху раннего средневековья. Речь шла о булгарах, которые, по мнению ученых, пришли на Среднюю Волгу в V–VII вв. [Фирсов 1920: 11; Смолин 1921]. В этой гипотезе на ранней стадии ее существования соединились идеи болгарского автохтонизма, связанные с имеющей давнюю историографическую традицию версией о сарматском происхождении волжских булгар и о них как древнейших славянах в Восточной Европе [Руденко 2021а: 68–81]. Завершила она свое развитие в середине XX в. в трудах выдающегося булгароведа А.П. Смирнова. По его мнению, этническая основа волго-камских булгар – сармато-аланские племена, которые, как он полагал, были коренным населением восточноевропейских степей и продвинулись в Волго-Камье в VII в. А.П. Смирнов, с определенными оговорками, утверждал, что тюркизация края, связанная с

проникновением в регион кочевого тюркоязычного населения (кипчаков), произошла уже после монгольских завоеваний [Смирнов 1951: 11, 20, 75, 76].

Активизация археологических изысканий в советский период, ставших базой для исторических штудий, дала толчок развитию нескольких сюжетов данной темы, которые развивались в контексте постмарровских концепций в советской науке, при этом с сохранением автохтонных постулатов [Руденко 2014а: 496–500]. Первый был связан с выдвижением тезиса о ранней тюркизации края в первых веках н.э. и утверждения о приходе ранних болгар, которых считали кочевым народом, на Волгу в середине VIII в., по материалам раскопок Больше-Тарханского могильника в ТАССР. Авторы этой концепции В.Ф. Генинг и А.Х. Халиков утверждали, что кочевая и этнически цельная группа болгар практически сразу после прихода на волжский берег вступила в контакт с местным финно-угорским населением [Генинг, Халиков 1964: 130, 142]. В дальнейшем эта гипотеза перетерпела некоторые метаморфозы, связанные со сложной проблемой седентаризации болгар-кочевников [Руденко 2014а: 508], но, в целом, сохранила свои позиции и основные постулаты по сей день. Лидер этого направления – А.Х. Халиков, как и его ученик – Ф.Ш. Хузин, были уверены, что развитие болгарского этноса, в целом, в домонгольский период было эндогамным и внешние влияния минимальны [Халиков 1978: 73, 78]. А.Х. Халиков предполагал, что и после монгольского нашествия ситуация мало изменилась [Халиков 1978: 90, 91, 93].

Вторая сюжетная линия, выдвинутая В.Ф. Генингом, была связана с идеей об угорско-самодийском компоненте в средневековых древностях волжских болгар раннего этапа. Идею о наличии угорского субстрата в болгарской культуре последовательно развивал в своих трудах Е.П. Казаков, ученик В.Ф. Генинга, опираясь на материалы раскопок крупнейшего некрополя волжских болгар IX–X вв. – Танкеевского могильника [Казаков 1992: 87]. Е.П. Казаков, хотя и исключил самодийский компонент из этногенеза волжских болгар, в остальном продолжил продвижение идей своего учителя и разработал концепцию этнокультурного взаимодействия кочевых и оседлых угров с тюркским и финским населением Среднего Поволжья и Предуралья в X–XIV вв., выделив отдельную археологическую культуру, связанную, по его мнению, с угорским этносом – чияликскую [Казаков 2007: 20–73]. Его взгляды были поддержаны уфимскими археологами Г.Н. Гарустовичем и В.А. Ивановым [Гарустович 1998: 22, 23; Гарустович, Иванов 1992: 17–31]. В начале XXI в. эта сюжетная линия сложилась в гипотезу В.А. Иванова–А.М. Белавина об уграх в циркумуральском регионе как этнокультурной доминанте с древности и до средневековья [Белавин и др. 2009]. Гипотеза Иванова–Белавина стала альтернативой тюркской гипотезе Халикова–Хузина в научных штудиях первого десятилетия XXI в., касавшихся вопроса о кочевом и оседлом населении Урало-Поволжья. В сущности, в ней акцент с угорского компонента в тюркском (болгарском) субстрате, что, собственно, утверждал и Е.П. Казаков, хотя и с некоторыми оговорками [Казаков 1992: 234, 242], был переведен в плоскость тюркского компонента и угорском субстрате.

Основные вопросы, связанные с взаимодействием кочевников и оседлого населения в Волго-Камье, связывались с археологическими материалами раннеболгарского этапа – до образования Волжской Булгарии, т. е. до X в. Период болгарской государственности представлялся исследователям лишенным регулярных контактов с кочевым миром. Как альтернатива ими предлагалась версия о болгарской торгово-экономической экспансии в Марийское Поволжье и в Прикамье [Бадер, Оборин 1958: 172–177], разработанная Е.П. Казаковым на основе материалов Семеновского и Измерского селищ, и вытекающий из этого тезис о болгарском торгово-экономическом лидерстве в регионе с X по начало XIII в., продолжив идею Н.Н. Фирсова о ведущей роли торговли в экономике Волжской Булгарии [Фирсов 1920: 29–32].

Вместе с тем, Е.П. Казаков утверждал, что группы угорского населения с непостоянной оседлостью регулярно проникали на территорию Волжской Булгарии в XI – начале XIII в., усиливая угорский компонент в болгарском этносе. Маркером этих перемещений, по его мнению, была округлодонная керамика типа «постпетрогром» с примесью толченой раковины в тесте и веревочно-гребенчатой орнаментацией, встречавшаяся на болгарских памятниках. Эти положения, касающиеся угров-кочевников, остались неизменными и сейчас.

До недавнего времени считалось, что контакты болгар с тюркскими кочевниками в домонгольское время были минимальны. Так, Е.П. Казаков утверждал, что в X в. болгары контактировали с печенегами и гузами, основываясь на нескольких захоронениях Танкеевского могильника и находках отдельных предметов на селищах приустьевой части Камы [Казаков 1991: 171, 172, рис. 52]. Н.А. Кокорина, вслед за Т.А. Хлебниковой, предполагала, что XIII группа традиционной болгарской керамики с примесью крупнозернистого песка в тесте и украшенной многорядной волной связана с кипчаками-шарами, тем самым предполагая наличие их носителей в Волжской Булгарии [Кокорина, Хлебникова 1993: 106–116]. Однако характер этих контактов оставался без объяснений, хотя, видимо, предполагалось, что представители кочевых этносов, попавшие в болгарскую среду, были ассимилированы.

В работах 1970-х гг. А.Х. Халиков допускал усиление кипчацкого компонента на южном пограничье болгарских земель в короткий промежуток времени – в 1229–1236 гг., ссылаясь на сообщение русской летописи о том, что в 1229 г. половцы и саксины бежали к болгарам от монгольских войск [Халиков 1978: 92, 93], правда, не приводя каких-либо археологических свидетельств этого. В более поздних публикациях А.Х. Халиков по-иному интерпретировал это же сообщение, предположив, что половцы все же не проникали на территорию собственно Волжской Булгарии, а вплотную приблизились к ее границам. Сами монголы в Булгарии не остались; только, по его выражению, монголоордынская знать посещала Булгар в 1242–1246 гг., до начала строительства Сарая в нижнем течении Волги [Халиков 1989: 128, 129]. В ордынское время, по его мнению, на болгарскую территорию, которую он рассматривал как некое автономное образование в составе Золотой Орды, попадали только отдельные группы кочевников [Халиков 1978: 98].

Таким образом, в исследованиях второй половины XX в. проблема взаимодействия кочевого тюркоязычного и оседлого населения рассматривалась преимущественно на данных раннебулгарских могильников VIII–X вв. и в меньшей степени поселенческих материалах. Это обусловило и формальное рассмотрение ее в двух хронологических локусах. Первый – кочевники-булгары, придя в середине VIII в. на Среднюю Волгу, спустя какое-то время стали контактировать с аборигенным финно-угорским населением, в тоже время совершали военные набеги в Прикамье, выводя оттуда население на Волгу и затем ассимилируя его [Голдина 1999: 295]. В этот период в состав болгар вошли кочевые угорские группы населения. Одновременно с этим болгары оседали на землю, став в X в. полностью оседлым, земледельческим народом. Последний тезис был менее всего обоснован, поскольку археологических подтверждений этому явлению обнаружить не удалось.

Второй локус – эпоха государственности, когда, по гипотезе Халикова–Хузина, болгары свели большую часть межэтнических контактов к торговым сношениям. Выделялась позиция Е.П. Казакова, который утверждал, что, помимо этого, до XIII в. в Волжскую Булгарию происходила инфильтрация угров с Урала и из Предуралья (постпетрогромская культура), которые во многом сохраняли и здесь собственные традиции, культуру и язык. Таким образом, в формате господствующей гипотезы Халикова–Хузина утвердилось мнение, что контакты кочевников (угров) с болгарями носили как

интеграционный, так и ассимиляционный (со стороны булгар) характер. В тоже время считалось, что кипчаки-половцы с булгарами если и контактировали, то только как с торговыми партнерами.

В начале XXI в. вопрос о контактах булгар с тюркоязычными кочевниками получил свое дальнейшее развитие. Анализ поселенческих материалов позволил К.А. Руденко считать, что на территории Волжской Булгарии не только в X в., как это утверждал Е.П. Казаков, но и в первой половине XI в. проживала какая-то часть гузов. Не менее важным было заключение о длительном противостоянии булгар и половцев, которое имело характер регулярных набегов, начиная с последней трети XI в. и до конца XII в. Это привело к переселению части булгар в Предкамье – в бассейн Казанки, Меши и ряда других притоков Камы, а также в Среднее и Верхнее Прикамье [Руденко 2021б: 469–480; 2022: 176, 177]. Если предположение Хлебниковой–Кокориной о кипчаках-шарах верно, то не исключено, что часть половецкого населения в XII в. осела в Булгарии. Наличие характерных половецких украшений из лазурита, встреченных на булгарских городищах в слоях конца домонгольского периода, позволило говорить о присутствии половцев в Булгарии в начале XIII в., переселившихся сюда, вероятно, в связи с вторжением монголов в Дешт и Кипчак [Руденко 2014б: 224–244].

В начале XXI в. изменился подход к вопросу о контактах кочевников и оседлого населения в золотоордынский период. Суть его заключалась в том, что начиная с 30-х гг. XX в. бытовало мнение, что Волжская Булгария после монгольского нашествия не только сохранилась как административная единица в ордынском государстве, но и являлась «житницей» последней – его земледельческой базой. Это положение основывалось на тезисе о «паразитарном» характере монгольского государства, декларированного в советских исторических штудиях, благосостояние которого было построено на труде поработанного населения, в т. ч. и булгар [Халиков 1978: 89]. Дедуктивно формировалось и представление о том, что вскоре после нашествия Волжская Булгария быстро восстановила свой экономический потенциал и развивалась дальше [Халиков 1994: 73, 103]. Считалось, что монголы практически сразу после окончания военных действий покинули покоренную Булгарию, в качестве доказательств этого тезиса приводились материалы Бальмерских курганов [Халикова 1965: 110–116].

Анализ имеющихся на начало 2000-х гг. данных и появление новых материалов, прежде всего из позднекочевнических могильников и золотоордынских поселений [Руденко 1994: 121–139; 2013: 189–211], позволили скорректировать представление об этом периоде. В контексте рассматриваемой темы было установлено, что номады постоянно находились на территории Булгарской области Золотой Орды, о чем свидетельствуют кочевнические языческие могильники и связанные с ними пойменные поселения. К настоящему времени на территории Татарстана известно 12 языческих могильников и отдельных захоронений поздних тюркских кочевников (XIV в.), а также 4 местонахождения предметов, вероятно из разрушенных погребений. Это Бальмерские, Зеленовские, Курналинские курганы; могильник Песчаный остров; Лебединское погребение. Отметим, что эти некрополи отличались схожими чертами погребального обряда и близким составом сопровождающего погребального инвентаря [Руденко 2019: 330–358, табл. 2].

Особенно интересны отдельные кочевнические захоронения на сельских и городских кладбищах: на Рождественском IV могильнике с монетой 1357 г.; на Булгарском городище: могильники «У восточного проезда» (раскоп СXXXIV) [Газимзянов, Дремев 2020: 170–171] и «Бабий бугор». Добавим, что в Булгаре на кладбище у «Ханской усыпальницы», в засыпи погребения 16, были найдены бронзовые онгоны, датированные второй половиной XIV – началом XV в. Из этого следует, что кочевое население Булгарской области в золотоордынский период активно интегрировалось в среду как городского, так и сельского населения.

В 2020 г. самарскими археологами был исследован одиночный курган Светлое Поле III на правом берегу р. Сок, в котором по языческому обряду был захоронен знатный кочевник. По инвентарю и монетам погребение датируется не ранее конца 1320-х гг. [Сташенков и др. 2021: 309–333]. Это захоронение не только подтверждает факт присутствия кочевников, в т. ч. высокого статуса в пределах Булгарской области Золотой Орды спустя почти 100 лет после нашествия, но и ставит вопрос о характере этого присутствия.

Таким образом, можно констатировать, что в эпоху Золотой Орды на территории бывшей Волжской Булгарии имелись как земледельческая, так и кочевая составляющие, находившиеся в тесном контакте. При этом кочевники составляли немалую часть населения Булгарской области, занимая не только удобные для ведения хозяйства территории, но и оседая в городах и селениях земледельческого населения [Руденко 2019: 356].

ЛИТЕРАТУРА

- Бадер О.Н., Оборин В.А.* На заре истории Прикамья. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1958. 244 с.
- Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: Вагант, 2009. 285 с.
- Газимзянов И.Р., Дремов И.И.* Погребение с северной ориентировкой на мусульманском могильнике в Болгаре и проблема интерпретации железных конусов // Поволжская археология. 2020. № 4 (34). С. 170-184 DOI: 10.24852/ра2020.4.34.170.184.
- Гарустович Г.Н.* Население Волго-Уральской Лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1998. 27 с.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А.* Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н.э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский университет, 1992. С. 17-31.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 200 с.
- Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский ун-т», 1999. 464 с.
- Казиков Е.П.* Булгарское село X – XIII веков низовий Камы. Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. 176 с.
- Казиков Е.П.* Культура ранней Волжской Булгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с.
- Казиков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. 208 с.
- Кокорина Н.А., Хлебникова Т.А.* Керамика тюркоязычного населения Волжской Булгарии X – XIII вв. // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1993. С. 106-116.
- Руденко К.А.* Алексеевское селище и могильник («у дамбы») в Татарии // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / ред. Г.А. Архипов, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1994. С. 121-139 (АЭМК. Вып. 23).
- Руденко К.А.* Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. 2013. № 2. С. 189-211.
- Руденко К.А.* История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2014а. 768 с.
- Руденко К.А.* Украшения из лазурита XI – XIII вв. из Волжской Булгарии и древности Сибири // Древности Сибири и Центральной Азии. 2014б. № 7(19). С. 224-244.
- Руденко К.А.* Этногеография Булгарской области Золотой Орды (по археологическим материалам) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань; Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 325-378.
- Руденко К.А.* К вопросу о цикличности научных гипотез от XVII до XXI в. (на примере этногенеза волжских болгар) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2021а. № 75. С. 69-81.

- Руденко К.А.* Средневековые удмурты и Волжская Булгария в X – начале XIII в. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021б. Т. 15. Вып. 3. С. 469-480, DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-494-506.
- Руденко К.А.* Пойменные поселения Западного Закамья в XI – начале XV в. и кочевники // Археология евразийских степей. 2022. № 3. С. 175-180. DOI: [10.24852/2587-6112.3.175.180](https://doi.org/10.24852/2587-6112.3.175.180)
- Смирнов А.П.* Волжские булгары. М.: ГИМ, 1951. 295 с. (Труды ГИМ. Вып. XIX).
- Смолин В.Ф.* К вопросу о происхождении народности камско-волжских болгар (Разбор главнейших теорий). Казань: Чувашское отделение Государственного издательства, Казанское Подотделение, 1921. 56 с.
- Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф., Турецкий М.А., Газимзянов И.Р., Гасилин В.В., Хохлов А.А.* Элитное погребение золотоордынской эпохи в Самарском Поволжье: человек, лошади и культовый комплекс // Stratum plus. 2021. № 5. С. 309-333.
- Фирсов Н.Н.* Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. 2-е изд. Казань: Гос. изд-во. Казанское отделение, 1920. 136 с. (Вып. 1–2).
- Халиков А.Х.* Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань: Тат. кн. изд-во, 1978. 160 с.
- Халиков А.Х.* Татарский народ и его предки. Казань: Тат. кн. изд-во, 1989. 222 с.
- Халиков А.Х.* Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань: Фэн, 1994. 164 с.
- Халикова Е.А.* Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР // КСИА. 1965. № 104. С. 110-116.

В. Ю. Коваль

Владимир Юрьевич Коваль,
Институт археологии Российской академии наук,
г. Москва, Россия; kovaloka@mail.ru

Фортификация и средневековый степной мир*

Аннотация. В статье представлена попытка систематизации современных представлений о фортификации в степной зоне Евразии в эпоху средневековья (как у кочевых народов, так и у их соседей). Выделяются два источника такой фортификации – традиции оседлых народов, строивших крепости для защиты от разных врагов, используя тысячелетний опыт военных инженеров (крепости геометрического плана из камня и кирпича), и традиции кочевых народов, имевших собственный уникальный опыт обороны при постоянных передвижениях. Вторые стали истоком строительства круглых крепостей с многорядными валами и рвами. Рассматривается «технология» противодействия конным войскам с помощью укреплений такого рода. Разнообразие фортификаций предлагается рассматривать в качестве отражения разных способов ведения войны и организации обороны у кочевых и оседлых народов (включая этап седентаризации кочевников).

Ключевые слова: оседлые и кочевые народы, фортификация, вал, ров, стена, крепость, средневековье

Владимир Юрьевич Коваль,
Ресей ғылым академиясының Археология институты,
Москва қ., Ресей

Бекініс және ортағасырлық дала әлемі

Аннотация. Мақалада орта ғасырлардағы Еуразияның далалық аймағындағы (көшпелі халықтар мен олардың көршілері) фортификация туралы заманауи көзқарастарды жүйелеу әрекеті ұсынылған. Мұндай фортификацияның екі дереккөзі бар – әскери инженерлердің мыңжылдық тәжірибесін (тас пен кірпіштен қаланған геометриялық жоспардағы бекіністер) пайдалана отырып, әртүрлі жаулардан қорғану үшін бекіністер тұрғызған отырықшы халықтардың дәстүрлері және тұрақты қозғалыстар кезінде қорғаныстың өзіндік ерекше тәжірибесі бар көшпелі халықтардың дәстүрлері. Екіншісі көп қатарлы қорғандар мен арықтары бар дөңгелек бекіністердің құрылысының бастауы болды. Осы тектес бекіністердің көмегімен атты әскерлерге қарсы тұрудың «технологиясы» қарастырылады. Фортификацияның алуан түрлілігін көшпелі және отырықшы халықтар арасында соғыс жүргізудің және қорғанысты ұйымдастырудың әртүрлі тәсілдерінің (соның ішінде көшпелілердің отырықшылану кезеңі) көрінісі ретінде қарастыру ұсынылады.

Түйін сөздер: отырықшы және көшпелі халықтар, фортификация, қорған, ор, қабырға, бекініс, ортағасырлар

Vladimir Koval,
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Fortification and the medieval steppe world

Abstract. The article presents an attempt to systematize modern ideas about fortification in the steppe zone of Eurasia in the Middle Ages (both among nomadic peoples and their neighbors). There are two sources of such fortification – the traditions of sedentary peoples who built fortresses to protect themselves from various enemies,

using the thousand-year experience of military engineers (geometric fortresses made of stone and brick), and the traditions of nomadic peoples who had their own unique experience of defense with constant movements. The latter became the source of the construction of round fortresses with multi-row ramparts and ditches. The “technology” of countering mounted troops with the help of fortifications of this kind is being considered. The variety of fortifications is proposed to be considered as a reflection of the different ways of warfare and organization of defense among nomadic and sedentary peoples (including the stage of sedentarization of nomads).

Keywords: settled and nomadic peoples, fortification, rampart, ditch, wall, fortress, Middle Ages

Оборонительные сооружения эпохи средневековья сохранились до наших дней в целом лучше, чем более древние фортификации. Тем не менее, их рунированное состояние сильно затрудняет реконструкцию внешнего вида таких сооружений в период их реального функционирования. Как правило, эти сооружения сохранились в виде валов различной высоты (иногда крайне незначительной) и заплывших (едва заметных или совсем не заметных) рвов. Даже стены, сложенные из камня или сырцового кирпича, по прошествии времени превращаются в валообразные гряды, так что без масштабных по площади вскрытий установить руинами каких сооружений являются эти валы, бывает невозможно. Археологическое изучение таких остатков чрезвычайно трудоемко, но не дает обильного вещевого материала, получаемого при изучении жилой застройки поселений или могильников. По этим двум причинам древние валы, рвы и даже очевидные стены редко становятся объектами раскопочных исследований. Но и в случае проведения раскопок нередко их руководители оказываются методически неподготовленными к ведению такого рода работ и из-за этого теряют огромный объем информации, прежде всего – о структуре грунтов, слагающих то, что априори считается валом, т. е. насыпью. Чаше же всего выводы о древних фортификациях делаются на основании только одного внешнего вида сохранившихся до нашего времени их руин, которые дают лишь очень отдаленное и, как правило, неверное представление о том, как эти фортификации выглядели в древности. Такой подход сегодня подвергается критике, а в качестве альтернативы выдвигается требование тщательной фиксации не только профилей разрезов валов, но их планов, незначительных (на первый взгляд) деталях, позволяющих понять, остатками каких сооружений являются те выраженные в рельефе сооружения, которые традиционно называют валами [Коваль 2019; 2020; Коваль, Русаков 2018].

Поскольку вопрос о том, как осуществлялась защита городов, является одним из актуальных в реконструкции прошлого, исследователям приходится опираться на те крайне ограниченные данные, которые были получены при раскопках XIX–XX вв., проводившихся на еще довольно невысоком методическом уровне. В особенности это касается тех случаев, когда речь идет не о каменно-кирпичных стенах с ясно различимыми следами кладки, а о земляных насыпях или древо-земляных стенах. Общим местом стала разработка графических реконструкций фортификаций в виде валов с венчающими их деревянными стенами по образу и подобию русских крепостей XVII в. или частоколами. Они создают фантастический образ крепостей, не опирающийся на археологически зафиксированные факты, а исходящий из «общих соображений» и цепочки допущений [Раппопорт 1956: рис. 94, 101; Губайдуллин 2002: рис. 58, 60, 89, 90, 93, 100; и др.]. Другой подход демонстрируют исследования историков фортификации, опирающихся строго на археологический материал, как бы скуден он ни был [Носов 2019].

При изучении фортификации в степной зоне Евразии эпохи средневековья особенную проблему составляет решение вопроса о том, кем, когда и с какой целью возводились те или иные защитные сооружения. Население степей всегда было весьма разнообразно и подвижно. Наряду с кочевыми сообществами здесь размещались анклавные с оседлым населением и племенами, переходившими от кочевого образа жизни к оседлому. И если кочевникам до перехода к созданию государственных образований строительство долговременных фортификаций было

не нужно, то всем сообществам, которые хотя бы в какой-то степени осваивали оседлый образ жизни, такие сооружения уже были востребованы. Такой процесс происходил у хазар в VII–X вв., кипчаков в XI–XIII вв., тюрков в VI–VIII вв., уйгур в VIII–IX вв., волжских и дунайских болгар в VIII–X вв., енисейских кыргызов в VIII–XII вв., монголов империи Чингис-хана в XIII–XIV вв. и у многих других народов степной зоны. Фортификационные сооружения этих народов исследованы неравномерно и явно недостаточно. В наилучшей степени изучены сегодня укрепления Хазарского и Кыргызского каганатов, городов Южного Казахстана, однако далеко не все они имеют прямое отношение к степному миру [Плетнева 1967; Кызласов 2011; Смагулов 2011; Афанасьев 2013; Флеров 2020 и др.].

Так, стены крупных городов, подчиненных степными народами, создавались по традициям того городского населения, которое существовало в них ранее (например, города Южного Казахстана). Эти традиции формировались в среднеазиатской зоне на протяжении предшествующих столетий и состояли в возведении мощных стен из сырцового кирпича или пахсы. В других местах строителями крепостей становились приглашенные или плененные мастера соседних стран с оседлым населением. Так создавались кирпичные и белокаменные крепости Хазарского каганата (Саркел, Семикаракорское городище и др.), для возведения которых привлекались военные инженеры из Византии и, вероятно, Хорезма [Артамонов 1958; Флеров 2020]. Так появились стены городов Уйгурского каганата (Орду-балык), империй киданей и чжурчженей, Монголии в эпоху первых Чингизидов (Каракорум, Хадасан и др.) [Киселев 1957; Города... 2018], строившихся китайскими мастерами или с учетом китайских строительных норм. Такие сооружения определяются по высокой технике строительства и четким геометрическим планам крепостей (квадратных или прямоугольных), с башнями и сложноорганизованными воротными проемами (рис. 1). При их строительстве использовался тысячелетний военно-инженерный опыт, а сами они были рассчитаны на использование того способа обороны, который практиковался оседлыми народами и который заключался в использовании вертикальных стен для отражения атаки врага воинами, размещенными на вершине стен и башен. Вертикальные стены давали колоссальное преимущество перед противником любого вида, в особенности, тем, который не имел опыта штурма таких крепостей с использованием осадных орудий, лестниц и других инженерных приспособлений (присыпок к стенам, подкопов и т. п.). Поэтому-то такие фортификации были особенно эффективны в противостоянии с кочевниками. Известно, например, что основным способом овладения городами средневековой Руси печенегами и половцами были осады, состоявшие в полном окружении города, его изоляции и ожидании, пока его защитники сдадутся сами или погибнут от голода и жажды. Прямой штурм городских стен применялся редко и, как правило, не давал искомого результата. Лишь с появлением монгол, вооруженных знаниями и опытом китайских инженеров, русские города стали захватываться штурмом.

В степном (преимущественно кочевом) мире формы организации обороны были совершенно иными, но они слабо изучены. Несмотря на подвижный образ жизни и отсутствие постоянных долговременных поселений, в степных сообществах фортификация была также востребована. В ходе внутренних конфликтов возникала необходимость защиты своих семей от врагов, что порождало специфические формы фортификации. Одной из таких форм была замкнутая цепь из повозок, служившая защитой при нападении противника. Укрываясь за повозками, их защитники могли прицельно обстреливать нападающих, оставаясь для них невидимыми.

Будучи заимствованной русскими в XVI в. и дополненной разборными модулями из дощатых стенок с бойницами для стрелков, эта форма передвижной фортификации стала называться «гуляй-городом» [Ястремский 2007: 148]. Наиболее разумной формой такого укрепления была

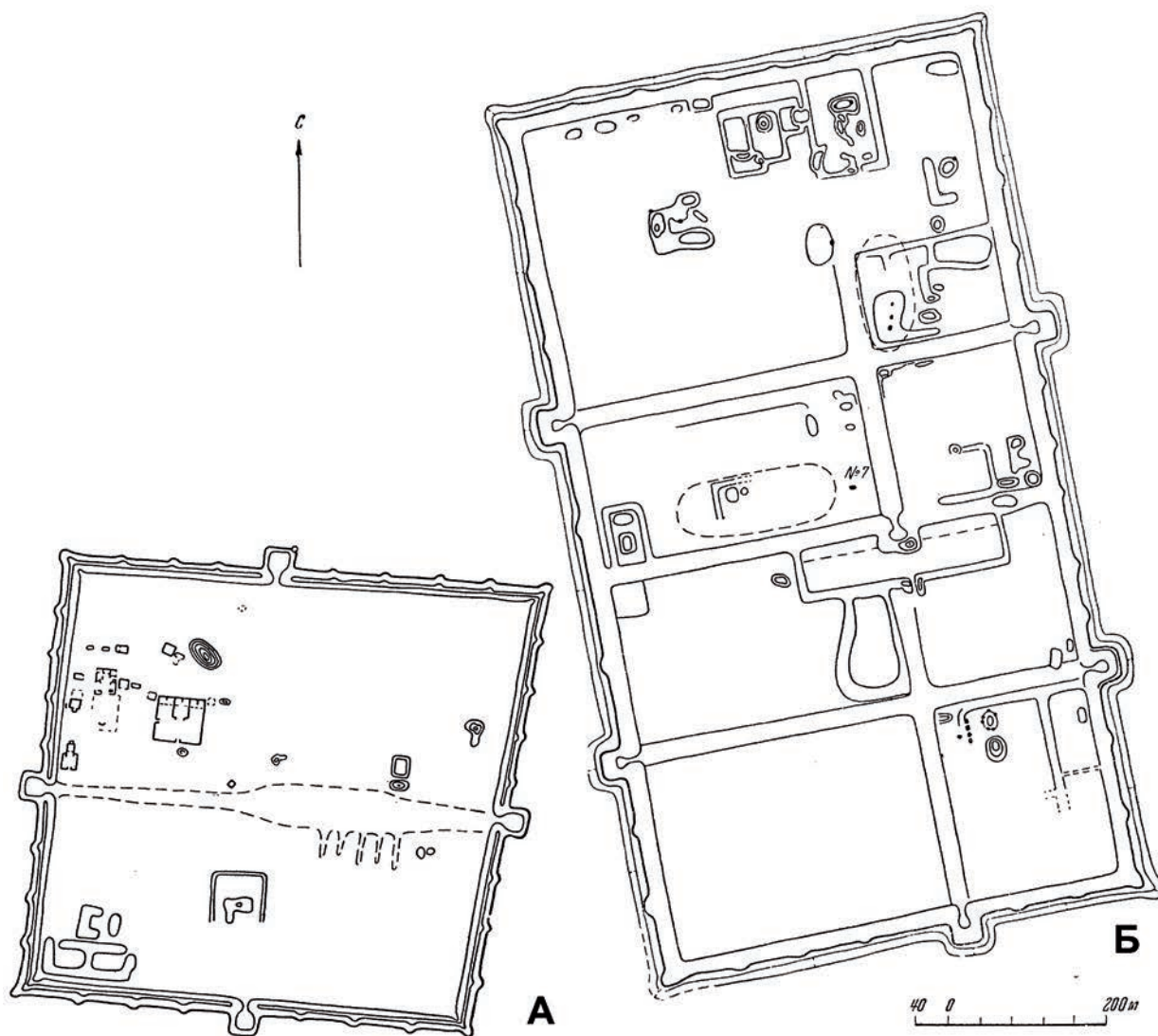

Рис. 1. Планы городищ на территории Монголии – Харухаин-балгас (А) и Чин-Толгой-балгас (Б).
По: [Киселев 1957: рис. 2, 3]

окружность, поскольку она позволяла при минимальном числе повозок охватить максимальную площадь, на которой можно было укрыть главную ценность кочевников – скот. Не исключено, что именно традиция создания таких временных круглых фортификаций из повозок повлияла на возникновение в более позднее время круглых городищ, защищенных стенами из сырцовых кирпичей¹, исчерпывающе изученных в Хакасии [Кызласов 2011] (рис. 2).

Специфической разновидностью круглых городищ были укрепления с многорядной системой валов и рвов. Подобный способ защиты поселений известен в основном на ранних памятниках (эпохи бронзы и раннего железного века) лесной зоны, где фортификация предназначалась для

¹ Использование сырцовых кирпичей является в данном случае вкладом среднеазиатской традиции.

отпора небольшим группам воинов со стороны столь же малочисленных жителей небольших поселений, располагавшихся на мысах при соединении двух рек или оврагов. В степях и лесостепи многорядная система валов и рвов применялась для обороны крупных средневековых городов для отпора кочевникам со стороны оседлого или частично оседлого населения. Одним из наиболее

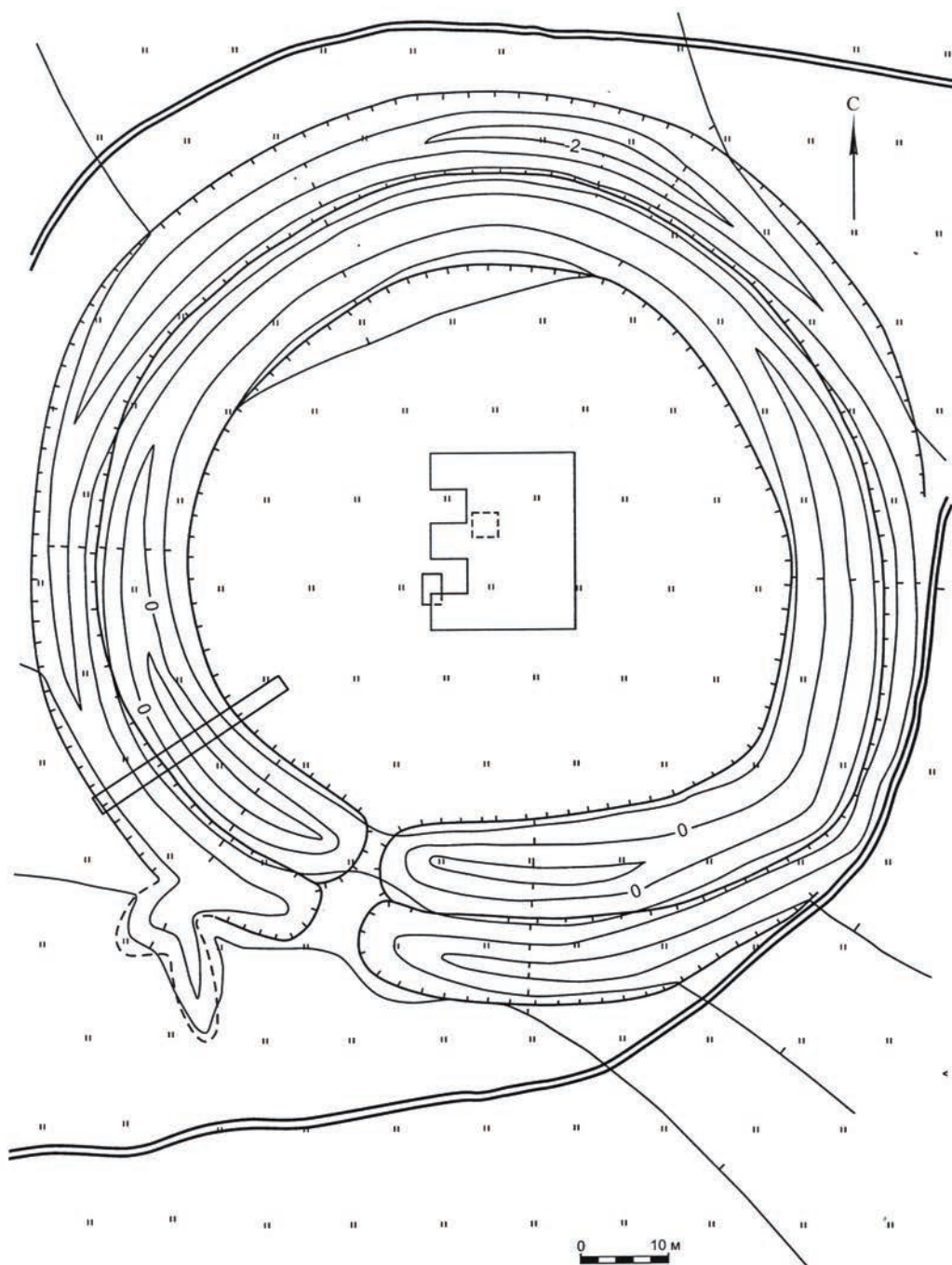

Рис. 2. Первое Троицкое городище (Хакасия) – по: [Кызласов 2011: рис. 6]

ярких памятников такого рода являлся город Биляр – столица Волжской Булгарии в XI–XIII вв. В этот период волжские булгары уже в значительной степени перешли от кочевого быта к оседлому земледелию, однако в составе государства сохранялись еще крупные группы кочевого населения, а одним из наиболее опасных противников оставались кочевые племена кипчаков. В Биляре были выстроены две линии обороны (внутренняя и внешняя), каждая из которых состояла из двух рядов валов и рвов, проведенных параллельно, один за другим, без малейшего отступа. В плане «внутренний город» имел вид квадрата с сильно скругленными углами, а внешняя линия обороны представляла собой скорее неправильную окружность, нежели какую-то еще геометрическую фигуру (рис. 3). Протяженность внешней линии обороны достигала 9,8 км, а ограниченная ими площадь составляла около 7 кв. км [Халиков 1976: 38].

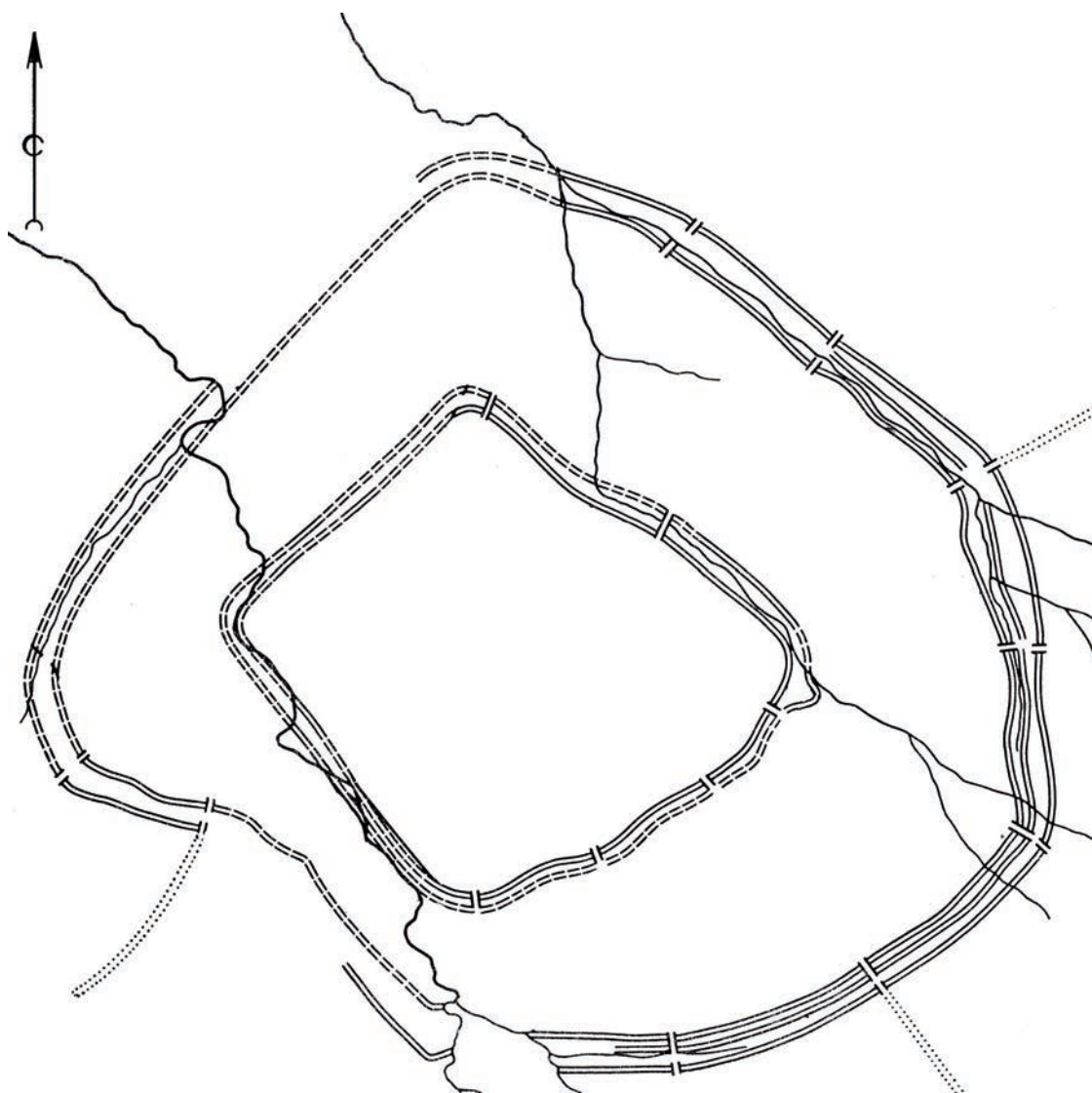

Рис. 3. Схема укреплений столицы Волжской Булгарии города Биляра – по: [Халиков 1976: рис. 11]

К сожалению, степные городища в целом изучены хуже, чем памятники лесостепной и лесной зон, к тому же их сохранность значительно ниже. Очень мало известно о «городах» европейских кипчаков (половцев), азиатских кипчаков, кимаков, огузов и др. Но все же многорядность валов и рвов можно рассматривать как черту, в большей степени свойственную укреплениям, оставленным кочевыми народами на этапе формирования государственности, требовавшей создания постоянных центров власти в ходе частичной седентаризации, а также для контроля за оседло живущей частью населения. Один из аргументов в пользу такой гипотезы привел Ю.Ю. Моргунов, изучивший городища, построенные в XII в. на территориях переданных русскими князьями группам степных кочевников, перешедших под их покровительство и размещенных на остепненных участках близ южных границ Руси (в Киевском и Переяславльском княжествах) (рис. 4). Многие такие «городки» (фактически же крепости-убежища кочевого населения) были окружены несколькими рядами валов и рвов, чего не наблюдается на городищах, являющимися остатками городов с оседлым славяно-русским населением в лесной и лесостепной зонах [Моргунов 2009: 278–280; 2019: 229].

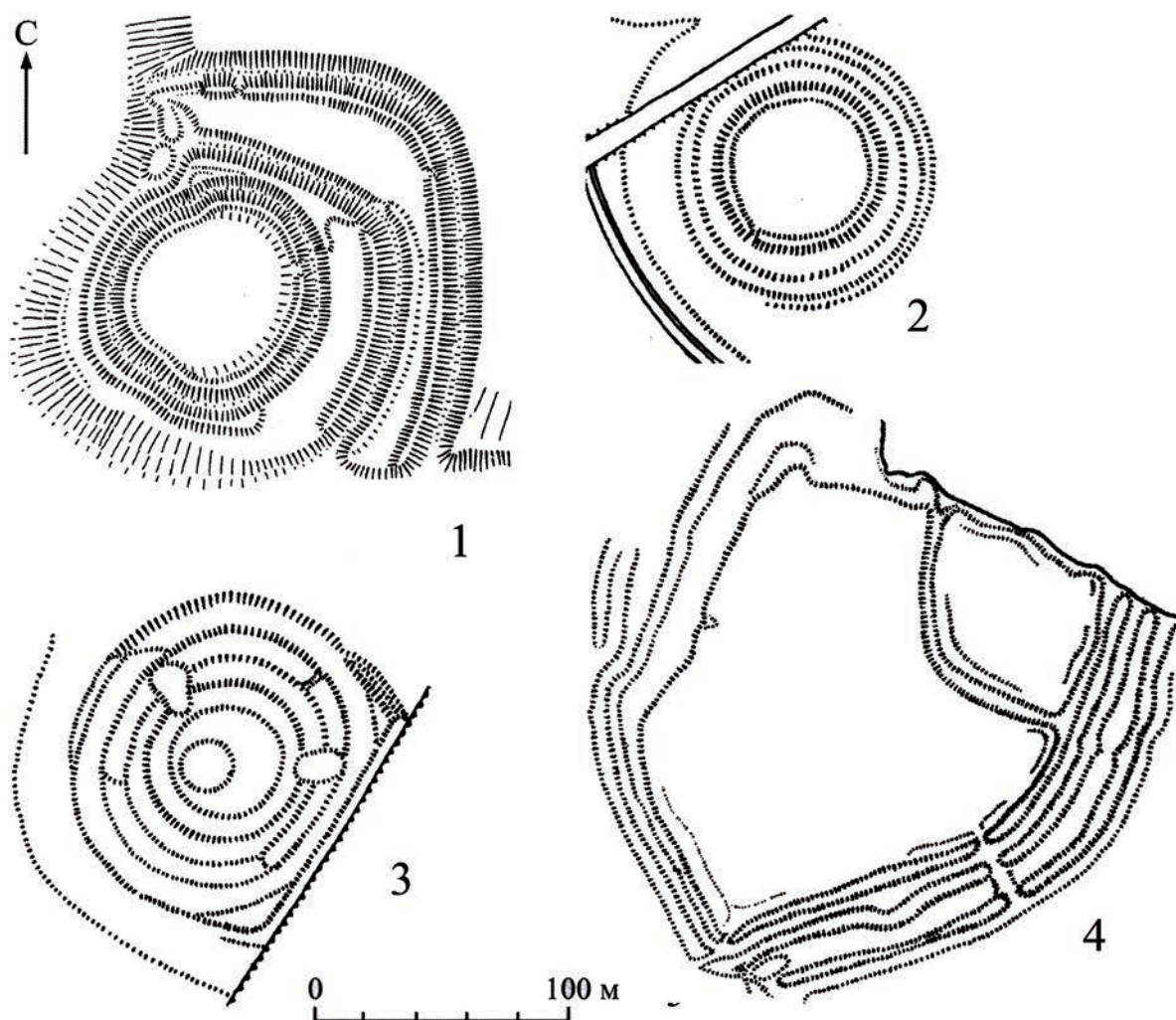

Рис. 4. Городища с многорядными укреплениями на степном пограничье Южной Руси: Разино (1), Виненцы (2), Каленики (3), у села Городище (4) – по: [Моргунов 2009: рис. 83]

Наибольшую проблему составляет поиск смысла появления огромных по площади городищ с валами или стенами, протянувшимися иногда на несколько километров, территория внутри которых значительно превышала площадь, занятую жилыми кварталами. Подобные крепости известны в Дунайской Болгарии, Хазарском каганате, Волжской Булгарии и других станах степного мира. В Болгарии и Хазарии такие крепости не имели большого населения, включая лишь дворцовые постройки (Плиска) или небольшие цитадели (Семикаракоры), и окружались стенами из камня или сырцового кирпича, прокламируя самим своим видом мощь государства, но они не были рассчитаны на выдерживание длительной осады путем расстановки на стенах всего населения крепости (этого населения было явно недостаточно). В отличие от таких «статусных крепостей», в Волжской Булгарии применялись валы-насыпи, окружавшие города с населением, которое при всей своей многочисленности не могло обеспечить эффективную оборону всего многокилометрового периметра валов (Биляр, Сувар, Муромский городок). Кроме того, вал существенно уступал стенам в способности отразить натиск врага. Выдвигавшиеся ранее гипотезы о размещении поверх таких валов деревянных стен наподобие древнерусских не выдержали проверки археологическими источниками. При раскопках валов Биляра были выявлены только следы небольших частоколов [Хузин, Кавеев 1985: рис. 2, 3; Губайдуллин и др. 2016: рис. 7], которые не могли служить эффективной защитой при штурме такой крепости. Русские летописи сообщают, что города болгар были окружены валами и «оплотами» (деревянными заборами) или «тыном» (частоколом) [ПСРЛ 1897: 127; 1965: 83].

Таким образом, у оседлых народов и населения, ведшего кочевой образ жизни (либо недавно перешедшего к оседлости, как волжские болгары), выявляются принципиально разные подходы к обороне своих поселений. В странах с оседлым населением оно старалось окружить вертикальными стенами (т. е. наиболее труднопреодолимыми преградами) только застроенную территорию или даже только наиболее важную часть этой территории (примерами являются города Руси, Византии, Ирана и др.). В степных государствах, включавших как кочевое, так и оседлое население, при возникновении городов чаще всего использовались более простые в строительстве ограждения (валы, рвы, частоколы), которыми при этом старались окружить максимально большую территорию. Разница в крепостном строительстве может объясняться тем, что в степях некоторые крепости возводились в расчете на защиту не только ее постоянных жителей, но и кочевого или полукочевого населения с окружающих территорий, которое требовалось разместить со всеми его стадами животных. Но увеличение площади крепости, даже с учетом этих дополнительных контингентов, не позволяло обеспечить эффективную защиту всего периметра гигантских по размерам укреплений теми методами, которые применялись в городах «оседлых стран» – с расстановкой бойцов по краю всей стены с максимальной плотностью. Вместо этого для обороны протяженных валов могли использоваться конные отряды, передвигавшиеся вдоль них для отражения вражеской атаки. Впервые эта особенность военной организации была отмечена В.Н. Татищевым по отношению к обороне своих городов волжскими булгарами, когда им было замечено, что при обороне города Ошеля болгары ездили по валу на конях [Татищев 2005: 513], хотя в самом летописном источнике кони или конное войско при сражении на валу не упоминались. В.Н. Татищев тут фактически реконструировал порядок обороны, хотя и не дал никакого ее обоснования. Его гипотеза не осталась незамеченной историками военного дела, но была безапелляционно объявлена ошибочной [Измайлов 1985: 17], якобы из-за неверного прочтения текста русских летописей. Между тем, именно догадка В.Н. Татищева позволяет подойти к пониманию того, как строилась оборона огромных по размерам крепостей в степях и лесостепи Евразии.

Организация военного дела, опиравшегося почти исключительно на конное войско, видимо, заставляла организовать оборону таких крепостей с использованием мобильных отрядов кавалерии, способных быстро перемещаться вдоль валов к тем местам, где начинался штурм этой линии укреплений. Заборы же поверх валов в этом случае исполняли не роль стен (для этого они были слишком слабы), а служили лишь легким прикрытием для лучников, укрывавшихся за ними и которые, будучи невидимыми и недосыгаемыми для врага, могли прицельно расстреливать всадников, приблизившихся к валу [Коваль, Русаков 2018: 73]. Преодолеть ров и вал, сидя на коне, невозможно, следовательно, для их штурма конным воинам было необходимо спешиться и попытаться преодолеть рельефную преграду, находясь под постоянным обстрелом как лучников, укрытых забором на валу, так и тех конных воинов, которые прибывали к месту возможного прорыва линии укреплений и могли вести обстрел врага из-за вала. Таким образом, ров и вал становились труднопреодолимым препятствием, прежде всего, для такого противника, войска которого состояли из кавалерии.

Эта специфическая особенность «войны в степях» была воспринята и многими народами, находившимся в конфронтации с кочевниками, войска которых состояли только из конницы. Так, Русское государство возводило протяженные стены, валы и рвы по границе со степью. Первый такой опыт был положен строительством протяженных древо-земляных стен к югу от Киева на рубеже X–XI вв. (после разрушения они превратились в «Змиевы валы») [Моргунов 2009: 199–231]. Позже та же схема обороны использовалась при возведении длинных валов на степных участках засечных черт XVI–XVII вв. и на степных пограничных «линиях» XVIII в. [Линии роста 2021]. Во всех этих случаях оборона протяженных стен и валов возлагалась на небольшие отряды, в задачу которых входило быстро выдвинуться на участок атаки противником для ее отражения. Существенное отличие «черт» и «линий» XVI–XVIII вв. состояло только в том, что их оборона строилась на применении огнестрельного оружия.

Если предложенное объяснение появления городов с многокилометровыми периметрами при относительно небольшом числе населения принципиально верно, то становится объяснимой и многорядность валов и рвов. Преодолеть один ряд таких укреплений вполне реально, но уже два ряда многократно усложняют штурм, поскольку время, когда всадники оказываются спешены, причем и сами они, их кони оказываются почти беззащитны перед стрелами врага, существенно удлиняется. В этом случае не может быть и речи о том, чтобы преодолевать линию обороны вместе с конем, который был бы неизбежно убит или изранен под ливнем стрел. А преодолеть два (или даже три) вала и оказаться перед лицом конного войска защитников, будучи спешенным, для кавалериста, не обученного бою в пешем строю, было также равносильно смерти. Таким образом, сама концепция обороны «степных городов» с многокилометровыми валами могла существенно отличаться от той, что имела в странах с оседлым населением.

Другой разновидностью укреплений, свойственной преимущественно оседлым народам, но встречающейся иногда на степных и лесостепных территориях, были мысовые городища и крепости, занимавшие вершины скалистых отрогов, холмов. В степной зоне такие городища возникали в тех местах, где происходила седентаризация кочевого населения или существовали анклавные, заселенные земледельцами. Городища, использовавшие рельеф местности для организации отпора врагу, являются наиболее простым типом фортификационных сооружений.

Из вышесказанного следует, что тип фортификации отражает уровень социальной и хозяйственной организации общества, которое воздвигало те или иные защитные сооружения. Строительство фортификаций происходило не бессистемно, а в строгом соответствии с тем, носители каких традиций ведения войны (военной доктрины) создавали эти сооружения. Разумеется,

схема не могла быть прямолинейной: кочевники привлекали опыт военных инженеров стран с оседлым населением, а граничившие со степями страны перенимали некоторые методы полевой фортификации кочевников.

Исходя из изложенных соображений, можно предложить классификацию фортификационных сооружений «степного мира» эпохи средневековья, опирающуюся на несколько базовых признаков:

- 1) Использование опыта оседлых народов в строительстве оборонительных сооружений (отражение уровня восприятия идей государственности).
- 2) Использование рельефа местности (отражение степени седентаризации).
- 3) Круглый план городища и многорядная система валов/рвов (признак степного способа организации обороны).

Соответственно этим признакам оборонительные сооружения можно разделить на следующие классы и типы:

Класс 1. Крепости замкнутого периметра прямоугольные или многоугольные в плане

Тип 1.1. Каменные (варианты: с башнями и без башен)

Тип 1.2. Из обожженного кирпича (варианты: с башнями и без башен)

Тип 1.3. Из сырцового кирпича, с использованием камня и обожженного кирпича в дополнительных деталях (варианты: с башнями и без башен)

Тип 1.4. Земляные (валы и рвы)

Класс 2. Крепости круглого или близкого к окружности плана

Тип 2.1. Каменные

Типа 2.2. Из обожженного кирпича

Тип 2.3. Из сырцового кирпича, с использованием камня и обожженного кирпича в дополнительных деталях

Тип 2.4. Земляные (валы и рвы). Варианты: однорядные, многорядные

Класс 3. Мысовые городища

Тип 3.1. Каменные (варианты: с башнями и без башен)

Тип 3.2. Из обожженного кирпича

Тип 3.3. Из сырцового кирпича, с использованием камня и обожженного кирпича в дополнительных деталях

Тип 3.4. Земляные (валы и рвы)

Класс 4. Крепости полигонального (аморфного) плана

Тип 4.1. Каменные (варианты: с башнями и без башен)

Тип 4.2. Из обожженного кирпича (варианты: с башнями и без башен)

Тип 4.3. Из сырцового кирпича, с использованием камня и обожженного кирпича в дополнительных деталях (варианты: с башнями и без башен)

Тип 4.4. Земляные (валы и рвы)

Разумеется, перечисленные типы не охватывают всего разнообразия укреплений, кроме того, некоторые из выделенных типов пока в реальности не обнаружены, это лишь принципиальная схема, которая может уточняться и дополняться. Наконец, известны случаи, когда в одной крепости сочетались укрепления квадратного и круглого плана [Крадин и др. 2019: рис. 67, 71, 73, 77, 82], что отражает совмещение степной и привнесенной из оседлых стран традиций оборонного зодчества. Тем не менее, предложенная схема позволяет систематизировать знания об укреплениях, применявшихся как в самом «степном мире», так и у соседних с ним оседлых народов для защиты

от степняков. За ее пределами оставлены лишь протяженные линии укреплений (валов и стен), таких как «Траяновы» и «Змиевы» валы, Великая китайская стена, «валы Чингис-хана» и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том I. Серия: МИА СССР. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. № 62. 428 с.
- Афанасьев Г.Е. К вопросу об истоках кирпичного фортификационного зодчества хазарского времени // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 210-219.
- Города средневековых империй Дальнего Востока / Отв. ред. Н.Н. Крадин. М.: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2018. 367 с.
- Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань: АН РТ, 2002. 232 с.
- Губайдуллин А.М., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. О фортификации «Великого города» – Биляра // ПА. 2016. № 1. С. 223-234.
- Измайлов И.Л. История изучения военно-оборонительного дела волжских булгар // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань: Казанский филиал АН СССР, 1985. С. 7-21.
- Киселев С.В. Древние города Монголии // СА. 1957. № 2. С. 91-101.
- Коваль В.Ю. Фортификация Болгара в XIV в.: современное состояние проблемы // С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдинов (ред.). Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. Казань; Кишинев, 2019. С. 323-339.
- Коваль В.Ю. Проблемы изучения фортификации городов средневековой Руси // Труды VI (XXII) Археологического съезда в Самаре. Т. 2. Самара, 2020. С. 300-302.
- Коваль В.Ю., Русаков П.Е. Исследования фортификации города Болгара в 2014–2015 гг. // Материалы и исследования по археологии Великого Болгара. Т. 2. Казань; М.: ИА АН РТ; ИА РАН, 2018. 160 с.
- Крадин Н.Н., Харинский А.В., Прокопец С.Д., Ивлиев А.Л., Ковычев Е.В., Эрдэнэболд Л. Великая киданьская стена: Северо-восточный вал Чингис-хана. М.: Наука, 2019. 168 с.
- Кызласов И.Л. Кольцевые городища Хакасии. М.: Таус, 2011. 64 с.
- Линии Роста. Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI–XVIII вв. Казань: Мастер-Граф, 2021. 394 с.
- Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука, 2009. 303 с.
- Моргунов Ю.Ю. Историческая география Переяславской земли (Святослав Игоревич – Ярополк Владимирович). Вологда: Древности Севера, 2019. 375 с.
- Носов К.С. Русские средневековые крепости. М.: Яуза-каталог, 2019. 304 с.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. Серия: МИА СССР. № 142. 1967. 209 с. ПСРЛ, 1897 – Полное собрание русских летописей. Т. 11. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типогр. И.Н. Скороходова. 258 с.
- ПСРЛ, 1965 – Полное собрание русских летописей. Т. XV (вып. 1). Рогожский летописец. М.: Наука. 186 с.
- Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. Серия: МИА СССР. № 52. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 184 с.
- Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы: АО «Абди компани», 2011. 436 с.
- Татищев В.Н. История Российская. Т. III. М.: АСТ, 2005. 732 с.
- Флеров В.С. Фортификация Хазарского каганата на Нижнем Дону. Семикаракорское городище. М.: ЯСК, 2020. 376 с.
- Халиков А.Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города. М.: Наука, 1976. С. 5-56.
- Хузин Ф.Ш., Кавеев М.М. Исследования внутренней линии обороны Билярского городища // Военно-оборонительное дело домонгольской булгарии. Казань: Казанский филиал АН СССР, 1985. С. 41-57.
- Ястремский А.М. Гуляй-город // Большая российская энциклопедия. Т. 8. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. С. 148.

С. А. Васютин

Сергей Александрович Васютин,
Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово, Россия; vasutin2012@list.ru

Между государством и надплеменной политией: к дискуссии о характере власти в кочевых империях Внутренней Азии*

Аннотация. В статье обозначены разные подходы к решению проблемы оценки уровня сложности управленческих институтов кочевых империй Внутренней Азии. Более чем вековая дискуссия среди исследователей о характере власти в крупнейших номадных объединениях конца III в. до н.э. и до середины XIV в. выявила несколько основных точек зрения: 1) государство («кочевое государство», «патриархально-феодалное государство» и др.); 2) сложное иерархическое объединение племен с надплеменной централизацией и властью правящего клана/рода (суперсложные, максимальные, компаундные и др. типы вожеств); 3) племенной союз или племенная конфедерация во главе с доминирующим племенем; 4) различные альтернативные интегрированные формы, отличные от политических структур земледельцев, из-за специфики политогенеза у кочевников (альтернативы государству и вождеству). Поскольку в ходе изучения рассматриваемых вопросов основной фонд письменных источников введен в научный оборот и их интерпретация во многом определяется концептуальными подходами, которых придерживаются авторы, то определенным ресурсом для оценки статуса систем управления кочевых империй могут служить данные археологии. Следует учесть разное состояние изученности памятников тех или иных кочевых империй, а также информативные особенности объектов археологического наследия. В связи с этим их следует рассматривать как источники, позволяющие выявить дополнительные критерии для оценки уровня политической сложности номадных объединений Внутренней Азии. Основной акцент в статье сделан на анализе материалов городищ и схожих с ними по внешним признакам памятников. Данный выбор связан со значительной ролью городов в процессе формирования государственности.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, кочевые империи, статус институтов управления, археология, городища

Сергей Александрович Васютин,
Кемеров мемлекеттік университети
Кемеров қ., Ресей

Мемлекет және тайпа үстемдігі саясаты арасындағы: ішкі Азияның көшпелі империяларындағы биліктің сипаты туралы пікірталасқа

Аннотация. Мақалада Ішкі Азияның көшпелі империяларының басқару институттарының күрделілік деңгейін бағалау мәселесін шешудің әртүрлі жолдары көрсетілген. Б.д.д. III ғ. аяғы мен XIV ғ. ортасына дейінгі ірі номадтық бірлестіктердегі биліктің сипаты туралы зерттеушілер арасындағы ғасырдан астам пікірталас бірнеше негізгі көзқарастарды анықтады: 1) мемлекет («көшпелі мемлекет», «патриархалды-феодалдық мемлекет» және т. б.); 2) тайпалармен орталықтандырылуымен және билеуші кланның/рудың билігімен тайпалардың күрделі иерархиялық бірлестігі (супер-күрделі, ең жоғары, компаунд және т. б. тепеңдік типтері); 3) үстем тайпа бастаған тайпалық одақ немесе тайпалық конфедерация; 4) көшпенділердің политогенезінің ерекшелігіне байланысты, диқаншылардың саяси құрылымдарынан ерекшеленетін әртүрлі

© 2022 Васютин С.А.

*Статья подготовлена в рамках госзадания АлтГУ «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер – 748715Ф.99.1. ББ97АА00002).

баламалы біріктірілген формалар (мемлекетке және билікке баламалар). Қаралып отырған мәселелерді зерттеу барысында жазбаша дереккөздердің негізгі қоры ғылыми айналымға енгізілгендіктен және олардың түсіндірілуі көбінесе авторлар ұстанатын тұжырымдамалық тәсілдермен анықталатындықтан, археология деректері көшпелі империялардың басқару жүйелерінің мәртебесін бағалау үшін белгілі бір ресурс бола алады. Белгілі бір көшпелі империялардың ескерткіштерінің зерттелуінің әртүрлі жағдайын, сондай-ақ археологиялық мұра объектілерінің ақпараттық ерекшеліктерін ескеру қажет. Осыған байланысты оларды Ішкі Азияның номадтық бірлестіктерінің саяси күрделілік деңгейін бағалау үшін қосымша критерилерін анықтауға мүмкіндік беретін деректер ретінде қараған жөн. Мақалада негізгі назар қала материалдары мен сыртқы белгілері бойынша оларға ұқсас ескерткіштерді талдауға аударылады. Бұл таңдау мемлекеттілікті қалыптастыру процесінде қалалардың маңызды рөлімен байланысты.

Түйін сөздер: Ішкі Азия, көшпенді империялар, институттарының статусы, археология, қала

Sergey Vasyutin,
Kemerovo State University,
Kemerovo, Russia

**Between the State and super-tribal politics:
to the discussion on power style in Inner Asia nomadic empires**

Abstract. The article outlines different approaches to solving the problem of assessing the level of complexity of administrative institutions of nomadic empires of Inner Asia. More than a century-long discussion among researchers about the nature of power in the largest nomadic associations of the late 3rd century BC and up to the middle of the 14th century revealed several main points of view: 1) the state (“nomadic state”, “patriarchal-feudal state”, etc.); 2) a complex hierarchical association of tribes with supra-tribal centralization and the power of the ruling clan/tribe (super-complex, maximum, compound, etc. types of chiefdoms); 3) a tribal union or a tribal confederation led by a dominant tribe; 4) various alternative integrated forms, different from the political structures of farmers, due to the specifics of the political genesis of nomads (alternatives to the state and chiefdom). Since in the course of studying the issues under consideration, the main fund of written sources has been introduced and their interpretation is largely determined by the conceptual approaches that the authors adhere to, archaeological data can serve as a certain resource for assessing the status of management systems of nomadic empires. It is necessary to take into account the different state of study of the monuments of various nomadic empires, as well as the informative features of archaeological heritage sites. In this regard, they should be considered as sources that allow identifying additional criteria for assessing the level of political complexity of nomadic associations of Inner Asia. The main emphasis in the article is made on the analysis of the materials of ancient settlements and monuments similar to them in appearance. This choice is associated with the significant role of cities in the formation of statehood.

Keywords: Inner Asia, nomadic empires, governing institutes’ status, archaeology, ancient settlements

Проблемы оценки уровня политической сложности кочевых империй (государство, раннее государство, сложное догосударственное образование и др.) широко обсуждаются в мировой науке. Еще в XIX в. были высказаны основополагающие точки зрения по данному вопросу. Знаменитый исследователь В.В. Радлов высказал мнение, что в степном пространстве не было условий для создания государственности, поскольку у номадов* (*В.В. Радлов непосредственно писал о киргизах – прим. авт.) не было «сильного общего интереса». «<...> Ханская власть не была в состоянии обеспечить отдельным индивидуумам их владения и защитить от нападений соседей; она могла управлять лишь небольшой частью гигантской территории, частью, которая была значительно меньше той, что считалась <...> подвластной хану». «Всякая попытка хана расширить эту область в каком-то направлении, – писал В.В. Радлов, – сопровождалась потерей им силы власти на противоположном конце периферии. Могущество диких орд, сгруппировавшихся вокруг князя, может проявиться лишь тогда, когда эти орды нападают на вражескую область и когда противопоставление себя угнетаемым врагам вынуждает разные племена из чувства самосохранения держаться вместе, т. е. когда вся орда превращается в единое войско, как это было с ордами Чингис-хана» [Радлов 1989: 249–250]. Данная концепция преобладала в трудах

зарубежных и отечественных эволюционистов [Аристов 1896; Жамцарано, Турунов 1921; Lattimore 1940; Гумилев 1967 и др.].

В рамках другого подхода была высказана идея о достижении кочевниками уровня государственности, причем речь шла о тех объединениях номадов, которые в настоящее время относят к кочевым империям. Подобные взгляды были широко представлены в позитивистской, марксистской и неомарксистской литературе конца XIX–XX в. [Позднеев 1899; Бартольд 1968а–г и др.; Halphen 1926; Грумм-Гржимайло 1926; Бернштам 1935; 1946; Grousset 1938; Gabain 1949; Киселев 1951; Кызласов Л.Р. 1960; 1969; Giraud 1960; Krader 1963; 1968; 1978; и мн. др.].

Неэволюционистские концепты политогенеза (М. Фрид, К. Поланьи, М. Салинз, Э. Сервиса, Х.Дж. Классен, П. Скальник и др.), введшие новые понятия, такие как *chiefdom* (рус. вождество), и достаточно дифференцировано рассматривавшие трансформацию государства от ранних форм к более поздним, сыграли важную роль в характеристике систем управления в кочевых империях в последней трети XX – первых десятилетиях XXI в. По мере обобщения фактического материала о политических структурах разных сообществ неэволюционистами и представителями других направлений, понимание таких дефиниций как «вождество», «раннее государство» и «государство» дифференцировалось и становилось «подвижным». Классические признаки государственности (монополия власти на применение силы, центральный и провинциальный аппарат, налоги, и др.) были выявлены в социумах негосударственного характера (вождества, племенные объединения и пр.) в комбинации с более ранними формами управленческой практики. Таким образом, понятие «государство» в современной науке находится в состоянии постоянной «мутации» [Крадин 2015; 2018; 2021б и др.], что позволяет исследователям детализировать общую картину политогенеза с помощью новых терминов, различных альтернативных государству форм властных учреждений, концепций многолинейного и нелинейного общественного развития.

Одним из первых неэволюционистские понятия «вождество» и «раннее государство» к кочевым обществам применил А.М. Хазанов. В монографии «Кочевники и внешний мир» [Khazanov 1984; Хазанов 2000; 2002] исследователь рассматривал номадные сообщества как периферию, вынужденную адаптироваться (экономически и политически) к внешнему миру. По мнению А.М. Хазанова, ограниченность степных ресурсов вела к тому, что номадные социумы были слишком сегментированными и нестабильными (устойчивыми он считал только низовые родственные структуры). Он полагал, что кочевники в своем степном развитии без подчинения других обществ способны были достичь стадии «стратифицированного общества» или «вождества» [Хазанов 2000: 281–284]. Максимальный уровень политической интеграции «без завоевания и покорения оседлого населения» А.М. Хазанов обозначил как «ситуационное государство». Его особенностями были появление накануне или в период завоеваний и «краткосрочность». Такие образования не могли долго существовать за счет внутренних ресурсов и трансформировались в стабильные государства только в случае завоевания оседлого населения. Ситуационное государство номадов ученый вслед за Х.Дж. Классеном и П. Скальником обозначил как «зарождающееся раннее государство» [Хазанов 2000: 450–451]. Политическая адаптация к земледельческим обществам, по мнению А.М. Хазанова, вела к трем типам (упрощенным моделям) кочевых государств. В первом варианте номады, оставаясь в степи, контролируют земледельцев военно-политическими средствами, и зависимость оседлого населения от кочевников в основном сводится к вассально-данническим формам (при этом аристократия для простых номадов выступала как руководящее сословие, опиравшееся на механизмы редистрибуции). Второй тип возникал в результате завоевания оседлого населения. В таком государстве возникали два правящих класса (новый кочевой и старый оседлый), существенно возрастала эксплуатация крестьянства, но рядовые кочевники

сохраняли свое социальное положение и свою роль основной военной силы. В процессе развития государства второго типа происходила дифференциация рядовых кочевников на многочисленные группы, одни из которых становились приближенными к правящему классу, а другие попадают в разные формы зависимости. В рамках третьего типа государства, созданного номадами, характерно возникновение «единой социальной, экономической и политической системы, в которой происходит интеграция кочевников и земледельцев», и формирование «социальных различий по направлениям, в основном совпадающим с экономической специализацией», что зачастую определялось «этническими различиями» [Хазанов 2000: 457–459].

Н.Н. Крадин предполагает, что у номадов государство не было внутренне необходимым институтом, так как рассредоточенный характер кочевания и выполнение всех основных экономических занятий в отдельных домохозяйствах исключали существование постоянного специализированного «бюрократического» аппарата. Единственным реальным средством объединения разрозненных кочевых групп, а также усиления власти кочевого лидера были военные походы, грабежи и захваты добычи, тем более что номадная экономика имела ограниченные возможности роста, а кочевники испытывали потребность в продуктах оседлых народов [Крадин 2000: 328; 2002: 115; 2007: 29–30; 2019б; и др.]. Для обозначения максимального уровня политической сложности кочевых объединений в степном пространстве на примере империи хунну исследователь разработал концепцию «суперсложного вожества» [Крадин 2002; Крадин, Скрынникова 2022: 74–75]. Согласно мнению Н.Н. Крадина, схожую систему власти, которую он обозначил как первый тип кочевых империй («типичные империи»), имели Сяньбийская держава, Тюркские и Уйгурский каганаты. Кочевники располагаются в степи и получают от земледельцев прибавочный продукт с помощью «дистанционной эксплуатации» (набегов, вымогания «подарков», неэквивалентной торговли и т. д.). Второй тип империй исследователь обозначил как даннический: империи с постоянной зависимостью земледельцев от кочевников, более или менее регулярными выплатами дани в разных формах, урбанизацией и частичной седентаризацией в степях, усилением противоречий среди кочевников и, возможно, трансформацией «метрополии» степной империи из составного чифдома в раннее государство, формированием бюрократического аппарата для сбора дани и контроля за данниками (Хазарский каганат, империя Ляо, Золотая Орда и пр.). К третьему «завоевательному типу» империй Н.Н. Крадин относит общества, возникавшие в результате переселения кочевников на территорию земледельцев с заменой грабежей и дани регулярным налогообложением земледельцев и горожан, преобладанием кочевников «в политической сфере и в военной организации» (Парфия, Кушанское царство, поздняя Скифия) [Крадин 2000: 315; 2007: 119; Крадин, Скрынникова 2022: 79 и др.].

Другой круг исследователей полагал, что кочевые империи Внутренней Азии представляли собой иерархическую систему племен и племенных объединений с ограниченной централизацией на период завоеваний и набегов. Смена власти в таких империях, как правило, осуществлялась путем захвата управления новой кланово-племенной группой (хунну, сяньби, тюрки) или конфедерацией племен (уйгуры/токуз-огузы), при этом племенной состав, за исключением мигрировавшей части бывшего правящего племени и близким к ним групп номадов, оставался прежним [Clauson 1962; Sinor 1969; Ecsedy 1972; 1977; 1981; Савинов 2005 и др.]. Так, В.В. Тишин пришел к выводу, что в тюркском обществе существовала «единая система иерархического подчинения», охватывавшая все уровни социальной и политической организации. Она была основана на генеалогическом принципе старшинства «с преобладанием личностных, а не кровнородственных связей на уровне выше семьи» [Тишин 2013: 78–79; 2014б: 331, 333–334, 337–339]. В отношении политических институтов исследователь подчеркивал их «непостоянство», изменчивость. Анализируя систему

двоевластия в Тюркском каганате (позиции малых каганов, эв-каганов и южных каганов), он сделал заключение о том, что двоевластие не было у тюрков оформившимся институтом (назначение малых каганов было связано с политической конъюнктурой, их власть распространялась только на отдельные территории империи, отсутствовала титулатура и социальные институты, способствовавшие становлению двоевластия) [Тишин 2014а: 25, 29].

О.И. Прицак и Г.Е. Марков считали кочевые империи «эфемерными образованиями» из-за отсутствия «прочного экономического базиса». Имперские объединения, как считали данные авторы, возникали в период переселений, набегов, завоеваний номадами «земледельческих обществ либо установления контроля над международными торговыми путями». Они носили «временный» характер и во многом отличались от государств земледельцев [Pritsak 1952: 50–55, 88–89; Марков 1976: 312].

Еще одно направление исследований политических институтов у номадов Восточной Азии – это выявление специфики структуры власти в кочевых империях по сравнению с земледельческими обществами. В этом контексте политические системы в кочевых империях трактовались как альтернативные формы государству [Irons 1979; Vasyutin 2019].

В целом в мировой науке представлен довольно широкий круг интерпретаций уровня сложности кочевых империй Внутренней Азии. Стоит отметить, что подавляющая часть письменных источников по данной тематике давно введена в научный оборот. В связи с этим можно говорить о том, что исследователи опираются не только на исторические факты, но и характеризуют институты власти номадов исходя из различных теоретических подходов и отдельных концепций. Несомненно, имеет значение позиции конкретных ученых, что придает их трактовкам авторский характер.

Таким образом, в кругу специалистов получили распространение разные взгляды на власть в имперских образованиях номадов. Прежде всего, встает вопрос, имеем ли мы дело с государственными образованиями или с объединениями догосударственного характера? С учетом разнообразия мнений исследователей, важно найти конкретные критерии и факты, подтверждающие ту или иную точку зрения. В качестве одного из критериев могут выступать данные археологии о поселениях и городищах у номадов. Несомненно, следует учесть разное состояние изученности памятников тех или иных кочевых империй, а также информативные особенности объектов археологического наследия. Для степей Внутренней Азии нами были выбраны городища, которые косвенно могут свидетельствовать о процессах усложнения того или иного кочевого сообщества.

Как известно город («городская революция») считается неотъемлемым компонентом формирования цивилизации (Г. Чайлд, К. Ренфрю, Дж. Хаас, В.М. Массон и др.). Но является ли город однозначным признаком формирования государственности? Исследователи неоднократно обращались к этой проблеме [см. к примеру, Крадин 2019в; 2021а; 2021б: 149–168]. Можно увидеть определенную взаимозависимость между появлением городов и зарождением ранних форм государственности. Но при этом нередко города возникают несколько раньше, чем формируются первые государственные структуры. Это наглядно демонстрируют торговые города Скандинавии, Восточной Европы VIII–IX вв. (территория Моравии, Словакии, Польши и Руси), Семиречья и т. д. В отдельных случаях хронологический разрыв между появлением и функционированием города и переходом к государственности мог быть достаточно большим. В Швеции г. Бирка (VIII–IX вв.), а затем г. Сигтуна (основан на рубеже X–XI вв.), как и многие другие города раннего Средневековья, возникли за несколько столетий до объединения Швеции ярлом Биргером в единое раннегосударственное образование. В других случаях давно созданная городская сеть становилась объектом завоевания,

но в дальнейшем города и городская жизнь вели к трансформации социально-политических структур завоевателей. Примером может служить Великое переселение народов или захваты кочевниками в разные периоды части или всей территории Китая.

В какой мере город может быть связан с государством, отдельными государственными функциями? Какую роль должен выполнять город, чтобы считаться элементом формирующейся государственности сначала на региональном уровне, а затем в рамках всей территории государства? В какой-то мере ответом на эти вопросы могут служить слова Элизабет Брумфил о том, что функции города как места концентрации торговых и обменных связей, как точки сосредоточения власти и взимания прибавочного продукта с периферии – это две взаимодополняющие друг друга стороны жизнедеятельности городов [цит. по: Крадин 2021б: 151].

На данный момент в степном пространстве Внутренней Азии (прежде всего, имеется в виду территория современной Монголии) были выявлены городища хуннского, уйгурского, киданьского и монгольского времени.

К 2020 г. на территории Монголии выявлено 16 хуннских городищ [Крадин и др. 2018; 2020; Очир и др. 2020: 14–97]. Также поселенческие памятники хунну известны в Бурятии [Данилов 2004: 35–38] и Туве [Тулуш 2015]. Исследования таких поселений в Монголии как Гуа Дов, Ундэрдов, Бурхийн-дурвулжин, Байшинтийн-дэрс, Тэрэлжийн-дурвулжин, Барс-хот II, Хурээт дов и др. позволили установить, что они представляют собой объекты с внешними признаками городищ (валы с воротами, платформы, постройки с черепичной крышей, «дорожки» и др.), но без сохранившихся следов проживания населения, без культурного слоя [Крадин и др. 2018; 2020]. Наиболее детальная реконструкция проведена по результатам совместных раскопок монгольско-корейской экспедиции «городища» Гуа-дов. Показательно, что вместо защитных укрепленных ворот в Гуа-дов были сооружены двухэтажные ворота с въездом для повозок и всадников и отдельными проходами для пеших людей, а вместо стен (вала) возвели столбчатую галерею с двускатной крышей из черепицы. По центру галереи можно было прокатиться на повозке. В северо-западной части городища Гуа-дов располагался дворцовый комплекс с искусственным прудом. Памятник датировался концом II в. до н.э. – I в. н.э. и характеризуется как летний дворец «одного из аристократов государства Хунну». Ворота Гуа-дов были сделаны по аналогии с внутренними императорскими воротами в Чанани – столице империи Хань [Эрэгзэн 2020: 63–77; Очир и др. 2020: 36–51]. Однако, очевидно, что при отсутствии культурного слоя данный памятник не может рассматриваться ни как город, ни как ставка, ни как летний дворец.

Пока трудно сказать, действительно ли была попытка при великих шаньюях построить города, чтобы империя Хунну была похожа на Хань, когда было объявлено о «равенстве друг другу государств Хунну и Хань» [Таскин 1968: 48]. Но в реальной жизни ни номадам, ни оказавшимся в степи выходцам из Поднебесной эти укрепленные «городища» негодились. Пока еще не изучены все подобные объекты в Монголии, но общая тенденция очевидна. Возникновение на территории северной периферии империи протогорода (Иволгинское городище), строительство и функционирование которого определялось присутствием ханьского населения, мало что меняло в масштабах всей империи. «Городской» фактор в целом не сработал и не способствовал усложнению хуннской имперской системы.

Период VI–IX вв. связан с расцветом торговли по Шелковому пути. Во многом этому способствовало создание широтной империи – Великого (Первого) Тюркского каганата. Тюркская элита продавала шелк, полученный из Китая в качестве дани, даров правителю, откупов за отказ от набегов. Непосредственную торговлю осуществляли согдийцы, вывозившие товары в Персию, Византию и другие страны. По главной евразийской «дороге» перевозили ткани, драгоценные

камни, оружие, пушнину, соль, рабов и другие товары. Маршруты Шелкового пути «включали» все новые территории в евразийскую торговлю (Семиречье, казахские степи, Нижнее Поволжье и т. д.). Находившиеся на главных артериях Шелкового пути города Восточного Туркестана и Центральной Азии переживали период экономического расцвета. И если в монгольских степях во второй половине VI–VII в. предпосылки для урбанизации не сложились, то в западных владениях тюрков (затем Западный Тюркский и Тюркешский каганаты) в транзитной зоне Семиречья в VII–VIII вв. возникли торговые города (Суюб, Невакет, Кува, Актаг и др.). Археологам они известны как городища Ак-Бешим, Красная Речка, Бурана, Актобе, Токмак, Тараз, Костобе, Луговое и др. [Байпаков 1966: 4–5, 7–10, 17–18; 1986: 39–98; Петров 1981: 5, 112–120; Горячева 1983: 68, 103; Аитова 2001: 129–130 и др.].

Несмотря на значимость торговли и городских центров, элиты Восточно-тюркского каганата (603–630 гг.) и Второго Тюркского каганатов (689–744/745 гг.) не стремились строить городские центры. Не случайно на инициативу Бильге-кагана о возведении стен вокруг ставки, «мудрый советник» Тоньюкук ответил, что при огромном численном превосходстве китайцев сила и преимущество тюрков заключалась в их подвижности (кочевании) и возможности вести боевую подготовку в степи.

Несколько иной была ситуация с уйгурами и союзными им племенами. В годы пленения тюрков (с 630 по начало 680-х гг.) отношения Тан и, разместившихся в бассейне Толы уйгуров и пугу, складывались по-разному. На смену конфликтам в середине VII в. пришло формальное признание факта включения степных территорий к северу от Гоби в состав империи Тан. Возможно, одним из результатов сотрудничества уйгуров и пугу с Тан и согдийцами стало появление на р. Тола города Тогу-балык *Toyu balyq*, упоминавшегося в Большой надписи Кюль-тегина и в надписи в честь Бильге кагана [Малов 1951: 42; 1959: 21]. По всей видимости, Тогу-балык можно считать прологом уйгурской урбанизации.

Возведение городищ-ставок уйгурами началось еще в период борьбы с тюрками, карлуками, басмылами, тогуз-татарами, чиками и другими кочевыми племенами (740-е–760-е гг.). Так, во времена господства тюрков уйгурский каган-эльтебер Хушу, вернувшийся в 727 г. из Китая в степь, построил «столицу». В дальнейшем при его сыне – основателе Уйгурского каганата Элетмиш Бильге-кагане были возведены столичная ставка Орду-балык (Карабалгасун, Хар-балгас) и три ставки-крепости на западе, востоке и в центре Отюкена. Также Элетмиш приказал согдийцам и китайцам построить на р. Селенге город Бай-балык [Кляшторный 2010: 66].

На данный момент известно о 24 городищах Уйгурского каганата в Монголии и о 19 городищ, крепостей и укрепленных мест в Туве [Кызласов Л.Р. 1969; Hüttel, Erdenebat 2009; Тулуш 2011; Крадин 2019а: 154; Очир и др. 2020: 100–173 и др.]. Позиции исследователей расходятся между двумя крайними оценками: от существования трех-четырёхуровневой иерархии поселений городского типа (столичный город Орду-балык – «областные» административные центры – провинциальные города и военные крепости) до признания городского статуса только за столицей Уйгурского каганата (на большинстве других исследованных памятниках помимо строительных материалов культурный слой либо отсутствовал, либо был незначительным). И все же в отличие от хунну у уйгуров в центре империи существовал огромный по меркам степняков город площадью ок. 30 км². Именно этот центр, где было сильно влияние согдийцев, а с принятием манихейства он стал местом распространения одной из влиятельных в Азии религиозных доктрин, содействовал трансформации центрального управления (создание племенных министерств, введение налогов, торговые пошлины) и тем самым появлению элементов ранней государственности. Также наличие на городище Байбалык на Селенге, который состоит из трех крепостей и общего пространства между

ними, культурного слоя до 1,5 м, жилищ, керамической посуды, шлаков и др. артефактов [Худяков, Цэвээндорж 1982; Ситдинов и др. 2019; Ганбат и др. 2020] позволяет говорить о формировании и в этой точке каганата городского пространства и городских практик. Для составления более целостной картины необходимо исследование других городищ.

Следует учитывать торгово-экономическую конъюнктуру в Евразии в период существования Уйгурского каганата. Евразийская торговля приобрела особый размах при расцвете Арабского халифата в VIII – середине X в. Интенсивность торговых операций возросла из-за огромного профицита бюджета Халифата и выполнения им роли посредника в торговле между Азией и Европой. Еще одним фактором стал захват Тибетом в 60–90 гг. VIII в. всего участка Великого шелкового пути от Ичжоу до Ганьсуского коридора. В результате основная ветвь главной торговой артерии Евразии на маршруте от Семиречья до Китая стала проходить по территории монгольских владений уйгуров. Эта дорога в танское время получила название «уйгурского пути» (хуэйху лу). «Уйгурский путь» шел от оз. Бэйтин к оз. Баркуль и далее на северо-восток к Орду-балыку. От столицы Уйгурского каганата дорога поворачивала на юго-восток, проходила через пустыню Гоби, и далее через Ордос и северную излучину Хуанхэ путешественники попадали в Чанъань [Лубо-Лесниченко 1988: 380]. В итоге городища каганата (города и поселения) оказались востребованными. Интенсивность торговых операций потребовала развития инфраструктуры и создания торговых станций на уйгурском пути. Тамим ибн Бахр сообщает о том, что, двигаясь к Орду-балыку, он проезжал за сутки по три станции и на каждой станции были «служители». Он также пишет, что последние 20 (либо 25) дней на пути из Семиречья в Орду-балык продвигался среди «плодородных земель» с рынками и «многочисленными деревнями» («поселениями», «большими деревнями»), населенными «полностью или большей частью» тюрками, среди которых были «огнепоклонники и зиндики-манихеи» [Асадов 1993: 45, 46, 130, прим. 58]. Особенно славилась своими рынками столица каганата Орду-балык. Тамим ибн Бахр сообщает о 12 железных воротах, большом и богатом городе («здесь много народу, толкотни, рынков, товаров», «бесконечные ряды деревьев» и «рынки с многочисленными товарами»). В Орду-балыке и за его пределами размещались представители кочевой элиты. Тамим ибн Бахр указывает, что рядом со столицей располагался лагерь-ставка кагана с военачальниками и войсками (гвардия), а на цитадели был установлен золотой шатер (юрта), который вмещал 100 человек и был местом праздников и церемоний [Асадов 1993: 45, 46].

Таким образом, в Уйгурском каганате под влиянием разных факторов возник крупный столичный город и сеть других городов, что привело к усложнению экономических и политических практик. Города в Уйгурском каганате способствовали генезису ряда элементов ранней государственности.

Наиболее наглядный пример взаимосвязи городской жизни и существования государственных институтов демонстрируют анклав империи Ляо (907–1125 гг.) в долине рек Тола и Керулен [Крадин и др. 2011; Очир и др. 2020: 176–271]. Строительство городов, крепостей и усадеб в Монголии происходило на рубеже X–XI в., когда империя достигла расцвета, а город стал нормой жизни для киданей не только в завоеванных провинциях Китая, но и в их родовых землях. Поэтому, укрепляя свои позиции в монгольских степях, кидани не просто переселяют воинов и часть оседлого населения, а строят города, создают администрацию, возводят защитный вал с крепостями вдоль границы с племенами шивэй, цзубу, туюхуни, диле, дадань, мэngu и др., стараются обеспечить, что не всегда правда получается, номадов пастбищами и продовольствием из митрополии. Раскопки городища Чинтолгой-балгас показали интенсивность жизни горожан. Несмотря на сравнительно небольшой период существования киданьских городов в Монголии

(чуть больше столетия), культурный слой городища был насыщен разнообразными находками и достигал более 2 м [Крадин и др. 2011].

Возвращаясь к дискуссии по вопросу об уровне политической сложности кочевых империй Внутренней Азии, отметим, что нельзя оценивать конкретные объединения кочевых племен исходя из одного подхода, одной концепции, претендующей на универсальность. Критерии оценивания должны также учитывать информацию археологических источников. В статье показано, что учет материалов поселений позволяет с большим основанием и более взвешено интерпретировать характер политических институтов разных имперских образований кочевых племен.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в течение II в. до н.э. – начале II тыс. н.э. в степях Внутренней Азии было отмечено как минимум четыре варианта урбанизации. Первый (хуннский) свелся в основном к строительству квази-городов, что выдает отсутствие острой потребности кочевых элит империи Хунну в городской инфраструктуре. Близка была ситуация в восточной части Первого Тюркского каганата, а также Восточно-тюркском и Втором Тюркском каганатах. Но все же восточные тюрки косвенно приняли участие в урбанизационных процессах середины VI – первой половины VIII в. путем установления контроля над рядом городов Восточного Туркестана и Центральной Азии, участием в торговле шелком и другими товарами, что способствовало формированию новых веток Великого шелкового пути и строительству новых городов в транзитных зонах (пример Семиречья). Вероятно, независимо от тюрков в долине р. Толы (владения уйгуров и пугу) появляется город Тогу-балык, а в конце существования каганата – первая «столица» уйгуров, построенная эльтебером Хушу.

Уйгурский вариант урбанизации отличался тем, что впервые за время существования кочевых империй в степи развернулось масштабное градостроительство и сказалось положительное влияние внешних экономических и политических факторов и конъюнктур. Концентрация городищ в бассейне Орхона и создание порядка двух десятков городов и крепостей в Туве говорят об их функциональном назначении. В первом случае – важно отметить связь городов в Центральной Монголии со столичным Орду-балыком, что подразумевает административное и военное взаимодействие. Часть этих городов могла быть включена в сеть поселений, находившихся на «уйгурском пути» (во второй половине VIII в.) – центральный маршрут Шелкового пути между Семиречьем и Китаем. Городища в Туве выполняли военные функции по организации нападений и обороны от кыргызов. Еще одно городище – Бай-балык контролировало бассейн Селенги, а другое городище – Шилэ уулын шороон хэрэм – бассейн Керулена. В целом, столичный Орду-балык и часть других городов были задействованы в торговле, ремесленном и сельскохозяйственном производстве, что способствовало развитию администрации и налоговых практик и может говорить о зарождении в Уйгурском каганате раннего государства.

Четвертый «завоевательный» вариант связан с политикой империи Ляо по созданию городских анклавов в монгольских степях, что отражало государственную практику киданьского правительства и воспроизводило уже привычную для политических элит Ляо административную систему.

ЛИТЕРАТУРА

- Аитова С.М. Статистический анализ находок древнетюркских монет в Семиречье и Отрарском оазисе // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. обществ. наук. 2000. № 1. С. 125-130.
- Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. VI. Вып. III–IV. С. 277-456.
- Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку: Элм, 1993. 204 с.

- Байпаков К.М.* Средневековые города и поселения Семиречья (VII–XII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1966. 21 с.
- Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). Алма-Ата: Наука, 1986. 256 с.
- Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука. ГРВЛ, 1968а. С. 19-192.
- Бартольд В.В.* История турецко-монгольских народов // Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука. ГРВЛ, 1968б. С. 195-229.
- Бартольд В.В.* Образование империи Чингиз-хана // Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука. ГРВЛ, 1968в. С. 195-229.
- Бартольд В.В.* Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов // Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука; ГРВЛ, 1968г. С. 468-472.
- Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй древнетурецкого общества VI–VIII вв. н.э. Турки в Монголии: тезисы канд. дис. Л.: Изд-во ГАИМК, 1935. 23 с.
- Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI–VIII веков: Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 208 с.
- Ганбат Н., Ситдиқов, А.Г., Измайлов И.Л., Улзийбаяр С., Батсүрэн Б, Беяев А.В., Очир Б.* Археологические исследования фортификации северной цитадели городища Бийбулаг (средневековый уйгурский город Байбалык): предварительные итоги // Археология евразийских степей. 2020. № 6. С. 179-192.
- Горячева О.Д.* Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Сафид-Булан). Фрунзе: Илим, 1983. 144 с.
- Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л.: Издание Ученого комитета Монгольской народной республики, 1926. Т. II. 897 с.
- Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 525 с.
- Данилов С.В.* Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.
- Жамцарано Ц., Турунов А.* Обзор памятников писаного права монгольских племен // Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета. Иркутск: Иркутский Гублит, 1921. Вып. 1. С. 1-13.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.
- Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010. 328 с.
- Крадин Н.Н.* Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 314-336.
- Крадин Н.Н.* Империя Хунну. 2-е изд. М.: Логос, 2002. 312 с.
- Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-пресс, 2007. 416 с.
- Крадин Н.Н.* Основные закономерности происхождения государства // КСИА. 2015. № 239. С. 7-27.
- Крадин Н.Н.* Современные теории происхождения государства // Stratum Plus. 2018. № 6. С. 17-28.
- Крадин Н.Н.* Города в кочевых империях Внутренней Азии // В поисках сущности: сб. статей в честь 60-летия Н.Д. Руссева. Кишинев: Библиотека Stratum, 2019а. С. 149-170.
- Крадин Н.Н.* Современная дискуссия о политогенезе у кочевников-скотоводов // Восток. 2019б. № 1. С. 6-23.
- Крадин Н.Н.* Является ли город критерием государственности? // Восточная Европа в древности и средневековье. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2019в. Вып. XXXI. С. 138-144.
- Крадин Н.Н.* От городищ к городам: динамика урбанизации по археологическим данным // Dísablót. Сб. статей коллег и учеников к юбилею Е.А. Мельниковой / Отв. ред. Т.В. Гимон. М.: Квадрига, 2021а. С. 390-399.
- Крадин Н.Н.* Происхождение неравенства, цивилизации и государства. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2021б. 336 с.

- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Васютин С.А. Империя Хунну и начала степной урбанизации // Тюркские кочевники в Азии и Европе: цивилизационные аспекты истории и культуры (Труды ИВ РАН, Вып. 7). М.: ИВ РАН, 2018. С. 226-240.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Васютин С.А., Данилов С.В., Никитин Ю.Г., Эрдэнэболд Э. Киданьский город Чинтолгай-балгас. М.: Вост. лит., 2011. 173 с.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Васютин С.А., Ковычев Е.В., Харинский А.В., Эрдэнэболд Л. Тэрэлжийн-Дурвүлжин и другие хуннские городища в Монголии: особенности функциональной интерпретации // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2020. № 2. С. 42-56.
- Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. 2-е изд. Доп. М.: Академический проект, 2022. 598 с.
- Кызласов Л.Р. Тува в период Тюркского каганата (VI–VIII вв.) // Вестник МГУ. Серия IX. Исторические науки. 1960. № 1. С. 51-76.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 211 с.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: очерки истории. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1988. С. 352-391.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 447 с.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 109 с.
- Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организация. М.: МГУ, 1976. 318 с.
- Петров К.И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI – начала XIII вв. Фрунзе: Илим, 1981. 233 с.
- Позднеев Д.М. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1899. LXIII + 153 с.
- Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука. ГРВЛ, 1989. 749 с.
- Савинов Д.Г. Система социально-этнического подчинения в истории кочевников Центральной Азии и Южной Сибири // Монгольская империя и кочевой мир / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. Кн. 2. С. 31-43.
- Ситдииков А.Г., Измайлов И.Л., Ганбат Н. Археологическое изучение уйгурского городища Бийбулаг в Монголии в 2018–2019 гг.: предварительное сообщение // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвящ. 100-летию российской академической археологии (г. Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2-х кн. / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. Кн. 1. С. 63-64.
- Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М.: Наука, 1968. Вып. 1. 177 с.
- Тишин В.В. К вопросу о клане и патронимической организации у древних тюрков VI–VIII вв. // Источники по истории кочевников средневековой Евразии: тез. докл. VII Междунар. конф. (г. Звенигород, 20–22 ноября 2013 г.) / Отв. ред. А.Д. Васильев. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2013. С. 78-79.
- Тишин В.В. К вопросу о двоевластии в Тюркском каганате // Восток (Oriens). 2014а. № 2. С. 23-33.
- Тишин В.В. К вопросу о клане и патронимической организации у древних тюрков VI–VIII вв. // Бюллетень общества востоковедов. М.: ИВ РАН, 2014б. Вып. 21. М-лы VII Междунар. конф. «Источники по истории кочевников средневековой Евразии». С. 329-344.
- Тулуш Д.К. Средневековые городища-крепости Тувы // Вестник КемГУ. 2011. № 2 (46). С. 39-44.
- Тулуш Д.К. Фортификационные сооружения эпохи хунну на территории Тувы // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: м-лы Междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 7–8 апреля 2015 г.) / Отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2015. С. 316-323.
- Эрэгзэн Г. Конструктивные особенности хуннского городища Гуа-Дов // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2020. № 2. С. 57-81.
- Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е.. Алматы: Дайк-Пресс. 2000. 603 с.
- Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс. 2002. 604 с.
- Худяков Ю.С., Цвезэндорж Д. Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии: сб. науч. статей / Отв. ред. А.К. Конопацкий, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1982. С. 85-94.

- Очир А., Уртнасан Э., Энхболд С., Эрдэнэболд Л., Эрэгзэн Г.* Монголын Эртний хот Суурин. Ancient Settlements of Mongolia. Х. Улаанбаатар, 2020. 284 тал.
- Clauson G.* Studies in Turkic and Mongolic Linguistics. London: Routledge, 1962. 296 p.
- Gabain A.V.* Steppe und Stadt im Leben der ältesten Turken // Der Islam. 1949. Bd. 29. H. 1–2. S. 30-62.
- Giraud R.* L'empire des Turcs celestes. Les règnes d'Elterich, Qapghan et Bilgä (680–734). Paris: Libraririe d'Amerigue et d'Orient, 1960. 219 p.
- Grousset R.* L'empire des Steppes. Attila, Gengis-khan, Tamerlan. Paris: Éditions Payot, 1938. 620 p.
- Halphen L.* Les Barbares des Grandes Invasions aux Conquêtes Turques du XIe siecle. Paris: Librairie Félix Alcan, 1926. 395 p.
- Hüttel H.-G., Erdenebat U.* Karabalgasun und Karakorum – Zwei spätnomadische Stadtsiedlungen im Orchon-Tal (Хаар Балгас ба Хархорум – Орхоны хондий дэх хожу нуудэлчдийн суурьшмал хоёр хот). Улаанбаатар: Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академийн, 2009. 64 (тал.) с.
- Irons W.* Political Stratification Among Pastoral Nomads // Pastoral Production and Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 361-374.
- Ecsedy H.* Tribe and Tribal Society the 6th Century Turk Empire // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1972. Vol. XXV. P. 245-262.
- Ecsedy I.* Tribe and Empire, Tribe and Society in the Turk Age // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1977. T. XXXI. Fasc. 1. P. 3-15.
- Ecsedy I.* Nomads Societes and State Formations // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1981. T. XXXV. Fasc. 2–3. P. 393-396.
- Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World. Translated by Julia Crookenden. Cambridge University Press, 1984. Pp. xxviii + 366.
- Krader L.* The Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague: Mouton, 1963. 412 p.
- Krader L.* Formation of the State. New York: Prentice-Hall, 1968. 118 p.
- Krader L.* The Origin of the State Among the Nomads of Asia // The Early State. The Hague: Mouton, 1978. P. 93-107.
- Lattimore O.* Inner Asian Frontiers of China. New York and London: American Geographical Society, Oxford University Press, 1940. 585 p.
- Pritsak O.* Stammensnamen und Titulaturen der altaischen Volker // Ural-Altäische Jahrbucher. Bd. 24. 1952. H. 1–2. S. 49-104.
- Sinor D.* Inner Asia; History-Civilization-Languages: A syllabus. Bloomington: Indiana University Press. 1969. 261 p.
- Vasyutin S.* Political Complexity in Nomadic Empires of Inner Asia // Social Evolution and History. 2019. Vol. 18. № 2. P. 92-114.

**А. А. Бисембаев,
А. М. Мамедов,
Г. А. Ахатов,
Р. Ж. Жанұзақ**

**Арман Ауганович Бисембаев, abissembaev@mail.ru
Аслан Маликович Мамедов, mamedovaslanv@mail.ru
Газиз Аманжолович Ахатов, g_akhatov@mail.ru
Рамазан Жаксыбайұлы Жанұзақ; rzhanuzak@gmail.com
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Республика Казахстан**

Раннесредневековое погребение могильника Жагабулак I*

Аннотация. Статья посвящена раннесредневековому погребению № 2 кургана № 3 могильника Жагабулак I, расположенного в бассейне среднего течения реки Жем (Эмба). Данная территория по природно-географическим аспектам относится к границе перехода от степной к полупустынной зонам и входит в Темиро-Эмбенский локальный микрорайон Приаральско-Мугалжарского региона (Актюбинская область). Обнаружение впускного захоронения огузо-печенежского времени IX–XI вв., с характерным инвентарем и соответствующими чертами погребального обряда, требует введения новых материалов в научный оборот в силу малочисленности подобных комплексов на территории Западного Казахстана. Исследования памятников данного периода в Актюбинской области имеет свою историю и требует определенного подведения итогов.

Ключевые слова: Западный Казахстан, бассейн Эмбы, раннесредневековые кочевники, огузы, печенеги, погребальный обряд

**Арман Ауғанұлы Бисембаев,
Аслан Малиқұлы Мамедов,
Газиз Аманжолұлы Ахатов,
Рамазан Жақсыбайұлы Жанұзақ,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан**

Жагабулак I қорымындағы ерте ортағасырлық жерлеу орны

Аннотация. Мақала Жем өзенінің орта ағысы бассейнінде орналасқан Жагабулак I қорымындағы № 3 обадан анықталған № 2 ерте ортағасырлық қабірге арналған. Аталған аймақ табиғи-географиялық тұрғыдан далалық белдеуден жартылай шөлейт зонаға өтетін шекаралық аумаққа жатады және әрі Арал маңы-Мұғалжар өңірінің (Ақтөбе облысы) Темір-Жем локалды шағын ауданына кіреді. IX-XI ғғ. оғыз-печенег кезеңіне жататын жерлеу рәсіміне тән құрал-саймандары және жерлеу салтының тиісті белгілері бар жаңа материалдарды табу, Батыс Қазақстан аумағында осындай кешендердің аз болуына байланысты ғылыми айналымға енгізуді талап етеді. Ақтөбе облысындағы осы кезеңдегі ескерткіштерді зерттеудің өз тарихы бар және белгілі бір қорытынды жасауды талап етеді.

Түйін сөздер: Батыс Қазақстан, Жем бассейні, ерте ортағасырлық көшпенділер, оғыздар, печенегтер, жерлеу салты

© 2022 Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Ахатов Г.А., Жанұзақ Р.Ж.

*Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2021–2022, ИРН проекта OR11465466.

Arman Bissembaev,
Aslan Mamedov,
Gaziz Akhatov,
Ramazan Zhanuzak,
Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan

Early Medieval burial of the burial ground of Zhagabulak I

Abstract. The article is devoted to the early medieval burial No. 2 of mound No. 3 of the burial ground of Zhagabulak I, located in the basin of the middle course of the Zhem River (Emba). According to natural and geographical aspects, this territory belongs to the border of the transition from steppe to semi-desert zones and is included in the Temiro-Embensky local microdistrict of the Aral-Mugalzhar region (Aktobe region). The discovery of an inlet burial of the Oghuz-Pecheneg period of the 9th–11th centuries, with characteristic inventory and corresponding features of the funeral rite, requires the introduction of new materials due to the small number of such complexes on the territory of Western Kazakhstan. The study of monuments of this period in the Aktobe region has its own history and requires a certain summing up.

Keywords: Western Kazakhstan, Emba basin, early medieval nomads, Oghuz, Pechenegs, funeral rite

Период раннего средневековья Западного Казахстана, не смотря на полтора века исследований, начиная со 2-й пол. XIX в., проводившихся с различной интенсивностью, остается слабоизученным в связи с малочисленностью имеющихся материалов последних веков I тыс. – начала II тыс. н.э. Поэтому обнаружение непо потревоженных комплексов этого времени, как правило, впущенных в насыпи курганов более ранних эпох, расширяет источниковую базу огузо-печенежского периода на территории крупного региона страны. На данный момент можно говорить всего лишь о полусотне погребений с территории четырех областей Западного Казахстана, даже с учетом обнаруживаемых случайно в песчаных массивах в последние годы на территории Западно-Казахстанской и Атырауской областей [Марыксин, Круглов 2011: 113–120]. Информация о выявленных на территории Атырауской области захоронениях освещается в СМИ [Студенты Атырау нашли...], но не получает необходимой публикации в специализированной литературе. Поэтому, обнаружение новых комплексов огузо-печенежского времени требует введения их в научный оборот с максимально подробной информативностью.

В 2021 г. археологическая экспедиция Института археологии им. А.Х. Маргулана продолжала исследования по разработанной программе, связанной с изучением памятников раннего железного века, которые на территории области являются самыми распространенными. Акцент в исследованиях памятников данной эпохи был перенесен в Темиро-Эмбенский локальный микрорайон в связи с выяснением специфики и основных характеристик расположенных здесь объектов. Для исследований выбор остановился на группе могильников Жагабулак I–II, расположенных на левом берегу р. Жем (Эмба), в 5 и 5,9 км к ВЮВ от одноименного населенного пункта близ участков нефтяных контрактных территорий (Мугалжарский р-н, Актюбинская обл., РК). Работы проводились согласно договора между Институтом археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК и ГККП «Актюбинский областной историко-краеведческий музей» по реализации проекта «Археологические исследования элитных памятников ранних кочевников на территории Актюбинской области». Исследованные объекты могильника Жагабулак I дали яркие и оригинальные комплексы середины – 2-й пол. I тыс. до н.э. [Бисембаев и др. 2022].

Могильник Жагабулак I расположен на северо-западном краю водораздельного плато левобережья р. Жем, в 5,0 км к югу от одноименного села Жагабулак. Памятник состоит из четырех земляных курганов и семи объектов (грунтовые и каменные ограды, небольшие насыпи и т. д.). Курганы № 1–3 образуют дуговидную цепочку, вытянутую с северо-востока на юго-запад на

расстояние 142 м и обращенную выпуклой стороной к северо-западу. Наибольшими в этой группе являются курганы № 1 и 3 размерами 1,8×31 м и 1,6×30 м соответственно. На вершине кургана № 1 установлен триангуляционный знак, по центру наблюдается слабая западина. Курган № 2 располагается между большими курганами. Его диаметр 19 м, высота 0,7 м. На вершине насыпи кургана также прослеживается западина – след грабительской деятельности. Все три кургана по основанию окружены кольцевыми рвами глубиной 0,2–0,7 м.

Курган № 4 сооружен отдельно за грунтовой дорогой, в 166 м к юго-востоку от кургана № 1. Диаметр кургана 10 м, высота 0,4–0,5 м. Насыпь кургана сильно деформирована грабительским вкопом диаметром 4 м, глубиной 0,3–0,4 м. По основанию насыпи кургана прослеживается кольцевой ров. Остальные семь объектов локализуются вокруг курганов № 2 и 3. Представляют собой небольшие ограды, насыпи и, вероятно, были сооружены в Средневековье либо в Новое время. В 52 м к ВСВ от кургана № 3 выявлено сооружение в виде ограды подпрямоугольной формы длиной 7 м, шириной 6 м и высотой 0,2 м. По центру ограды наблюдается понижение глубиной 0,2 м. Южная стенка сооружения разрушена грунтовыми дорогами.

В 56 м к северу от кургана № 2 находится два небольших всхолмления (объекты № 8–9) высотой 0,1–0,2 м, диаметром 3 и 8 м. Южнее, у основания кургана № 2, зафиксирована каменно-земляная ограда длиной 3 м, высотой 0,1–0,2 м, по центру которой также фиксируется западина диаметром 0,8 м, глубиной 0,2–0,3 м. К северо-западу и к юго-востоку от кургана № 2 находятся объекты № 8–9 в виде небольших всхолмлений диаметром около 3 м, высотой 0,1 м. Объект № 10 представляет собой сооружение вытянутой формы длиной около 8 м, шириной 6,6 м. По центру имеет вытянутое с севера на юг всхолмление диаметром 4 м, высотой 0,1–0,3 м. В кургане № 3 было обнаружено впускное раннесредневековое погребение № 2.

Курган № 3 располагался в 142 м к северо-востоку от кургана № 1. Насыпь кургана земляная, в плане округлой, в разрезе полусферической формы. Диаметр кургана 30 м, высота – 1,6 м. На вершине кургана наблюдается западина. Севернее западины установлен триангуляционный знак, от которого сохранилось основание. На вершине кургана наблюдалась западина диаметром около 5,0 м. По периметру насыпь кургана окружал ров глубиной 0,4–0,5 м. Северо-восточное основание насыпи кургана разрушено техникой.

С целью сохранения триангуляционного знака насыпь снималась с оставлением двух параллельных бровок З–В. Ширина бровок: северная – 2 м, южная – 1 м, расстояние между ними 5 м. Насыпь снималась послойно по 0,15–0,2 м. После удаления верхнего дернового горизонта мощностью от 5 до 10 см был выявлен слой камней, залегавший поверх насыпи. Насыпной слой толщиной от 0,5 м на периферии и до 1,1 м по центру представлял собой суглинок светло-коричневого с включением крупнозернистого гравия и суглинок светло-серого цвета. У основания насыпи наблюдался глиняный вал, насыпанный из суглинка серо-желтого цвета. Внутри грунтового вала на погребенной почве покоился органический настил и плахи перекрытия центрального захоронения. Над могильной ямой фиксировалась грабительская воронка. Погребенная почва представлена суглинком коричневого цвета, материк – суглинком светло-серого цвета.

К раннесредневековому периоду относится впускное погребение № 2. Находилось в северо-западной части кургана, в 6,5 м к северу и 5,9 м к западу от центра. Погребение фиксировалось еще в ходе снятия насыпи – в профиле засыпь могилы выделялась суглинком серого цвета.

На глубине 0,7 м от «0» расчищено «чучело» лошади, представленное черепом и трубчатой костью конечности (рис. 1; 2). Череп лошади мордой обращен на запад. В зубах лошади находились железные кольчатые удила очень плохой сохранности (рис. 4). Ниже, восточнее – два железных стремени (рис. 3). Первое стремя хорошей сохранности. Дужка имеет переходную от яйцевидной

Рис. 1. Жагабулак I, к. 3. Общий вид впускного раннесредневекового погребения № 2

к арочной форму, прямоугольную петлю, отделенную от дужки перехватом, и широкую и закругленную книзу подножку. Высота стремени 16,5 см. Второе стремя округлой формы. Сохранилась закругленная книзу широкая подножка и частично дужка. Примерный диаметр около 14,5 см (рис. 5, 3; 6, 4–5). На глубине 0,9 м лежал скелет взрослого человека вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги – прямо.

Рядом с погребенным были обнаружены следующие находки:

- между черепом и костями левого предплечья обнаружено железное изделие;
- в районе живота, с правой стороны найдено еще одно железное изделие плохой сохранности;
- поверх тазовых костей лежали два каменных отщепы из кремнистой породы (рис. 5, 7);
- под скелетом найдены еще два отщепы (рис. 5, 7; 6, 10).
- среди костей были подобраны фрагмент железной пряжки с примерным диаметром 6,5 см (рис. 5, 2; 6, 3), железный черешковый наконечник стрелы (рис. 5, 5; 6, 6), железное кресало длиной 9,4 см (рис. 5, 4; 6, 8), бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с вытянутой треугольной головкой и выступающей втулкой, бусина из стеклянной массы и мелкие фрагменты от железных изделий (рис. 5, 6, 8, 9; 6, 7, 9, 11).

Подобный комплект артефактов вкпе с элементами погребального обряда позволяет отнести данное захоронение к огузо-печенежскому периоду и датировать его в пределах IX – начала XI в.

Удила с перегибом и крупными концевыми кольцами, зафиксированные в результате расчистки и распавшиеся при изъятии, относятся к типу Б I по номенклатуре Г.А. Федорова-Давыдова [Федоров-Давыдов 1966: 18–19]. Стремена с выделенной петлей для путлища, при этом разные по форме, так же характерный признак погребений огузо-печенежского времени. Петля соответствует типу Б I, по

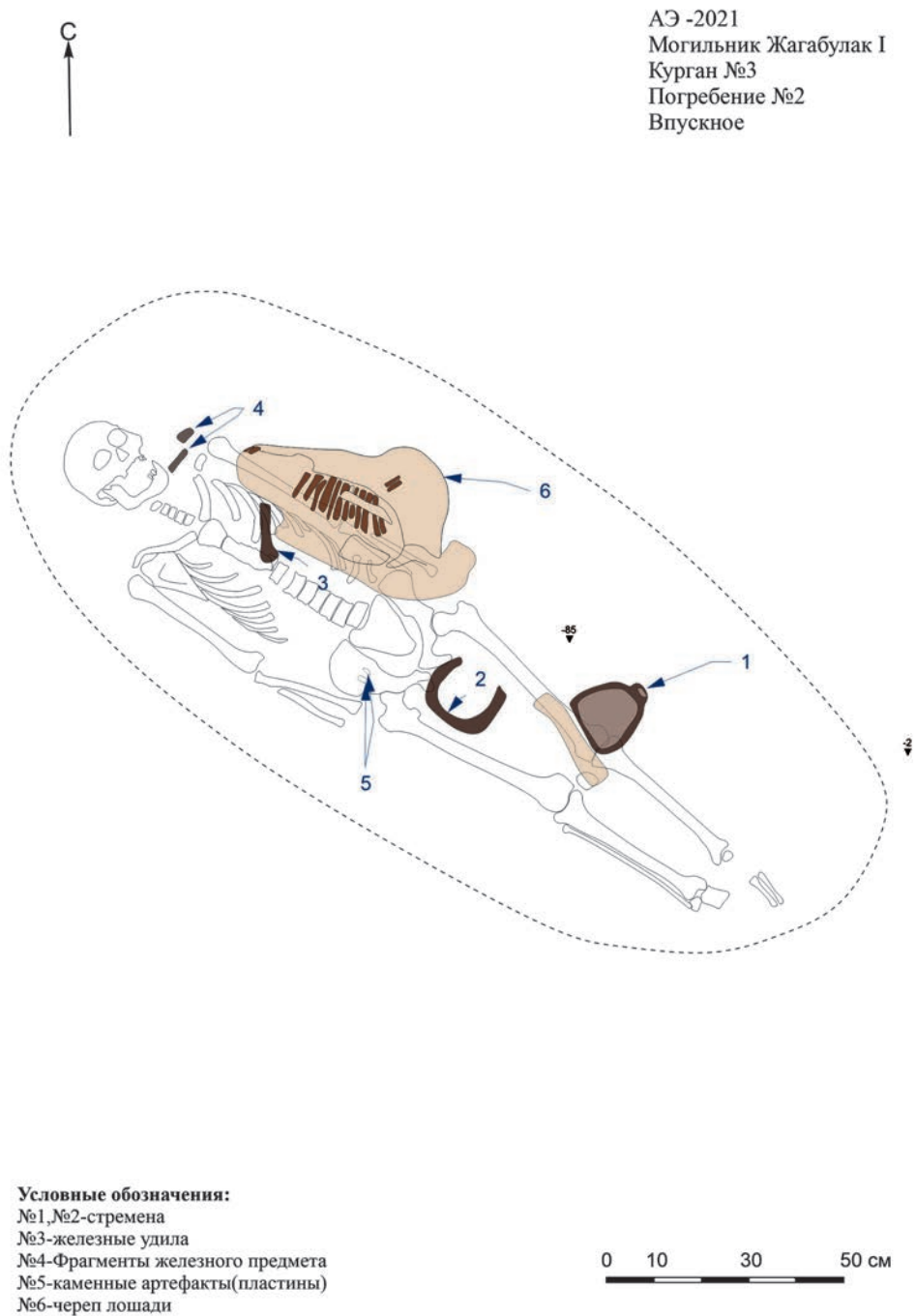

Рис. 2. Жагабулак I, к. 3. План впускного раннесредневекового погребения № 2

Рис. 3. Жагабулак I, к. 3. Железные стремена в погребении. Общий вид

Рис. 4. Жагабулак I, к. 3. Железные кольчатые удила в зубах конского черепа

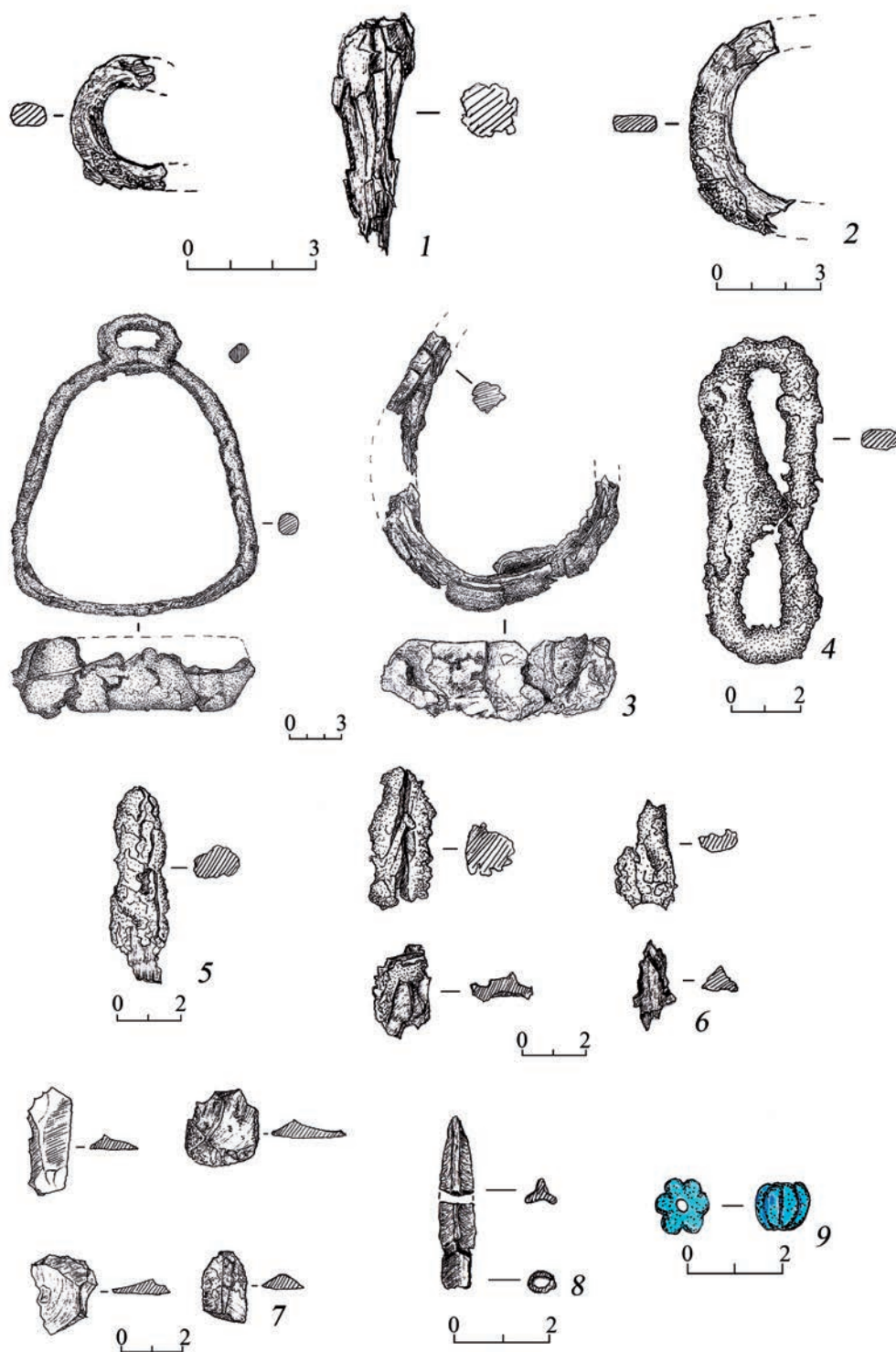

Рис. 5. Жагабулак I, к. 3. Инвентарь раннесредневекового погребения № 2: 1 – удила; 2 – пряжка; 3 – стремена; 4 – кресало; 5 – наконечник стрелы; 6 – фрагменты железного изделия; 7 – отщепы; 8 – наконечники стрелы; 9 – бусина

Рис. 6. Жагабулак I, к. 3. Инвентарь раннесредневекового погребения № 2, фотографии артефактов: 1, 2 – удила; 3 – пряжка; 4, 5 – стремена; 6 – наконечник стрелы; 7 – фрагмент железного изделия; 8 – кресало; 9 – наконечники стрелы; 10 – кремневые отщепы; 11 – бусина

разработанной вышеуказанной классификации. Если говорить об аспектах погребального обряда, то скрытое «впущенное» захоронение - признак рубежа тысячелетий, когда огузо-печенежская война за степи Западного Казахстана и, в целом, нестабильность политической обстановки, заставляя кочевников, как огузов, так и печенегов, а так же входивших в их группировки раннебашкирские и ранневенгерские объединения, прятать своих умерших соплеменников. Достаточный процент этого времени дают развеиваемые в песках (на зимниках), грунтовые захоронения. Сам комплекс достаточно скудный, отсутствуют бронзовые с серебрением бляшки поясного набора, являвшиеся в раннем средневековье чем-то вроде погон в воинской среде, позволяя идентифицировать владельца в иерархии. Вероятно, индивид из Жагабулака находился внизу социальной лестницы. Бусина и бронзовый наконечник стрелы, датируемые ранним железным веком, выявленные в захоронении, скорее всего, играли роль амулетов.

Размещение костей коня в могильной яме над человеком В.А. Кригер одним из первых предложил считать этнографической особенностью, присущей огузам, в противоположность обряду помещения «чучела» коня рядом с человеком, что, по его мнению, отражает печенежскую погребальную обрядность [Кригер 1985: 14–18; 1986: 114–129].

Говоря о месте расположения комплекса, следует отметить, что планомерные исследования в Темиро-Эмбенском локальном микрорайоне начаты недавно. Однако ранее случайные находки с берегов р. Эмба свидетельствуют об освоении полосы перехода от степи к полупустыне в раннем средневековье [Бисембаев 2003а: 60–74] различными кочевыми группами, искавшими наиболее благоприятные экологические ниши для кочевого хозяйства. В этом отношении самая крупная административная единица западного региона Казахстана – Актюбинская область представляет собой классический пример сосредоточия и последовательной смены природно-географических зон – от лесостепной до пустынной. Кроме того, с севера на юг по области проходят отроги Уральских гор – Мугалжары, делящие материк на европейскую и азиатскую части, что очень отчетливо проявляется в смене биот и биомов. Относительно этой значительной территории авторами статьи ранее разрабатывалась концепция о применимости термина «Приаральско-Мугалжарский регион», с делением на локальные микрорайоны, привязанные к бассейнам наиболее крупных рек [Ахатов, Бисембаев 2015: 503–505]. При достаточно развитой гидросети в северной и центральной частях области присутствие памятников как эпохи раннего железа, так и раннего средневековья, вполне объяснимо. Устьют и прилегающие районы с бесснежными зимами – идеальное место для зимовок при подвижном кочевом скотоводстве. Так же для зимовок вполне пригодны песчаные массивы, которых на западе Казахстана достаточно – в пределах области, это пески Баркын, Кумжарган, Оркаш и др.

Подводя определенные итоги, следует отметить, что для периода VIII–IX вв. Западного Казахстана практически не характерны крупные серии однотипных погребений, что значительно затрудняет их этническое и хронологическое соотнесение. Картографирование памятников выявило наличие двух локальных групп, восточной и западной [Бисембаев 2003б: 87–90]. Западную отличает ярче выраженное общее направление в чертах погребального обряда. Восточная, с широким диапазоном элементов погребального культа, малочисленнее. Общим для обеих групп является комплект вещей, бытовавших в это время. Вероятно, древнебашкирские и древневенгерские племена, включенные в состав печенежского объединения, занимали восточную окраину территории расселения печенегов до середины IX в., по соседству с районами, контролируемые огузами. Использование союзников в качестве буфера в пограничной зоне весьма распространенное явление в практике кочевых народов. В составе башкирских племенных групп, по-видимому,

присутствовали группы финно-угорского этнического облика. Бракованные и недоработанные изделия, происходящие из Песчаного карьера, свидетельствуют о том, что их делали, судя по всему, в этой зоне, по Илеку [Бисембаев 2003а: 60–74]. Хотя по форме, составу и комплекту их полные аналогии находятся в Прикамье. Этнические контакты с финно-угорским населением, еще здесь в Западном Казахстане, обеспечили древнебашкирским группам возможность почти бесконфликтно обосноваться на Южном Урале после прорыва огузов.

Ядро печенежской группировки до этого события, вероятно, локализовалось на правобережье Урала, в бассейне Большого и Малого Узеней – ими оставлены яркие комплексы западной группы. Большое количество впускных погребений восточной локальной группы в приграничных районах говорит о нестабильности обстановки в условиях эпизодических боевых действий. Близость огузов и печенегов в материальной культуре и чертах погребального обряда обусловило то, что после ухода большей части печенегов на запад оставшиеся группы, подвергшиеся огузскому влиянию, практически неотличимы. Памятникам X–XI вв., особенно Волго-Уральского междуречья, присуща однотипность и общие характерные признаки. Сосредоточие памятников этого периода приходится на степную зону с разветвленной системой речной сети.

В значительной мере обрядовые действия в погребальной практике, характеризующей первую группу, связаны с культом коня. Проявления в комплексах разнообразные. На рубеже VIII–IX вв. распространенным типом являлось погребение с «чучелом» коня на уступе или в могильной яме на одном уровне с человеком. Немаловажное значение при этом имеет способ отчленения ног лошади по первой или второй (пястный) суставы. Этот признак этнографического характера служит дополнительным датирующим материалом [Атавин 1984: 134–139]. С момента огузской экспансии распространяется обычай помещения «чучела» на перекрытии могильной ямы, либо на крышке гробовища, над скелетом человека. Распространение этого типа погребений приходится на 2-ю пол. IX в. Одновременно наблюдается измененная форма этого обряда, заключающаяся в погребении одного или двух копыт лошади в скудной по инвентарю могиле. Деградация обрядового действия связана с имущественной дифференциацией. Она коснулась обычая сооружения кенотафов, исчезнувшего с уходом печенегов. Инфильтрация кыпчакских группировок, их спорадическое проникновение началось, вероятнее всего, до массового переселения в 30-х гг. XI в, еще на рубеже X–XI вв. В огузо-печенежский время начинают появляться единичные погребения с восточной ориентировкой и инвентарными комплектами начала II тыс.

Факторы природно-географического характера, представляют собой исторический фон, обусловивший, в конечном итоге, расположение, количественный состав и специфику памятников населения в период средневековья. Исследование памятников периода конца I – начала II тыс., дальнейшее накопление материалов огузо-печенежского времени позволит систематизировать данные и выйти на уровень обобщений.

В дальнейшем появляется возможность внутрирегионального сравнения памятников по локальным микрорайонам, применение как внутренней корреляции, по признакам погребального обряда и основным элементам материальной культуры, так и внешней, связанной со сравнением с памятниками крупных соседних регионов – Южного Приуралья, Нижнего Поволжья, Южного Приаралья, Центрального и Северного Казахстана. Представители Илекской группировки ранних кочевников середины – 2-й пол. I тыс. до н.э. являлись консолидирующим ядром племенных объединений восточной части Западного Казахстана – Приаральско-Мугалжарского региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Атавин А.Г.* Некоторые особенности захоронений тучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // СА. 1984. № 1. С. 134-143.
- Ахатов Г.А., Бисембаев А.А.* Характеристика природно-географических условий Западного Казахстана как экониши кочевого населения раннего железного века и средневековья // Казахское ханство в потоке истории: сб. науч. статей, посвящ. 550-летию образования Казахского ханства. Алматы: ИА КН МОН РК, 2015. С. 503-513.
- Бисембаев А.А.* Случайные находки рубежа I-II тысячелетий с территории Актюбинской области // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2003а. № 1. С. 60-74.
- Бисембаев А.А.* Картографический анализ памятников средневековых кочевников Западного Казахстана // Степи Северной Евразии. Steppes of Northern Eurasia. Эталонные степные ландшафты: проблемы охраны, экологии, реставрации и использования. М-лы III междунар. симпозиума / [Ред. совет: А.А. Чибилев (пред.)]. Оренбург: Газпромпечат, 2003б. С. 87-90.
- Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Ахатов Г.А., Жанузак Р.Ж.* Предварительные итоги изучения могильника Жагабулак I в бассейне р. Жем (Эмба) // Маргулановские чтения–2022: м-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 12–13 апреля 2022 г.) / Гл. ред. А. Онгар, отв. ред. Т.Б. Мамиров. Алматы: ИА КН МОН РК, 2022. В печати.
- Кригер В.А.* Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X–XIV вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 26 с.
- Кригер В.А.* Средневековые кочевники Заволжья (обзор источников) // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья: межвуз. науч. сб. / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1986. С. 114-131.
- Марыксин Д.В., Круглов Е.В.* Погребение огузского воина-батыра из Рын-песков // Известия НАН РК. 2011. № 3 (282). С. 113-120.
- Студенты Атырау нашли могилу тысячелетнего воина-огуза. URL: https://www.yandex.kz/search/?lr=162&offline_search=1&text=https%3A%2F%2Fnews.ivist.kz%2F88324228-studenty-atyrau-nashli-mogilu-tysyacheletnego-voina-oguza&rdrnd=200793&redircnt=1659844969.1 (дата обращения: 05.08.2022)
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. 274 с.

А. А. Бисембаев

Арман Ауганович Бисембаев,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан; abissembaev@mail.ru

Степи Западного Казахстана в раннем средневековье: в контексте анализа материалов Жагабулака*

Аннотация. В статье дается краткая характеристика ситуации, сложившейся в раннем средневековье на территории одного из крупнейших регионов Казахстана – Западного. В рамках реализации в регионе масштабной программы по изучению древних и средневековых памятников, инициированной Акиматом Актюбинской области, которая проводится сотрудниками Института археологии им. А.Х. Маргулана и Актюбинского областного краеведческого музея, достигнуты определенные успехи. Одним из таких событий является изучение могильников Жагабулак, административно расположенных на территории Мугалжарского района – в историко-культурном отношении локализованных в Темиро-Эмбенском микрорайоне Приаральско-Мугалжарского региона. Данная статья является дополнением к материалам по впускному захоронению огузо-печенежского времени (IX–XI вв.), опубликованных в этом сборнике.

Ключевые слова: Западный Казахстан, Жагабулак, огузы, печенеги, погребальный обряд

Арман Ауғанұлы Бисембаев,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

Ерте ортағасырлардағы Батыс Қазақстанның далалары: Жағабұлақ материалдарын сараптау контекстінде

Аннотация. Мақалада Қазақстанның ірі аймағының бірі Батыстағы ерте ортағасырларда қалыптасқан жағдайға қысқаша сипаттама беріледі. Ақтөбе облысы Әкімдігінің бастамасымен Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының және Ақтөбе облыстық өлкетану музейінің қызметкерлері ежелгі және ортағасырлық ескерткіштерді зерттеу бойынша жүргізіп жатқан аймақтағы кең көлемдегі бағдарлама аясында нақты жетістіктерге жетті. Осының бірі Мұғалжар ауданының әкімшілік аумағында, ал тарихи-мәдени тұрғыдан Темір-Ембі шағын ауданындағы Арал маңы-Мұғалжар аймағында шоғырланған Жағабұлақ қорымдарын зерттеу болып табылады. Берілген мақала осы жинақта жарияланған оғыз-печенег уақытының (IX-XI ғғ.) кіре берісте жерлеу бойынша материалды толықтырады.

Түйін сөздер: Батыс Қазақстан, Жағабұлақ, оғызлар, печенегтер, жерлеу дәстүрі

Arman Bissembaev,
Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan

Steppes of Western Kazakhstan in the Early Middle Ages: in the context of the analysis of Zhagabulak materials

Abstract. The article gives a brief description of the situation that developed in the early Middle Ages on the territory of one of the largest regions of Kazakhstan – Western. As part of the implementation in the region of a

large-scale program for the study of ancient and medieval monuments initiated by the Akimat of the Aktobe region, which is conducted by the staff of the Margulan Archaeology Institute and the Aktobe Regional Museum of Local Lore, certain successes have been achieved. One of such events is the study of the burial grounds of Zhagabulak, administratively located on the territory of the Mugalzhар district – historically and culturally localized in the Temiro-Embensky microdistrict of the Aral-Mugalzhар region. This article is an addition to the materials on the intake burial of the Oghuz-Pecheneg period (9th–11th centuries), published in this collection.

Keywords: Western Kazakhstan, Zhagabulak, Oghuz, Pechenegs, funeral rite

К началу VIII в. восточная часть степной зоны импульсами выбрасывает в западном направлении новые объединения кочевников – печенегов, огузов, в дальнейшем кыпчаков. Перемещения больших групп населения связаны с комплексом причин, в первую очередь, экологического [Гумилев 1967: 53–66], военно-политического и демографического характера. В данном случае срабатывает часто повторяющаяся ситуация степной полосы, когда начавшееся далеко на востоке движение племен последовательно затрагивает и толкает вперед, к западу, следующие, более слабые группы, которые более сильные гонят перед собой. Во время своих перемещений по просторам Евразии они попадали в поле зрения других народов, оставивших о них письменные свидетельства. Персо- и арабоязычные авторы, европейские хронисты, русские летописцы фиксировали различные стороны жизни кочевников, с которыми им приходилось сталкиваться. Нарративные источники дают относительную хронологию последовательно сменявших друг друга миграционных волн с востока на запад. Письменные источники и археологические данные, дополняя и корректируя друг друга, позволяют выяснить события, происходившие в конце I и начале II тыс. н.э.

До IX в. на территории Западного Казахстана, восточнее и юго-восточнее Аральского моря, обитали племена печенегов. В VIII в. печенеги обитали на среднем течении Сырдарьи, где начинались их первые столкновения с племенами огузов. Выходцы с этой территории носили название «кангар» [Кляшторный 1964: 161–165]. С.П. Толстов пытался установить генетические связи печенегов с племенами эпохи раннего железа – водными саками (массагетами) на основе письменных данных и лингвистического разбора названия [Толстов 1950: 51–52].

Возможно, печенеги подверглись тюркизации в период господства над Средней Азией Западно-Тюркского каганата. Этот момент мог быть зафиксирован в том, что они делились на печенегов-кангар и просто печенегов [Кригер 1986: 115]. Во второй половине I тыс. н.э. с территории Южной Сибири и Алтая в низовья Сырдарьи мигрировали племена огузов. Сведений, касающихся ранней истории огузов, крайне мало, и носят они косвенный характер.

Период VIII–IX вв. являлся весьма важным в истории огузов Средней Азии. Это пора интенсивного складывания огузской конфедерации, на основе которой в дальнейшем в конце IX – начале X в. образовалась держава Сырдарьинских ябгу. Часть бурных событий, происходивших в ту эпоху, нашла свое отражение в легендах огузского героического эпоса. После падения Западно-Тюркского каганата огузы приняли участие в борьбе за доминирующее положение. Однако исход этой борьбы был неудачен для огузов, и значительная масса их после 766 г. покинула пределы Жетысу и ушла в Приаралье. Захватить эти области им удалось лишь к середине IX в., нанеся поражение обитавшим здесь племенам печенегов [Агаджанов 1969: 128–129].

Ко второй половине VIII – середине IX в. складывается следующая ситуация: территорию Западного Казахстана занимают печенеги, в Южном Приаралье и на Сырдарье складывается племенное объединение огузов, Восточный и Центральный Казахстан занимает кимацкая конфедерация в составе с кыпчаками, на нижнем Поволжье постепенно теряет былое могущество Хазарский каганат.

Таким образом, печенеги и огузы были задействованы в мировой политике. Наиболее невыгодным было положение печенегов, зажатых со всех сторон более сильными соседями. Огузы в борьбе с печенегами использовали заключенные временные военные союзы с Хазарией и с

кыпчаками. Борьба за приаральские пастбища привела к тому, что с середины IX в. земли западнее Центрального Казахстана в нарративных источниках стали носить название «Дешт-и Огуз» [Кригер 1985: 17; Плетнева 1990: 9–10]. Первые сведения об огузах в арабских источниках относятся к 1-ой пол. IX в. По мнению М.И. Артамонова, термин «огуз» первоначально был нарицательным обозначением племени с числительным детерминативом, впоследствии потерявшим свое значение и ставшим этническим наименованием племен, образовавшихся в приаральских степях в результате смешения тюркютов с местными племенами угорского и сарматского происхождения. Таким образом, огузы представляли собой объединение племен различного этнического облика [Артамонов 1962: 416–419].

Окончательный разгром печенегов огузами в союзе с хазарами в конце IX в. и вытеснение их из Волго-Уральского междуречья привели к тому, что этноним «огуз» получил широкое распространение на рубеже IX–X вв. Овладение обширной территорией степей, контроль над торговыми магистралями и связи с оседло-земледельческими центрами Центральной Азии способствовали экономическому и, как следствие этого, политическому укреплению союза огузских племен и образованию державы с центром в Жанкенте (Янгикенте). Максимальные пределы земель огузов в X в. определяются с помощью нарративных источников. Согласно данным Идриси, огузские племена обитали в степной полосе Центральной Азии от Южного Прибалхашья до низовий Волги. Их кочевья были разбросаны по Иргизу, Уралу, Эмбе/Жем, Уилу, по побережью озера Аралсор, а также в Приаралье, в долине Чу/Шу, в низовьях Или/Иле, в Таласском Алатау. Огузы создали в этих областях, служивших в случае опасности убежищем, небольшие крепости. Племена огузов, кочевавшие в X в. по Уралу и по левому берегу Волги, граничили с башкирами и буртасами в предгорьях Южного Урала [Агаджанов 1969: 72–79].

Этнический состав огузских кочевых объединений отличается большой разнородностью и пестротой. В них входили этнические группы, племена и роды различного происхождения: асов, алан и других степных племен [Толстов 1947: 55; 1948: 245–249]. Кроме того, в состав огузов входили остатки разбитых печенежских племен, по-видимому, наиболее слабая в экономическом плане их часть. Как пишет Константин VIII Багрянородный: «<...> некоторые из них (печенегов – прим. авт.) по собственному желанию и решению остались на месте и живут вместе с так называемыми узами и поныне находятся среди них, имея следующие особые признаки (чтобы отличаться от тех и чтобы показать, кем они были и как случилось, что они отторгнуты от своих): ведь одеяние свое они укоротили до колен, а рукава обрезают до самых плеч, стремясь этим как бы показать, что они отрезаны от своих и от соплеменников» [Константин VIII Багрянородный 1989: 159]. Посол Арабского халифата в Волжскую Булгарию Ибн Фадлан, проезжавший в начале X в. через территорию огузов и оставивший об их быте весьма ценные сведения, отметил бедность печенегов, встреченных им у озера Шалкар [Ковалевский 1956: 130]. В составе печенегов, племенные группировки которых также отличала конгломеративность и разнородность, находились представители древнебашкирских племен и родов, таких как бурзяне, тангаура, усергане. В пользу этого факта свидетельствуют археологические данные и предания башкир [Кузеев, Шитова 1963: 15].

Вытеснив в южнорусские степи печенегов, огузы остались во враждебном окружении: на юго-западе и северо-западе – Хазария и Булгария, на севере – башкиры, на востоке – кыпчаки. Свое влияние оказывали оседло-земледельческие центры Средней Азии с мусульманским миром за спиной. В этой ситуации огузам для сохранения своей независимости, политической и экономической, приходилось идти на дипломатические ухищрения, заключая военно-политические союзы то с одними, то с другими соседями.

Печенег, оказавшись в Восточной Европе, в первую очередь нанесли удар по мадьярам, ранее вытесненным в Причерноморье. До этого, еще в VIII в., мадьяры локализовались на Южном Урале и Западном Казахстане [Бисембаев 2018]. Прорыв печенегов датируется 889 г.

Хазары пытались использовать мадьяр в качестве противовеса печенежской опасности, используя дипломатические приемы и совместные военные действия. Однако эти попытки не имели успеха, и в X в. печенеги контролировали причерноморские области, выйдя на контакт с Византийской империей. Мадьярам – протовенграм ничего не оставалось, как перед лицом грозной опасности покинуть Северное Причерноморье и двинуться в поисках свободного жизненного пространства в Паннонию. Часть печенегов ушла вместе с ними. К 895 г. венгры в основной массе появились на берегах Дуная [Эрдели 1986: 332–333; Халиков 1988].

Огузы, выйдя на широкую политическую арену, изменили соотношение сил между Хорезмом, Киевской Русью, Волжской Булгарией и Хазарским каганатом. Военный союз, заключенный в 965 г. между огузским ябгу и князем Святославом, был обусловлен общностью политических и торгово-экономических интересов. Камнем преткновения являлись Хазария и поддерживающая ее Византия. Кочевой знати огузов необходимы были новые пастбища. Донские и причерноморские степи представляли собой идеальный вариант. Кроме того, торговые магистрали, пролежавшие через Поволжье на Мангышлак и Устюрт, контроль над которыми приносил доход, приобрели в X в. крупное значение в связи с упадком средиземноморских торговых путей в результате норманнского и арабского завоеваний. Результатом заключенного союза явился разгром Хазарского каганата [Толстов 1948: 15; Агаджанов 1969: 150].

Следующей жертвой военно-политического союза огузов и Киевской Руси стала Волжская Булгария. В 985 г. князь Владимир в союзе с торками, как называют огузов русские летописи, двинулся в поход на болгар [Повесть временных... 1950: 255]. Разгром Хазарского каганата и Волжской Булгарии способствовал росту политической мощи огузской державы. Начиная с 70-х гг. IX в. по 30-е гг. XI в., в течение столь длительного времени, огузские племена доминировали на территории от Восточного Приаралья до левобережья Волги. В это же время печенеги были самой крупной силой кочевых народов в южнорусских степях [Кригер 1986: 117]. Союзы племен печенегов в этот период доставляли много неприятностей Киевской Руси. По мнению С.П. Толстова, активизация деятельности печенегов и русско-печенежская война 988–997 гг. были спровоцированы Хорезмом в ответ на поворот Руси в религиозно-политической линии князя Владимира и принятие христианства. Однако Хорезму не удалось создать между Русью и Нижним Поволжьем печенежский заслон и укрепить там свои позиции [Тостов 1948: 262; Артамонов 1962: 415].

Говоря об общественном строе печенегов и огузов, следует обратить внимание на свидетельства современников. Оба этих этнических объединения находились на этапе военной демократии. Но у них начинает выделяться племенная знать. У печенегов Константин VIII Багрянородный описывает систему наследования власти боковой линией, через двоюродных братьев, при этом отмечается, что для других родов исключается возможность получения власти [Константин VIII Багрянородный 1989: 155]. Ибн Фадлан фиксирует большое значение у огузов собрания свободных мужчин, своеобразного «вече» и права вето каждого: «Дела их (решаются) советом между ними. Однако, когда они сойдутся на чем-либо и решаются на это, затем приходит самый ничтожный и жалкий из них и отменяет то, на чем они уже сошлись» [Ковалевский 1956: 125–126].

К концу X – началу XI в. в Центральном Казахстане начинает накапливать силы и формироваться новое объединение кочевников, выделившихся из кимакской конфедерации племен, традиционно локализуемых исследователями в Прииртышье [Кумекоев 1972: 43–47]. В результате крупной миграции племен в 30-х гг. XI в. произошли коренные изменения на карте степной полосы Евразии. Начавшаяся волна перемещений кочевых объединений и группировок докатилась до Восточной Европы и границ Византийской империи. Эти перемещения привели к тому, что перестала существовать держава Сырдарьинских ябгу, началось Сельджукидское движение в Малую Азию, а степи Казахстана получили новое наименование – «Дешт-и Кыпчак» [Ахинжанов 1980: 46–53].

Огузское объединение в результате удара раскололось на две части. Первая, как уже было сказано выше, ушла в Малую Азию, вторая отправилась в Восточную Европу, на территорию, занятую печенегами. Вслед за ними ушла часть кыпчакских племен, получивших в русских летописях название «половцы». Огузы-торки (в русских летописях), не сумев дать отпор кыпчакской экспансии и удержать под своим контролем территории степей Подонья, вместе с остатками печенегов поступили на вассальную службу к русским княжествам и образовали союз Черных Клобуков [Полное собрание... 1962: 162–163; Плетнева 1973].

Таковой в общих чертах видится ситуация, сложившаяся в раннем средневековье на территории Западного Казахстана. Надеемся, что новые данные, получение которых возможно при поддержке проектов и программ, реализуемых в регионе, позволят выйти на следующий уровень интерпретации материалов Жагабулака.

ЛИТЕРАТУРА

- Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969. 295 с.
- Артамонов М.И.* История хазар. Л.: Госэрмитаж, 1962. 523 с.
- Ахинжанов С.М.* Из истории движения кочевых племен Евразийских степей в первой половине XI века // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 46–53.
- Бисембаев А.А.* К вопросу о древневенгерских памятниках в Западном Казахстане // III Международный Магьярский симпозиум (г. Будапешт, 6–10 июня 2016 г.) / Ред. Türk Attila, Александр Зеленков. Budapest: PPKE VTK Régészettudományi Intézet; MTA VTK Magyar Östörténeti Társaság; Martin Opitz Kiadó, 2018. С. 149–172 (на венгер. и рус. яз.).
- Гумилев Л.Н.* Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. 1967. № 1. С. 53–66.
- Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 214 с.
- Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1956. 347 с.
- Константин VIII Багрянородный (имп. визант.; 905–959). Об управлении империй ([греч.] текст, перевод, комментарий) / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1989. 493 с.: ил.
- Кригер В.А.* Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X–XIV вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 26 с.
- Кригер В.А.* Средневековые кочевники Заволжья (обзор источников) // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья: межвуз. науч. сб. / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1986. С. 114–131.
- Кузеев Р.Г., Шитова С.Н.* Башкиры. Историко-этнографический очерк. Уфа: АН СССР. Башкир. филиал. Ин-т истории, языка и литературы, 1963. 151 с.: ил.
- Кумеков Б.Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.
- Плетнева С.А.* Древности Черных Клобуков. Серия: САИ Е1-19. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1973. 94 с.: ил.
- Плетнева С.А.* Половцы. М.: Наука, 1990. 208 с.
- Повесть временных лет / Подгот. текста Д.С. Лихачева; пер. Д.С. Лихачева, Б.А. Романова. Под ред. чл.-кор. АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., Изд-во и 1-я тип. Изд-ва АН СССР, 1950. 407 с. (Литературные памятники).
- Полное собрание русских летописей. М.: АН СССР, 1962. Т. I–II.
- Толстов С.П.* Города гузов // СЭ. 1947. № 3. С. 37–42.
- Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1948. 328 с.
- Толстов С.П.* Огузы, печенеги и море Даукара (Заметки по исторической этнонимике восточного Приуралья) // СЭ. 1950. № 4. С. 49–53.
- Халиков А.Х.* Новые данные о пребывании древних венгров между Камой и Уралом // Проблемы древних угров на Южном Урале: сб. статей / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: Башк. науч. центр Урал. отд-ния АН СССР, Ин-т истории, яз. и лит., 1988. С. 67–78.
- Эрдели И.* Археология Венгрии VI–XI вв. // Археология Венгрии: конец II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: Наука, 1986. С. 310–336.

**H. Haerke,
I. Arzhantseva,
A. Tazhekeev,
M. Bronnikova,
A. Panin,
I. Modin**

Heinrich Haerke,
University of Tübingen, Tübingen, Germany,
Higher School of Economics University, Moscow, Russia;
heinrich.haerke@uni-tuebingen.de

Irina Arzhantseva,
Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences;
Higher School of Economics University,
Moscow, Russia; arzhantsevai@mail.ru

Azilkhan Tazhekeev,
Kyzylorda State University,
Kyzylorda, Kazakhstan; azik8484@mail.ru

Mariya Bronnikova,
Institute of Geography, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; mbmsh@mail.ru

Andrej Panin,
Institute of Geography, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; a.v.panin@igras.ru

Igor Modin,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia; imodin@yandex.ru

On the interface of steppe and urban civilization: Interdisciplinary research at Dzhanakent (6th – 11th centuries AD)*

Abstract. The early medieval site of Dzhanakent has been explored since 2011 in an international fieldwork project involving Kazakh, Russian and German researchers. Work carried out with a geoarchaeological approach has led to a revision of the old view, based on written sources, that this was the 10th century capital of the Oguz polity. The new results indicate that this settlement originated in the 6th century and was partly destroyed and abandoned in the 11th century. While it was an urban site from the late 9th/10th centuries onwards, there are no traces of monumental buildings or of a layout typical of regional or nomad capitals. On the other hand, Near Eastern glass finds, Arab graffiti on pottery and the earliest domestic cat of the region suggest far-flung connections of the town, perhaps linked to its location on the Northern Silk Road and its role in the north-south trade in livestock and slaves.

Keywords: geoarchaeology, Oguz, urbanization, C14 dating, geophysics, geomorphology, pedology

© 2022 Haerke H., Arzhantseva I., Tazhekeev A., Bronnikova M., Panin A., Modin I.

*The international Dzhanakent Project has been supported in 2011 by an International Collaborative Research Grant from the Wenner Gren Foundation (ICRG-104), and since 2017 by the Deutsche Forschungsgemeinschaft (DFG), project no. 389351859 (<http://gepris.dfg.de/gepris/projekt/389351859>). Institutional support has been provided by the University of Tübingen (Germany; <https://https://uni-tuebingen.de/de/199591>) and Kyzylorda State University (Kazakhstan). Part of the research for the Dzhanakent Project has been carried out within the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

Генрих Харке,

Тюбинген университеті, Тюбинген, Германия,
«Экономиканың жоғарғы мектебі» университеті, Москва, Ресей

Ирина Аржанцева,

Ресей Ғылым Академиясы Этнология және антропология институты;
«Экономиканың жоғарғы мектебі» университеті, Москва, Ресей

Әзілхан Тәжекеев,

Қызылорда мемлекеттік университеті, Қызылорда, Қазақстан

Мария Бронникова,

Ресей Ғылым академиясы География институты, Москва, Ресей

Андрей Панин,

Ресей Ғылым академиясы География институты, Москва, Ресей

Игорь Модин,

М.В. Ломоносов атындағы Мәскеу Мемлекеттік университеті, Москва, Ресей

**Дала және қала өркениеттері түйісінде: Жанкенттегі (б.д. VI–XI ғғ.)
пәнаралық зерттеулер**

Аннотация. Ерте ортағасырлық Жанкент қалашығында 2011 ж. бері қазақстандық, ресейлік және неміс зерттеушілерінің қатысуымен халықаралық далалық зерттеу жұмыстары жүргізілуде. Геоархеологиялық әдістер арқылы жүргізілген жұмыстар жазба деректерге сүйене отырып, X ғ. оғыз мемлекетінің астанасы болған деген ескі көзқарасты қайта қарауға негіз болды. Жаңа нәтижелер бұл қоныстың VI ғ. пайда болғанын және ішінара бұзылып, XI ғ. қараусыз қалғанын көрсетеді. Ол IX–X ғғ. аяғынан бастап қала орны болғанымен, монументалды ғимараттардың аймақтық немесе көшпелі астаналарға тән орналасудың ізі байқалмайды. Екінші жағынан, таяу шығыстық шыны заттар, қыш ыдыстардағы араб граффитилері және аймақтың ең ерте үй мысығы қаланың алыс аймақпен байланыстарын көрсетеді, мүмкін оның Солтүстік Жібек жолында орналасуымен және солтүстік пен оңтүстіктегі арасындағы қатынастағы, мал мен құл саудадағы рөлімен байланысты.

Түйін сөздер: геоархеология, оғыз, урбанизация, C14 мерзімдеу, геофизика, геоморфология, топырақтану

Генрих Харке,

Тюбингенский университет, Тюбинген, Германия,
Университет Высшей школы экономики, Москва, Россия

Ирина Аржанцева,

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук;
Университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Азильхан Тажекеев,

Кызылординский государственный университет, Кызылорда, Казахстан

Мария Бронникова,

Институт географии Российской академии наук, Москва, Россия;

Андрей Панин,

Институт географии Российской академии наук, Москва, Россия

Игорь Модин,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

**На стыке степной и городской цивилизации:
междисциплинарные исследования в Джанкенте (VI–XI вв. н.э.)**

Аннотация. Раннесредневековый город Джанкент исследуется с 2011 г. в рамках международного полевого проекта с участием казахстанских, российских и немецких исследователей. Работа, проведенная с геоархеологическим подходом, привела к пересмотру существующего мнения, основанного на письменных источниках о том, что это была столица государства Огузов в X в. Новые результаты показывают, что это поселение возникло в VI в. и было частично разрушено и заброшено в XI в. Хотя это был город с конца IX/X веков и далее, здесь нет следов монументальных зданий или планировки, типичной для региональных или кочевых столиц. С другой стороны, ближневосточные стеклянные находки, арабские граффити на глиняной

посуде и самая ранняя домашняя кошка в этом регионе свидетельствуют о дальних связях города, возможно, связанных с его расположением на Северном Шелковом пути и его ролью в отношениях между севером и югом – торговлей скотом и рабами.

Ключевые слова: геoarхеология, Огуз, урбанизация, датировка C14, геофизика, геоморфология, почвоведение

The well-known site of Dzhankent (Jankent) is a deserted town of the Early Middle Ages in the delta of the Syr-Darya. Its *pahsa* (adobe) walls enclose a broadly rectangular area of 16 hectares; a citadel takes up the northwestern corner of the town, but otherwise there are no remains of buildings or other structures visible above ground (fig. 1). The site has attracted the attention of military topographers, antiquaries and historians since the 18th century, not least because it has long been assumed to be the town of Yengi-kent mentioned by 10th century Arab geographers as the seat of the yabgu (khan) of the Oguz [Agadzhanov 1969; Bartol'd 1963].

Early fieldwork since the 19th century did not produce much in the way of tangible results (Arzhantseva and Gorshenina 2018). Between the 1940s and 1960s, members of the Khorezmian Expedition of the Academy of Sciences of the USSR did sporadic fieldwork at Dzhankent; they took aerial photographs (1946), produced an outline topographic plan (1963), and collected surface finds which confirmed a 10th

Fig. 1. View of Dzhankent from southeast (drone photo, by: [M. Goffriller 2018])

century date for settlement at this place, but also hinted at one or more earlier phases (Classical Antiquity and/or from 7th century CE) [Tolstov 1947; 1962; Levina 1971]. More systematic excavations within the walls of Dzhankent were started by Russian and Kazakh institutions in 2005, focused on a couple of trenches [Kurmankulov et al. 2007; Baipakov et al. 2012]. This early work was done without radiocarbon dating, although some pedological research was undertaken as early as 2006.

Geoarchaeological fieldwork since 2011

A new international fieldwork project with a geoarchaeological approach began here in 2011 [Arzhantseva et al. 2012], using a methodology developed on early medieval sites in the North Caucasus and refined in 2007/2008 at Por-Bazhyn (Tuva) [Arzhantseva et al. 2011; Bronnikova et al. 2020; Modin et al. 2010; Panin et al. 2012]. At Dzhankent, this approach has served the aims of establishing an absolute chronology, identifying the nature of its occupation and the type of its economy and environment, and suggesting the function of the site.

Our fieldwork has confirmed some older ideas, but also produced significant new insights [Arzhantseva and Tazhekeev 2014]. Several carefully placed trenches in the lower town (shahristan) have revealed small houses of Central Asian (Khorezmian) type, with up to four superimposed phases in the 10th century alone. Traces of decorative wall painting and moulded wall tiles were uncovered in the same part of the town, suggesting a wealthier element in the population outside the citadel; but large representative buildings have not been found so far (by the end of the 2019 season), neither in the lower town nor in the citadel. The corner citadel wall was of Khorezmian type; and the 10th century southern town wall, at the point of its characteristic mid-point angle, was found to stand on top of an occupation layer with 8th century pottery, suggesting the existence of an open settlement before the building of the walled town. A trench in the lower town has been taken down to natural, producing near the bottom sherds of Afrigid pottery of 6th/7th century date from Khorezm.

Finds from stratified contexts have confirmed the identification of three main pottery styles originally suggested by stray finds: a regional tradition rooted in the Dzhety-asar Culture; a hand-made, heavily decorated style thought to belong to the nomad element (Oguz); and wheel-turned wares from Khorezm. Special finds include a bronze bowl from a house inside the west gate, opposite the citadel; fragments of glass vessels, at least one of them of Syrian origin; a 10th-century pot with three or more chicken eggs bearing Arabic lettering, found against the outside of the northern wall of the citadel, i.e. outside the walled town area altogether; and about half a dozen vessels with Arabic graffiti from several trenches. The latter finds, together with Samanid coins of the 10th century and Khorezmian ceramics, bear witness to the links of Dzhankent to the, by then Islamic, civilization to the south and southeast.

Beyond these results from conventional archaeological work, key evidence has been supplied by the application of geoarchaeological methods and scientific dating. We have by now close to 200 radiocarbon dates from Dzhankent and its immediate surroundings. These dates have put the beginnings of settlement at this place in the delta back to the late 6th or 7th century AD, some three centuries before its first mention in written sources (fig. 2). These dates confirm a perceptive hypothesis by Levina [1971] who had suggested this early date based on regional pottery types among the surface finds from Dzhankent, but without any independent dating evidence being available to her at the time. Most importantly, our C14 dates place the origins of Dzhankent in a rather different historical context: in the time *before* the appearance of the Oguz on the steppes north of the Syr-Darya (historically dated to the late 8th century AD) [Golden 1992], but close to the beginnings of the Northern Silk Road operating along the Syr-Darya (from late 6th century) [Kovalev 2005]. There are so far no radiocarbon dates later than the 11th century; a few glazed pottery sherds from the uppermost levels may imply some limited continuity into the 12th

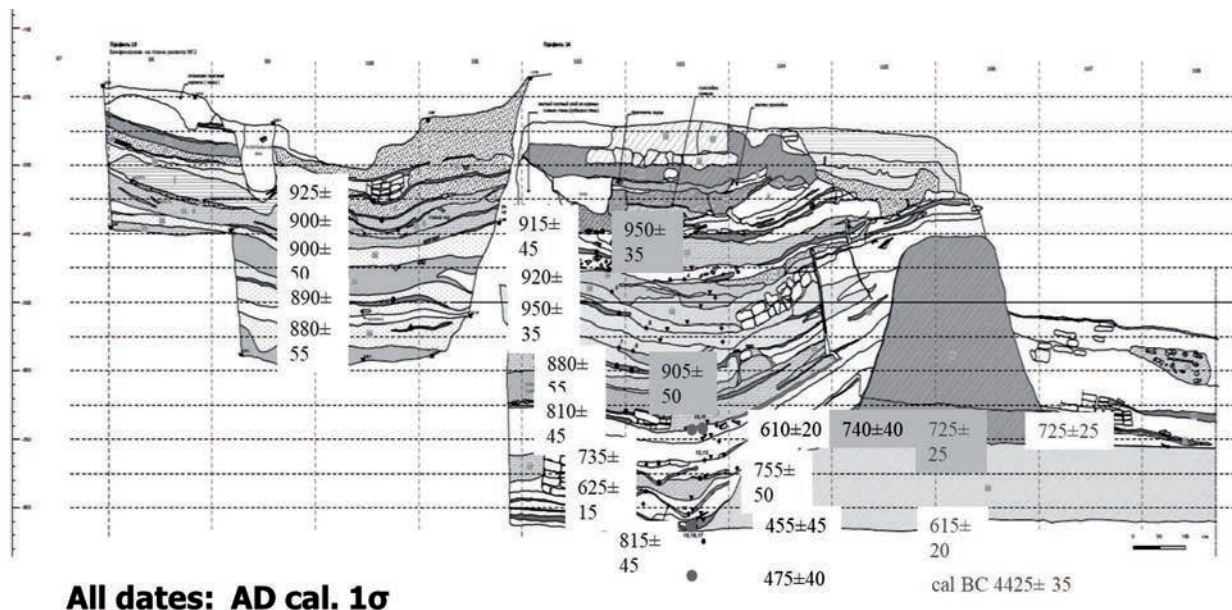

Fig. 2. Stratigraphy of Trench 2 at intersection of town and citadel walls, with radiocarbon dates (calibrated AD, 1 sigma, by IGRAS Moscow and Curt-Engelhorn Mannheim laboratories 2018 and 2019; graph by: [M. Bronnikova, Yu. Karpova and A. Panin, 2020]). Not shown here is a date of 1028±67 from the top layer (sampled in 2011)

century, or a temporary, partial re-occupation in the 14th century when the Golden Horde town of Montobe was built nearby.

Non-destructive prospection (magnetometry, electric resistivity, electrotopography, georadar) has supplied an overall complete plan of the final phases of Dzhankent (10th–11th centuries), showing a dense arrangement of houses in most parts of the interior, with a regular chequerboard arrangement in large parts of the western half, suggesting centrally planned building activity (fig. 3). Electrotopography has helped our understanding of the stratigraphy of the citadel, showing it to be placed on top of a natural mound or earlier tell, not (as frequently in Central Asia) on a clay platform (fig. 4). Electric resistivity showed that the top layer of the citadel wall had been exposed to a strong fire.

Soil science research has found evidence of a wet environment in the past (today the delta area around Dzhankent is almost completely dried out), and of local grain cultivation inferred from spelts in the cultural layers of the early medieval town. One of the most intriguing findings was that of keratin-eating microfungi in the apparently empty, northern annexe of the town, suggesting it as a place where animals or humans had been penned up (with the latter being more likely because of the low levels of phosphorus) [Ivanova et al. 2014]; this may be evidence of livestock or slave trade to Khorezm.

Other economic indicators are the masses of animal bones from all levels, and fish bones that increase in frequency in the lowest layers, hinting at the possibility that Dzhankent originated in a fishing village. The stable isotope analysis of animal bones (mostly from cattle and sheep, but also camel) has recently begun, looking for origins and composition of herds as pointers to herd movements and livestock trade. The most high-profile find among the animal bones was the skeleton of a cat (fig. 5) which interdisciplinary teamwork (involving specialists for palaeopathology, stable isotopes and aDNA) has now shown to be the earliest domestic cat of the region, C14-dated to the late 8th century [Haruda et al. 2020]. As cats belong to urban, or at least sedentary, environments, not to nomad contexts, this spectacular find

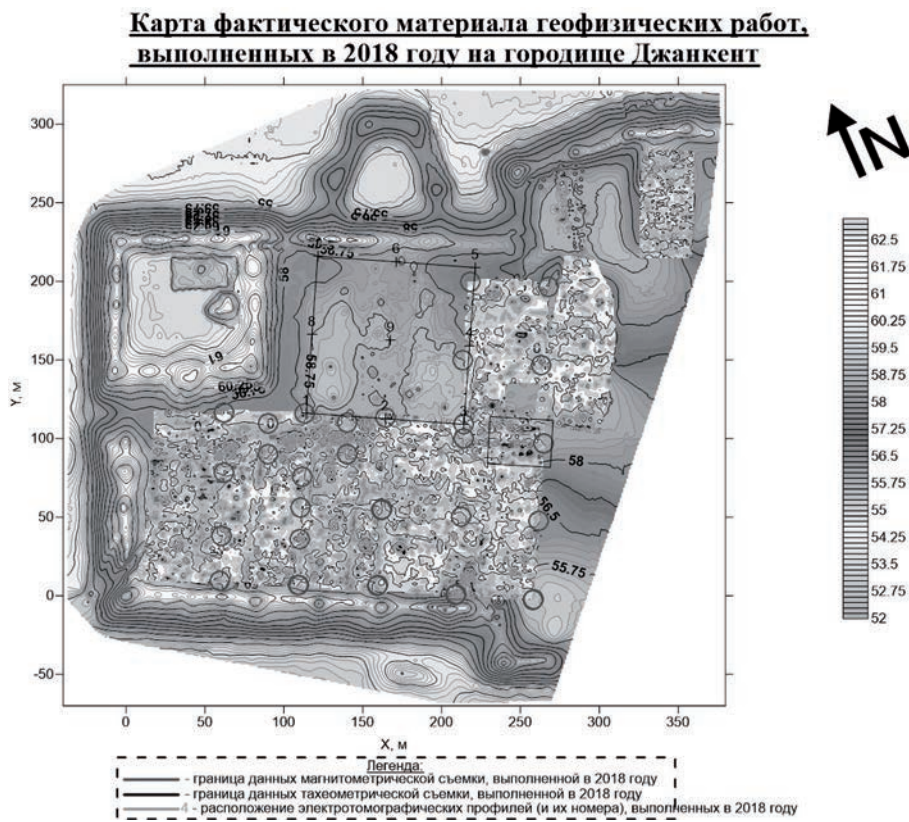

Fig. 3. Geophysical prospection results at Dzhankent (interim state of 2018)

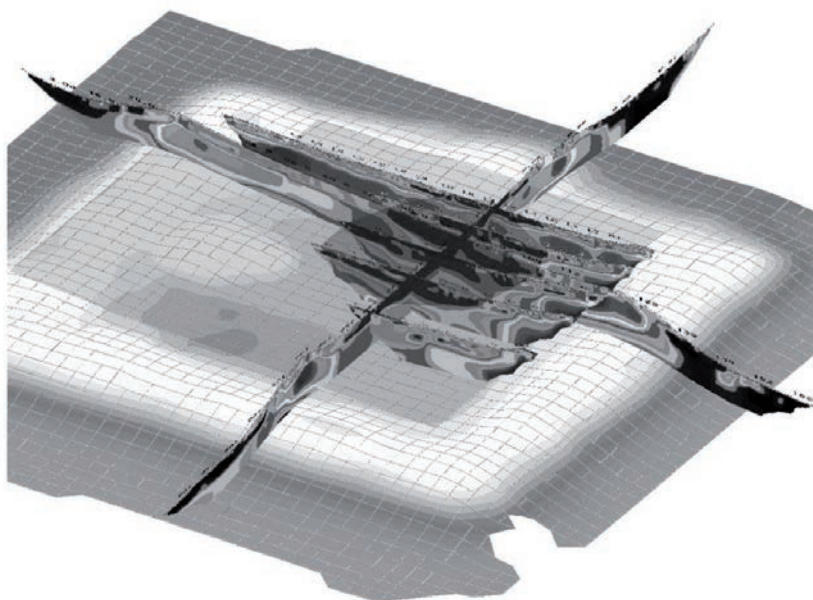

Fig. 4. Electrotomographic slices of citadel in 3-D projection (graph by: [I. Modin, 2018])

Fig. 5. Skeleton of a cat from Trench 2

implies that the cat was brought to Dzhankent via trade links from the south or southeast; and it may imply that the predecessor settlement of the walled town could have already had a (proto-)urban character in this early phase.

The application of geomorphological methods provides an excellent illustration of the nature of cooperation in our multidisciplinary fieldwork team. In 2018, manual coring had

demonstrated the sheer depth of occupation layers across the site; this led to intensive discussions in the team, and to the decision to change our fieldwork strategy in order to achieve the key aims of the project. In 2019, a grid of two dozen coring points were laid out across the site; coring was done with a lorry-based mechanical drill, down to natural at a depth of 3 to 8 metres (depending on location) (fig. 6). More than

Fig. 6. Mechanical coring in the interior of Dzhankent in 2019

120 samples from these cores have been radiocarbon-dated in Germany (CEZA Laboratory Mannheim) and are awaiting further analysis; these dates, together with the pedological analysis of the cores, will provide us with an outline history of occupation of the interior and of selected points outside.

Initial observations during coring have already changed a number of earlier hypotheses and tentative identifications of features: a large complex against the inside of the northeastern town wall is not an urban 'estate', but a massive clay platform with a smaller, rectangular building on top; the bowl-like depression in the southeastern quarter is not contemporary with the town, but apparently a reservoir created in the 20th century for rice cultivation next to the monument; the hump outside the east gate is not the remains of a 'caravanserai', but an island in a prehistoric river channel (OSL-dated); the 'workshop area' north of the town, suspected there after initial geophysical prospection, does not appear to have seen any occupation; and the 'inlet' about 5 km south of Dzhankent is not a proper bay of the Aral Sea facilitating waterborne access to the town, but probably just a series of shallow lakes in the Syr-Darya delta.

Conclusion

Thus, while analytical work is continuing, geoarchaeological fieldwork and cross-disciplinary laboratory work have already modified earlier ideas about Dzhankent as well as our own starting hypotheses. Radiocarbon dates and fish bones are suggesting the origins of the site in an open fishing village of the 6th/7th centuries that, by the later 8th century, had contacts through which an exotic animal could be brought to this settlement located in the corridor of the Northern Silk Road (fig. 7). Geophysical

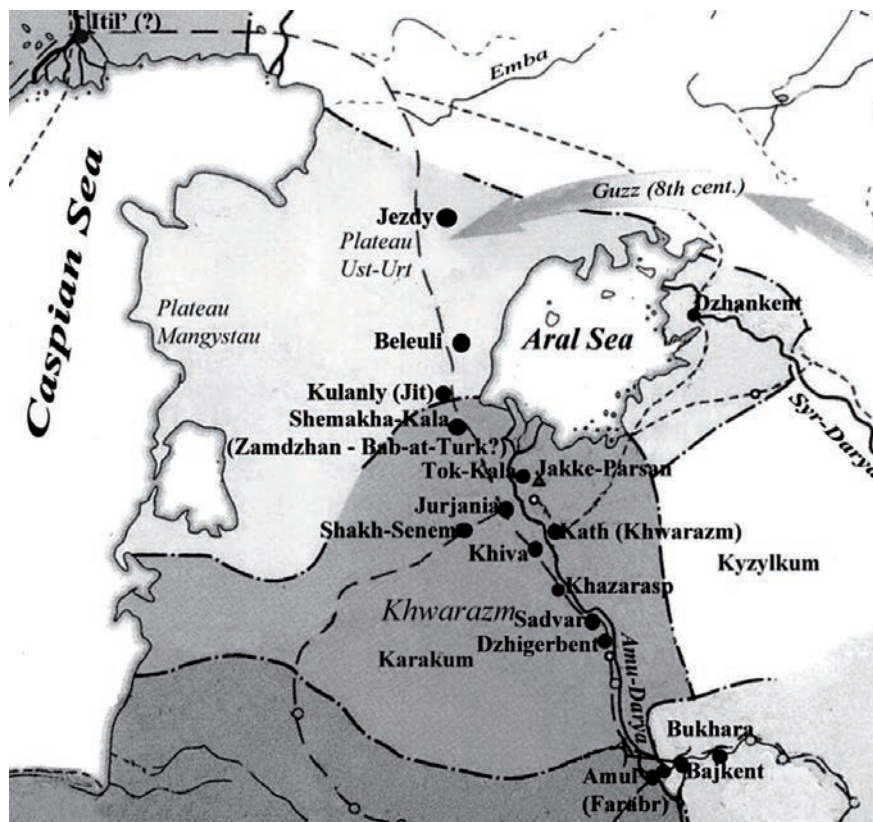

Fig. 7. Map of Aral Sea region in Early Middle Ages, with location of Dzhankent and Khorezm (Khwarazm)

prospection has shown a dense layout of 10th century houses which does not match the appearance of 'nomad capitals' elsewhere [cf. Rogers et al. 2005]. Geophysics has also demonstrated the absence of monumental buildings in the citadel, making it an unlikely regional capital [cf. e.g. Siméon 2010]. Pedological, environmental and geomorphological work provides information on the economy and use of space within the 10th century walls, including hints of livestock and/or slave trade – the former required for provisioning Khorezm, the latter becoming a major economic factor in the region from the 9th century onwards, linking Central Asia to the Volga region and Scandinavia with a 'silver flow' of dirhams [Jankowiak 2017; Kilger 2008]. The latest radiocarbon dates from the occupation layers of Dzhankent (11th century) coincide with the documented disintegration of the Oguz polity [Agadzhanov 1969; Golden 1992]. This may not have happened without local upheaval, too, as geophysics suggest the destruction of the citadel walls (but not of other parts of the town) by a large fire at the end of its existence.

REFERENCES

- Agadzhanov S.G.* Ocherki istorii oguzov i turkmen Srednei Asii IX–XIII vekov. Ashkhabad: Ylym, 1969. 296 p.
- Arzhantseva I., Gorshenina S.* 2018. The patrimonial project of Dzhankent: constructing a national symbol in the *longue durée* // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2018 (24). P. 467-532.
- Arzhantseva I.A., Tazhekeev A.A.* Kompleksnie issledovaniya gorodishcha Dzhankent. Raboty 2011–2014 gg. Almaty: Arys, 2014. 320 p.
- Arzhantseva I., Inevatkina O., Zav'yalov V., Panin A., Modin I., Ruzanova S., Härke H.* Por-Bajin: An enigmatic site of the Uighurs in Southern Siberia // *The European Archaeologist*. 2011 (35). P. 6-11.
- Arzhantseva I.A., Karamanova M.S., Ruzanova S.A., Tazhekeev A.A., Modin I.N., Härke H.* Early medieval urbanization and state formation east of the Aral Sea: Fieldwork and international workshop 2011 in Kazakhstan // *The European Archaeologist*. 2012 (37). P. 14-20.
- Baipakov K.M., Voyakin D.A., Il'in R.V.* The towns of Huwara and Yangikent, the old and new capitals of the Oghuz state // *Bulletin of the International Institute for Central Asian Studies*. 2012 (16). P. 22-44.
- Bartol'd V.V.* Oguz' (Turkmeny) do obrazovaniya sel'dzhuzskoi imperii // V.V. Bartol'd. Sochineniya. Moscow: Nauka, 1963. Vol. 2. P. 559-573.
- Bronnikova M.A., Panin A.V., Arzhantseva I.A., Harke H., Karpova Yu.O.* Radiouglerodnoe datirovanie i pozharnaya istoria rannesrednevevogo goroda Dzhankent (Yu-V Priaral'e, Kazakhstan) // *Radiouglerod v arkheologii i paleoekologii: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Materialy mezhduradonoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu starshego nauchnogo sotrudnika IIMK RAN, kandidata khimicheskikh nauk Ganny Ivanovny Zajtsevoj.* / Ed. by N.D. Burova, A.A. Vybornov, M.A. Kulikova. St. Peterburg: IIMK RAN, RGPU; Samara: SGSPU/OOO "Porto-print", 2020. P. 17-18.
- Golden P.* An introduction to the history of the Turkic peoples. Wiesbaden: Harassowitz, 1992. 493 p.
- Haruda A.F., Ventresca Miller A.R., Pajmans J.L.A., Barlow A., Tazhekeyev A., Bilalov S., Hesse Y., Preick M., King T., Thomas R., Härke H., Arzhantseva I.* The earliest domestic cat on the Silk Road // *Scientific Reports*. 2020 (10). P. 11241. <https://www.nature.com/articles/s41598-020-67798-6#citeas>
- Ivanova A.E., Bronnikova M.A., Gol'eva A.A.* Kharakteristika selitebno-khozyajstvennoi deyat'nosti na territorii gorodishcha Dzhankent po geokhimicheskim, mikrobiomorfim i mikologicheskim dannym // *Arzhantseva I.A., Tazhekeev A.A.* Kompleksnie issledovaniya gorodishcha Dzhankent. Raboty 2011–2014 gg. Almaty: Arys, 2014. P. 141-160.
- Jankowiak M.* What does the slave trade in the Saqaliba tell us about Early Islamic slavery? // *International Journal of Middle East Studies*. 2017. (49). P. 169-172.
- Kilger, C.* Kaupang from afar: Aspects of the interpretation of dirham finds in Northern and Eastern Europe between the late 8th and early 10th centuries // *Skre D. Means of exchange: Dealing with silver in the Viking Age.* Aarhus: Aarhus University Press, 2008. P. 199-252.
- Kovalev R.K.* Commerce and caravan routes along the Northern Silk Road (sixth to ninth centuries). Part 1: The western sector // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 2005. (14). P. 55-105.

- Kurmankulov J.K., Arzhantseva I.A., Zilivinskaya E.D., Ruzanova S.A., Sydykova J.T.* Materialy Dzhankentskoj arkheologicheskoy ekspeditsii: Arkheologicheskie raboty na gorodishche Dzhankent v 2006. Kyzylorda: Inzhy-Marzhan, 2007. 124 p.
- Levina L.M.* Keramika nizhnei i srednei Syrdarya v pervom tysyacheletii n.e. Trudy Khorezmskoi Arkheologo-Etnograficheskoi ekspeditsii, VII. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1971. 252 p.
- Modin I.N., Andreyev M.A., Akulenko S.A., Arzhantseva I.A., Kats M.Ya.* Geofizicheskie issledovaniya na ostrove Por-Bazhyn na respublike Tuva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 4: Geologiya. 2010. No. 6. P. 97-102.
- Panin A.V., Bronnikova M.A., Uspenskaya O.N., Konstantinov E.A., Koshurnikov A.V., Selezneva E.V., Fuzeina Yu.N., Sheremetskaya E.D., Arzhantseva I.A.* Evolution of Tere-Khol Lake and the holocene dynamics of the environment in the southeastern part of the Sayan-Tuva highland // Doklady Earth Sciences. 2012. (446) Part 2. P. 1204–1210.
- Rogers J.D., Erdenebat U., Gallon M.* Urban centres and the emergence of empires in Eastern Inner Asia // Antiquity. 2005 (79). P. 801-818.
- Siméon P.* Hulbuk: Architecture and material culture of the capital of the Banijurids in central Asia (ninth–eleventh centuries) // Muqarnas: An Annual on the Visual Cultures of the Islamic World. 2010 (29). P. 385-421.
- Tolstov S.P.* Goroda Oguzov // Sovetskaya Etnografiya. 1947. No. 3. P. 57-102.
- Tolstov S.P.* Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1962. 324 p.

**А. А. Тажекеев,
С. У. Билалов,
Ж. К. Султанжанов,
Р. Т. Дарменов**

**Азилхан Аuezханулы Тажекеев, a.tazhekeyev@gmail.ru
Билалов Сейдалы Умиртаевич, seidaly.bilalov@mail.ru
Султанжанов Жетесби Канапияевич, zhetesbi.sultanzhanov@mail.ru
Кызылординский университет имени Коркыт Ата,
г. Кызылорда, Казахстан
Дарменов Рустем Турарбекович, darmenov_rustem@mail.ru
Национальный музей РК, г. Нур-Султан, Казахстан**

Города огузов Восточного Приаралья: исторические ландшафты и новые исследования

Аннотация. В статье описываются новые археологические исследования раннесредневековых поселений в низовьях Сырдарьи. Джанкентская археологическая экспедиция с 2005 г. проводит не только исследования городища Джанкент, но и новых памятников городской культуры Восточного Приаралья – это группа поселений урочища Ордазы и Ширкейлы Кос-асар (памятника джетыасарской культуры). До начала планомерных археологических работ в Восточном Приаралье по историческим источникам было известно не более десятка крупных поселений, относившихся к огузскому периоду. В настоящее время в результате новых исследований выявлено местонахождение около 30 городов и поселений огузского времени. Раннесредневековые поселения огузов Восточного Приаралья расположены вдоль главного русла Сырдарьи и ее древних протоков – Ескидариялык и Жанадарьи. Города и поселения располагались на двух крупных торговых направлениях Великого шелкового пути. Одна по Жанадарье в сторону Хорезма, а другая – по Сырдарье через Джанкент на Урал и Поволжье.

Ключевые слова: Приаралье, Сырдарья, Джанкент, Ордазы, Ширкейлы, Кос-асар

**Әзілхан Әуезханұлы Тәжекеев,
Сейдалы Өміртайұлы Біләлов,
Жетесби Қанапияұлы Сұлтанжанов,
Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті,
Қызылорда қ., Қазақстан
Рүстем Тұрарбекұлы Дәрменов,
ҚР Ұлттық музейі, Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан**

Шығыс Арал бойы оғыздарының қалалары: тарихи ландшафтары мен жаңа зерттеулері

Аннотация. Мақалада Сырдарияның төменгі ағысындағы ерте ортағасырлық қоныстардың жаңа археологиялық зерттеулері сипатталған. Жанкент археологиялық экспедициясы 2005 ж. бастап Жанкент қалашығын ғана зерттеп қоймай, Шығыс Арал маңының қала мәдениетінің жаңа ескерткіштерін зерттеді – бұл Шіркейлі Қос-асар және Ордазы шатқалындағы қоныстар тобы (жетіасар мәдениетінің ескерткіші). Шығыс Арал маңының жүйелі археологиялық жұмыстар жүргізілгенге дейін тарихи деректерден оғыз дәуіріне жататын оннан көп емес ірі қоныстар белгілі болған. Қазіргі уақытта жаңа зерттеулер нәтижесінде оғыз

заманының отызға жуық қалалар мен елді мекендерінің орны анықталды. Шығыс Арал маңы оғыздарының ерте ортағасырлық қоныстары Сырдарияның негізгі арнасы мен оның көне арналары Ескідариялық пен Жаңадария бойында орналасқан. Қалалар мен елді мекендер Ұлы Жібек жолының екі негізгі сауда жолында орналасты. Бірі Жаңадария бойымен Хорезмге қарай, екіншісі Сырдария бойымен Жанкент арқылы Жайық пен Еділ бойына дейін.

Түйін сөздер: Арал маңы, Сырдария, Жанкент, Ордазы, Шіркейлі, Қос-асар

Azilkhan Tazhekeyev,

Seidali Bilalov,

Zhetesbi Sultanzhanov,

Kyzylorda Korkyt Ata University, Kyzylorda, Kazakhstan

Rustem Darmenov,

National Museum of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Kazakhstan

Oghuz settlements of the Eastern Aral Sea region: historical landscapes and novel research

Abstract. The article describes new archaeological studies of early medieval settlements in the lower reaches of the Syr Darya. The Dzhankent archaeological expedition, which began in 2005, conducted not only the exploration of the Dzhankent settlement, but also explored new monuments of the urban culture of the Eastern Aral Sea region – this is a group of settlements in the Ordazy and Shirkeyly Kos-asar tract (a monument of the Dzhetyasar culture). Prior to systematic archaeological work in the Eastern Aral Sea, no more than a dozen large settlements dating back to the Oguz period were known from historical sources. At present, as a result of new research, the location of about thirty cities and settlements of the Oghuz time has been revealed. The early medieval settlements of the Oguzes of the Eastern Aral Sea are located along the main channel of the Syr Darya and its ancient channels, Eskidariyalik and Zhanadarya. Cities and settlements were located on two major trade routes of the Great Silk Road. One along the Zhanadarya towards Khorezm, and the other along the Syrdarya through Dzhankent to the Urals and the Volga region.

Keywords: Aral Sea region, Syrdarya, Zhankent, Ordazy, Shirkeyly, Kos-asar

Подавляющее большинство археологических комплексов эпохи раннего средневековья на территории древней дельты Сырдарьи мало изучены. Широкомасштабные исследования проводились выборочно и в основном затронули памятники Джетыасарского урочища, где с середины 1970-х по 1991 г. проводились охранные археологические работы в зоне строительства объекта 858 ВВ-2 [Левина 1996]. До этого на археологических памятниках VIII–X вв. н.э., которые были впервые описаны С.П. Толстовым в середине прошлого века, проводились только рекогносцировочные исследования и сбор подъемного материала [Толстов 1962]. До последнего времени наши представления о материальной и духовной культуре населения, надо сказать весьма ограниченные, базировались лишь на анализе немногочисленных коллекций подъемного материала с поверхности городищ. Положение кардинально изменилось уже в начале XXI в. когда начались планомерные широкомасштабные исследования отдельных поселений в левобережье Сырдарьи [Итина 1977]. В результате этих работ получены представительные стратифицированные археологические комплексы, которые в полном объеме еще не введены в научный оборот.

Процесс урбанизации и развитие городской культуры и городов в зоне контактов земледельцев и скотоводов занимает одно из ключевых мест в истории и археологии не только Приаралья, но и всего Казахстана. Здесь, в Восточном Приаралье, сформировались городские центры (существующие с IV в. до н.э. по V в. н.э.) ранних кочевников – Чирик-рабат, Бабиш-мулла, Баланды 1, поселения джетыасарской культуры, расположенные на древних дельтах Сырдарьи. Они открыты и описаны Хорезмской экспедицией в 1946 г. В кратком обзоре материалов С.П. Толстовым было выделено несколько этапов становления урбанистической культуры в низовьях Сырдарьи [Толстов 1962].

Уже в конце VII – начале VIII в. н.э. на территории левобережья Сырдарьи, на пустующих территориях в низовьях Куандарьи и на левом берегу Сырдарьи возникают укрепленные поселения городского типа. Некоторые из них – Джанкент, Кескен-Куюк-кала, Куюк-кала, восточная группа джетыясарских городищ была обследована Хорезмской экспедицией, однако стационарных раскопок на этих памятниках не проводилось. Материальная культура этих памятников была охарактеризована в основном по подъемному материалу. В последние годы, благодаря работам Джанкентской археологической экспедиции Кызылординского университета им. Коркыт Ата совместно с Институтом археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы), Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Муклухо-Маклая (РФ) и Тюбингенским университетом (Германия), археологические исследования на этих памятниках значительно активизировались [Arzhantseva, Härke, Tazhekeev 2019: 239–241]. В результате этих работ получен значительный по объему археологический материал, который и является основным предметом исследования в рамках данной статьи.

В настоящее время мы имеем несколько локальных групп городищ, которые по своей структуре и планировке – однотипные, имеют идентичный подъемный керамический материал и находятся в сходных природно-ландшафтных условиях.

Городище Джанкент (перевод с каз. «Новый город») – расположено в дельте Сырдарьи, в 2 км к юго-западу от аула Жанкент. Городище имеет «Т»-образную форму, прямоугольник с расширением (уступами в обе стороны) в восточной части вытянут с востока на запад. Размеры – 375×225 м (восточной части – 300 м). Его площадь составляет около 15 га. Цитадель расположена в северо-западном углу городища. Холм цитадели квадратной формы, размерами около 100×100 м. Цитадель возвышается на 8 м над окружающей местностью и на 3–4 м над средним уровнем площади городища (рис. 1).

Рис. 1. Городище Джанкент. Цитадель. Фото Ж.К. Султанжанова

На топографическом плане 1963 г., выполненном Б.В. Андриановым и Н.И. Игониным, просматривались еще детали планировки и конструктивные особенности цитадели и фортификации. На стене цитадели показаны прямоугольные углубления (стены жилых помещений) размерами 4×5 м, отстоящие друг от друга на 14 м. При повторной съемке в 2005 г. сотрудниками Джанкентской археологической экспедиции выяснилось, что рельеф цитадели сглажен и затянута глиняными затеками.

На памятнике хорошо сохранилась фортификация – внешние стены с выступающими полукруглыми башнями, расположенными друг от друга от 25 до 40 м. Ширина башен – около 3 м, выступание – 3,5–4 м. Внешние стены городища, кроме восточной, сильно оплыли и сохранились в высоту до 8 м над окружающей местностью. Восточная стена городища сохранилась лучше, так именно здесь можно проследить ее структуру. В основании стены прослеживается сырцово-кирпичная кладка (кирпич размерами 40×40×9 см), над которой идет сохранившаяся на высоту около 3 м пахсовая кладка рядами высотой 1,35 см, между которыми фиксируются прослойки камыша, прослеживаемые в настоящее время.

С 2005 г. на памятнике проводятся археологические работы, в ходе которых на цитадели были заложены раскопы вдоль северной стены на стыке стен цитадели и шахристана, другой раскоп – на шахристане, где раскапывается жилой квартал, также заложено несколько шурфов. Полученные материалы позволяют по новому пересмотреть вопросы датировки, происхождения и роли городища Джанкент в раннесредневековой истории не только Приаралья, но и городов степной зоны Евразии. Обсуждение и краткие выводы по городищу Джанкент опубликованы в работах К.М. Байпакова, Ж. Курманкулова, И.А. Аржанцевой, Э.Д. Зиливинской, Ж.Т. Сыдыкова, А.А. Тажакеева, Р.Т. Дарменова, С.У. Билалова и Г.Т. Амиргалиной [Курманкулов и др. 2007; Байпаков 2007: 35–61, Аржанцева, Тажакеев 2014; Билалов и др. 2018: 380–391].

Городище Ширкейли Кос-асар. Джетыясарская культура исследователями условно делится на две группы: к первой группе относятся памятники, находящиеся в самом джетыясарском урочище, – это Алтын-асар, Бидаик-асар, Томпак-асар, Бузык-асар, Жалпак-асар и др.; ко второй, называемой «восточной», – Ширкейли Кос-асар, Жетим-асар, Большой и малый Кара-асар, Кулке-асар и др. [Тажакеев и др. 2016: 221–230].

В 2015–2017 гг. Чирикратская археологическая экспедиция Института археологии им. А.Х. Маргулана и Кызылординского университета им. Коркыт Ата возобновила археологические работы на памятниках джетыясарской культуры, основным объектом исследования стало городище Ширкейли Кос-асар.

Ширкейли Кос-асар – огромное поселение неправильно овальных очертаний, площадью 1000×400 м, представляет собой комплекс из трех крепостей, построенных предположительно в разное время и на определенном этапе объединенный одной фортификационной системой (рис. 2). Расположено в 5,5 км к западу от села Н. Ильясова (Сырдарьинский р-н, Кызылординская обл.) [Курманкулов и др. 2007: 289–290].

Два городища (Кос-асар – пер. с казахского два города) – условно называемые нами «Большой дом» и «Малый дом», имеют характерную для абсолютного большинства планировку в виде двухъярусных округлых или овальных в плане тобе. Площадь двух ярусов «Большого дома» –170×130 м, а высота его отдельных частей достигает 10 м. Высота второй площадки не более 4–6 м. Как и на других археологических памятниках Джетыясарского урочища, поверхность памятника Ширкейли-Кос-асар усеяна фрагментами керамики. В подъемном материале представлены предметы, характерные для всех этапов существования джетыясарской культуры, что свидетельствует о длительной здесь жизни.

Рис. 2. Городище Ширкейли Кос-асар. Фото Ж.К. Султанжанова

«Малый дом» находится в 500 м к востоку от Большого дома. Это такое же двухъярусное тобе, по всей видимости, с самого начала имело два этажа. Площадь его около – 130×120 м. Здесь также поверхность усеяна фрагментами керамики, встречающейся на всех этапах джетыасарской культуры.

Третьим памятником на поселении Ширкейли Кос-асар является прямоугольная крепость, встроенная с юга к обводной оборонительной стене. Крепость имеет площадь – 3500 м² (70×50 м). Сохранность крепости не удовлетворительная, так с востока от нее во время ирригации рисовых полей собирается вода. Крепость полностью покрыта камышом.

Вероятнее всего, строительство прямоугольной крепости и обводной фортификационной системы вокруг поселения Ширкейли Кос-асар происходило одновременно и в более поздний период, если учесть, что раскопанные Хорезмской экспедицией синхронные памятники джетыасарской культуры, где встречаются квадратные крепости, дают стратиграфическую планку не поздней конца этапа Джетыасар II и начала Джетыасар III [Дарменов и др. 2018: 402–408].

В настоящее время нам известно более полусотни джетыасарских городищ с развитой фортификацией. С.П. Толстов в 40-х гг. XX в. дал им первую характеристику и классификацию, предложив деление на три основных типа: 1) укрепленная усадьба с большим также укрепленным зданием внутри нее; 2) крепость с сильно развитой системой фортификации (башни, укрепленные ворота) и без следов построек внутри стен; 3) крепость со столь же развитой фортификационной системой, но с многочисленными и разнообразными остатками жилых сооружений внутри [Толстов 1948: 128–136, Левина 1998].

Ширкейли Кос-асар относится к третьему типу и, по нашему мнению, доживает до IX–X вв. н.э. Полученные материалы позволяют говорить о том, что в VIII–IX вв., когда на всей территории распространения джетыасарской культуры отмирают поселения, здесь еще существовала жизнь. Керамический комплекс идентичен и аналогичен комплексу городища Джанкента – культуры «болотных городищ» [Тажекеев и др. 2016: 221–230].

Большой процент керамики, выявленной на городище Ширкейли Кос-асар в ходе раскопок, представлен тарной посудой закрытых форм. По технологии производства она является лепной, красноангобированной с лощением. Тарная посуда составляет более 70% всей керамики. Меньше в процентном соотношении столовой и кухонной посуды, около 30%. Хронологически керамика на городище первого строительного горизонта аналогична керамике IX–XI вв. раннесредневекового городища Джанкент, городища Сауран. Это преимущественно дастарханы, кружки, хумы. Керамика нижних слоев находит аналогии среди материалов из городищ джетыасарской культуры, датируемых ранее IX в. Они представлены тонкостенными крупными кувшинами, т. н. ойнохойевых форм, хумчами, хумами грубой лепки с большим содержанием шамота. Посуда покрыта красным или черным ангобом, поверх которых имеется лощение. К примеру, кувшин с горловиной в виде головы барана аналогичен кувшину из городища Куйрыктобе (IX–XI вв.) [Амиргалина 2018а: 364–371].

Таким образом, в керамике городища Ширкейли Кос-асар обнаруживается материал приблизительно IX–XII вв., аналогичный керамике джетыасарской культуры и керамике огузского типа из городища Джанкент. Керамический комплекс по слоям и строительным горизонтам также показывает, что в верхних слоях преобладают комплексы ближе к концу этапа Джетыасар III и здесь же присутствует керамика, аналогичная комплексам культуры «болотных городищ» [Болелов и др. 2019].

Группа городищ Ордазы. Археологические исследования группы памятников Ордазы начались в 2017 г. и к настоящему времени проведено четыре полевых сезона (2017–2020 гг.) [Амиргалина 2018б; Билалов и др. 2020; Тажекеев и др. 2019: С. 592–603].

В составе комплекса памятников Ордазы ранее были известны городища Сортобе 1, 2 и могильник. В процессе разведочных работ 2020 г. выявлено поселение Сортобе 3. До этого времени памятник был неизвестен, т. к. находился в зоне сельскохозяйственных угодий.

Городище Сортобе 1 расположено в 10 км западнее от районного центра Жусалы (Кармакшинский р-н, Кызылординская обл.). Памятник находится на одном из изгибов р. Сырдарья. Состояние – аварийное (рис. 3). Городище представляет собой треугольный в плане холм с равными двумя сторонами, размерами 80×85×120 м, расположен на естественной возвышенности. Оплывшие стены памятника возвышаются над окружающей поверхностью на 2–3 м. На данном этапе исследования на городище Сортобе 1 вскрыты жилые дома и хозяйственные дворы, относящиеся к трем строительным периодам. В раскопе № 1 выявлено и изучено восемь жилых помещений второго строительного горизонта. На раскопе № 2 – открыто 11 жилых помещений, хозяйственный двор и разделяющая их улица, которые относятся ко всем трем строительным горизонтам существования памятника. Отметим, что в полевом сезоне полностью вскрыт участок жилого дома, состоящий из трех помещений. Археологические работы на городище Сортобе 1 показали, что памятник имеет культурные слои от VIII до IX в. [Тажекеев и др. 2021: 154–166].

Сортобе 2 (раскопки 2018–2019 гг.) – небольшое трехчастное городище, укрепленная часть, которого представляет собой почти правильный квадрат со стороной 150–160 м. Крепостные стены, фланкированные башнями, на 2–2,5 м возвышаются над современной дневной поверхностью. В северо-восточном углу укрепленной части, которая с полным основанием, на наш взгляд, идентифицируется как шахристан, в современном рельефе четко выделяется небольшое по площади (50×35–40 м) возвышение, которое можно считать цитаделью города (рис. 4). Территория, примыкающая к шахристану Сортобе 2, также обживалась в древности. В современном рельефе на прилегающей к укрепленной части территории прослеживаются небольшие оплывшие холмы

Рис. 3. Городище Сортобе 1. Фото Ж.К. Султанжанова

высотой более 1 м над современной дневной поверхностью. Фрагменты керамики в окрестностях укрепленной части городища встречаются на площади 360×350 м². Эту территорию с полным основанием можно считать работом города. Таким образом, площадь городища Сортобе 2 в период интенсивного обживания памятника была никак не менее 12 га. Следует также отметить, что в 200–250 м к югу от крепостной стены шахристана расположен комплекс погребальных сооружений – некрополь. В настоящее время в современном рельефе прослеживается не менее 12, как можно предполагать прямоугольных или квадратных в плане погребальных сооружений, в виде сильно оплывших всхолмлений [Отчет... 2018: 46–48]. На памятнике был заложен раскоп № 1, шурф за пределами крепостных стен, шурф на шахристане, кроме того полностью раскопаны два погребальных сооружения.

Анализ керамического комплекса показал, что на памятниках Сортобе 1, 2 значительно чаще встречается хозяйственная посуда. При изготовлении керамических сосудов использовался лепной способ. Обжиг керамики очень некачественный, стенки крошатся. Аналогии керамическому комплексу Сортобе 1, 2 прослеживаются в керамике джетыясарской культуры – среди материалов городищ Ширкейли Кос-асар, Джанкент и городов Южного Казахстана [Сенигова 1962; 1972; Байпаков 1972; Синенькая 1976].

Таким образом, археологические исследования Джанкента, Ширкейли Кос-асар и комплекса памятников Ордазы представляют возможность по-новому рассмотреть вопросы урбанизации и

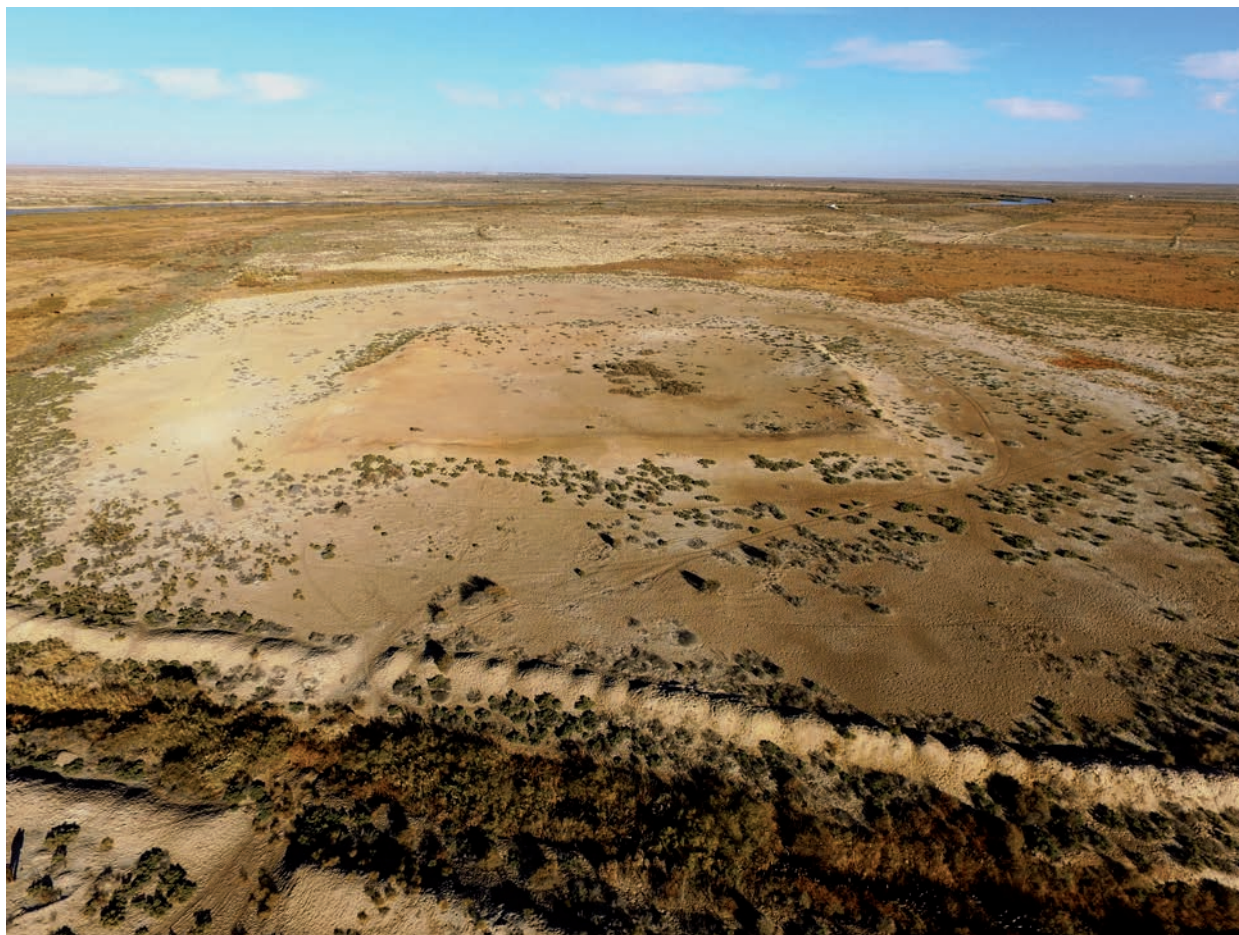

Рис. 4. Городище Сортобе 2. Фото Ж.К. Султанжанова

городской культуры Приаральского региона. Вторая половина I тыс. до н.э. – это время интенсивных миграционных процессов в восточной части евразийской степи, когда в результате продвижения различных групп скотоводческого и кочевого населения закладываются основы многих этносов (огузы, хазары, сельджуки, печенеги, кыпчаки), впоследствии сыгравших значительную роль в политических событиях не только на территории Центральной Азии, но и Восточной Европы. Одним из регионов, где наиболее интенсивно протекали эти процессы, являются области нижнего и среднего течения Сырдарьи и районы юго-восточного Приаралья, где насчитываются сотни археологических объектов, относящихся к указанному выше периоду.

ЛИТЕРАТУРА

- Амиргалина Г.Т.* Анализ керамического материала с городища Ширкейли Кос-асар полевых сезонов 2015–2017 гг // Маргулановские чтения–2018: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Духовная модернизация и археологическое наследие» (г. Актобе, 19–20 апреля 2018 г.) / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Алматы; Актобе: ИА КН МОН РК, 2018а. С. 364-371.
- Амиргалина Г.Т.* Перечень археологического материала с городища Сортобе за полевой сезон 2017 года // Маргулановские чтения–2018: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Духовная модернизация и археологическое наследие» (г. Актобе, 19–20 апреля 2018 г.) / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Алматы; Актобе: ИА КН МОН РК, 2018б. С. 372-379.
- Аржанцева И.А., Тажекеев А.А.* Комплексное исследование городища Джанкент: работы 2011-2014 гг. Алматы, «Арыс», 2014. 320 с.
- Байпаков К.М.* Керамика средневекового Кулана // Поиски и раскопки в Казахстане / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: «Наука», 1972. С. 77-97.
- Байпаков К.М.* Огузы, туркмены и сельджуки в городах Жетысу и Южного Казахстана // Известия НАН РК. 2007. №1. С. 35-61
- Билалов С.У., Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т.* Итоги археологических исследований на городище Джанкент (2010–2017 гг.) // Маргулановские чтения–2018: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Духовная модернизация и археологическое наследие» (г. Актобе, 19–20 апреля 2018 г.) / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Алматы; Актобе: ИА КН МОН РК, 2018. С. 380-391.
- Билалов С.У., Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т.* Археологические работы на раннесредневековом городище Сортобе I // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz» 2020. № 1 (21). URL: <https://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1333> (дата обращения: 03.08.2022 г.).
- Болелов С.Б., Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Билалов С.У.* Новые археологические исследования жетысарской культуры // Великая степь: история и культура. Том IV. Великое кочевание: наследие гуннов и сарматов в вещах и идеях. Каталог выставки. Нур-Султан: Национальный музей РК, 2019. С. 98-104.
- Дарменов Р.Т., Тажекеев А.А., Билалов С.У.* Археологическое исследование городища Ширкейли Кос-асар // Маргулановские чтения–2018: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Духовная модернизация и археологическое наследие» (г. Актобе, 19–20 апреля 2018 г.) / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Алматы; Актобе: ИА КН МОН РК, 2018. С. 402-408.
- Итина М.А.* Проблемы археологии Хорезма (К 40-летию Хорезмской экспедиции) // СА. 1977. № 4. С. 41-52.
- Курманкулов Ж., Тажекеев А.А., Утубаев Ж., Абдикаликов Ш.М.* Городище Ширкейли Кос-асар // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Кызылординская область. Алматы, 2007. С. 289-290.
- Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1996. 396 с.
- Левина Л.М.* К истории исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Восточном Приаралье // Приаралье в древности и средневековье /Отв. ред. Е.Е. Неразик. М., 1998. С. 42-60.
- Сенигова Т.Н.* Поселение Актобе // Археологические исследования на северных склонах Каратау / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: «Наука», 1962. 219 с.
- Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз. Алма-Ата: «Наука», 1972. 217 с.
- Синенькая Н.И.* К вопросу о технике изготовления и приемах оформления дастарханов из Отрара (X–XII вв.) // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: «Наука», 1976. С. 122-129.
- Тажекеев А.А., Болелов С.Б., Дарменов Р.Т., Билалов С.У.* Городская культура Приаралья в зоне контактов земледельцев и скотоводов в I тысячелетия н.э. (по материалам городища Ширкейли Кос-асар) // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур: Сборник научных статей, посвященный памяти археолога Б.Нурмуханбетова. – Алматы, 2016. С. 221-230

- Тажекеев А.А., Болелов С.Б., Дарменов Р.Т., Билалов С.У.* Археологические работы на городище Сортобе // Маргулановские чтения–2019: м-лы междунар. археол. науч.-практ. конф., посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 592-603.
- Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Билалов С.У., Амиргалина Г.Т., Назаров А.Ж., Султанжанов Ж., Курманиязов И.С.* Археологические исследования на Ордазы // Маргулановские чтения–2021: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвящ. 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26–27 октября 2021 г.). В 3-х т. / Гл. ред. А. Онгар, отв. ред. Т.Б. Мамиров, Б.А. Байтанаев. Алматы: ИА КН МОН РК, 2021. С. 154-166.
- Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. Москва - Ленинград: 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948. 322 с.
- Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Вост. лит., 1962. 322 с.
- Отчет о научно-исследовательской работе по теме: Археологические исследования на городище Сортобе, Кармакшинского района Кызылординской области. Кызылординский государственный университет имени Коркыт Ата. Кызылорда, 2018. 93 с.
- Arzhantseva I.A., Härke H., Tazhekeev A.* Project “Nomad state formation and urbanization: The early medieval town of Dzhanakent (aral Sea region, Kazakhstan)” // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): м-лы Междунар. конф. (г. Санкт-Петербург, 18–22 ноября 2019 г.). Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии В.М. Массона. СПб.: ИИМК РАН; Невская Типография, 2019. С. 239-241.

**M. S. Goffriller,
I. A. Arzhantseva**

Martin S. Goffriller,
Xi'an Jiaotong Liverpool University,
Suzhou, China; martin.goffriller@xjtlu.edu.cn

Irina A. Arzhantseva,
Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Higher School of Economics,
Moscow, Russia; arzhantsevai@mail.ru

Remote sensing methods in the study of early Silk Road state-formation: the case of the Dzhety-asar culture of Kazakhstan

Abstract. The Dzhety-asar culture occupied a vast and open landscape within the eastern Syr Darya delta during much of the 1st millennium AD. The area is today dried out and comprises some three to four dozen medieval settlements spread across an area of around 3000 km². In this sense the study of the culture and its landscape lends itself ideally to remote sensing research methods, satellite imagery, drone photography and digital elevation modelling. This paper examines some of the methods employed in the study of the region and its archaeology based on series of fieldwork campaigns carried out by the authors in recent years.

Keywords: Remote Sensing, Photogrammetry, Viewshed Analysis, Dzhety-asar, medieval settlement, Central Asia

Мартин С. Гоффриллер,
Сиань Цзяотун Ливерпул университеті,
Сучжоу, Қытай

Ирина А. Аржанцева,
РФА Этнология және антропология институты, Экономиканың жоғарғы мектебі,
Москва, Ресей

Ерте Ұлы Жібек жолы бойындағы мемлекеттердің қалыптасуын зерттеудегі қашықтықтан зондтау әдісі: Қазақстандағы Жетіасар мәдениеті мысалында

Аннотация. Жеті-асар мәдениеті б.д. I-мыңж. Шығыс Сырдарияның атырауында кең және ашық ландшафтты алып жатты. Бұл аймақ бүгінде құрғақ және шамамен 3000 км² аумаққа таралған 3–4 ондық ортағасырлық қоныстарды қамтиды. Бұл мағынада мәдениетті және оның ландшафтын зерттеу спутниктік суреттерден, ұшқышсыз түсіру және цифрлық биіктікті модельдеуден бастап қашықтықтан зондтау зерттеу әдістеріне өте қолайлы. Бұл мақалада соңғы жылдары авторлар жүргізген дала жұмыстарының сериясы негізінде аймақты және оның археологиясын зерттеуде қолданылатын кейбір әдістер қарастырылады.

Түйін сөздер: қашықтықтан зондтау, фотограмметрия, көрінетін аумақтарды анализдеу, Жетіасар, ортағасырлық қоныс, Орталық Азия

Мартин С. Гоффриллер,
Ливерпульский университет Сиань Цзяотун,
Сучжоу, Китай

Ирина А. Аржанцева,
Институт этнологии и антропологии РАН, Высшая школа экономики,
Москва, Россия

Методы дистанционного зондирования в изучении формирования государства на раннем Шелковом пути: на примере культуры Джеты-асар в Казахстане

Аннотация. Культура Джеты-асар занимала обширный и открытый ландшафт в восточной части дельты Сырдарьи в течение большей части I тыс. н.э. Сегодня эта территория засушлива и включает в себя 3–4 десятка средневековых поселений, расположенных на площади около 3000 км². В этом смысле изучение культуры

и ее ландшафта идеально подходит для методов дистанционного зондирования, начиная от спутниковых снимков, беспилотной съемки и заканчивая цифровым моделированием рельефа. В данной статье рассматриваются некоторые методы, используемые в изучении региона и его археологии на основе серии полевых работ, проведенных авторами в последние годы.

Ключевые слова: дистанционное зондирование, фотограмметрия, анализ видовых площадей, Джеты-асар, средневековое поселение, Центральная Азия

Introduction

The Dzhety-asar region comprises some 3000 km², its western edge being located roughly 150 km to the east of the former Aral Sea coast, its northern edge ca. 70 km to the south of the modern city of Baikonur, in a now desertified inland delta formed originally by the Syr Darya river and, from north to south, its smaller deltaic arms Pra-Kuvandarya (also known as the Eskidarjalyk), Kuvandarya, Zhanadarya and Inkardarya (fig. 1)* (*All images are by the author). The name ‘Dzhety-asar’ (‘Seven/many Fortresses’ and variously transliterated as Jeti-Asar or Zhetiasar) derived from the large number of *asary* (sing. *asar* Kaz. fortified settlement) or *tell*-type settlement mounds which dot the landscape along the southern watershed of the Syr Darya river on the Eskidaryalyk Plain. The Syr Darya (the Jaxartes of Classical Antiquity), formed a substantial delta of minor tributaries, marshes and fertile plains which have seen a more-or-less permanent human presence since the Neolithic period [Redlich 1982].

Over the course of the last three millennia the region’s hydrology has been characterised by a high degree of dynamism [Boroffka et al. 2005; Boroffka 2010; Bonora 2014], and archaeo-geological records have shown recurring floods and droughts affecting the course of riverbeds, gradually shifting these from south to north within this delta, and with it the rise and fall of several cultures along these watercourses. In its current state, the lowland area of the Eskidaryalyk Plain and the riverbeds is criss-crossed by a labyrinth of smaller dry palaeo-channels and the remains of oxbow lakes. Much of what

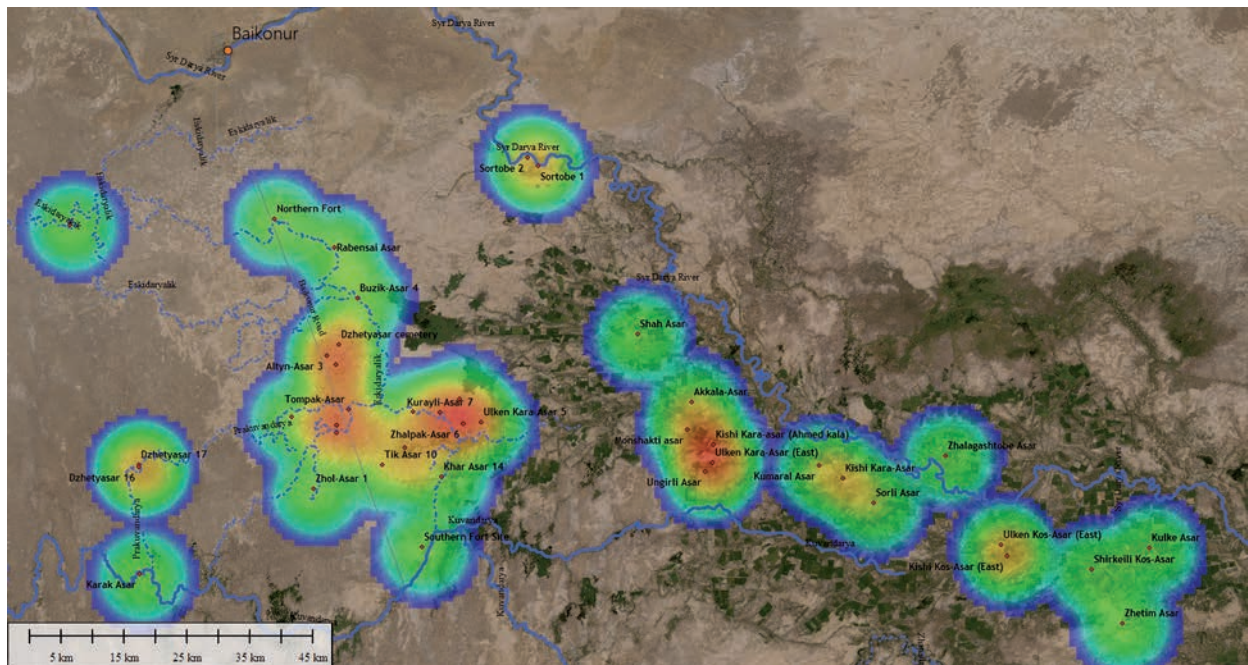

Fig. 1. The Dzhety-asar Region with settlement distribution and 5km visual radius around individual sites

used to be wetlands in the past has desertified, and the desert-like flatlands of hard sedimentary clay and alluvium (*takyr*) make up today much of the arid and inhospitable environment that is home to some four dozen *asary* of different types and sizes.

The hydrological changeability which characterises the area was probably also one of the primary factors behind the many processes within the delta itself. Seasonal floods were commonplace and often destructive, and we believe that the mound structures of the Dzhety-asar people may have served the dual purpose of territorial defence and flood defence. Elsewhere in the region, such as at Babish-mullah and Sortobe, the meandering rivers have eroded away much or most of the original settlements and it stands to reason that such destructive processes were no less frequent in the past. Seasonal flooding also had the effect of depositing large amounts of sediment and thus re-routing the course of rivers and channels away from fields and settlements, forcing smaller communities to adapt to changes in the hydrology. The sedimentary record of the Aral Sea also provides evidence for changes in the water level attributable to prolonged periods of drought, which would have affected agricultural production along the Amu Darya and Syr Darya rivers. However, current evidence suggests that no severe hydromorphic events affected the region during the second half of the first millennium CE [Boroffka et al. 2005: 77; Baker Brite 2011; Toonen et al. 2020]; if anything, a slight transgression of the Aral Sea has been inferred making the period discussed here somewhat more humid than average [Krivonogov et al. 2014].

The riverine focus of the Dzhety-asar Culture is further highlighted by the archaeological finds made by the Khorezmian Archaeological and Ethnographic Expedition (KhAEE) at Altyn Asar and Bedaik Asar where fishhooks, net sinkers and fish bones were found [Levina, Väinberg 1993: 202]. Apart from these finds, the discovery of millstones as well as remains of barley and millet support the notion that the Dzhety-asar population practiced forms of irrigated agriculture, though by far the most important source of food is likely to have been animal husbandry, as suggested by the large amounts of animal bones (in particular of horse, cattle and camel) that have been found in the settlements [Andrianov 2016; Levina, Väinberg 1993: 202]. From this evidence, we get the overall impression of a varied and fertile deltaic oasis of marshes, fields and pastures, which was able to attract and support a substantial population; this was probably drawn in waves from the various agropastoral peoples that inhabited the Central Asian steppes. This raises the question of the exact ethnic composition of the Dzhety-asar people that remains a topic of debate within the scholarly community, but it is not the aim of this paper to address this subject.

Remote Sensing, Data Collection and Processing

The present findings are drawn largely from two fieldwork campaigns in the Dzhety-asar region over the course of the summer of 2018 and 2019. While further campaigns were planned for the following years, the ongoing COVID pandemic has prevented any such efforts for the time being.

The intention of the project, at least in its preliminary stages, was to approach the Dzhety-asar culture from an 'extensive archaeology' perspective and study the culture as a whole, rather than focusing on any one particular site. A number of factors made the region ideal for a remote sensing campaign, relying primarily on legacy and current satellite images for the deskwork, and drone imagery for the fieldwork campaigns. Some important factors leading to this choice of approach were the following:

Extent: The Dzhety-asar region occupies a very large and remote area of southern Kazakhstan, with distances of several hours drive between the various sites. Documenting the very extensive contexts and catchment areas between settlements is in many cases only practicable in any detail by relying on aerial imagery to discern features on the landscape.

Topography: Most of the Dzhety-asar region is occupied by the former Syr Darya Delta and is as such almost extraordinarily flat in nature. While larger, more prominent features such as settlement mounds

are well visible on the horizon over very large distances, palaeo-channels and other hydrological features are usually only barely appreciable from ground level, if at all. The aerial view permits the expedient re-tracing of ancient riverine networks, former oxbow lakes, canals, etc.

Groundcover – or the lack thereof: while in many other extensive-archaeology projects LiDAR (Light Detection and Ranging) is commonly used for the mapping and recording of large areas, the primary advantage of this laser-based technology is its ability to scan the ground surface through the above vegetation, thus looking through forest cover and other dense growth. In the case of the Dzhety-asar region the vegetation is, in most cases, very sparse and almost never higher than around 50 cm. This makes it possible to retain a clear view of the ground even at relatively high flight altitudes of over 100 m, if necessary.

Cost and Expediency: In recent years, the price of commercial drones with high-resolution camera equipment has dropped markedly, making it possible to privately own and fly such devices. While LiDAR sensors have in recent years also become more affordable and small enough to be mounted on specialised drones, their cost is still comparatively high and the quality of the resulting data is not yet comparable to that of full-scale LiDAR sensors mounted on fixed wing aircraft.

Applications:

Photogrammetry: In a first step, the documentation and survey of the Dzhety-asar settlements was conducted over the course of two five-week fieldwork seasons in the summers of 2018 and 2019 conducting site visits to all the known Dzhetyasar locations, including a number of previously unidentified ones. The aerial survey of each site was conducted with a commercial drone of the type ‘DJI Mavic Pro’ in conjunction with the DroneDeploy® flight planning application in order to create systematic and repeatable flight plans (fig. 2). In keeping with standard practice, flights were usually conducted at times of low solar inclination in order to highlight topographical relief and architectural features. Depending on the size of each site, flight altitudes ranged from 50–100 m, and 400–800 high-resolution images were recorded per site depending on their size. These images were then used to create large-scale orthophotos and digital elevation models (DEM) using the Agisoft Photoscan® photogrammetry software (fig. 3, 4, 8). This relatively low-cost documentation method has proven perfectly adequate when compared to more expensive and higher resolution options such as LiDAR or 3D laser scanning, as in the case of the Dzhety-asar region there is little-to-no vegetation obscuring the archaeological remains, which in their current condition consist largely of mounds and enclosures and do not tend to have any under-crofts or internal spaces.

Documentation and tracing decay: The resulting data has high documentary value in itself, but is also of great value to conservationists by providing the ability to trace changes in the landscape and the condition of the remains over time, by re-flying the same flightpath over extended periods of time and tracing collapse, erosion, damage or other changes on a given site with a high degree of accuracy. Orthophotos can also be used to expedite the speed and accuracy of ground-based recording of features and the production of site plans, thus again reducing person-hours and associated costs.

Viewshed analysis: A further application of the resulting data set is to be extracted from GIS database of the drone data and photogrammetry models. With accurate geolocation of the sites, a full record of the topography and accurate 3D models of the various *asary* it is possible to develop a viewshed model of the landscape, precisely calculating the visual horizon of a given site and its interconnectivity with other sites, while also simulating the original heights of buildings. These data can be employed to interpret networks and potential hierarchies between settlements and test hypotheses regarding putative power structures within the culture.

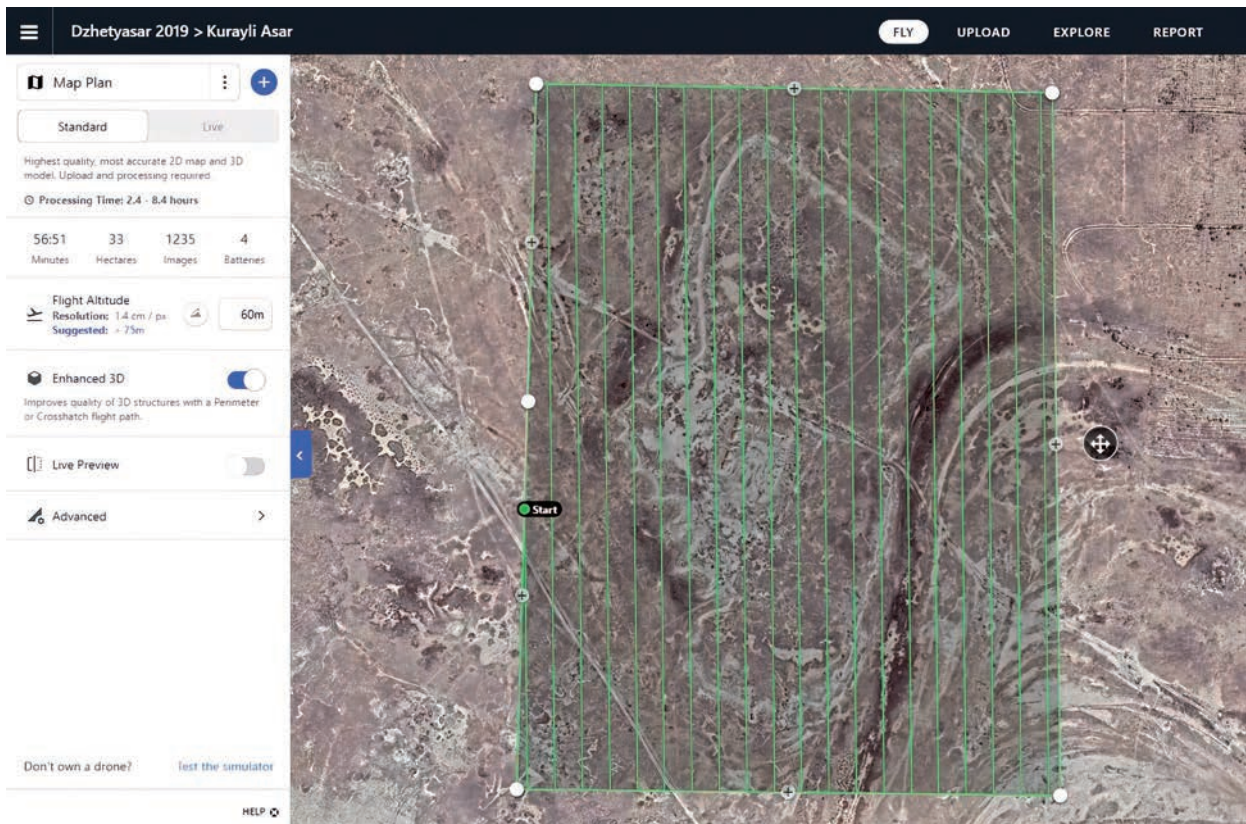

Fig. 2. Illustration of Flight Planning software Dronedeploy® as employed at Kurayli Asar

xTent Modelling: initially developed during the late 1970s, the concept of xTent modelling essentially implies the application of algorithms similar to those of weighted Voronoi diagrams which provide a visual representation of a settlement's 'power projection' on the basis of its size in the relation to that of its neighbours [Renfrew, Bahn 1996: 170]. When supplemented with reliable dating, accurate mapping and detailed dimensional data this sort of modelling may permit the tracking of centralising processes that are likely to have occurred among the Dzhetysay sites over time, perhaps even illustrating the emergence of a regional proto-state around larger sites such as Altyn Asar. Similar models have been applied elsewhere [Ducke, Kroefges 2008] and provided some interesting hypotheses for discussion. Provided the availability of a clearer chronology, the Dzhetysay settlements would lend themselves ideally for this kind of investigation as the flat, featureless landscape may reduce the number of variables and hence provide a more realistic rendering of erstwhile territorial claims of individual settlements.

Findings

The overall settlement pattern of the Dzhetysay region may be characterised as typical of deltaic oasis environments comparable to those of the Middle East and North Africa, in that the majority of settlements are small, highly fortified independent units which cluster in relatively close visual proximity to one another, while the overall distribution of sites is somewhat dispersed and displays no evident core or centre. The lack of significant topographical features on the landscape made water bodies the main factor in the territorial organisation of the region, and so most settlements were located in proximity

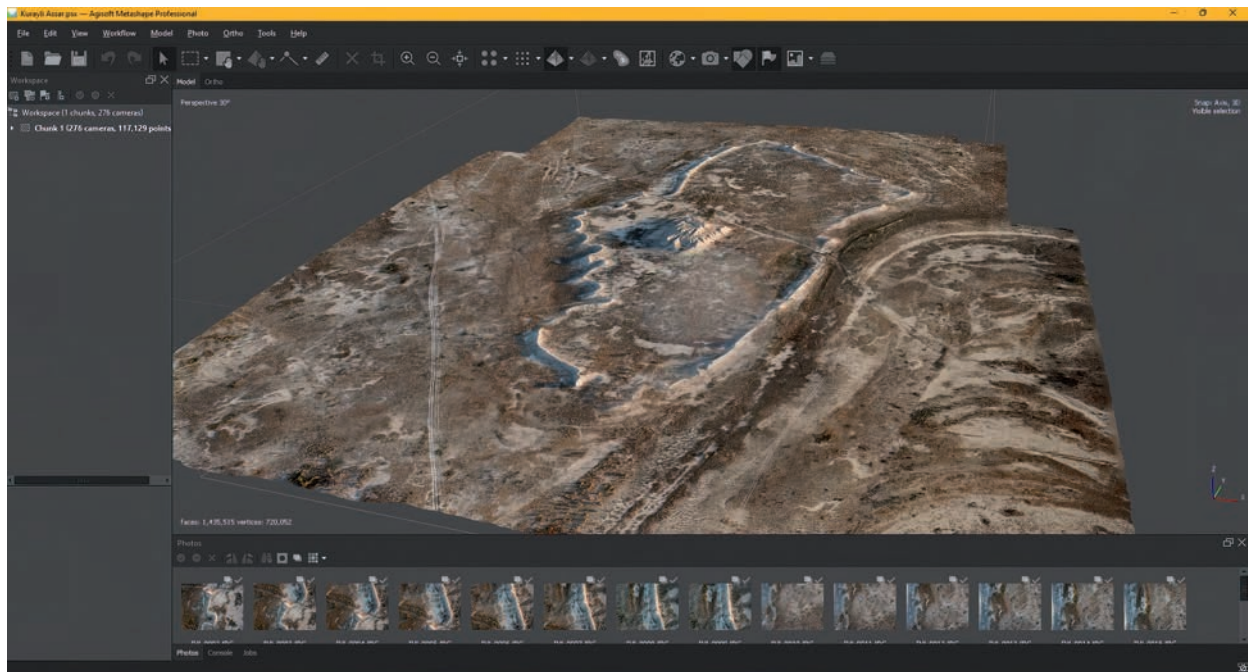

Fig. 3. Illustration of Photogrammetric Modelling with Agisoft Metashape® for Kurayli Asar

to river channels that are likely to have served for transport as much as for water supply. Agriculture, too, appears to have been an important organisational factor and economic activity, as is evidenced by the large number of irrigation channels that connect rivers to the pastoral hinterland. The construction, organisation and maintenance of the agricultural infrastructure is likely to have required a degree of collaboration between the inhabitants of different settlements, though establishing the extent to which resources were shared, and how, is as yet difficult to determine.

Within the Dzhetly-asar region, two primary settlement clusters are identifiable: eastern and western (fig. 1). The western cluster is usually regarded as the older one of the two, and likely to have been abandoned first [Galieva 2002], perhaps already in the course of the early 7th century. The western cluster also appears to be more tightly integrated: the majority of the *asary* are located well within visual range of one another, with Altyn Asar (Dzhetly-asar 3) having the highest degree of visual connectivity, integrating nine other *asary* into its horizon. From the original height of the settlements, their visual horizons would have been substantially more extensive, perhaps stretching as far as 10 km.

It is worth pointing out that not all the sites shown here are completely certain to have belonged to the Dzhetly-asar cultural complex, as their identification by the KhAEE was based on the presence of Dzhetly-asar type ceramics rather than specific morphological traits in the urban or architectural layout of the sites. The twin sites of Sortobe 1 and 2, located on the banks of the Syr Darya, currently excavated by a team of archaeologists from Kyzylorda University, illustrate another issue. Their origins have been dated to the 8th – 9th centuries, and therefore to the end of the Dzhetly-asar period, which has led the authors to suggest that they may have been settled by a combination of Dzhetly-asar people and Oguz Turks in the course of the Dzhetly-asar decline [Bilalov et al 2018: 64]. Finally, also located along the western edge of the Dzhetly-asar region, are two small and very remote *asar*-type structures located in close vicinity to one another (200m apart); they were identified by the KhAEE as sites 16 and 17, respectively, though they appear not to have been examined any further. A fieldwalking survey produced large amounts of surface

finds of pottery, but most of it appeared to be of a more recent date and possibly belonging to the Karakalpak period, i.e. the 18th–19th centuries.

Typologies and social hypotheses

The Dzhetysay settlements, or *asary*, are usually identifiable as large, earthen mounds and enclosures which stand out starkly from the surrounding plain. They range in type from small, irregular ‘manors’ located along banks of rivers, to sizeable ‘tells’ over 100 m in diameter, and to even larger walled sites with towers, gate houses and a degree of urban planning. The most basic type is a sort of compact fortress of rectangular layout, with thick mudbrick walls and platforms on several sides and an access gate most commonly located on the southern side. At times one finds a second, smaller precinct that was often located on the northern edge of the complex and standing one level higher than the rest of the site. At later stages, some of *asary* were endowed with small rectilinear enclosures presumed to be cattle

Fig. 4. 8Gb high-resolution GeoTIFF orthophoto of Kurayli Asar

paddocks and often, but not exclusively, attached to the southern edge of the complex. In rare cases, such as at Bidaik Asar (Dzhetysay 2), a third volume attached to the northern side of the site appears to have originally served as a kind of fortified cistern or reservoir. These were later built up and integrated to form part of the residential core of the compound.

Drawing upon the remote sensing work carried out by the authors it is possible to establish a preliminary classification of sites, the nature of which also allows for a number of inferences regarding the social organisation of the Dzhetysay Culture. The distinctive clustering of adjacent fortified settlements

and the highly compact nature of their architecture is reflective of a type of ‘oasis architecture’ characteristic of segmentary societies. Classification from this perspective has yielded six broadly identifiable types of settlement:

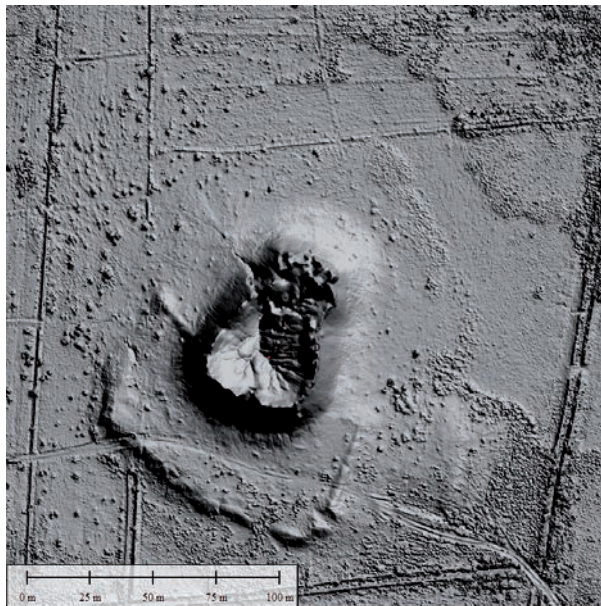

Fig. 5. Example of a type ‘A’ settlement.
Tik Asar, DEM

- Type ‘A’: Small mound with small enclosure (fig. 5). These settlements tend to consist of a small mound of up to 7–10 m in height and with a diameter of 20–50 m; they are likely to have been occupied by individual family groups or clans. In some cases, they are provided with an enclosure along the southern edge which surrounds part of the mound in a manner broadly reminiscent of the European medieval motte-and-bailey arrangement, and they are often located in the general vicinity of Type B settlements. Illustrative examples of this type are Tik Asar and Kishi Kos-Asar (West).

- Type ‘B’: Large mound without enclosure (fig. 6). This is the most common type of *asary*, made up of a large settlement mound with a mean height of around 10–12 m and a diameter of up to 250m. It is possible that this type forms the next evolutionary stage of development from the Type A settlement, in that the enclosure has now become an architectural ensemble in its own right, gradually growing to form a mound of its own. Their size hints at an extended length of occupation

which may see their integration of other smaller settlements into a single larger enclosure (see Type F). Type B settlements are often located near waterways, but not usually located directly on the banks or shores. Notable examples of Type B *asary* are Dzhety-asar 9 and Ulken Kara Asar.

- Type ‘C’: Square fort (fig. 7). This small, square enclosure type is morphologically very distinctive and may be related to the Turkish *tortkul* type of fort. Usually with sides of around 50 m in length and provided with a gate structure on the southern side, these buildings follow a surprisingly standardised architectural form and may thus hint at a centralised construction programme. This notion may be further supported by the deliberate location of these sites at more or less regular intervals along major waterways, specifically the paleochannels of the Kuvandarya. While some of these sites have yielded Dzhety-asar pottery, it is currently still impossible to state with certainty whether these structures belong to the Dzhety-asar Culture *sensu stricto*.

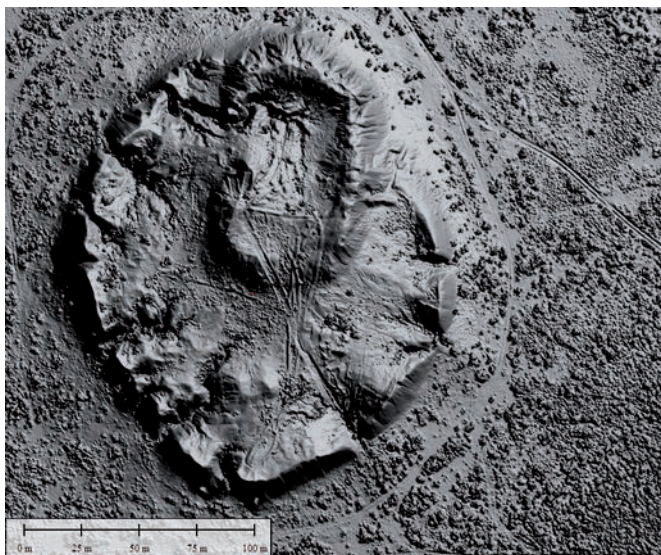

Fig. 6. Example of a type ‘B’ settlement.
Dzhety-asar 9, DEM

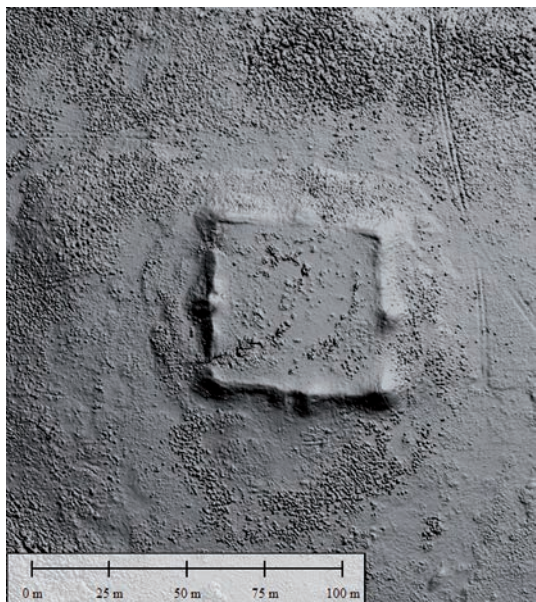

Fig. 7. Example of a type 'C' site,
Northern Fort, DEM

Fig. 8. Example of a type 'D' settlement.
Kurayli Asar, DEM

- Type 'D': The 'small mound with large enclosure' type of settlements (fig. 8) displays some of the most overtly 'urban' characteristics among the Dzhety-asar sites. They may have developed out of the Type B mounds that are sometimes located at their core; at the same time, their sizes of 400 to 500 m in diameter suggest a substantial residential population that may have been multi-tribal in nature. The often highly irregular shape of the enclosure (as at Sorli Asar or Kurayli Asar) poses questions regarding the planning method of these sites, as well as their ultimate function.

- Type 'E': Large Enclosure without mound (fig. 9). This is represented by a small number of sites with large enclosures of varying degrees of orthogonality, but always defended by large numbers of towers and strongly fortified gates. The lack of a settlement mound at their centre may suggest a different social organisation of these communities, most of which are located on the banks of the former Eskidarya River within the western Dzhety-asar. The most notable examples of this type are Bazar Asar, Kos Asar and Rabensai Asar.

- Type 'F': The 'compound settlements' (fig. 10). These are among the largest and most prominent Dzhety-asar settlements, probably having populations numbering in the high hundreds. Morphologically they are complex sites with distinct occupational phases and a variety of structures that suggest the development of a truly 'urban' form. Their size is a product of their compound nature, apparently developing out of a coalescence of Types 'A' and 'B' in a process whereby a larger settlement gradually incorporates a smaller satellite settlement located in its vicinity in a synoecistic manner¹. The most obvious cases of such a development may be seen at Altyn Asar, and possibly also at Shirkeyli Kos Asar. In particular, Altyn Asar takes up a prominent position within the western *asary* where it is the largest settlement, located at the core of the region and visually connected to the largest number of other *asary*. These features are suggestive of Altyn Asar having been a 'central place'.

¹ The term 'synoecism' (*Synoikismos*, *συνοικισμός*) refers to the creation of a single larger community out of several smaller ones (*χωρία*, *κωμαι*) throughout antiquity, often, but not always, resulting in full political unity where individual geographical territories are maintained [Kosmetatou et al. 2013].

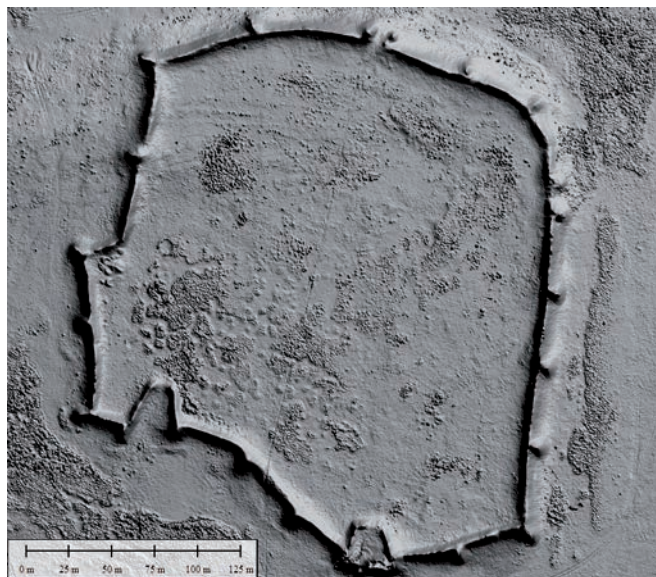

Fig. 9. Example of a type 'E' settlement. Rabensai Asar, DEM

Fig. 10. Example of a type 'F' settlement. Altyn Asar, DEM

The above typology is as yet somewhat rudimentary and in evident need of refinement. The primary focus must now lie in determining more precise chronology for the occupation of individual sites, and consequently for the culture as a whole. A clearer chronology for the culture holds great scientific potential, not only for understanding how the Dzhetysay fit into their larger historical context in Central Asia, but also because it may provide an opportunity to understand the development of power-dynamics between settlements – here xTent modelling (see above) may be a useful tool to illustrate the evolving nature of territorial control and inter-urban relations. Understanding to what extent the culture developed the centralising hallmarks of an early state is of great interest in gauging the role that the Dzhetysay may have played in the wider politics of the region and the emergence of the Northern Silk Road.

Conclusion

It is hoped that this paper has shown the utility of some remote sensing methods in the study of the sites and environments of the Dzhetysay culture, but at no point would we suggest that relying on these techniques alone would be sufficient to provide a complete image of the Dzhetysay archaeological complex. The culture is known to have existed for at least five centuries, and it stands to reason that over the course of this time great evolutionary changes will have taken place in the region and its sites. These processes will need to be addressed and dated by more traditional archaeological techniques to complement our understanding of settlements and their physical environment. Much the same must be said of the morphological evolution of individual dwellings, funerary practices, social structure, and material culture of the former inhabitants, the latter of which past excavation by the KhAEE has shown to be well integrated into the broader mercantile networks of the so-called Silk Road. In all these cases intensive archaeological techniques continue to be essential to provide much needed answers regarding the origins of the Dzhetysay peoples and their eventual demise sometime during the second half of the 1st millennium AD.

REFERENCES

- Andrianov B.V.* Ancient irrigation systems of the Aral Sea area: The history, origin and development of irrigated agriculture. Ed. S. Mantellini. Oxford and Philadelphia: Oxbow, 2016. 393 p.
- Baker Brite E.* The archaeology of the Aral Sea crisis: Environmental change and human adaptation in the Khorezm region of Uzbekistan ca. AD 300–800. Los Angeles: University of California, 2011.
- Bilalov C., Tashekeev A., Darmenov P.* Arkheologicheskie issledovaniya srednevekovogo gorodishcha Sortobe // Vestnik KazNU. Seriya Istoricheskaya. 2018. No. 87 (4). P. 62-75.
- Bonora G.L.* Early Iron Age archaeological sites on the Sengir Tam Plateau, Lower Syr-Darya (Kazakhstan). 2014. URL: [https://www.academia.edu/5613975/Early Iron Age Archaeological Sites on the Sengir-Tam plateau Lower Syrdarya Kazakhstan](https://www.academia.edu/5613975/Early_Iron_Age_Archaeological_Sites_on_the_Sengir-Tam_plateau_Lower_Syrdarya_Kazakhstan) (accessed 10 July 2022).
- Boroffka N.G.O., Obernhänsli H., Achatov G.A., Aladin N.V., Baipakov K.M., Erzhanova A., Hörnig A., Krivonogov S., Lobas D.A., Savel'eva T.V.* Human settlements on the northern shores of Lake Aral and water level changes // Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change. 2005. No. 10 (1). P. 71-85.
- Boroffka N.G.O.* Archaeology and its relevance to climate and water level changes: a review // A.G. Kostianoy and A.N. Kosarev, eds. The Aral Sea Environment (The Handbook of Environmental Chemistry, vol. 7). Berlin: Springer, 2010. P. 208-303.
- Ducke Benjamin, Peter C. Kroefges.* 'From Points to Areas: Constructing Territories from Archaeological Site Patterns Using an Enhanced Xtent Model' // Layers of Perception. Proceedings of the 35th International Conference on Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology. Bonn, 2008.
- Galieva Z.S.* Evolyutsiya kul'turnykh landshaftov vostochnogo Priaral'ya VII v. do n.e. – VII n.e. na primere bassejna Eskidar'yalyka. Metody rekonstruktsii. Material'naya kul'tura Vostoka. 2002. No. 3. http://Annales.info/sr_az/aral/galieva.htm (accessed 30 November 2018).
- Kosmetatou, E. Synoecism* // R.S. Bagnall, K. Brodersen, C.B. Champion, A. Erskine and S.R. Huebner, eds. The Encyclopaedia of Ancient History (Wiley Online Library), 2013. <https://doi.org/10.1002/9781444338386.wbeah09230> (accessed 10 July 2022).
- Krivonogov, S.K., Burr, G.S., Kuzmin, Y.V., Gusskov, S.A., Kurmanbaev, R.K., Kenshinbay, T.I., and Voyakin, D.A.* The fluctuating Aral Sea: A multidisciplinary-based history of the last two thousand years. // Gondwana Research. 2014. No. 26 (1). P. 284-300.
- Levina, L.M., Väinberg, B.I.* (ed.). Chirikrabatskaya kul'tura / Nizov'ya Syrdar'i v drevnosti. Vol. I. Moscow: IEA RAN, 1993. 130 p.
- Rapoport, Yu. A., Nerazik, E.E., Levina, L.M.* V nizov'yakh Oksa i Yaksarta. Obraz'y drevnego Priaral'ya. Moscow: Indrik, 2000. 384 p.
- Redlich, A.* Studien zum Neolithikum Mittelasiens. Bonn: Habelt, 1982. 421 S.: 132 Taf.
- Renfrew, Colin, and Paul G. Bahn.* Archaeology: Theories, Methods, and Practice. Thames and Hudson, 1996. 608 p.
- Toonen, W.H. J., Macklin, M.G., Dawkes, G., Durcan, J.A., Leman, M., Nikolayev, Y., Yegorov, A.* A hydromorphic reevaluation of the forgotten river civilizations of Central Asia // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2020. No. 117 (52). P. 32982–32988.

**Г. Т. Амиргалина,
С. У. Билалов**

Гульмира Темирболатовна Амиргалина,
Кызылординский университет имени Коркыт Ата, г. Кызылорда, Казахстан.
Тюбингенский университета Эберхарда и Карла,
г. Тюбинген, Германия. amirgalina81@mail.ru
Сейдали Умиртаевич Билалов,
Кызылординский университет имени Коркыт Ата,
г. Кызылорда, Казахстан. seidaly.bilalov@mail.ru

Глазурованная керамика раннесредневекового городища Джанкент*

Аннотация. Статья посвящена красноглиняной глазурованной керамике раннесредневекового городища Джанкент, расположенного в Казалинском районе Кызылординской области (Казахстан). Глазурованная керамика Джанкента изготовлена на гончарном круге из высокожелезистой красной глины, равномерного обжига. В ходе изучения вся имеющаяся коллекция керамики с глазурью была классифицирована на несколько групп. В основу классификации взяты цвет глазури, наличие или отсутствие подглазурного ангоба, наличие или отсутствие подглазурной росписи и разновидности красок, используемые для этого. В результате выявлено большое разнообразие в технологии ангобирования, декорирования и глазурирования керамики. Определена техника рельефной орнаментации керамики – «в резерве», «гравировка», полихромная и монохромная роспись. В декоре доминируют растительные и геометрические орнаменты. Поиск аналогий глазурованной керамике Джанкента позволил определить ее хронологические рамки, соответствующие VIII–XI векам. Скудость глазурованной керамики говорит, скорее всего, о ее импорте, вероятней всего из Хорезма.

Ключевые слова: Джанкент, глазурованная керамика, техника «гравировки», полихромная роспись.

Гүлмира Темірболатқызы Амиргалина,
Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті, Қызылорда қ., Қазақстан,
Эберхард және Карл атындағы Тюбинген университеті, Тюбинген қ., Германия
Сейдәлі Өміртайұлы Билалов,
Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті, Қызылорда қ., Қазақстан

Ертеортағасырлық Жанкент қаласының жылтыратылған керамикалық бұйымдары

Аннотация. Мақалада Қызылорда облысы, Қазалы ауданында орналасқан ерте ортағасырлық Жанкент қаласының қызыл саздан жасалынып, жылтыратылған керамикалық бұйымдары жайлы айтылады. Жанкенттің жылтыратылған керамикалық бұйымдары қою қызыл түсті темір концентрациясы жоғары балшықтан көзеші шарығында дайындалып, біркелкі күйдірілген. Зерттеу барысында жинақталған жылтыратылған керамика бұйымдарының толық коллекциясы бірнеше топқа бөлініп жіктелді. Жіктеу бұйымдардағы жылтырату түсіне, жылтыратудың астында ангобтың бары немесе жоғына, жылтыратудың асты кескіндемесінің болуы немесе болмауына және ол үшін қолданылатын бояулардың түрлеріне негізделген. Зерттеу нәтижесінде керамикалық бұйымдарды өңдеу, әшекейлеу және жылтырату технологиясының алуан түрі анықталды. Керамика бұйымдарына бедерлі ою-өрнек салу техникасының – «резевтегі» және «гравюра» әдістері, полихромды

© 2022 Амиргалина Г.Т., Билалов С.У.

*Работа выполнена в рамках проекта «Nomad State Formation and Urbanization on the Northern Silk Road: The Early Medieval Town of Dzhankent (Aral Sea Region, Kazakhstan)» («Кочевое образование и урбанизация на северной ветке Великого шелкового пути: раннесредневековый город Джанкент (Приаралье, Казахстан)»). Проект финансируется с 2018 года Немецким исследовательским фондом (DFG). Номер проекта: 389351859 (<http://gepris.dfg.de/gepris/projekt/389351859>).

және монохромды кескіндеме салу әдістері анықталды. Декор салынған бұйымдарда өсімдік тектес және геометриялық оюлар басым. Жанкенттің жылтыратылған керамикалық бұйымдарына ұқсас баламалармен салыстыру барысында олар VIII-XI ғғ. сәйкес келетіні анықталды. Жылтыратылған керамикалық бұйымдардың аздығы олардың Хорезм өңірінен әкелінгенін көрсетеді.

Түйін сөздер: Жанкент, жылтыратылған керамика, «гравировка» техникасы, полихромды кескіндеме

Gulmira Amirgalina,

Kyzylorda University named after Korkyt Ata, Kyzylorda, Kazakhstan,
Eberhard and Karl University of Tübingen, Tübingen, Germany

Seidali Bilalov,

Kyzylorda University named after Korkyt Ata, Kyzylorda, Kazakhstan

Glazed ceramics of the early medieval settlement Dzhankent

Abstract. The article is devoted to the red clay glazed ceramics of the early medieval settlement of Dzhankent, located in the Kazalinsky district of the Kyzylorda region (Kazakhstan). Glazed ceramics of Dzhankent are made on a potter's wheel from highly refined red clay, uniform firing. During the study, the entire available collection of glazed ceramics was classified into several groups. The classification is based on the glaze color, the presence or absence of underglaze angob, the presence or absence of underglaze painting and the types of paints used for this. As a result, a great variety in the technology of angobbing, decorating and glazing of ceramics was revealed. The technique of relief ornamentation of ceramics is defined – “in reserve”, “engraving”, polychrome and monochrome painting. The decor is dominated by floral and geometric ornaments. The search for analogies to the glazed ceramics of Dzhankent allowed us to determine its chronological framework corresponding to the 8th–11th centuries. The scarcity of glazed ceramics speaks, most likely, about its import, most likely from Khorezm.

Keywords: Dzhankent, glazed ceramics, «engraving» technique, polychrome painting

Развалины городища Джанкент находятся в 40 км к югу от ж/д ст. Казалинск, в 1,5 км к югу от аула Жанкент (прежнее название аула – Уркендеу) (Казалинский район, Кызылординская обл., РК). Первые письменные свидетельства о Джанкенте содержатся в работах средневековых арабских и персидских путешественников, датированных IX–X вв. [МИТТ 1939]. Позже городище Джанкент описывается в материалах русских исследователей XVIII–XIX вв. [Макшеев 1856; Мейер 1865; Гладышев 1851] и в материалах ХАЭЭ 40-х гг. XX в. [Толстов 1947; 1948].

Целенаправленное комплексное изучение Джанкента начинается с 2005 г. совместными казахстанско-российско-германскими исследованиями и продолжается по настоящее время¹. За этот период раскопано несколько основных объектов общей площадью около 3500 м². Это Раскоп 1 – жилой квартал в восточной части городища (далее Р1); Раскоп 2 – стык северной внешней оборонительной и восточной стены цитадели (далее Р2); Раскоп 5 – выступ южной оборонительной стены (далее Р5); Раскоп 6 – участок в юго-западной части цитадели (далее Р6); Раскоп 7 – главные въездные ворота городища, в центральной части восточной оборонительной стены (далее Р7); Раскоп 8 – участок к югу от цитадели, примыкающий к западной оборонительной стене городища (далее Р8).

Основным найденным археологическим материалом на памятнике является керамика. На сегодняшний день коллекция керамики Джанкента составляет более 20000 ед. как целых изделий, так и фрагментов вместе взятых. В это число входит и глазурованная керамика. Доля глазурованной керамики от общей коллекции составляет 0,3%. Большая часть изделий фрагментирована. Общее количество образцов, отобранных для анализа, составляет 69 предметов.

¹ Исследователями из Кызылординского государственного университета им. Коркыт-Ата (Казахстан) под руководством А.А. Тажекеева, Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Россия) под руководством И.А. Аржанцевой, Тюбингенского университета имени Эберхарда и Карла (Германия) под руководством Г. Харке.

Вся глазурованная керамика изготовлена из красной высокожелезистой глины, сформованной на гончарном круге из хорошо промешанной глины, качественного обжига. Черепки изделий плотной структуры, в изломе розового, светло-розового цветов. Исключением являются два образца с рыхлыми черепками, сформованные ручной лепкой.

Ассортимент глазурованных изделий небольшой. Весомая часть находок представлена категорией – *столовая посуда* (чаши, горшки и кувшины). Есть несколько образцов из категории *предметы специального назначения* – светильники.

Работа нацелена на проведение классификации поливной керамики, основанной на цвете глазури как доминирующем признаке декора [Коваль 2010: 20], на наличии или отсутствии подглазурного ангоба и декора. Акцент сделан и на технике декора². В результате классификации глазурованной керамики по перечисленным признакам выделено 8 групп.

Керамика с зеленой глазурью

Керамика этой группы представлена 13 образцами, один из которых целый. Образцы керамики с зеленой поливой обнаружены в верхних горизонтах (от -50 см до -200 см) Р1 и Р6. На Р2 такая керамика фиксируется на глубине от -350 см до -500 см.

Часть изделий этой группы имеет ангобную основу, на которую полностью или частично нанесена глазурь. По функциональному назначению в группе выделяются закрытые сосуды – горшки, кувшины и открытые сосуды – чаши, есть также светильники (рис. 1, 1–13).

Горшки представлены одним целым экземпляром и 5 фр. тулова. Целый горшок (рис. 1, 1) овоидной формы, с короткой горловиной и слегка отогнутым наружу венчиком. Сосуд на дисковом поддоне. Глазурь нанесена на ангобную основу по всей внешней поверхности сосуда кроме дна. На внутренней поверхности глазурь прослеживается лишь по венчику. Посуда аналогична афрасиабским горшкам, датируемым X в. [Шишкина 1979: 16, табл. IX, 8].

Есть фрагменты горшков без ангобной основы, глазурованные на обеих поверхностях (рис. 1, 2–4) и фрагменты с глазурью лишь на внешней поверхности (рис. 1, 5). На внутренней поверхности одного из фрагментов четко прослеживается ангоб более темного оттенка, чем цвет черепка (рис. 1, 6).

К этой же группе также относятся пять фрагментов открытой посуды – чаш. Выделяются несколько форм чаш: полусферическая форма со слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 1, 7), чаша с почти вертикальными стенками и резко отогнутым наружу венчиком в виде широкого горизонтального ободка (рис. 1, 8). На внутреннюю поверхность посуды темно-зеленая глазурь нанесена поверх белого ангоба. Снаружи фрагментов прослеживается лишь ангоб.

Есть фрагменты сферических чаш без выделенного венчика, с утолщенным краем устья. Здесь светло-зеленая глазурь нанесена поверх белого ангоба на обе поверхности посуды. Внутри чаш по влажному ангобу в технике «гравировки» нанесены концентрические линии и пояс из 1-образных фигур. Последний орнамент широко распространен на глазурованных чашах Средней Азии, датируемых X в. [Ильясова и др. 2016: 161, 163–164, 168]. Техника гравировки – это один из эффективных приемов декорирования красноглиняной глазурованной керамики. Суть его заключалась в том, что заостренным инструментом поверх ангоба, покрывающего красную глину, гравировали орнамент. Затем сосуд покрывали глазурью и обжигали. В результате гравированный орнамент получал более темный окрас, чем создавались необычные графические рисунки (рис. 1, 9–10). По определению исследователей, подобная техника декорирования широко применялась

² При проведении классификации глазурованной керамики за основу были взяты работы Г.В. Шишкиной, С.Р. Ильясовой, Т.М. Достиева.

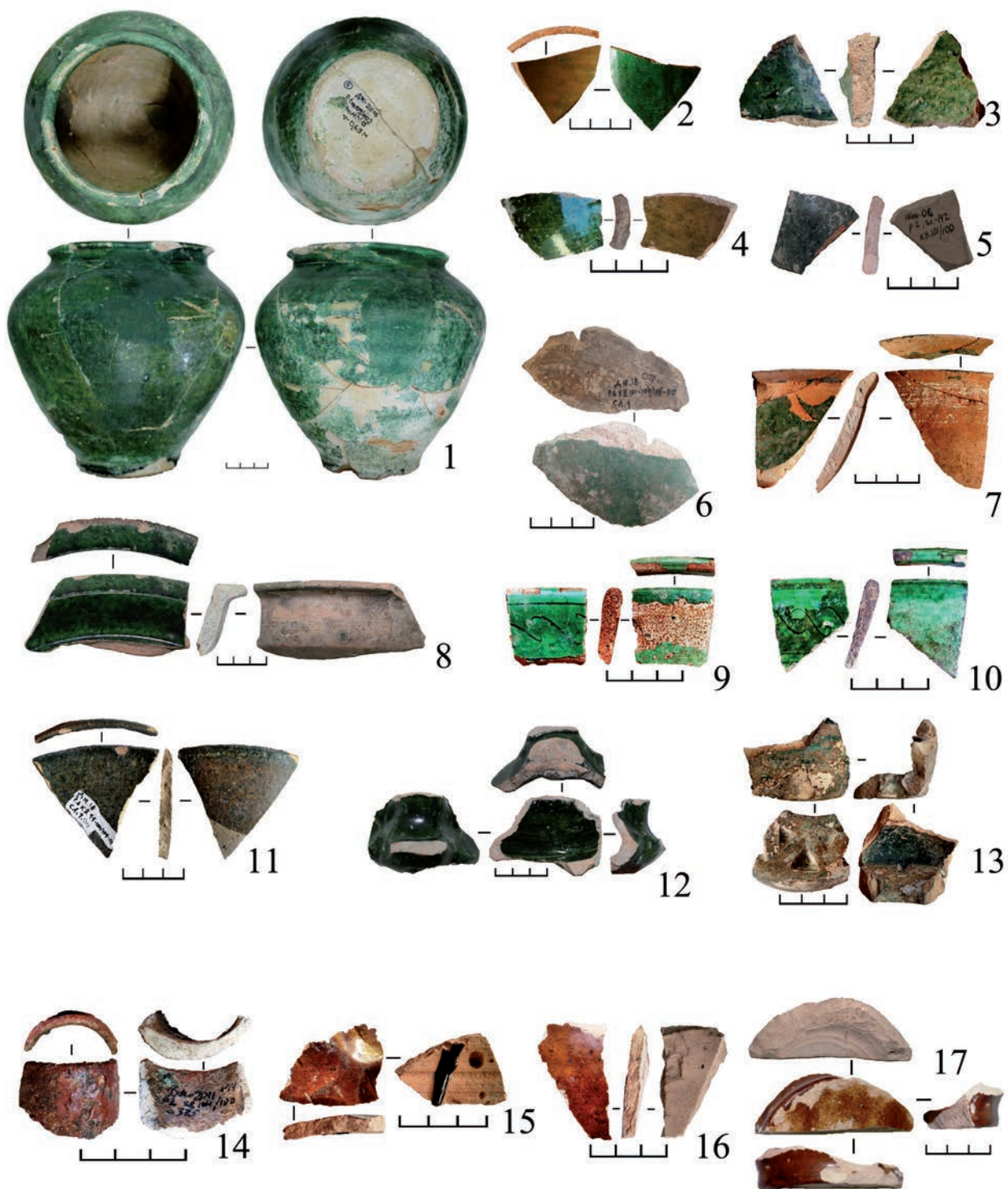

Рис. 1. Джанкент. Керамика: 1–8, 11–13 – с зеленой глазурью;
9–10 – с техникой графито под зеленой глазурью; 14–17 – с коричневой глазурью

при росписи глазурованной керамики Кавказа [Достиев 2017: 658] и Средней Азии [Ильясова и др. 2016: 68].

Один из фрагментов чаш, сформованный из светлой глины, имеет более утонченные стенки. Край посуды заострен. Ангобный слой на фрагменте не прослеживается. Глазурь темно-зеленого цвета с оттенком серого. Снаружи чаши глазурь нанесена широкой полосой по устью (рис. 1, 11).

Одно из изделий – стенка красноглиняного сосуда с утерянной ручкой, также покрытая густой темно-зеленой стекловидной глазурью (рис. 1, 12). Сложно определить форму посуды. Возможно, это фрагмент кувшина (?). Глазурь нанесена поверх светлого ангоба с обеих поверхностей. Керамика с такой насыщенной глазурью встречается на территории хорезмского города Миздакхана (Республика Каракалпакстан) [Кыдыраниязов 2017: 806-807].

В группе есть фрагмент светильника с вырезанными треугольниками на внешней поверхности. На образце с внутренней и внешней стороны прослеживается белый ангоб и темно-зеленая глазурь (рис. 1, 13).

Таким образом, в этой группе есть керамика с ангобной основой и без нее. Возможно, наличие или отсутствие ангоба под глазурью может являться хронологическим индикатором. Так, изделия с зеленой глазурью по черепку без ангоба, найденные на Афрасиабе, датируются VIII–IX вв. [Вишневская 2001: 58; Шишкина 1979: 32], в то время как керамика с зеленой глазурью поверх ангобной основы в Средней Азии бытует в X в. [Шишкина 1979: 47].

Керамика с коричневой глазурью

Керамика второй группы представлена четырьмя фрагментированными образцами, один из которых ручной лепки (рис. 1, 14–17). Все образцы найдены на Р2 на уровнях от -50 см до -375 см.

Жидкая глазурь желто-коричневого (карамельного) цвета, нанесена на изделия без ангобной основы, в одном случае на обе поверхности (рис. 1, 14), в трех случаях только на внешнюю поверхность черепка (рис. 1, 15–17). Все фрагменты от сосудов закрытых форм, т. к. у таких сосудов зачастую глазуровалась лишь внешняя сторона [Достиев 2017: 640].

В этой группе надо отметить фрагмент сосуда, внешняя поверхность которого имеет рельефный декор в виде круглых углублений (рис. 1, 15). Характер его рельефного орнамента и цвет глазури очень напоминают горшок, датированный XI в. из Ташкентского оазиса [Ильясова и др. 2016: 356].

В рассматриваемую группу включен фрагмент трубчатого изделия ручной лепки (рис. 1, 14). Глинистая масса светло-серого цвета, по структуре напоминает кашин. Изделие добавлено сюда только на основании цвета глазури. Предмет грубой лепки, толщина стенок неравномерная. Качество нанесения глазури тоже низкое, без ангобной основы и неравномерное. На внутренней поверхности изделия, ближе к устью, имеется небольшой фрагмент окисленной бронзы. Характер предмета сложно определить. Возможно это фрагмент горловины бутылки (?).

Керамика с бирюзовой глазурью

В следующую группу включена посуда с голубой или бирюзовой поливой. Изделия с такой поливой обнаружены на Р1, Р2, Р6 и Р8 на уровнях от -200 см до -300 см.

Количество анализируемых предметов насчитывает 11 образцов. Голубая глазурь нанесена без ангобной основы, кроме двух образцов. Глазурь низкого качества. На всех фрагментах прослеживается ее отслоение. Здесь по функциональному назначению можно выделить фрагменты горшков, чаш и светильников (рис. 2, 1–11). На фрагментах горшков глазурь прослеживается только на внешней поверхности (рис. 2, 1–2), по внутренней части лишь по венчику (рис. 2, 3).

Открытые сосуды представлены фрагментами от 6 экз. (рис. 2, 4–9). Это чаши полусферических форм без выделенного венчика (рис. 2, 4–5). На одном из фрагментов сохранился кольцевой поддон (рис. 2, 4). Одна из чаш цилиндрико-конической формы, с резко отогнутым венчиком (рис. 2, 6). Глазурь фиксируется на внутренней поверхности посуды, снаружи лишь по устью.

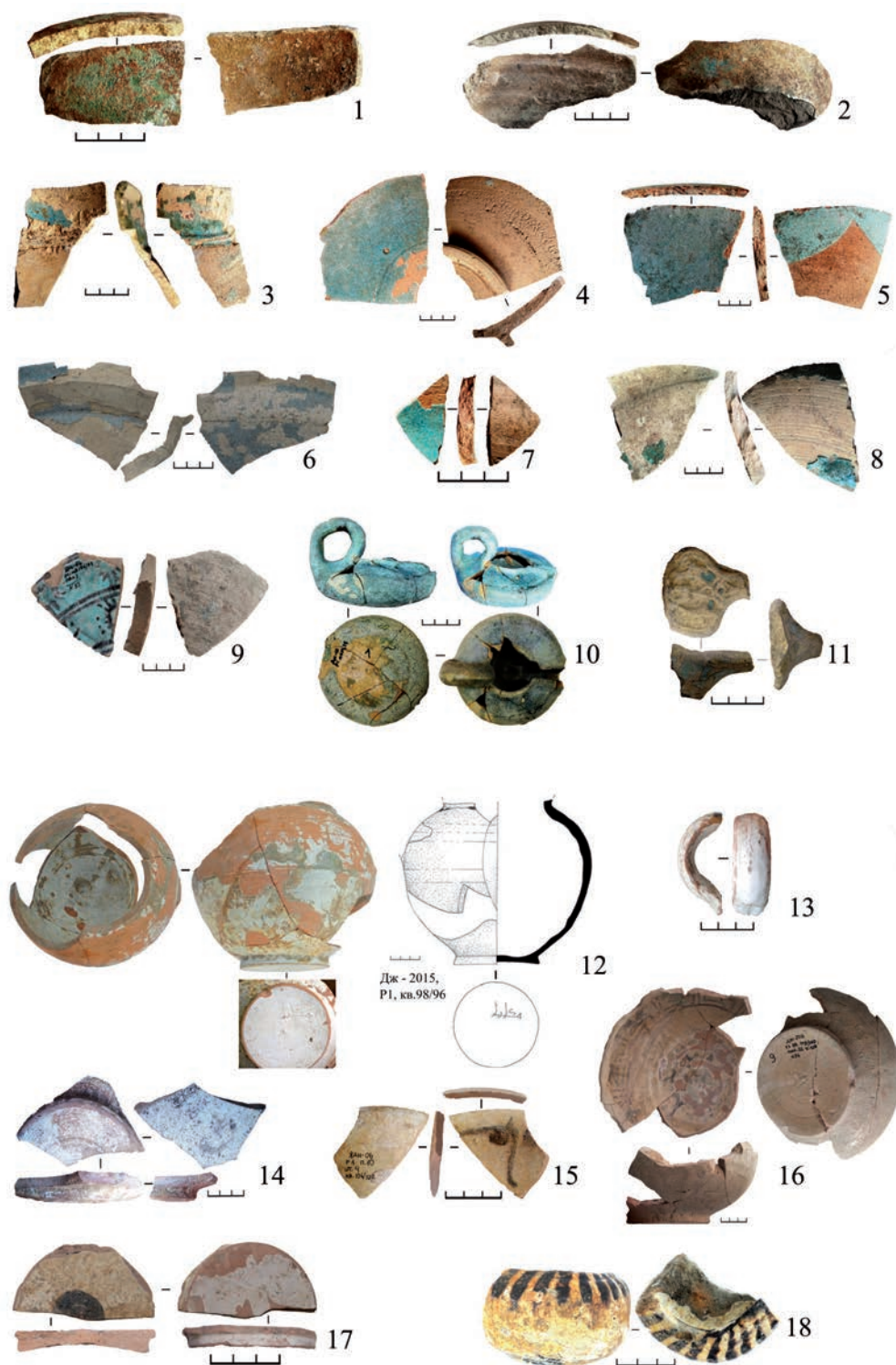

Рис. 2. Джанкент. Керамика: 1–8, 10–11 – с голубой глазурью;
9 – с монохромной росписью под голубой глазурью;
12–14 – с белым ангобом под прозрачной глазурью;
15–18 – с монохромной росписью по белому ангобу под прозрачной глазурью

Интересной находкой является светильник закрытой формы с вертикально наклепленной петлевидной ручкой и утерянным носиком-сливом в виде желобка. Дно изделия в виде тонкого диска (рис. 2, 10). Вся его поверхность покрывает бирюзовая глазурь. Форма таких светильников является переходной от светильников-плошек к более поздним цилиндрическим формам светильников с длинными сливами в виде желобка и с плоскими навершиями над ручками. Считается, что смена старых форм светильников на новые формы происходит в X в. [Ильясова и др. 2016: 573]. Свидетельством присутствия на Джанкенте светильников с бирюзовой поливой новых форм является находка листовидного навершия с рельефным орнаментом поперек (рис. 2, 11).

В группе есть один фрагмент с подглазурным орнаментом черной краской поверх белого ангоба (рис. 2, 9). Композиция представляет собой чередование концентрических линий с рядами мелких кругов, от которых отходят короткие лучи и точки, которые, возможно, являются схематическим изображением цветов.

Керамика с белым ангобом и прозрачной глазурью

Группа представлена тремя образцами. Изделия с белой глазурью обнаружены в верхних слоях P1. Керамика покрыта прозрачной глазурью поверх белого ангоба (рис. 2, 12–14). Посуда представлена одним закрытым сосудом, одной ручкой (рис. 2, 13) и одним фрагментом от открытой чаши на дисковидном поддоне (рис. 2, 14).

Наиболее интересной находкой является целое тулово сферической формы и дисковидным поддоном. В верхней части тулова сосуда имеется место скола от утерянной ручки. На дне сосуда имеется арабская надпись, процарапанная уже после обжига (рис. 2, 12).

Керамика с белым ангобом, с росписью черного или марганцевого цвета под прозрачной глазурью

В эту группу включены четыре образца. Изделия обнаружены на P1 и P2 на уровнях от -130 см до -365 см. Представлена группа открытыми сосудами – одна археологически целая чаша, фрагмент от дискового поддона, фрагмент стенки чаши и фрагмент светильника. Все изделия покрыты на обеих или одной поверхности жидким белым ангобом, на который черной или марганцевой краской нанесен орнамент с прозрачной глазурью поверх (рис. 2, 15–18).

Интересной является чаша сферической формы, на дисковом поддоне (рис. 2, 16). Внутри чаши на белый ангобный фон марганцевой краской нанесен декор в виде шестилучевой звезды по центру. Между лучами имеются круглые пунсоны. В центральной части звезды прослеживаются слабо различимые линии, заполненные точками. Широкая полоса по внутреннему борту чаши имеет орнамент, имитирующий арабскую надпись куфическим почерком или в стиле «куфи». Этот стиль, эволюционировавший в период с VIII по XI в. [Крачковская 1949], является широко распространенным в декоре средневековой глазурованной керамики Средней Азии [Большаков 1963; 1969; Ильясова и др. 2016]. Куфический почерк на рассматриваемой чаше очень близок небрежному письму на чаше XI в. из Ташкентского оазиса [Ильясова и др. 2016: 347].

Фрагмент стенки белоангобированной чаши под прозрачной поливой на внутренней поверхности также имеет элементы арабской надписи, нанесенной темно-синей краской (рис. 2, 15). Этот фрагмент письма очень близок курсивам с двух чаш X в. (№ 343, 348) на кольцевом поддоне из Ташкентского оазиса. Перевод письма на этих чашах означает «Благороднейшее из богатств – отказ от желаний» и «(Имей) терпение, прежде чем (высказывать) мнение» [Ильясова и др. 2016: 396, 403].

Фрагмент поддона покрыт белым ангобом с обеих сторон, однако глазурь нанесена только на внутреннюю часть. В центре дна под глазурью сохранилась часть орнамента, нанесенная темно-

синей краской. Орнамент нанесен техникой «гравировки» (рис. 2, 17). Этот орнамент может быть фрагментом такой же росписи, который встречается на чашах X в. городища Отрар [Байпаков и др. 2013: 330], а также на памятниках Ташкентского оазиса [Ильясова и др. 2016: 387].

Еще одним глазурованным изделием ручной лепки в общей коллекции керамики городища является светильник (курильница?) (рис. 2, 18) Предмет пиалобразной формы с округлым в сечении венчиком, стенки утолщены. Дно не профилировано, слегка сплющено. Светильник с подглазурным декором, нанесенный по белому ангобу черной краской. Орнамент в виде радиально отходящих от устья посуды полос.

Керамика с полихромной росписью под прозрачной глазурью

Эта группа представлена одним целым изделием и 5 фр. Изделия обнаружены на уровнях от -100 см до -300 см на P1, P2, P6. Фрагменты от стенок и дна открытых сосудов – чаш (рис. 3, 1–6). На внутренней или внешней поверхности чаш фиксируется белый ангоб. Поверх ангоба зеленой, черной, марганцевой и охристой красками нанесены узоры размытых форм, которые встречаются на чашах Хорезма X–XI вв. [Вактурская 1959: 294, рис. 16, 2–3]. Поверх этой массы из ангоба и краски нанесена прозрачная глазурь, либо только на внутреннюю поверхность (рис. 3, 1–3), либо на весь сосуд (рис. 3, 4–6).

Целое изделие представлено светильником в форме плошки с вытянутым носиком. Посуда без ручки. Дно слабо выделено и имеет форму тонкого диска (рис. 3, 6). Аналогии изделию можно проследить в Хорезме на Замахшаре, где подобные светильники датируются X–XI вв. [Вактурская 1959: 294, рис. 16, 5–6].

Керамика с полихромной росписью (оливковой, охристо-красной, темно-коричневой красками) под прозрачной глазурью

В отдельную группу выделено 12 фр. керамических чаш, у которых под прозрачной глазурью по белому ангобу имеется разноцветная роспись с включением оливкового цвета. По мнению специалистов, такой цвет в среднеазиатской керамике стал применяться мавераннахрскими керамистами во 2-й пол. X в. для имитации ближневосточной люстровой керамики [Вактурская 1959: 199].

Изделия обнаружены на уровнях от -100 см до -390 см на P1, P2, P6.

Все фрагменты принадлежат посуде открытых форм – чашам, обе поверхности которых покрыты белым ангобом. Поверх ангоба во внутренней части посуды нанесена роспись оливковой, охристо-красной и черной цветами. И далее посуда целиком покрывалась бесцветной глазурью (рис. 3, 7–18).

Интересным является нанесенный на посуду орнамент. На каждом из фрагментов прослеживается свой индивидуальный декор, с сочетанием красок разных цветов. Однако доминирующим цветом везде является оливковый. Так края чаш опоясывают концентрические полосы с чередованием оливкового и охристо-красного цветов (рис. 3, 8–13, 17). На некоторых фрагментах края устьев посуды орнаментированы полосой из фестонов, оливкового, охристо-красного или темно-коричневого цвета (рис. 3, 8, 10, 12–13, 16–17).

На этих чашах также применена техника «гравировки» (рис. 3, 7, 10–11, 14, 16). Гравирование осуществлялось после нанесения на ангобный фон разноцветного орнамента. На ряде фрагментов есть контуры, нанесенные тонкими линиями охристо-красного цвета, заполненные точками или штриховкой (рис. 3, 8–9, 11, 13, 15). Такой способ декора широко применялся на среднеазиатских поливных чашах IX–X вв. [Ильясова и др. 2016: 578], когда рисунок создавали путем заполнения фона точками или штрихами [Шишкина 1979: 27; Ильясова и др. 2016: 74–79, 82–83].

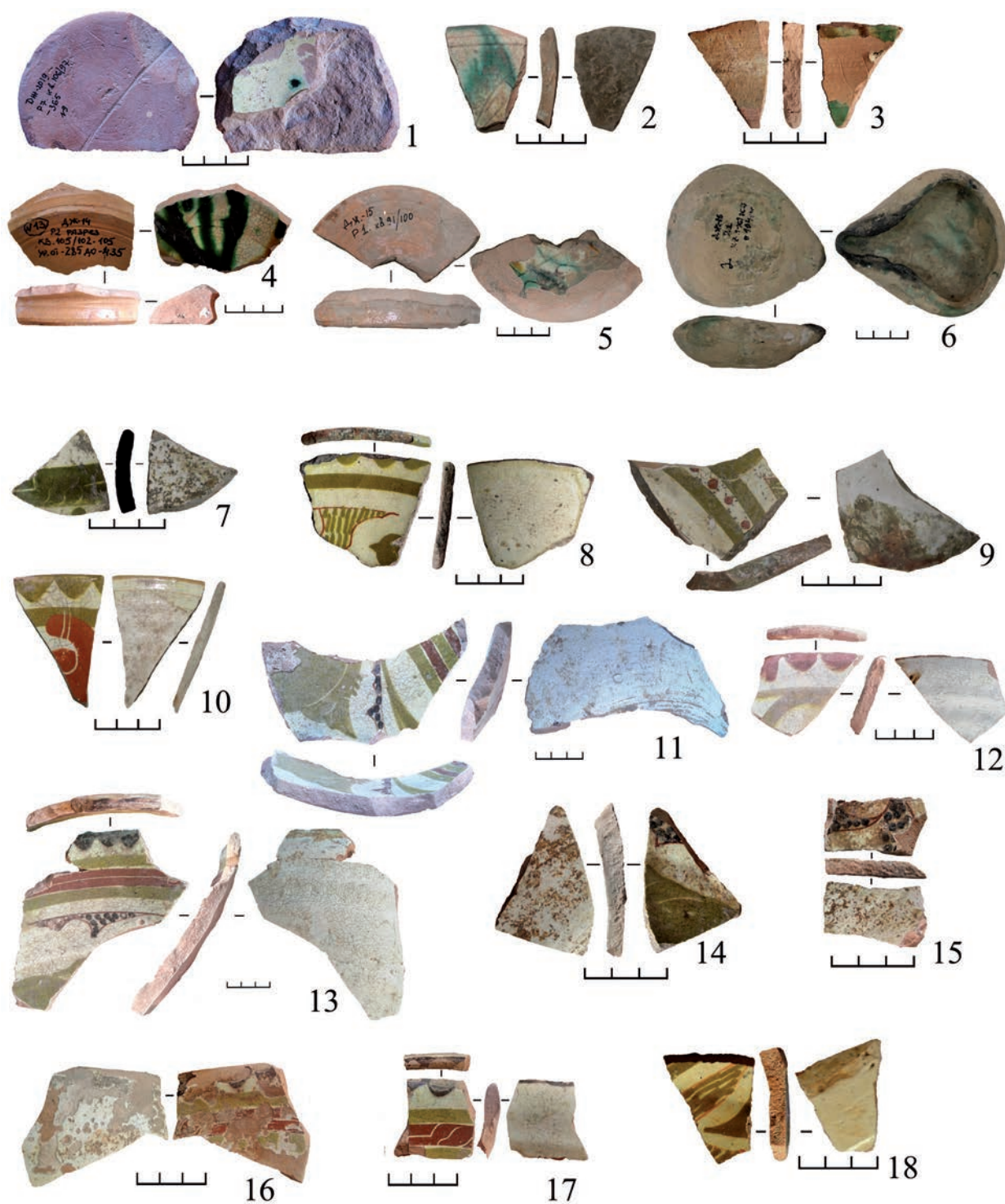

Рис. 3. Джанкент. Керамика: 1–18 – с полихромной росписью по белому ангубу под прозрачной глазурью

Рис. 4. Джанкент. Керамика: 1–16 – с полихромной росписью по белому ангобу под прозрачной глазурью

Керамика, росписью охристо-красной и темно-коричневой красками под прозрачной поливой

Это группа из 16 фр. керамики, покрытой с обеих поверхностей белым ангобом, по которому охристо-красной и темно-коричневой красками нанесен декор (рис. 4, 1–14), затем вся поверхность сосудов покрыта прозрачной глазурью. Керамика с прозрачной глазурью с монохромной или полихромной росписью более многочисленна. Глазурованные изделия этой группы фиксируются на всех раскопах (кроме P8), на глубинах от -30 см до -480 см. Все фрагменты принадлежат посуде открытых форм – чашам.

Орнамент представлен полосой фестонов по краям чаш, которые чередуются узкими или широкими концентрическими полосами (рис. 4, 1–4). На одном из фрагментов пространство между такими полосами имеет зигзагообразное заполнение (рис. 4, 4). Чашу с подобным декором можем видеть в коллекции поливной керамики Ташкентского оазиса X–XI вв. [Ильясова и др. 2016: 96].

Техника «гравировки» (рис. 4, 6) присутствуют и в этой группе керамики.

На фрагменте одной из чаш поверх белого ангоба охристо-красной и темно-коричневой красками нанесены наклонные штриховки (рис. 4, 5). Это т. н. техника заполнения фона штрихами. Аналогичный орнамент мы обнаружили на светильнике и фрагментах чаш, датируемых X в. в Ташкент [Ильясова и др. 2016: 136, 138].

Интересно декорирован фрагмент чаши, целиком покрытый густым белым ангобом. Чаша полусферической формы с резко отогнутым венчиком (рис. 4, 11). Внутри чаши поверх ангоба нанесен декор коричневой краской. По краю устья посуды имеется фестончатая линия, в местах соединения фестонов присутствуют поперечные полосы. Далее линия отгиба венчика выделена концентрической полосой, ниже которой имеется орнамент, контурные линии вокруг которого заполнены мелкими и крупными точками. По узкому фрагменту сложно определить характер рисунка. Однако следует отметить, что это может быть не орнамент, а арабская надпись в стиле «куфи», широко распространенном в декоре поливной керамики Средней Азии в IX–X вв. Кроме того, на одном участке чаши фиксируется потек из зеленой глазури.

Густым плотным ангобом покрыт и фрагмент ручки, в сечении овальной формы (рис. 4, 12). Поперек ручки по белому ангобу охристо-красной краской нанесены широкие штрихи. С торцевой части ручки присутствуют размытое пятно и хаотичные разводы темно-зеленой краски. Такие пятна из зеленой глазури могли иметь магический смысл [Пещерева 1959: 153].

Сохранность подглазурной росписи еще 3 фр. плохая, т. к. глазурь и подглазурная роспись сильно затерты (рис. 4, 13–16). Один из фрагментов имеет односторонний декор под прозрачной поливой. По белому ангобу черной и коричневой красками нанесен орнамент (рис. 4, 13). В одном случае фрагмент стенки посуды взят для вторичного использования, из которого изготовлено пряслице (рис. 4, 14).

Таким образом, в ходе классификации образцов глазурованной керамики на группы по признаку – «цвет глазури» выделены четыре основные группы – это керамика с зеленой глазурью, составляющая 20% от общего количества глазурованной керамики; керамика с коричневой глазурью – 6%; керамика с голубой глазурью – 17% и наиболее многочисленная по количеству образцов – керамика с прозрачной глазурью – 57%.

Изделия последней группы в зависимости от наличия или отсутствия подглазурной росписи, а также от цвета красок под глазурью, разделены еще на три подгруппы (табл. 1, 3):

- керамика внутри и снаружи покрытая белым ангобом, с прозрачной глазурью поверх, что составляет 5% от общего количества образцов;

- керамика внутри и снаружи покрыта белым ангобом, что составляет 6% от общего количества. Это керамика с монохромной росписью по белому ангобу и под прозрачной глазурью;

- керамика в большинстве покрыта на обеих поверхностях белым ангобом (22 случая), у 8 образцов ангоб есть только внутри. Глазурь нанесена в основном на обе поверхности изделий, кроме 6 образцов. Подглазурный декор нанесен красками 2–3 расцветок. Эта группа образцов самая многочисленная и составляет 46% от общего количества.

Классификация глазурованной посуды по формам дала следующие результаты. Из общего количества образцов 46 (66%) экз. были определены как столовые чаши, горшки – 13 (18%), кувшины – 2 (3%), светильники – 5 (9%), фрагменты ручек – 2 (3%) и один лепной образец трубчатой формы, возможно, фрагмент горловины бутылки (?) – 1 (1%) (табл. 2).

Внутри каждой из этих категорий посуды осуществлена классификация по цвету глазури и подглазурному декору. Так, среди чаш наиболее распространена посуда с прозрачной поливой и подглазурным декором. Это составляет 70% (28 чаш) от общего количества чаш в коллекции. 15% (6 чаш) приходится на чаши с зеленой глазурью, 12% (5 чаш) – чаши с голубой глазурью и всего 3% (1 чаша) – фрагменты от чаш с прозрачной поливой без декора под глазурью.

Среди горшков 6 экз. (37%) с зеленой глазурью, по три образца (19%) – горшки с коричневой, голубой глазурью и с прозрачной глазурью с подглазурным декором, один образец (6%) – это горшок с прозрачной глазурью без декора.

50% кувшинов с голубой глазурью (2 фр.). Остальные 50% составляют фрагменты кувшинов с зеленой и прозрачной глазурью (по 1 фр.).

В коллекции имеется 5 образцов светильников, 2 (40%) из которых с голубой глазурью, 1 (20%) - с зеленой глазурью, 1 (20%) - с прозрачной глазурью и монохромным декором под ней и 1 (20%) - с прозрачной глазурью и полихромным декором.

Таблица 1 – Распределение керамики по цвету глазури, наличию ангоба и характеру росписи

№	Количество керамики	Кол-во
1	Керамика с зеленой глазурью	13
2	Керамика с коричневой глазурью	4
3	Керамика с полихромной росписью под прозрачной глазурью (2-3 краски)	34
4	Керамика с белым ангобом под прозрачной глазурью	3
5	Керамика с белым ангобом и росписью под прозрачной глазурью (1 краска)	4
6	Керамика с голубой глазурью	11
Итого		69

Таблица 2 – Категории керамической посуды с глазурью

№	Категории посуды	Кол-во
1	Чаши	46
2	Горшки	13
3	Кувшины	2
4	Светильники	5
5	Ручки	2
6	Прочее	1

Таблица 3 – Распределение керамики по категориям, по цвету глазури, наличию ангоба и характеру росписи

Категории посуды	Виды глазурованной керамики					
	с зеленой глазурью	с коричневой глазурью	с голубой глазурью	с прозрачной глазурью		
				с белым ангобом без подглазурной росписи	белый ангоб + краска 1 цвет	белый ангоб + краска 2-3 цвета
Горшки	6	3	3		3	
Чашы	5		6	1		32
Кувшин	1			1		
Светильник	1		2		1	1
Прочее		1		1		1

Вся найденная на Джанкенте глазурованная керамика «распределена» по раскопам и глубинам следующим образом. На Р1 глазурованная керамика фиксируется на глубине от -33 см до -220 см. Эти глубины соответствуют двум строительным горизонтам Р1 – ІСГ и ІІСГ. Наибольшая частота встречаемости такой посуды прослеживается на уровне -60-140 см (ІСГ). Здесь глазурованная керамика представлена изделиями соответствующими 3 и 4 группам. То есть посуда с голубой и прозрачной глазурью. Реже встречается керамика с зеленой глазурью. Керамика с коричневой глазурью на Р1 представлена только 1 экз. в нижних слоях ІІСГ.

На Р2 находки глазурованной керамики численно уменьшаются от верхних уровней к нижним. Наибольшее количество находок приходится на уровень до -100 см. Здесь преимущественно изделия с прозрачной и голубой глазурью. С углублением вниз встречаемость глазурованной керамики снижается и возобновляется от отметки -220 см, где представлены изделия с прозрачной и коричневой поливой. От глубины -375 см до -500 см фиксируется керамика с зеленой глазурью. Эти уровни на Р2 соответствуют ІСГ и ІІСГ на Р1.

Несколько иная ситуация на Р6, где в верхних слоях встречается керамика с зеленой глазурью. Глубже до уровня -200 см находки глазурованной керамики не фиксируются. Далее до -300 см идет скопление изделий с голубой и прозрачной поливой. Этот уровень Р6 соответствует ІСГ Р1.

На Р5, Р7 и Р8 глазурованная посуда представлена пока только единичными образцами на уровне от -250 см до -380 см, что соответствует ІІСГ с Р1.

Подводя итог анализа глазурованной керамики Джанкента, следует отметить, что из небольшого количества глазурованной керамики удалось получить довольно информативный материал. Это использование в качестве поливы керамики четырех разновидностей глазури. Присутствует разность технологии нанесения глазури – на ангобную и безангобную основу. Прослеживается разнообразие в орнаментации керамики. Применен как рельефный орнамент в техниках «в резерве» и «графировка», так и роспись красками, где выделяется техника «штриховки», «точкования», полихромной росписи и сочетания гравировки с полихромной росписью.

Орнаментация керамики в основном растительного и геометрического характера. Причем росписи подвергалась в основном внутренняя поверхность открытых чаш. А посуда закрытых форм имеет монохромную глазурь только на внешней поверхности.

Особняком стоит керамика с росписью из арабского куфического письма, представленная на нескольких столовых чашах по белому ангобу. Несомненно, это является атрибутикой исламской религии. Абсолютные аналоги, таким чашам мы находим в ряде огузских городов отарско-кратауской культуры [Байпаков 2013], а также в материалах Ташкентского оазиса [Ильясова и др. 2016]. Период их бытования авторы датируют X–XI вв.

Сложным является вопрос генезиса глазурованной посуды на Джанкенте. Незначительный процент поливной керамики, фрагментированность, ее спорадический характер фиксации на раскопах позволяют говорить, скорее всего, о ее импорте. Тем более что многие образцы глазурованных изделий Джанкента наибольшего сходства (особенно в декоре) находят с глазурованной посудой Хорезма, датируемой VIII–XI вв. На хорезмское происхождение намекает и область росписи глазурованных чаш – внутренняя поверхность. Такая технология росписи и глазурования была распространена в средневековье в Хорезме и в Нижнем Поволжье [Смагулов 1992: 164].

Таким образом, глазурованную керамику Джанкента на основе аналогий можно датировать VIII–XI вв. Эта категория керамики является важной составляющей керамической коллекции, полученной на городище. В данной работе представлены результаты предварительного анализа глазурованной керамики. В перспективе, безусловно, необходимо проведение сравнительно-типологического анализа глазурованной керамики Джанкента. Исследования не будут полными без серии естественнонаучных анализов глазури. Результаты таких работ позволят раскрыть некоторые стороны культурно-хронологической жизни памятника.

ЛИТЕРАТУРА

- Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Книга II. Урбанизация Казахстана в IX – начале XIII в. Алматы: ИА КН МОН РК, 2013. 514 с.
- Байпаков К.М., Воякин Д.А., Акылбек С.Ш. Жилая застройка Отрара в X – начале XIII веков // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2013. № 3. С. 174-186.
- Большаков О.Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX–XII вв. // Эпиграфика Востока. Вып. XVI. М.-Л.: АН СССР, 1963. С. 35-55.
- Большаков О.Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX–XII вв. // Эпиграфика Востока. Вып. XIX. М.-Л.: АН СССР, 1969. С. 42-50.
- Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Керамика Хорезма. ТХАЭЭ. Т. 4. М.: АН СССР, 1959. С. 261-342.
- Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джегирбента (IV в. до н.э. – начало XIII в. н.э. М.: Вост. лит. РАН, 2001. 175 с.
- Гладышев Д. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным. Изд. с приобщением совр. карты Миллерова пути от Орска до Зюнгорских владений обратно, Я.В. Ханьковым, дейст. чл. Импер. Рус. геогр. о-ва; авт. предисл. Я. Ханьков. СПб., 1851 [2]. 85 с., 2 л. карт.
- Достиев Т.М. Поливная керамика средневекового города Шамкира // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X–XVIII вв. / Под ред. С.Г. Бочарова, В. Франсуа, А.Г. Ситдикова. Казань; Кишинев: АН Республики Татарстан, 2017. Т. 2. С. 639-675.
- Ильясова С.Р., Ильясов Дж.Я., Имамбердыев Р.А., Исаков Е.А.. «Нет блага в богатстве». Глазурованная керамика Ташкентского оазиса IX–XII вв. М.: Фонд Марджани, 2016. 597 с.
- Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 270 с.

- Кыдырниязов О.Ш.* Поливная керамика Миздакхана // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X–XVIII вв. / Под ред. С.Г. Бочарова, В. Франсуа, А.Г. Ситдикова. Казань; Кишинев: АН Республики Татарстан, 2017. Т. 2. С. 795–812.
- Крачковская В.А.* Эволюция куфического письма в Средней Азии // Эпиграфика Востока. Вып. III. М.-Л.: АН СССР, 1949. С. 94–97.
- Макшеев А.И.* Описание низовьев Сыр-Дарьи [Электронный ресурс] / Сочинения подполковника Макшеева. СПб., 1856 (2017). 2, 80 с. Из «Морского сборника» № 9, 1856. URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/218484> (дата обращения: 12.04.2022).
- Мейер Л.Л.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб.: Гл. упр. Ген. штаба, 1859. Киргизская степь Оренбургского ведомства-1865. 382 с.
- МИТТ. Материалы по истории туркмен и Туркмении. VII–XV вв. / Под ред. С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М.-Л.: АН СССР, 1939. Т. I. 612 с.
- Пещерева Е.М.* Гончарное производство Средней Азии. М.-Л.: АН СССР, 1959. 395 с.
- Смагулов Е.А.* Комплекс керамики из бадраба городища Эски-Туркестан // ИМКУ. 1992. Вып. XXVI. С. 155–167.
- Толстов С.П.* Города гузов // СЭ. 1947. № 3. С. 55–105.
- Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л.: АН СССР, 1948. 326 с.
- Шишкина Г.В.* Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII — начало XIII вв.). Ташкент: ФАН, 1979. 75 с., ил.

**Е. Ш. Ақымбек,
М. С. Шағырбаев,
Н. Б. Нұрғали**

**Ералы Шардарбекұлы Ақымбек, eraly_a@mail.ru
Мамбет Сапарбекұлы Шағырбаев, mambet_87@mail.ru
Несіпбай Бекболатұлы Нұрғали, nesipbay.nurgali01@mail.ru
Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан**

Ортағасырлық Талапты төрткүлінің керамикасы* (2021 ж. қазба жұмыстары бойынша)

Аннотация. Мақалада 2021 ж. Талас өзеніне ескі арнасы Қарабақырдың келіп қосылатын жерінде орналасқан Талапты төрткүліне жүргізілген қазба жұмыстарынан анықталған құрылыс қалдықтары мен табылған керамикалар қарастырылады. Бұрыштары әлемнің төрт тарабына бағыттала жайғасқан ескерткіштің жалпы алып жатқан көлемі 300×250 м, биіктігі 0,1–1 м, ортасында шаршылы келген құрылыс – төрткүлдің көлемі 100×100 м, биіктігі 1,5–2 м. Бұрыштарынан және қабырға ортасынан мұнара іздері байқалады. Төрткүлдің орта тұсына көлемі 7×4 м (28 м²) қазба жұмыстары жүргізіліп, нәтижесінде анықталған шағын келген үш бөлменің біреуі толық, қалғандары жартылай ашылды. Қазба барысында құрылыс орындарынан керамикалық және остеологиялық материалдар табылды. Соның ішінде керамикалық материалдарды негізінен қыш ыдыстардың сынықтары құрайды. Қыш ыдыстар қолдану қызметіне қарай үш топқа: асүйлік, асханалық және шаруашылық-тұрмыстық деп бөлініп берілді. Зерттеу жұмыстары ескерткіштен ашылған нысан мен табылған материалдар Х–ХІІ ғғ. жататынын көрсетті.

Түйін сөздер: Талас өңірі, Талапты төрткүлі, құрылыс, қыш ыдыстар, сырлы ыдыстар

**Ералы Шардарбекұлы Ақымбек,
Мамбет Сапарбекович Шағирбаев,
Несіпбай Бекболатұлы Нұрғали,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан**

Керамика средневекового торткуля Талапты (по раскопкам 2021 г.)

Аннотация. В статье рассматриваются результаты археологических исследований 2021 г. торткуля Талапты. Памятник расположен в месте впадения старого русла Карабакыр в р. Талас. Размеры его сторон составляют: 300×250 м, высота 0,1–1 м, углы ориентированы по сторонам света. В центре торткуля выделяется квадратная конструкция, размерами: 100×100 м, высота – 1,5–2 м. По углам и посередине стен прослеживаются следы башен. В центре возвышения был разбит раскоп, площадью 7×4 м (28 м²). В ходе исследований было полностью вскрыто одно помещение, еще два – частично. В процессе раскопок обнаружены керамические и остеологические материалы. Керамика представлена фрагментами посуды, которую можно разделить на три группы: кухонная, столовая и хозяйственно-бытовая. Исследования показывают, что памятник существовал в Х–ХІІ вв.

Ключевые слова: Таласская долина, торткуль Талапты, сооружение, керамика, поливная керамика

© 2022 Ақымбек Е.Ш., Шағырбаев М.С., Нұрғали Н.Б.

*Жұмыс Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің № АР09260358 жобасы аясында орындалды, 2021–2023.

Yeraly Akymbek,
Mambet Shagirbayev,
Nessipbay Nurgali,

Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

Ceramics of the medieval turtkul site of Talapty
(according to excavations in 2021)

Abstract. The article discusses the results of archaeological research in 2021 of Tortkul Talapty. The monument is located at the confluence of the old Karabakyr riverbed with the Talas River. The dimensions of its sides are: 300×250 m, height 0.1–1 m, angles are oriented to the cardinal directions. In the center of the turtkul, a square structure stands out, with dimensions: 100×100 m, height – 1.5–2 m. Traces of towers can be traced in the corners and in the middle of the walls. A 7×4 m (28 m²) excavation was laid out in the center of the elevation. During the research, one room was completely opened, and two more were partially opened. Ceramic and osteological materials were found during the excavations. Ceramics are represented by fragments of tableware, which can be divided into three groups: kitchen, dining room and household. Studies show that the monument existed in the 10th–12th centuries.

Keywords: Talas valley, turtkul site of Talapty, construction, ceramics, irrigation ceramics

Талапты төрткүлі Талапты ауылынан 4,5 км оңтүстік-шығыста, Тараз–Бостандық тас жолының сол жағында, Талас өзенінің сол жағалауынан 1,5 км қашықтықта орналасқан (Жамбыл обл., Талас ауд.). Маңынан, 200 м жерден Талас өзенінің тағы бір арнасы – Қарабақыр өтеді. Ескерткіш осы арнаның сол жағалауына параллель, оңтүстік-шығыстан солтүстік-батыс бағытында созыла, бұрыштары әлемнің төрт тарабына бағыттала жайғасқан. Сыртын білінер-білінбес қабырға/дуал (жал) қоршап жатқан ескерткіштің көлемі 300×250 м, биіктігі 0,1–1 м, шөгіп, кей жерлері бұзылып кеткен жалының ені 8–10 м, биіктігі 0,2–0,3 м. Оңтүстік-шығыс жарты бөлігі биіктеу келген. Ескерткіштің ортасында, солтүстік-батыс жарты бөлігінде негізгі, шаршылы келген құрылыс – төрткүл орналасқан. Айнала қабырға/жал қоршап жатқан құрылыстың көлемі 100×100 м, биіктігі 1,5–2 м. Бұрыштарынан және қабырға ортасынан мұнара іздері байқалады. Жалының ені 10–12 м, сыртқа дөңгеленіп шығып тұрған мұнараларының диаметрі 14–18 м, биіктіктері 0,3–0,5 м. Оңтүстік-шығыс қабырға ортасындағы мұнаның басқаларымен салыстырғанда көлемі үлкен, оның диаметрі 22 м, биіктігі 1 м. Кіретін қақпа осы жағында орналасқанға ұқсайды. Құрылыстың, оңтүстік-шығыс бөлігінен басқа жағын сыртынан ор қоршап жатыр. Ордың ені 5–10 м, тереңдігі 0,2–2 м. Солтүстік-шығыс бөлігіндегі ор терең. Ескерткіштің айналасынан, бірнеше ондаған метрге дейін құрылыс қалдықтарының ізі байқалады (1-сур.).

Ескерткіштің оңтүстік-шығысында, 2,5 км жерде, 2021 ж. Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясының Талас отряды (жет.: Е.Ш. Ақымбек) анықтаған, көлемі 100×100 м болатын Қарабақыр төрткүлі орналасқан. 10 км солтүстігінде Аққұм қаласы, 10 км солтүстік-батысында Бостандық қаласы орналасса, 12,5 км оңтүстік-шығыста, Талас өңіріндегі ірі қалалардың бірі – Оққұм қаласы орналасқан.

Облыстық және аудандық тарих және мәдениет ескерткіштері жинағында ескерткіш «Төрткүл қаласы» деп берілген. Өңірдегі ескерткіштердің біршама бөлігі төрткүл типтес болғандықтан, бір-бірінен шатастырмас үшін жақын маңдағы ауылдың аты бойынша «Талапты төрткүлі» деп берілді. Алып жатқан көлемі үлкен болғандықтан, «қала» деп атауға да болады. Дегенмен, жергілікті халық ескерткішті «төрткүл» деп атайды. Төрткүлді 1980 ж. Жамбыл облыстық тарихи-өлкетану музейінің экспедициясы (К. Байбосынов) ашады [Алипчиев, Байбосынов 1980: 187–188]. Қаланың үстінен сырлы және сырсыз керамикалардың сынықтары, моншақ, темір қождары, шыны мен қола бұйымдардың қалдықтары кездесетінін анықтаған [Байбосынов 2002: 268–269]. Ескерткішті «“Төрткүл” орта ғасыр қаласы» деп атап, VIII–XII ғғ. мерзімдейді. 2009 ж. «Археологиялық

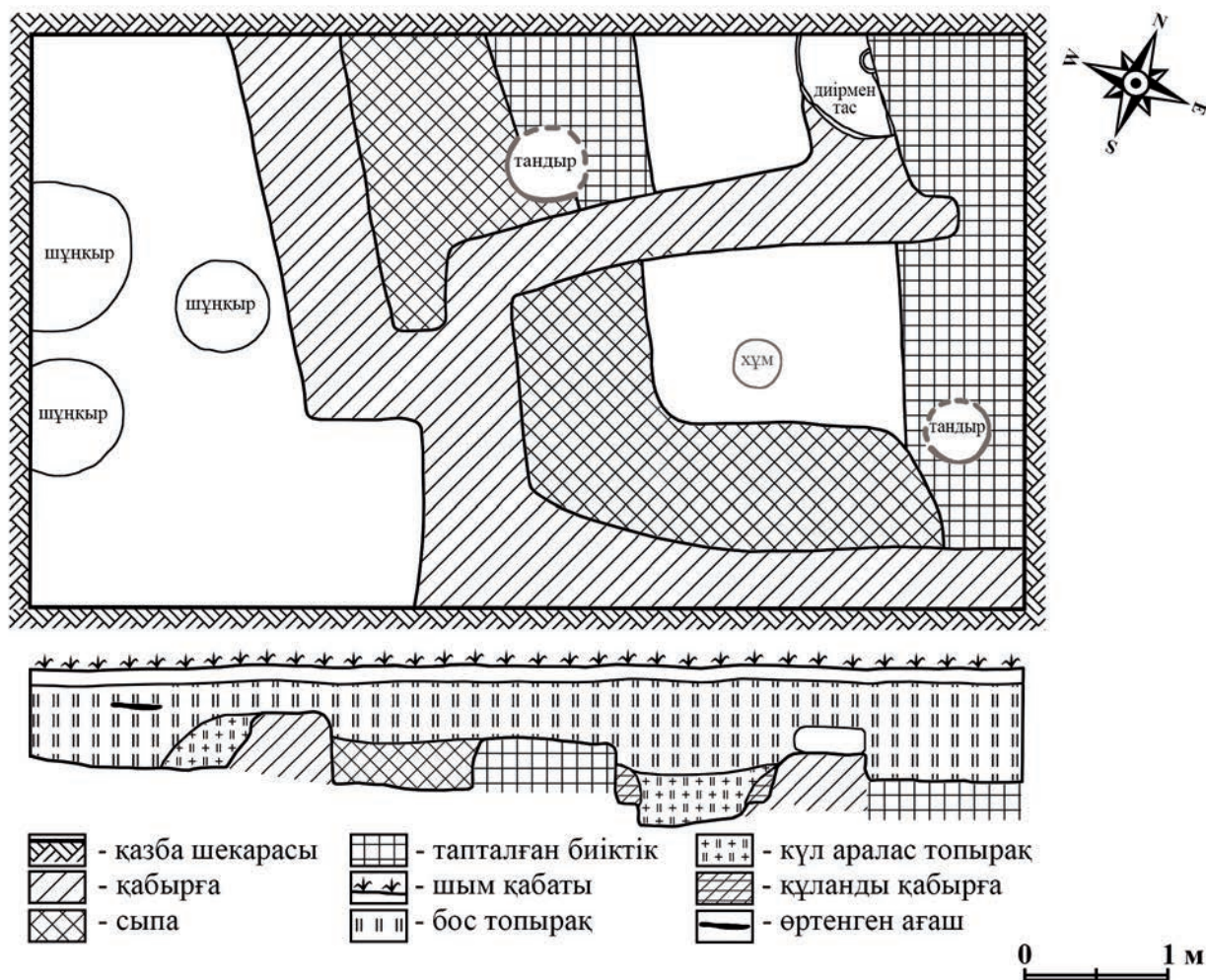

1-сур. Талапты төрткүлі. Әуеден түсірілген суреті (түсірген: М. Шағырбаев)

сараптама» ЖШС Ескерткіштер жинағының экспедициясы (Е. Ақымбек, Ш. Құдабаев) әуеден суретін түсіріп, топографиялық жоспарын алады [Ақымбек 2010: 110–111]. Ескерткіште әр кездерде археологиялық экспедициялар болғанымен, ешқандай қазба жұмыстары жүргізілмеген. Сондықтан, төрткүлінің бүгінгі жай-күйін анықтау, материалдарын алу үшін 2021 ж. Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясының Талас отряды Талапты төрткүліне қазба жұмыстарын жүргізеді.

Ескерткіштің ішкі бөлігінің мәдени қабатының қалың екендігін сыртындағы жер деңгейімен салыстырғанда-ақ анық байқалады. Керісінше, сыртқы қорғаныс қабырғасы анық ерекшеленбеген. Төрткүлдің құрылысы мен мәдени қабатының қалыңдығын анықтау бойынша орта бөлігіне көлемі 7×4 м (28 м²) қазба салынды. Шығыстан батысқа қарай созылған қазбаны 0,3 м түскенде анықтала бастаған құрылыс қалдықтары 0,5–1,1 м тереңдіктен толық ашылады. Шағын келген үш бөлменің біреуі толық, қалғандары жартылай ашылды. Пақса блоктары (60×36×20–22; ?×30×28 см) мен қам кірпіштен салынған (34–35×18×9; 27×14×6 см) қабырғаларының қалыңдығы 0,5–0,7 м, сақталған биіктіктері 0,2–0,4 м. Едендері қатты тапталған, кей жерлері сыланған (2-сур.).

Бірінші бөлменің ашылған ұзындығы 3,5 м, ені 2 м, солтүстік қабырғасынан басқаларына жағалай орнатылған сыпасының қалыңдығы 0,9 м, биіктігі 0,2 м. Шығыс сыпасының оңтүстік жағынан шыққан тандыр ошақтың диаметрі 50 см, жартылай сақталған биіктігі 34 см, қабырғасының қалыңдығы 4 см. Жанында қара түсті күлдің шоғыры жатыр. Бөлме ортасынан хұмның сынықтары табылды. Сонымен қатар, оның жанынан адамның сүйек қаңқалары жартылай шықты. Қаңқаның жатысына қарағанда төрткүл өмір сүруін тоқтатқаннан кейін, құланды күйінде тұрғанда, адам осы жерде қайтыс болғанға ұқсайды.

2-сур. Қазбаның жоспары (сызған: Е. Ақымбек)

Бөлменің солтүстік қабырғасы сыртындағы жартылай ашылған екінші бөлменің ұзындығы 3 м, батыс қабырға жағына орнатылған сыпа нашар сақталған. Оның орта тұсынан анықталған тандыр ошақтың диаметрі 75 см, сақталған биіктігі 27 см, қабырғасының қалыңдығы 3–5 см. Бөлменің шығыс қабырғасының үстінен үлкен диірмен тастың жартысы шықты. Оның диаметрі 105 см, ортасындағы тесігінің диаметрі 13 см, қалыңдығы 16–17 см.

Бірінші бөлменің батыс қабырғасы сыртындағы үшінші бөлме дәліз секілді келген. Осы бөлмеден үш шұңқырдың орны анықталды. 1-шұңқырдың диаметрі 100 см, бөлме еденінен 30 см төмен жатыр, 2-шұңқырдың диаметрі 30 см, тереңдігі 30 см, 3-шұңқырдың диаметрі 60 см, тереңдігі 25 см. Үшеуі бір-біріне жақын орналасқан.

Төрткүлдердің ортасы мен сыртқы қабырғасы аралығында құрылыстар кейбірінде кездесе, келесі біреулерінде кездеспейді. Яғни, біреулерінің сыртқы қабырғасын жағалай құрылыстар салынса, тағы біреулерінің тек орта тұсында ғана болады. Осы, Талапты төрткүлінің орта тұсынан құрылыстар анықталды, бірақ сыртқы қабырға аралығында құрылыстың бар-жоғын анықтау маңызы болып табылады. Осыған орай, қазбаның солтүстік-батыс бұрышынан ескерткіштің сыртқы қабырғасына қарай ұзындығы 14 м, ені 1 м (14 м²) болатын траншея салынды. Қазбаны 0,5–1 м

тереңдету нәтижесінде, үшінші бөлменің батыс қабырғасымен қосқанда сыртқы қабырғаға дейін бес қабырға анықталды. Пақса мен қам кірпіштерден қаланған қабырғаларының қалыңдығы 0,35–0,9 м аралығында ауытқиды, сақталған биіктіктері 0,2–0,3 м. Қабырғалардың барлығы сыртқы қабырғаларға қарама-қарсы жатыр. Қабырғалардың арасы 1,1–2,6 м аралығында. Екі қабырғаны жағалай жалпақтықтары 0,85–1,15 м сыпа салынған. Траншеяның орта тұсынан анықталған қабырға бойындағы сыпадан анықталған тандыр ошақтың диаметрі 53 см, сақталған биіктігі 17 см, қабырғасының қалыңдығы 2–3 см.

Стратиграфиясы. Қазбаның және оған жалғасқан траншеяның солтүстік шетінің кескін-сызбасы алынды. Қалыңдығы 0,1–0,15 м шым қабаты асты мен құрылыс қалдықтарының арасына 0,2–0,8 м қалыңдықтағы бос топырақ қабаты қабатталған. Құланды қабырғалар қабырғалардың жанынан шықты. Кей жерлерінен күл шоғыры мен өртенген ағаш қалдықтары кездеседі.

Қазба жұмыстары барысында керамикалық және остеологиялық материалдар көп табылды. Сонымен қатар, өте аз мөлшерде металл бөлшектері: қола бұйымның сынықтары мен қож темір қалдықтары және бір ғана шыны бұйымның сынығы, қол диірмен тастың кішкене сынығы анықталды.

Қыш бұйымдардың сынығы табылған материалдар бойынша остеологиялық материалдардан кейінгі орында тұр. Остеологиялық материалдарға жүргізілген талдау жұмыстарының нәтижесі, орта ғасырларда осы ескерткіштің тұрғындарында уақ мал шаруашылығы негізгі орын алғандығын көрсетті [Ақымбек, Шағырбаев 2022: 136–154].

Қыш бұйымдар негізінен ыдыстардың сынықтарынан және төрт дана тандыр ошақтың сынығынан тұрады. Қыш ыдыстардың басым бөлігін сырсыз ыдыстар (68,5%), аз бөлігін сырлы ыдыстардың сынықтары (31,5%) құрайды. Ыдыстарды пайдалану қызметіне қарай үш топқа бөлуге болады: асүйлік (29,4%), асханалық (53,7%), шаруашылық-тұрмыстық (16,8%) ыдыстар (3-сур.).

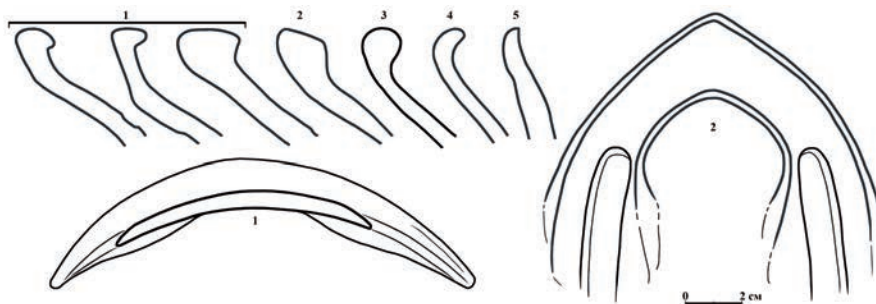

3-сур. Қыш ыдыстардың пайыздық мөлшері

Ас үйде қолданылған ыдыстардың сынықтарын негізінен қазан бөлшектері құрайды.

Қазан сынықтары. Қазанның ернеу, тұтқа және бүйір сынықтары табылды (5-сур.). Барлығы шарықта жасалып пішінделген, басым бөлігі эллипсоид пішінді болып келген. Соған орай, түптері де дөңгеленіп келген. Сапалы жасалып, бірқалыпты күйдірілген, түстері: ашық қызыл қоңыр және ашық қоңыр қызыл. Қазандардың ернеу бөліктері әртүрлі орындалған: саңырауқұлақты (сыртқа қарай) (4-сур., 1), үсті қиғаш, тегіс (4-сур., 2), дөңгелек (4-сур., 3), дөңгеленіп қайтарылған (симметриялы және ішке қарай) (4-сур., 4), қиылған (ішке қарай) (4-сур., 5). Көпшілігі сыртқа қарай саңырауқұлақтанып шығып ернеуленген. Ернеулерінің диаметрі 18–22 см, қабырғаларының қалыңдығы 0,5–1 см. Саңырауқұлақтанып келген қазан ернеулерінің жалпақтығы 1,3–2,1 см аралығында ауытқиды. Ернеулері саңырауқұлақтанып сыртқа қарай шыққан қазандар Қысмышы қаласының X–XII ғғ. жататын қабатынан кездеседі [Ақымбек 2017: 63, 95-сур.]. Қазан тұтқалары екі түрде кездеседі. Біріншісі,

көп қазанның тұтқасы жарты ай секілді орындалып, бүйір үстіне бойы толығымен жапсырылып бекітілген (4-сур., 1). Екіншісі, үшбұрыш (доға) түрінде, яғни жоғарғы жағы сүйірленіп жасалып, екі ұшы ғана ыдыстың бүйір үстіне жапсырылып орындалған (4-сур., 2). Тағы бір қазанның тұтқасы өте кішкентай доға түрінде жасалып, жапсырылып бекітілген. Тұтқалары жарты ай секілді орындалған қазандар Төменгі Барысхан қаласынан (XI–XIII ғғ.) [Нуржанов, Акымбек 2012: 99, рис. 3] және Ақтөбе қаласынан (Таластық) (VIII–IX ғғ.) табылған [Кожемяко 1963: 151, табл. 2]. Үшбұрышты, яғни жоғарғы жағы сүйірленіп келген қазан тұтқалары Төменгі Барысхан қаласының

4-сур. Қазан ернеулері мен тұтқаларының түрлері
(сызған: У. Доспенбетов)

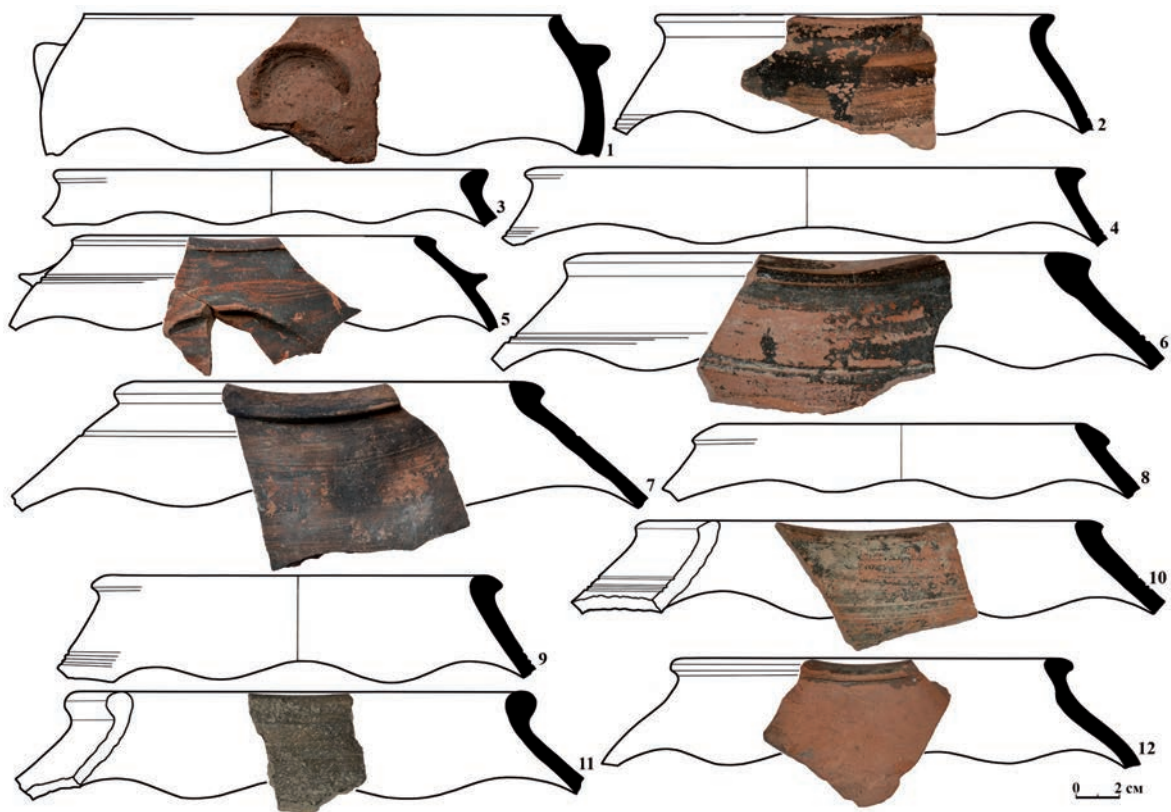
IX–X ғғ. қабатынан [Нуржанов, Акымбек 2012: 99, рис. 3] және Туюкту-Арча ескерткішінен [Бубнова 1963: 240, рис. 12], Ақтөбе қаласынан (Таластық) X–XII ғғ. қабатынан [Кожемяко 1963: 155, табл. 3], Қостөбе қаласының XII–XIII ғғ. қабатынан [Қасенов 2015: 137, 27-сур.] анықталған. Кейбіреулерінің бүйір үстінде бірден үшке дейін (көбі екі) қатты затпен айнала сызылған сызықтары бар. Біреуінің ернеу үсті айнала жолақтанып бедерленіп орындалған. Жартысынан көбінің сыртына қоңыр түсті ангоб жағылған. Бірқатарының сыртын күйе шалған.

Қазан қақпақтары. Анықтаған екі қыш қақпақтың орындалуы, әсіресе өрнектелуі бір-біріне өте ұқсас. Тегіс келген қақпақтар сапалы жасалып, бірқалыпты күйдірілген, түсі қызыл қоңыр. Сынықтар орта тұсы жағы болғандықтан, диаметрін анықтау мүмкін болмады. Екеуінің де бедерленіп жасалған бетіне үшкір құралмен қиғаш сызылған айнала сызықтары бар.

Көзелер. Табылған көзе сынықтарының көбі бүйір бөлшектері, тек санаулы ғана түп бөлшектері бар. Көпшілігі қолмен жапсыру арқылы орындалған. Сапалы жасалып, бірқалыпты күйдірілген, түстері қоңыр сұр. Үш дана түптің диаметрі 8; 9; 13 см, түптерінің қалыңдығы 1,1–1,3 см, қабырғаларының қалыңдығы 0,6–0,9 см. Түп жағы мен сырттары отқа қатты күйген.

Асханалық қыш ыдыстарды сырсыз (41,4%) және сырлы (58,6%) деп бөлуге болады (3-сур.). Себебі, сырлы ыдыстардың барлығы дерлік асханада пайдаланылған. Сырсыз қыш ыдыстарды құмыра, көзе, құман сынықтары құрайды.

Құмыралар. Табылған сырсыз асханалық ыдыс сынықтарының басым бөлігі әртүрлі көлемдегі құмыра бөлшектеріне тиесілі. Барлық бөліктері бар сынықтардың ерекшелігі мен көлемдері бойынша шағын құмырадан үлкен құмыраның бөлшектерін көруге болады. Құмыра сынықтарына қарағанда барлығы шарықта сапалы жасалып, пішінделіп, бірқалыпты күйдірілген, түстері қоңыр қызыл. Қабырғаларының қалыңдығы 0,6–1,3 см аралығында ауытқиды. Сақталған төрт ернеу сынығына қарағанда диаметрлері 5; 6; 12; 13 см. Құмыралардың тұтқаларының басым бөлігі ілмек тәрізді келген. Қимасы бойынша екі түрлі орындалған: домалақ, сопақша (немесе ұштары доғалданған ромб күйінде), қырлары доғалданып келген төртбұрышты және бесбұрышты. Қимасында домалақ келген екі тұтқаның диаметрлері 2,6; 3,3 см. Сопақша келген тұтқалардың жотасы бедерленіп, көбіне жалданып келген, олардың өлшемі 2,9–4,6×1,2–1,9 см аралығында ауытқиды. Қимасында төртбұрышты келген тұтқаның өлшемі 2,3×1,6 см. Қимасында

5-сур. Қазандар (Е. Ақымбек, У. Доспенбетов)

доғал бесбұрыштанып келген тұтқалардың өлшемі 3,3–4×3 см. Бір тұтқаның жота бойы саусақ ұшымен екі қатар бастырыла сызылып, ортасы біршама шығыңқы жалданған болса, екі тұтқаның жоғарғы иінінің үстіне саз түйін жапсырылған. Жоғарғы жағына саз түйін жапсырылған құмыралар ортағасырлық Талғар қаласынан да кездеседі [Қузнецова, Савельева 2019: 127]. Келесі бір домалақ тұтқаның (диаметрі 2,6 см) бойында тесігі бар, тесігінің диаметрі 0,6 см. Тұтқаларының жоғарғы ұшы ыдыстың ернеуіне келіп жалғасқан құмыралар Шу өңірі ескерткіштерінің X–XII ғғ. жататын қабатынан табылған [Кожемяко 1959: 45, табл. 9; Ақымбек 2017: 67, 102-сур.]. Қолмен жапсыру арқылы орындалған екі ыдыстың сырты қатты құралмен сызылып өрнектелген болса, екі ыдыстың иық, яғни мойынға жалғасар тұсы қатты құралмен айнала кертіліп, сызылып өрнектелген.

Көзелер. Табылған сынықтарға қарағанда шағын көзелектен үлкен көзеге дейінгі ыдыстардың бөлшектері бар екендігін көруге болады. Басым бөлігі шарықта, екеуі ғана қолмен жапсыру арқылы жасалып, пішінделіп, сапалы күйдірілген, түстері: қоңыр қызыл, қызыл қоңыр және сұр. Кең ауызды келген көзелердің ернеулерінің диаметрі 17–22 см, қабырғаларының қалыңдығы 0,5–1 см аралығында. Ернеулері саңырауқұлақтанып (сыртқа қарай) және дөңгелектеніп аяқталған. Шағын дөңгелек келген тұтқалары мойын бөліктеріне жапсырылып бекітілген, лента сияқты тұтқаларының жалпақтығы 2,8–4,2, қалыңдықтары 1,1–1,5 см. Бір тұтқаның төменгі ұшы ыдыс қабырғасына жапсырылып бекітілген жері сыртынан саусақ ұшымен төрт рет қатты басылып сызылған. Бір көзенің сырты тұтқасымен бірге қоңыр түсті ангобпен сызылып, оюлап өрнектелген (6-сур., 2). Тұтқалары дөңгелек келген көзелер Ақтөбе 1 (Шардаралық) қаласынан (IX–XI ғғ.) табылған [Максимова и др. 1968: 155, рис. 22].

6-сур. Құманның шүмегі мен көзе сынығы (Е. Ақымбек, У. Доспенбетов)

Құмандар. Екі дана табылған құман сынықтары ыдыстың шүмек тұстары. Шарықта сапалы жасалып, бірқалыпты күйдірілген, түстері: қызыл қоңыр. Шүмек орналасқан жеріндегі қабырға құралмен тесіліп, шарықта жасалынған шүмегі қолмен жапсырылып бекітілген. Біршама бөлігі сақталған шүмегінің ұзындығы 5,5 см, ернеуінің диаметрі 3 см, қабырғасының қалыңдығы 0,5 см. Құман қабырғаларының қалыңдығы 0,5 см. Ыдыстың тұтқасы шүмегінің бас жағы мен ыдыстың бүйір үстін жалғап тұрғанға ұқсайды. Ыдыс сыртына қоңыр түсті ангоб ағызылып жағылған (6-сур., 1).

Асханалық ыдыстардың түптері бойынша нақты қандай ыдысқа тиесілі екендігін ажырату қиын. Түптердің жартысынан астамы (11) шарықта, қалғаны (4) қолмен жапсыру арқылы орындалған. Әдетте, қолмен жапсырылып жасалған ыдыстар көзелерге тиесілі болып келеді. Түптердің диаметрі 8–13 см аралығында ауытқиды, қабырғаларының қалыңдығы 0,8–2,1 см.

Саптыаяқ. Шарықта нәзік етіп жасалынған ыдыстың ернеуінің кішкентай сынығы анықталды. Сапалы жасалынып, бірқалыпты күйдірілген. Ернеуінің диаметрі 17 см, қабырғасының қалыңдығы 0,5 см.

Сырлы ыдыстардың сынықтары негізінен табақ пен кеселерге тиесілі. Барлығы шарықта жасалып пішінделген, түстері ашық қоңыр қызыл (7-сур.). Түптері тегіс және сәл ғана тұғырланып келіп, қабырғаларына жалғасқан. Ернеу бөлшектері біршама сақталған кесе ернеуінің диаметрі 15 см, келесі бір ыдыс – табақ ернеуінің диаметрі 25 см шамасында. Сақталған ыдыс түптерінің диаметрі 6–11 см аралығында, қабырғаларының қалыңдығы 0,4–1,3 см. Сырттарына ангоб жағылып, үстіне әртүрлі түсте (ақ, ақшыл жасыл, жасыл, қою жасыл, сары, қара және т. б.) сыр жағылып, бірқатарына келесі бір түспен өрнек жүргізілсе, тағы бірқатары үшкір затпен сызылып әсемделген. Олардың сыртынан түзсіз сыр жүргізіліп, бірқалыпты күйдірілген.

Шаруашылық-тұрмыстық қыш ыдыстар. Осы топқа жататын ыдыстардың қатарында хұм, хұмша, қақпақ және тегене бар.

Астық немесе сұйықтық сақтауға арналған үлкен ыдыстарды көлеміне қарай екіге бөліп қарастыруға болады: хұм және хұмша.

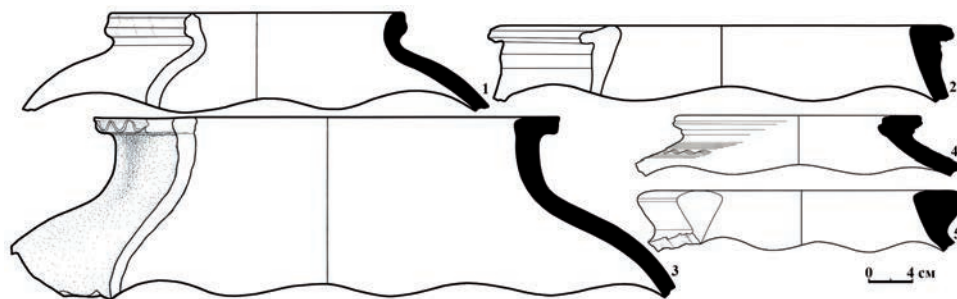
Хұмдар. Ыдыстың осы түрінің негізінен барлық бөлшектері: ернеу, бүйір және түп сынықтары бар (8-сур., 1–3). Бөліктері жеке (ернеу, бүйір, түп және т. б.) жасалып, бір-біріне жапсырылып біріктірілгенге ұқсайды. Әдетте, бөліктері ленталанып жасалады. Сапалы жасалынып, бірқалыпты күйдірілген. Ернеулері сыртқа қарай саңырауқұлақтанып шыққан. Ернеу бөлігі қолмен жапсырып қысу арқылы жасалынған бірінің ернеуі жігінен бөлініп қалған (8-сур., 1). Олардың диаметрі 35–38 см, түптерінің диаметрі 25–31 см, қабырғаларының қалыңдығы 1,3–2 см. Бір ернеудің сыртқы қырының асты саусақ ұшымен бедерленіп бастырылып өрнектелген. Келесі бір түптің төменгі жағы саусақ ұшымен айнала бастырылған. Бір үлкен хұм адам қаңқасы анықталған жерден шықты (8-сур., 3).

7-сур. Сырлы ыдыстардың сынықтары (Е. Ақымбек)

Хұмшалар. Салыстырмалы түрде хұмшалардың сынықтары көп табылмады (8-сур., 4–5). Негізінен ернеу және түп сынықтары анықталды. Сынықтарына қарағанда бірқатары хұмдар сияқты бөліктері жеке жасалып біріктірілген болса, келесі бір тобы қолмен жапсырылып жасалған. Сапалы жасалып, бірқалыпты күйдірілген, түстері: қызыл қоңыр. Ернеулерінің диаметрі 16–24 см, табылған бір түптің диаметрі 16 см, қабырғаларының қалыңдығы 1,5–1,9 см. Ернеулері сыртқа қарай саңырауқұлақтанып шыққан. Бір хұмша ернеуінің сыртқы қыры бедерленіп аяқталып, иығына айналы бірнеше түзу сызықтар екі қатар болып түсіп, ортасына бірнеше толқынды сызықтар жүргізілген. Сызықтар тарақ секілді (төрт тісті) құралмен орындалған (8-сур., 4).

Келілер. Ыдыстың осы түрінен тек түптер (3 дана) ғана анықталды. Барлығы да қолмен жапсыру арқылы орындалған. Түптері қалың келген ыдыстардың пішіні сопақ (овоид) болып келген. Сапалы жасалып, бірқалыпты күйдірілген, түстері: ашық және қою қызыл қоңыр. Түптерінің диаметрі 9–12 см, қабырғаларының қалыңдықтары 1,4–1,8 см. Қалың келген түптерінен қабырғасы болмашы тұғырланып көтерілген. Осы тұғырлы түптерінің беті айнала өрнектелген. Үшеуінің өрнектелуі әртүрлі: саусақ ұшымен басу (9-сур., 1) және саусақ ұшын батыру (9-сур., 2), қатты құралмен айнала қиғаш басу (9-сур., 3). Ішкі түптері келсаппен ұру барысында жұқарған. Соның әсерінен бірінің түбі тесілген, оның диаметрі 2 см. Түптері саусақ ұшымен басылып және саусақпен батырылып

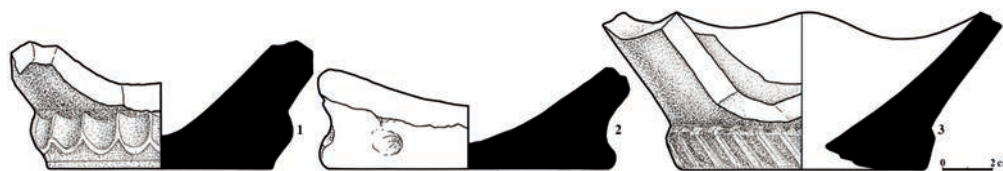

8-сур. Хұмдар мен хұмшалар (У. Доспенбетов, Е. Ақымбек)

өрнектелген қыш келілер Шу өңірінің X–XII ғғ. жататын қабаты бар ескерткіштерінен [Кожемяко 1959: 45, табл. 9] және Талғар қаласынан кездеседі [Кузнецова, Савельева 2019: 39].

Тегенелер. Бұл ыдыс түрлерінен ернеу сынықтары (4) ғана анықталды. Барлығы конус пішінде келген. Екеуі қолмен жапсыру арқылы пішінделген ыдыстың күйдірілуі бірқалыпты емес, қимасында орта тұсы қара түсті, екеуі шарықта жасалып, пішінделген, бірқалыпты күйдірілген, түстері: ашық қоңыр қызыл. Екеуінің ернеуі саңырауқұлақтанып шыққан болса, екеуінің қалыңдап барып, тегіс аяқталған. Ернеулерінің диаметрі 32–58 см, қабырғаларының қалыңдығы 0,8–2 см. Шарықта жасалған бірінің сыртында ернеуінен төмен айнала сызылған сызықтары бар.

Қақпақтар. Бұйымның тұтқа және тегіс қабырғаларының сынығы кездеседі. Тұтқалардың сырты отқа күйгендеріне қарағанда тандыр ошақта пайдаланғанға ұқсайды, ал тегіс қабарға сынықтары үлкен ыдыстардың бетін жабуға арналған болуы мүмкін. Барлығы қолмен жапсырылып орындалған. Тұтқалар саңырауқұлақ секілді жасалынған. Үшеуінің үстіңгі ортасы саусақ ұшымен бастырылған

9-сур. Қыш келілер (У. Доспенбетов)

болса, екеуінің жиегі қатты затпен айнала кертілген, оның біреуінің үстіңгі беті қатты затпен белгілі бір тәртіпте сызылып өрнектелген.

Қақпақ қабырғасы бірінің беті саусақ ұшымен сызылса, екіншісі қатты құралмен (тарақ секілді) батырылып тарамдалып сызылған.

Тандыр ошақтың сынықтары. Екі дана тандырдың сынықтары ернеу бөлшектері. Бірі ернеуінің ішкі сынығы болса, екіншісі ішкі ернеу жиегі. Екеуі де отқа қатты күйген. Ернеу бөлшегінің ішкі қыры мен үстіңгі беті саусақ ұшымен бастырылып, бедерленіп өрнектелген. Ішкі бөлшегінің беті қатты құралмен сызылып, бедерленген.

Жүргізілген қазба жұмыстарынан ашылған құрылыс орнынан қыш ыдыстар айтарлықтай көп мөлшерде анықталғаны белгілі болды. Оларды қолданыс қызметіне қарай, яғни асүйлік, асханалық, шаруашылық-тұрмыстық деп бөлгенде, асханалық ыдыстар басым шықты. Бұл ортағасырлық ескерткіштердің барлығында болатын құбылыс. Ал, асүйлік ыдыстар пайыздық мөлшер бойынша екінші орында. Шаруашылық-тұрмыстық ыдыс сынықтары да біршама табылды. Жалпы, барлық ыдыс түрлерінің табылуы, құрылыстың күнделікті тұрғын бөлме қызметін атқарғандығын көрсетеді. Мұны анықталған бөлмелерден шыққан тандыр ошақтың қалдықтары дәлелдей түседі.

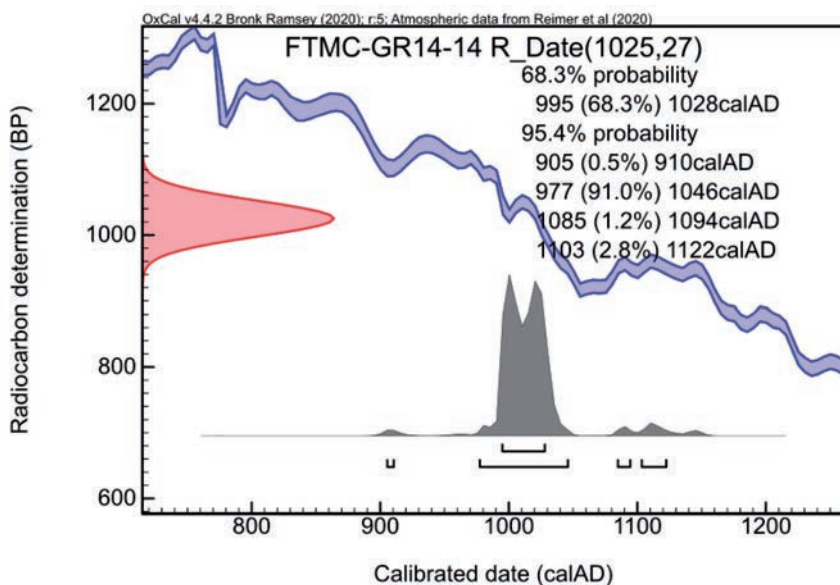
Керамикалық материалдарды зерттеу барысы Шу-Талас өңіріндегі басқа да орта ғасырдағы ескерткіштердің қыш ыдыстарымен ұқсас екендігін көрсетті. Осы өңірде орналасқан ескерткіштерге

жүргізілген қазба жұмыстарынан анықталған нысандардан шыққан материалдар да мұны дәлелдейді. Әсіресе, асуілік ыдыстардың (қазан) пішіндері мен өрнектелуі, олардың тұтқаларының түрі мен орналасуы тікелей Талас өңіріндегі орта ғасырлардағы ескерткіштердің материалдарына ұқсас келеді. Керамикалық материалдарды салыстырмалы зерттеу жұмыстары табылған қыш бұйымдар X–XII ғғ. жататындығын көрсетті. Мұны қазбаның төменгі жағынан алынған өртенген ағаш көмірі қалдығына Литва Республикасының Вильнюс қаласында орналасқан Масс-спектрометрия зертханасында жүргізген радиокөміртекті талдау жұмыстары нақтылай түсті (оператор – Жилвинас Ежеринскис). Талдау нәтижесі ескерткіштің осы қабаты X–XI ғғ. мерзімделетінін көрсетті (1-кесте; 10-сур.).

1-кесте – Радиокөміртекті талдаудың нәтижесі

Ескерткіштің атауы	Зертхана шифры, мерімдеу нөмірі	¹⁴ C -мерзім, ж.б.	Мөлшерлік мәні, б.д. жж.		pMC*
			1σ (68,3%)	2σ (95,4%)	
Талапты	FTMC-GR14-14	1025±27	995–1028 Cal AD	977–1046 Cal AD	88.02±0.29

Ескерту: *pMC (percentage modern carbon) – көміртегінің қазіргі пайызы

10-сур. Радиокөміртекті мерзім 1025±27 BP (қызыл), калибрлеу қисығының бөлігі (көк) және OxCal-да есептелген ықтималдық тығыздығының калибрленген функциясы (сұр)

Жалпы, Талас өңіріндегі қарахандықтар уақытына жататын ескерткіштердің ішінде алғаш рет біршама көлемді қазба жұмыстары Талапты төрткүліне жүргізілді. Қазба барысында тек қана керамикалар ғана емес, металл және шыны бұйымдардың сынықтары, қож (шлак) қалдықтары шыққанына қарағанда, ескерткіш орта ғасырларда осы өңірдегі ірі орталықтардың бірі болғандығы анық. Себебі, ескерткіштің айналасынан бірнеше жүздеген радиустан археологиялық материалдардың қалдықтары кездеседі.

Ескерткіштің маңынан Қарабақыр өзенінің тармақталған бірнеше арнасы өтеді. Талапты төрткүлі де солардың бірінің жағасында орналасқан. Осы Қарабақыр өзенінен тартылған арықтарды, өңірдің ортағасырлық ирригациясын жақсы зерттеген В.А. Грошев X–XII ғғ. жатқызады [Грошев 1995: 66]. Олай болса, X–XII ғғ. Талас өңірінде өмір жанданып, бірнеше қалалар мен қоныстар, төрткүлдер бой көтергенін көреміз.

ӘДЕБИЕТ

- Ақымбек Е.Ш.* Городище Торткуль // Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Таласский район. Алматы: «Дирекция по охране и восстановлению историко-культурных паятников» Управления культуры акимата Жамбылской области, 2010. 224 с.
- Ақымбек Е.Ш.* Шу өңірінің ежелгі және ортағасырлық керамикасы (Қордай ауданының материалдары бойынша). Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2017. 112 б.
- Ақымбек Е.Ш., Шағырбаев М.С.* Ортағасырлық Талапты төрткүлінің археозоологиялық материалдарын талдау (2021 ж. қазба жұмыстары бойынша) // Қазақстан археологиясы. 2022. № 2 (16). 136-154-бб.
- Алипчиев С., Байбосынов К.* Свод памятников истории и культуры Джамбулской области. Джамбул: Джамбулский областной историко-краеведческий музей, 1982. 208 с.
- Байбосынов К.* Городище Торткуль // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область. Алматы: РГП «НИПИ ПМК», 2002. Т. 2. 350 с.
- Бубнова М.А.* Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи в IX–XII вв. // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: Илим, 1963. С. 225-262.
- Грошев В.А.* Средневековая ирригация Таласской долины // Ата-Мұра: сб. статей, посвящ. 75-летию Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. Шымкент: Южно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей, 1995. С. 63-67.
- Касенов М.С.* Талас өңірінің отырықшылық мәдениеті (VI–XIII ғғ.). Атырау: Х. Досмұхамедов атындағы Атырау мем. ун-нің баспасы, 2015. 180 б.
- Кожемяко П.Н.* Оседлые поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: Илим, 1963. С. 145-225.
- Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе: АН КиргССР, 1959. 183 с.
- Кузнецова О.В., Савельева Т.В.* Гончарное ремесло в средневековом Талгаре. Альбом. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Марғұлана, 2019. 220 с.
- Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Древности Шардара (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата: Наука, 1968. 261 с.
- Нуржанов А.А., Ақымбек Е.Ш.* Средневековые городище Нижний Барсхан в Таласской долине // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2012. № 3. С. 94-107.

St John Simpson

St John Simpson
The British Museum, London, United Kingdom;
ssimpson@britishmuseum.org

Erk-Kala (ancient Merv): a detailed study of a late Sasanian residence of the 6th–7th centuries

Abstract. Sasanian archaeology is dominated by studies of the luxury arts, rock reliefs and monumental architecture and Zoroastrian fire temples, and little attention has been paid to the vernacular architecture or everyday material culture. There are three exceptions: the work by the Italian Archaeological Expedition to Veh Ardashir, near Ctesiphon in Iraq; the excavations by the late V.A. Zavyalov at Zartepe in southern Uzbekistan; and the work of the YuTAKЕ and subsequent UK/Turkmen/Russian expedition to Merv. This report sets out a detailed case-study from Merv and shows how we can build a richer, archaeologically supported, picture of household life based on this evidence and set this within long-term developments of lifestyles, both in Central Asia and beyond.

Keywords: Merv, Erk-Kala, Sasanian, domestic architecture, stratigraphy

Ст Джон Симпсон
Британ музейі, Лондон, Ұлыбритания

Эрк-Кала (антикалық Мерв): кейінгі сасанидтік VI–VII ғғ. тұрғын құрылысты жан-жақты зерттеу

Аннотация. Сасанид кезеңінің ескерткіштерін зерттеуде зороастриялық ғибадатхана мен монументалды архитектураның сәндік заттары, жартас рельефтері қарастырылды, бірақ жеке тұрғын құрылыс пен тұрмыстық материалдық мәдениетке аса көңіл бөлінбеді. Үш ерекшелік бар: Ирактағы Ктесифонадан алыс емес Вех-Ардаширдегі Италиян археологиялық экспедициясының зерттеуі; Өзбекстанның оңтүстігіндегі Зартепедегі марқұм В.А. Завьяловтың қазбасы; ЮТАКЕ және бұдан кейінгі ағылшын-түркмен-ресей экспедициясының жұмыстары. Бұл мақалада Мервтегі тұрғын құрылысты жан жақты зерттеудің мысалдары және археологиялық деректерге негізделген оның тұрғындарының күнделікті шаруашылық өмірінің толық бейнесін жасауға және оны Орталық Азияда да, одан тыс жерлерде де өмір салтының ұзақ мерзімді өзгерістерімен байланыстыруға мүмкіндік беретін олармен байланысты олжалар келтірілген.

Түйін сөздер: Мерв, Эрк-Кала, Сасанидтер, тұрғын үйлердің архитектурасы, стратиграфия

Ст Джон Симпсон
Британский музей, Лондон, Великобритания

Эрк-Кала (античный Мерв): детальное исследование позднесасанидского жилого строительства VI–VII вв.

Аннотация. В изучении памятников сасанидского периода преобладают исследования предметов роскоши, скальных рельефов, монументальной архитектуры и зороастрийских храмов огня, но недостаточно внимания уделено локальной жилой застройке и бытовой материальной культуре. Есть три исключения: исследования Итальянской археологической экспедиции в Вех-Ардашире, недалеко от Ктесифона в Ираке; раскопки ныне покойного В.А. Завьялова в Зартепе на юге Узбекистана; работы ЮТАКЭ и последующей англо-туркмено-российской экспедиции в Мерве. В этой статье представлен пример детального исследования жилых построек Мерва и связанных с ними находок, позволяющий создать достаточно полную, основанную

на археологических данных картину повседневной хозяйственной жизни его населения и соотнести ее с более долгосрочными изменениями образа жизни как в Центральной Азии, так и за ее пределами.

Ключевые слова: Мерв, Эрк-Кала, Сасаниды, архитектура жилых домов, стратиграфия

The author directed excavations at ancient Merv from 1992–2000 as part of a joint British/Turkmen/Russian project. Many preliminary reports and papers have been published and now the first final monograph is being finalised: this paper summarises the results from excavations in the eastern part of the citadel (fig. 1).

This was the first excavation to be carried out in this area of Erk-Kala for almost a century and it offers the most detailed archaeological picture of life within the citadel of Merv. Instead of monumental architecture, it showed regular rebuilding and modification of vernacular architecture within a closely packed residential quarter, revealing parts of three adjacent properties represented in each phase. One was essentially rectangular, aligned east/west with the main (and probably only) point of entry from the north and at the eastern end of the house. This building extended over the main part of the excavation and some of the rooms in the northeast corner were radically adapted over time (fig. 2). It extended further west by at least one, and possibly several, rooms but these must have been truncated by an earlier trench excavated by V.A. Zhukovsky and continued by the Carnegie expedition in 1904; it also extended a short distance to the south. A second property was represented by structures and external areas in the eastern 4.50 m of the excavation area, extending east and south. The third property was represented by the exterior face of a wall in all phases which belonged to a building extending north. The sizes and shapes of these additional structures are unknown but were aligned on the same orientation as the main excavated building.

Room sizes varied considerably, and the smallest lay close to the entrance in the eastern part. Although the western and southern limits of the main building were not reached, it is possible to postulate the size of the western-most room based on roof pole length. Moreover, there is sufficient room for one additional room to the south of Room K, which would also explain the projection of a massive external buttress near the south-east corner. As Room K is interpreted as a kitchen, it must have had access to a storeroom and, on that basis, this hypothetical adjoining room would have functioned as that, and would have had low *sufas* to support one or more rows of large storage jars wedged upright on broken bricks, similar to those excavated elsewhere in Erk-Kala and Gyaur-Kala, as well as many other sites in Central Asia. On this basis, we can calculate a minimum floor area of 131 m² for this building during the later phases when Room B acted as the entrance passage to the building, but potentially greater if there was an additional range of rooms to the west.

In 1962 the American anthropologist Raoul Naroll triggered a lively discussion in the archaeological literature on how to estimate and quantify prehistoric populations, citing a figure of about 10 m² per adult on the basis of as many as 18 ethnographic case-studies from widely separated regions: a population 'can be very roughly estimated by archaeologists as of the order of one-tenth of the floor area in square meters occupied by its dwellings' [Naroll 1962: 588]. More recently another scholar proposed, following detailed analysis of prehistoric sites from the southern Levant, that the minimum figure needed per individual could be reduced to as little as 7.5 m². These analogies are of course entirely hypothetical: it is easy to see how wealthier households can enjoy more space than their low-income equivalents and the present complex is, after all, situated within the citadel. However, if these analogies are indicative, then they suggest that, during its later phases, the main excavated residence was occupied by a large extended family of 13–17 or more people: the wall benches in the rear rooms could have served as beds for much of the adult household, while children and babies could have slept on bedding mattresses placed on the floor at night or in wooden cots. By any standards this must have been a large household, even more so

Fig. 1. The beginning of excavations in Merv Erk-Kala (photograph by the author)

when compared with household sizes from the Mediterranean to Central Asia in the Late Antique and early medieval periods when the average monogamist family numbered about 4.2 or 4.3 persons [De la Vaissière 2018: 8].

All walls were built of mudbrick, and the only evidence for mud blocks (*pakhsa*) were three benches (*sufas*) in one room and a wall in one phase of Room B. Walls were a single brick width, except in the case of the north wall in the north-west corner where it was 1.10 m thick and three and a half courses across, with additional mudbrick construction beyond. The latter clearly represents an external wall and, as this part of the building is relatively close to the edge of the mound, it is unsurprising to find more massive construction here, which may have been part of a terrace or platform.

Fired bricks were only found as reused fragments. Post-holes were infrequent and rarely part of primary construction, exceptions being a door post in Room D and a row of three which evidently supported a roof over a low raised feature in an otherwise open space. More usually, they were found in pairs during temporary infilling episodes of rooms during the levelling up of floors. The profiles of the holes indicate originally that they held poles rather than pointed stakes.

No direct evidence to prove the type of roofing was found but the thicknesses of the walls exclude vaulting or the addition of a second storey, as was customary at Penjikent and perhaps hinted at in the 8th century description of Merv by the Chinese author Du Huan: ‘Residences are tall and solid <...> wherever wood is used it is carved and patterned, and plasterwork is painted with designs’ [Moore and Kennedy 1999: 121]. The rooms therefore must have been covered with flat roofs made of regularly arranged poles covered with layers of matting, brushwood or reeds and earth, sealed with mud plaster. The relative scarcity of wood probably meant that the roof poles were left exposed, rather than being concealed with a suspended planked ceiling. Analysis of the excavated charcoal revealed remains of both poplar and ash: of these it is most likely that poplar was used for the roofing poles. Poplar is a quick-growing deciduous species which forms dense thickets that can be regularly coppiced. It is often grown specially as a source of roofing pole as it has a straight trunk measuring up to 10 or 15 m in length, is easily stripped of its

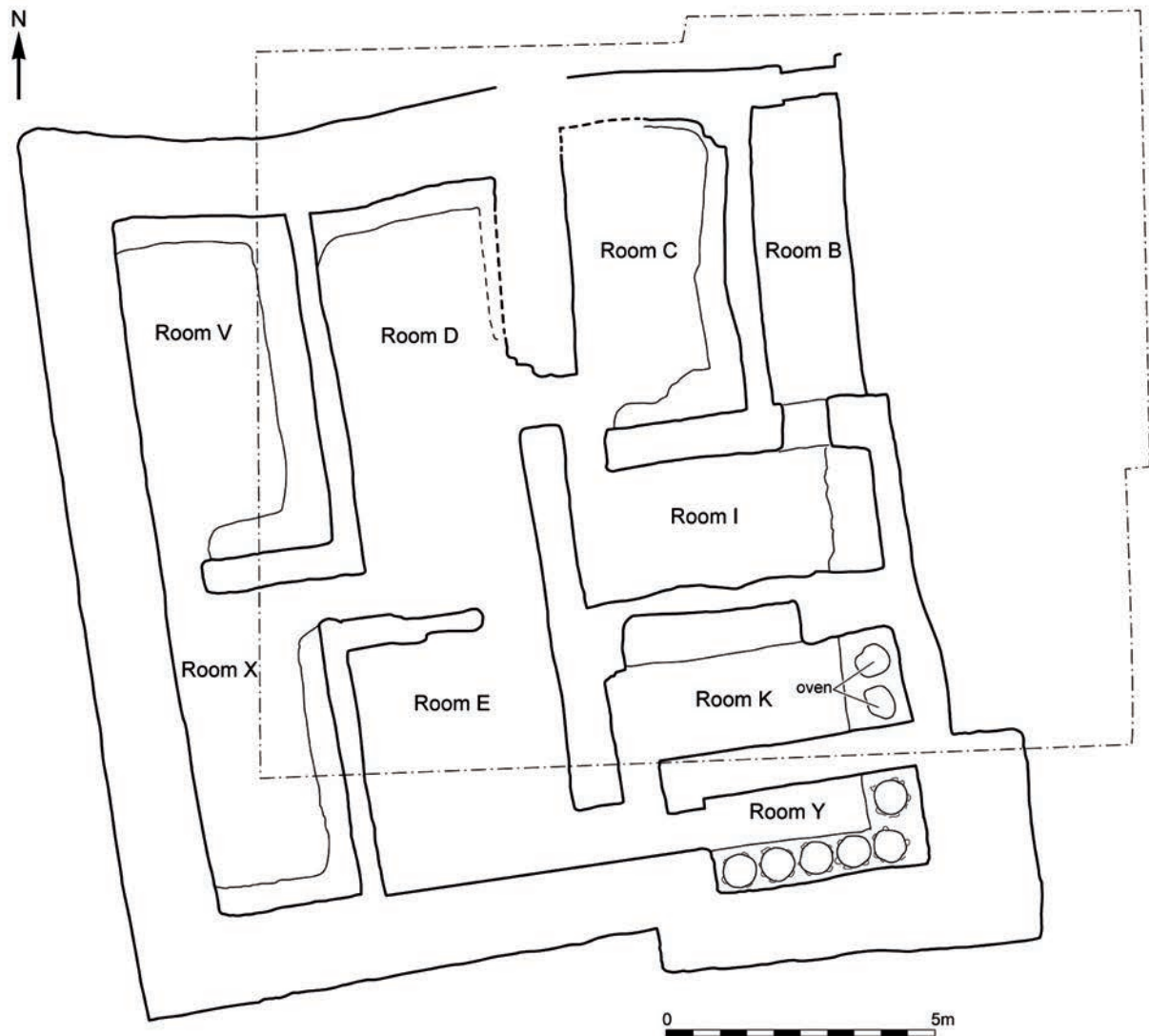

Fig. 2. Plan of the excavated late Sasanian residence in Merv Erk-Kala in one phase (plan by the author, digitised by Kate Morton)

bark and dries without splitting: felling takes place in early spring or late autumn, the branches and bark removed, and allowed to season in the open for a year before use. Poplar has been found in a wide variety of archaeological contexts in Iraq ranging from the 5th millennium BC to the Seleucid periods but some of the best-preserved evidence comes from the Bronze Age south-east Iranian site of Shahr-i Sokhta: here the excavators found evidence for 30–40 year poplar trunks measuring up to 5 m in length and 10–30 cm in diameter which had been stripped of their bark, sawn and used at 50–60 cm intervals. In traditional Near Eastern and Central Asian houses, these roofing poles are usually about 20 cm in diameter and spaced at 25–40 cm intervals depending on the length of the span, and roofing poles in the Kushano-

Sasanian fortress at Paikend were found to average 20–25 cm across [Omelchenko and Gorin 2019: 127]. Poles averaging 3–3.6 m would have sufficed to cover most rooms, again consistent with present-day vernacular architecture. At a 40 cm interval rate, about 84 poles would have been required to roof the structure during one phase.

The smaller rooms were usually those with fire installations or hearths: in one case, this was accessed by a single door, was at the rear of the complex, and the presence of ovens imply that this was the kitchen, but the others were closer to the direction of access from the outside. Given that the principal entry was from the north-east, the most spacious rooms were towards the back of the complex and facing the direction of the inner citadel to the west: their size effectively entailed twice the investment of roofing poles compared to the other rooms, underlining them to be the main rooms of status. A hypothetical reconstruction also shows how Rooms C, D and E were roofed with poles laid in an east/west direction, whereas the others were laid in a north/south orientation (fig. 3). This difference in pole alignments may have facilitated the construction of these respective sets of rooms at slightly different heights and, if Rooms C and D originally had higher walls, might also explain why it was possible to raise the floor levels within these more easily than in the connecting rooms to the south which were accessed via sloping ramps in the final phase.

No window glass was found and this is true for other Sasanian sites, with the exception of the fire temple complex at Takht-i Sulaiman. Although window glass was used across the Roman empire, it only appears to have become popular further east during the early medieval period, and it is only then that it appears at Merv. In the absence of glazed windows, mudbrick vernacular architecture has traditionally relied on doorways and small apertures as the sources of limited natural light and ventilation and located high up in the walls and below the projecting eaves. This had two effects: it not only reduced the effect of solar glare and helped keep the rooms cooler, but also allowed lamps to offer spots and pools of illumination which were not only functional, but could create dramatic effects during dining. The presence of small fire installations against the east walls of Rooms C and K, and the south wall of another (Room P), imply that these must have had ventilation apertures in the walls above: if the hypothesis suggested above is correct that the roof of Room C was higher than the rooms to the east and south, then the vent there would have been below the eaves and above the level of the roof of Room P. In the other two cases, the respective walls are either external or appear to back onto a separate property as there are no connecting doorways in that direction at this phase, and in either case vents at eave level would not have posed an issue. An idea of the possible original room height is again offered by evidence from Kushano-Sasanian Paikend where a range of flat-roofed rooms in the fortress were found to be 3.65–3.75 m high [Omelchenko and Gorin 2019: 127].

There was no evidence for the construction of deliberate foundations or footings for any of the walls. This suggests confidence on the part of the builders in meeting the relatively modest requirements of the structures in question, perhaps also reflecting their consciousness of the well-drained elevation of this part of the city-site. Instead, walls were generally built on surfaces, occasionally on a thin layer of make-up or directly on top of earlier walls which had been cut down to a low level to act as a stub for the new wall above. This last technique is typical of mudbrick construction but, unless the wall plaster is removed and the bricks articulated, this relationship is easily overlooked and associated floors therefore may be attributed to the wrong phases.

Almost all bricks were made of moderately or well compacted brownish grey or greyish brown clayey silt / silty clay, with clay contents of between 20% and 40%, and sometimes about 5% sand. The clay content allowed denser and stronger bricks, and the proportion of clay to fine-grained sediment is consistent with modern recommendations for building with mudbrick. Invariably, chaff was added during

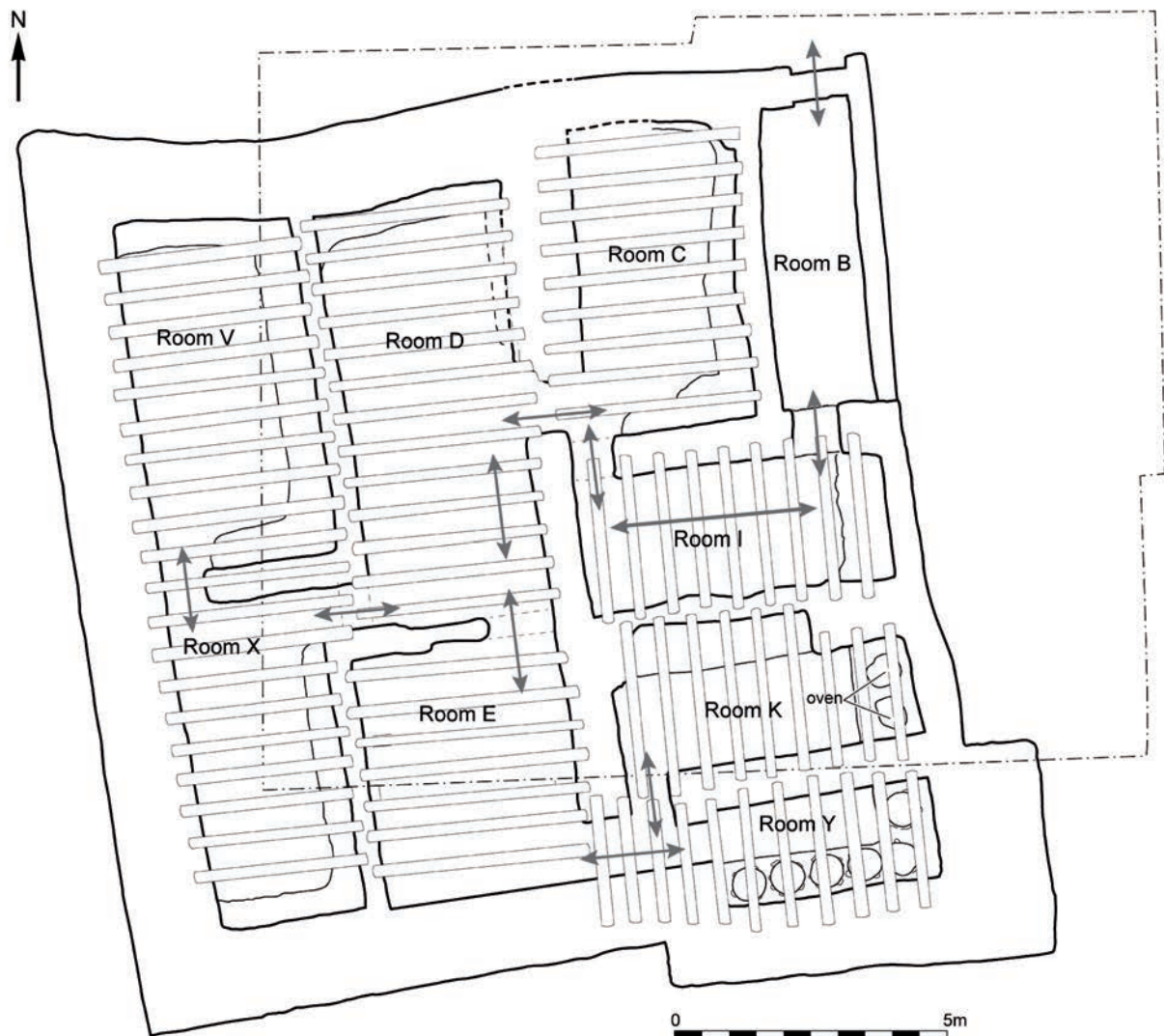

Fig. 3. Hypothetical reconstruction of the house at this phase showing directions of access from room to room and the proposed arrangement of roofing poles (drawn by the author, digitised by Kate Morton)

the manufacture of the bricks and silicified impressions of this were visible in all cases although, unlike bricks noted from the so-called 'southern castle' at Erk-Kala, none of the chaff itself survived intact. The purpose of such chaff temper in mudbricks is to physically bind and strengthen the clay through the addition of humic acids, and allows increased clay content without these bricks shrinking or cracking during drying. All of the bricks were characterised by moderate amounts of small white inclusions. These resemble chalk, although one colleague suggested they were soluble salts, one of the single most important causes of mudbrick deterioration. However, simple tests proved that they were neither chalky or salty, and they are probably the silicified remains of organic inclusions in the bricks. The only exception was a wall to the east of the main excavated residence where the bricks consisted of moderately compacted

light greenish grey clay silt (20:80) containing moderate white flecks; this was also the only wall where small fragments of fired brick were also recorded within the brickwork, underlining how it was built by a different house-builder. Bricks were laid in horizontal courses with intervening layers of mud bonding. The appearance of this usually resembled the bricks, but with less clay and a higher silt ratio rising to 60%–80%. The thickness of the bonding layers varied from wall to wall: in most cases, it was between 2 and 4 cm thick, but in exceptional cases it was as little as 1 cm or as much as 12 cm thick. As is typical of mudbrick architecture, most walls were plastered on both faces in order to protect and/or weather-proof the brickwork but evidence for this treatment did not always extend to internal walls, at least in the preserved areas which were immediately above floor level, and this may simply reflect loss of the plaster through daily wear and tear. The appearance of the mud plaster was usually very similar to the brickwork and bonding but often with a higher silt ratio of between 70% and 95%, occasionally containing a larger quantity of chaff temper.

The brickwork, occasionally the bonding and even the mud plaster also contained varying quantities of cultural and environmental remains: potsherds, fragmentary animal-bone and flecks of charcoal and/or carbonised seeds. In a few cases, coins and other finds were also recovered from brickwork or bonding. This is a common occurrence at multi-period sites and well known from the archaeological literature. Although theoretically these could have been deliberately added to the bricks as a form of binder during their manufacture, the fact that the coins were heavily residual suggests that these items reflect scavenging of earth taken from abandoned areas of the site, and these bricks therefore contained items much earlier than the date of construction. One of the *pakhsa* benches was also the only constructed feature where flecks of mottled green and orange clay (*tuyun*), were present in the matrix. This is characteristic of anaerobic clays and suggests that this material was sourced from elsewhere, most probably a low-lying swampy area, canal, ditch or other feature cut into the alluvium: such deposits do not occur within Erk-Kala but do feature in neighbouring Gyaur-Kala, and also underlying the earliest archaeological deposits there, implying that the raw material was physically carried up into Erk-Kala.

Broken mudbricks were sometimes re-used in low walls, ramps, or thresholds. In another case of a ramp constructed to connect Rooms D and E, complete mudbricks were used. Large sherds were occasionally selected for chinking between the courses of bricks, at the interface of floors and brick blockings, the interface and edges of ramps, and floors or vertically against the face of the wall at floor level immediately before it was rendered with mud plaster. This is a very specific action which must reflect a belief that this will help the bonding of new plaster. Equally importantly, when employed vertically along the base of a wall, it presumably reflected a wish to protect such areas from the excessive wear caused by human feet or casual bumps at points of relatively heavy traffic.

The maximum preserved height of any single excavated wall was 0.55 m, the equivalent of four courses (although the bases of some were not reached), the majority were between one and three courses, and others were practically 'ghosts' as only half a course remained. The sequence in this excavation points to constant occupation rather than any phases of abandonment, and usually only one room or part of a room was rebuilt at any one moment, thus the reconstruction reflects human intervention rather than natural processes. The regular dismantling of the walls is consistent with the stratigraphic evidence for systematic and widespread re-use of bricky rubble as make-up, either inside or close to the structures or, as was found in separate excavations in Gyaur-Kala, for levelling up along streets and alleys [Simpson 2008: 68–69]. These actions imply a realisation in antiquity that tell formation within a built environment confined within fortifications, gates and streets raises its own challenges over the compensation of different built levels which might require or necessitate mediation, hence slowing the rate of build-up by removing walls.

The rate of accumulation in constricted mudbrick-built environments is steady, although slower in the case of fired brick or stone architecture. German excavators in Iraq were the first to recognise this [Koldewey 1914: 228], and by comparing the depths of the stratigraphy with dated finds, Koldewey went on to calculate that ‘in Amran we must reckon 80 years for every metre of depth of rubbish, in Merkes every metre represents 280 years’ [Koldewey 1914: 229]. This process of accumulation was deliberate, rather than an accidental effect of careless refuse disposal. There is an important social dimension too, as another commentator has noted: ‘In Persia old houses are bad houses; they are continually being rebuilt on fresh sites, so that Persian towns usually contain a great number of ruins’ [Naval Intelligence Division 1945: 349–50].

Piecemeal reconstruction of individual rooms, rather than of the entire property, had the effect of minimising the disruption caused by removal of the roof poles. Construction directly onto existing wall stubs helps strengthen the junction and these served as ready-made foundations (particularly in this environment devoid of stone) which were easily levelled with a layer of mud bonding, a feature noted by Mackay in Egypt and his own excavations of Harappan vernacular architecture [Mackay et al. 1976: vol. I, xv]. Moreover, it reduced the need to regularly lift roofs and raise other walls because of shared roof-loading or issues over light, air, roof access or privacy. It is likely that all or most of the walls in the main structure continue from earlier (unexcavated) phases: a slight shift in alignment to the east by 0.50–1 m might explain the appearance of the *sufas* in five rooms as being the modified uppermost portions of walls of an earlier (unexcavated) period of architecture beneath the level reached at the end of excavation. That said, the orientation and alignment of these *sufas* and walls are identical which supports the other stratigraphic evidence for continuity of architectural reconstruction and property boundaries on this spot.

The *sufas* are a standard feature of mudbrick domestic architecture and were present inside five rooms. The faces and tops had been plastered. Traces of light charring on the top of one suggests that it had been used as a place of heating, supported by the discovery of two *in situ* hearths on the top of another in Room K: in each case they must have had ventilation flues situated higher up the walls, and significantly these were either external walls or evidently rose to a higher elevation than the immediately adjoining room. In Room I the *sufa* might have been used to keep items, such as shoes, off the floor in an important access room connecting with the rest of the building, whereas most benches probably functioned as seating and were situated away from the core circulation routes. These were presumably originally covered with cushions or mattresses, although these did not survive.

Floors were usually made of mud plaster, in some cases laid as deliberately ramped slopes to compensate for differences in height between different adjoining rooms. Virtually no artifacts were found deposited directly on any of the excavated floors or surfaces and, although one coin was found at the interface of a floor and the overlying deposit in Room A, it was unfortunately recorded as belonging to the overlying deposit rather than assigning a unique context number for the interface itself. This raises a stratigraphic point which is rarely articulated. It would be nonsense to assign a context number for every interface but, where an object is demonstrably resting on a surface, it relates to an event which is later than the date of construction of the surface itself (which could be even hundreds of years earlier in the case of a palace or paved street) and earlier than the next phase of construction (which could be significantly later), then that moment of human activity can only be distinguished from the periods before and after by giving this particular event horizon a unique number. However, all other finds had been re-deposited at least once and, in most cases, probably on multiple occasions, rendering them secondary refuse according to Schiffer’s classification.

Interior surfaces in general must have been regularly cleaned and any debris swept outside, where it was then subjected to further fragmentation through accidental trampling and bulkier refuse probably carried away and dumped elsewhere. The compaction of floor surfaces and occasional thin laminated deposits at the interface probably represent the effects of daily wear, sweeping and washing: a similar feature has been noted in contemporary mudbrick houses in Syria, and also recorded in Sasanian housing excavated at Veh Ardashir, where the floors were described as ‘well-beaten clay. This must have been wetted to make it harder, as a sort of crust in which burnt fragments, ashes and tiny pieces of terracottas were inserted, amalgamating with it’ [Cavallero 1966: 77]. This confirms another passage in the Babylonian Talmud, composed in Mesopotamia during the Sasanian period, where it refers to how ‘we may sweep and sprinkle water on the ground to settle the dust’ [Talmud Bavli: Moed Katan 27a], and another passage refers to the sweeping of a dining room before and after each meal [Talmud Bavli: Berachos 51b].

Another factor to consider is that the floors were originally covered with floor coverings which would have increased the likelihood that any dropped or broken items would have been rapidly retrieved or discarded elsewhere. There is textual and surviving evidence for a variety of types of floor coverings at this period, and one 19th century traveller to Central Asia remarked on how ‘the chief difference between a furnished and an unfurnished room being, under ordinary circumstances, that one was strewn with carpets and the other not’ [Lansdell 1885: vol. II, 61]. Theophanes describes how Heraclius’s army discovered ‘woollen rugs and woven carpets – a great quantity of them and very beautiful’ in the palace stores of Khusrau II (591–628) at Dastagerd in early January 628, ‘but on account of their weight they burnt them all’ [Greatrex and Lieu 2002: 215]. Passages in the Babylonian Talmud refer to ‘hard-wearing felt’ [e.g., Talmud Bavli: Yoma 69a], and the 7th century Chinese history known as the *Chou-shu* refers to Iranian felt and woollen rugs [Miller 1959: 15–16]. A flat-weave was excavated in a late Sasanian context at Shahr-i Qumis [Hansman and Stronach 1970: 148, 154–55, fig. 7.3–5, pls IIb, IVb], and radiocarbon-dated woollen rugs with bold designs and thick padding on the underside have been reported from the Samangan region of northern Afghanistan [Spuhler 2014]. Moreover, household spinning is attested by the numerous spindle whorls from the Erk-Kala excavations, cotton cultivation is confirmed by the archaeobotanical evidence, the herding of sheep and goat for their secondary products is suggested by the zooarchaeological evidence, and other fibres could have been offered by trading with pastoral nomads. A wide variety of plant and animal (including sheep, goat and camel) fibres were therefore accessible to the local population, all of which could have been used to make interior furnishings as well as clothing.

All rooms were connected by doorways and there were either one or two per room, usually situated in a corner as this was the strongest part of the wall construction. The doorways were simple openings which ranged between 0.80 and 1.50 m across, with an average width of 1.04 m and the equivalent of a single leaf door, with no evidence for stops whereby the inner and outer jambs possessed different widths. Moreover, there was no evidence for rabbeting, projections or other architectural highlighting of the built surrounds. The shapes of the upper portions of the doorways are unknown as walls were only preserved to a height of a few courses at best. However, the preservation of a segmental arch with a flat lintel above a doorway in a Sasanian phase of the fortifications of Gyaaur-Kala gives a clue as to their possible original appearance: this form of construction is attested in mudbrick as early as the 2nd millennium BC in Mesopotamia, and is attested in the Kushano-Sasanian fortress at Paikend (where the doorways also measured 2.20 m in height and 1.0–1.20 m across), as well as 8th century domestic contexts at Penjikent [Omelchenko and Gorin 2019: 126]. This suggests that any doors must have been rectangular, presumably of plank construction, and probably using wood such as poplar as that is attested in the charcoal residues and inferred above for the roofing poles. Constructed thresholds were commonest in doorways at the interface of the interior and exterior, the exception being the doorway connecting Rooms C and I.

This implies that solid doors were usually limited to the external entrances whereas internal doorways generally did not, thus allowing freer circulation of the limited light and air within the households and, if privacy was required, this could have been effected through the use of a drape or curtain. A similar conclusion has been drawn previously following excavations in part of a Sasanian residential quarter in the lower city at Merv [Simpson 2008: 67]. The examination of plans of the excavated Sasanian residential quarters at Veh Ardashir suggests that solid doors were scarce there too, as pivots are only described and/or marked in a few places and usually limited to external doorways of properties [Cavallero 1966: pls VI–IX]. Within Central Asia, a similar phenomenon is found as early as the 3rd millennium BC, judging by published descriptions and plans of vernacular architecture at Altyn-depe where pivots were only found *in situ* at external or courtyard entrances [Masson 1988: 48–49, 72, fig. 15; 17]. In all cases, the doors must have been attached to a vertical post lashed to the wall at the top and turning in the hollow pivot at the bottom, presumably secured either with a sliding wooden bolt locked in place with a wooden key with upright pegs which correspond to slots in the bolt, or with a rope passed through the door which was then lashed securely to a peg fastened to the adjacent wall.

Provision of a solid door at the entrance was more than simple security, as it marked the boundary between inner and outer space: in many parts of the world, and in completely unrelated cultures, thresholds are considered vulnerable points of entry for malign forces. In Mesopotamia from the 3rd millennium BC onwards, the monumental entrances of palaces and temples were protected with fired clay or stone sculptures of protective lions, and later winged lions, winged bulls or composite beasts. During the 6th–7th centuries some communities in Babylonia practised a form of magic whereby exorcisms of demons were performed within the household by magicians: spells were written in ink on pottery bowls or engraved on lead scrolls which were often interred at the entrances or in the corners of rooms and courtyards, and one Jewish Aramaic bowl ends with the exhortation: ‘Go forth from the house, from the dwelling, from the threshold, from the four (walls), (from the) centre of the house’ [Isbell 1975: 60–63]. These were not the only items interred in doorways: the Babylonian Talmud quotes a passage about where a landlady had hidden her money and a woman was instructed: ‘Go take it from under the pivot of the door in such and such a place’ [Talmud Bavli: Berachos 18b]. Perhaps such an instance explains the cut features noted in one phase of the entrance to a room of an adjoining building to the east (Room A).

Moreover, in many societies, solid wooden doors are traditionally regarded as valuable household items and are often salvaged when houses are abandoned. The removal of even the pivots accords with this practice and suggests that the definition of the door may have included all of its fittings, rather than simply the leaf, and thus extended to its support, socket and lock. A good example of the scavenging of such features is illustrated in the 8th century Syriac *Chronicle of Zuqnīn* which describes the effects of a harsh winter in 773/74, combined with inflation during a period of persecution and heavy taxation: ‘Christians removed all iron and wooden objects from their houses and sold them. They pulled out their doors and sold them, while hoping for the best. At the end, they pulled out even the beams of their houses and sold them’ [Harrak transl. 1999: 295–296].

Recycling of other architectural elements in the excavated sequence is also suspected, including possible scavenging of fired bricks and a vertical post, and the charcoal analysis confirms recycling of wooden scraps for fuel. It is very likely that the careful dismantling of mudbrick walls was also followed by re-use, as fragmentary mudbricks were selectively re-used in the construction of thresholds and some of the walls, although the greatest use of the rubble must have been as a raw material for making new bricks or make-up used in levelling.

Mudbrick architecture is considerably flexible in accommodating new needs and is relatively easy and cheap to maintain and adapt. Rigid property boundaries usually prevent householders from

encroaching into public areas or adjacent properties and if it is impossible to extend upwards then horizontal modifications to a building are required: where space is physically confined, then winding alleys become the characteristic arteries of circulation between properties. Many deposits reported from excavations as occupation debris actually represent deliberate infilling, rather than casual discard, and the role of collapse in the development of tells has been over-emphasised in the literature. After all, regardless of society or period, floors and living surfaces are normally swept or washed, even if our modern concept of 'dirt' has changed because of germ theory and concern over the invisible.

Two basic types of make-up were found in the present case. One was characterised by bricky make-up which contained the same types of white inclusions as the mudbricks. These inclusions are seen as a proxy for mudbrick, and all deposits which contain these and possess a similar colour and clay:silt ratio to mudbricks thus assumed to be decomposed mudbrick rubble brought in from elsewhere, and probably the same areas of the site where fresh bricks were manufactured during the dry season. The second type contained a higher amount of domestic refuse, especially fresh-looking animal-bone, and probably represents dry and naturally composted household rubbish which may have been brought in from other parts of the site and/or municipal dumps. In both cases artefactual and environmental remains are included, although it is likely that bricky make-up deposits contain higher amounts of older residual material than refuse-rich deposits. The possibility that this might be reflected in the degree of brokenness of the pottery shaped the first stages of the pottery processing whereby all sherds were weighed and sorted according to average size. However, both types of make-up deposit represent ancient recycling of what were effectively discarded items in old deposits, undermining any simple distinction between systemic and archaeological contexts. The results instead indicate a complicated active cycle of use-life, primary discard with possible provisional discard or temporary caching, secondary discard, reclamation accompanied by a loss of original functional identity, and further discard, with possibly multiple reclamation events thereafter.

Close to the northern section of the excavation, a series of long walls were found running parallel with the exterior of the main excavated residence: it is possible that, in some phases at least, these represent corridors or passages between different structures. The fact that the corresponding rooms along the southern portion had to be deliberately infilled at intervals through the sequence in order to compensate for the faster build-up of floors in the northern portion implies that the primary direction of access was from the north: our excavations in Gyaur-Kala Area 5 clearly indicated that the more rapid rise of street levels meant that householders were obliged to compensate by initially raising the adjacent thresholds and ultimately levelling up the rooms furthest from the street [Simpson 2008: 69]. This phenomenon has been noted in some excavations but probably missed in many others. This also explains the fact that the highest amount of architectural modification was in the north-east corner as this was the entrance. The present topography of the site suggests that the southern edge of the building lay just beyond the southern edge of the excavation area, and a deep erosion gully here probably marks the line of least resistance between solid mudbrick structures. The adjacent area in the south-east corner of the trench was heavily compacted and free of structures, representing a clear open space in almost all phases, with no dumping of refuse and relatively few other signs of extramural activity in the limited areas excavated. The micro-deposits frequently showed traces of lamination consistent with natural processes, and for these reasons this area is interpreted as the edge of an open space, but whether this served more than one property is unknown. At Veh Ardashir, such courtyards belonged to individual households and often contained additional fireplaces and what appear to have been bread ovens [Cavallero 1966: 66, pl. VI].

To conclude: the excavations of this multi-phase large late Sasanian residence in the Sasanian citadel of Erk-Kala at Merv offer a completely new approach to understanding the development of vernacular architecture, not just at Merv or for this period, but at multi-period mudbrick sites as a whole. The large number of coins offered good numismatic dating, now refined by radiocarbon dates based on samples of short-life woody charcoal from secure contexts. The detailed environmental analyses complement the picture of fuel use and the consumption of plants and animals [Simpson 2019], supplemented by residue analyses of cooking pots and lamps. The discovery of ostraca in multiple languages (Middle Persian, Bactrian, Sogdian) confirm the residents to be multi-lingual members of the elite administration, and analyses of the pottery and other finds complete the reconstruction of life in the citadel at this period [Simpson (ed.) in press].

REFERENCES

- Cavallero, M.* The excavations at Choche (the presumed Ctesiphon): Area 2. *Mesopotamia* 1: 1966. P. 63-81, figs 16-25, pls V-X.
- Chronicle of Zuqnīn*. Parts III and IV, A.D. 488–775 (translated and edited by A. Harrak). Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1999. 388 P.
- de la Vaissière, E.* The Abbasid Revolution in Marw: New Data // *Der Islam*. 2018. 95/1. P. 110-146.
- Greatrex, G. and S.N.C. Lieu* (eds). *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars*. Part II: AD 363–630. A narrative sourcebook. London / New York: Routledge, 2002. 373 P.
- Hansman, J. and D. Stronach.* A Sasanian repository at Shahr-i Qumis // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1970. P. 142-155, pls I–IV.
- Isbell, C.D.* *Corpus of the Aramaic Incantation Bowls*. Missoula: Society of Biblical Literature and Scholars Press, 1975. 200 P.
- Koldewey, R.* *The excavations at Babylon*. London: Macmillan, 1914. 335 P.
- Landsell, H.* *Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv*. London: Sampson Low, Marston, Searle, and Rivington, 1885. 684 P.
- Mackay, E.J.H. et al.* *Further excavations at Mohenjo-daro*. New Delhi: Indological Book Corporation, 1976. 2 vols.
- Masson, V.M.* *Altyn-depe*. Philadelphia: The University Museum, 1988. 170 P.
- Miller, R.A.* *Accounts of Western Nations in the History of the Northern Chou Dynasty*. Berkeley: University of California Press, 1959. 83 P.
- Moore, O. and H. Kennedy.* Some ancient and medieval texts about Merv // *G. Herrmann et al.* *Monuments of Merv: Traditional Buildings of the Karakum*. London: The Society of Antiquaries, 1999. P. 120-132.
- Naroll, R.* Floor Area and Settlement Population // *American Antiquity*. 1962. 27/4 (April). P. 587-588.
- Naval Intelligence Division.* *Persia*. London, 1945. 638 P.
- Omelchenko, A.V., Gorin A.N.* Zavoyevaniya Sasanidov v SredneyAzii: novyye svidetel'stva po materialam raskopok v Paykende (Bukharskiy oasis) // *Istoriya i Arkheologiya Turana (posvyashchennyy yubeleyu Mukhammadzhanu Isamiddinovu)*. 2019. № 4. P. 123-140.
- Simpson, St.J.* Suburb or slum? Excavations at Merv (Turkmenistan) and observations on stratigraphy, refuse and material culture in a Sasanian city // *D. Kennet and P. Luft* (eds). *Recent advances in Sasanian Archaeology and History*. Oxford: Archaeopress, 2008. P. 65-78.
- Simpson, St.J.* Sasanian food and fibre industries at Merv // *Drevnosti Vostochnoy Yevropy, Yuzhnoy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey I vzaimodeystviy v yevraziyskom kul'turnom prostranstve (novye dannyye i kontseptsii)*. Vol. 1. St.Petersburg: Russian Academy of Sciences, 2019. P. 178-179.
- Simpson, St.J. (ed.)*. *Sasanian Archaeology: Settlements, Environment and Material Culture*. Oxford: Archaeopress Archaeology. 2022. 535 P.
- Spuhler, F.* 2014. *Pre-Islamic Carpets and Textiles from Eastern Lands*. London: Thames and Hudson and Dar al-Athar al-Islamiyyah and The al-Sabah Collection, Kuwait.
- Talmud Bavli* (Schottenstein Daf Yomi edition). New York: Mesorah Publications, 2005. 72 vols.

В. А. Бабенко

Виталий Александрович Бабенко,
Общество с ограниченной ответственностью «Наследие»,
г. Ставрополь, Россия; vit-babenko@yandex.ru

«Гористая страна Джулад» средневековых письменных источников: проблемы локализации и выделения административного центра

Аннотация. В статье представлен обзор основных версий локализации области Джулат средневековых письменных источников. Традиция ее изучения была заложена В.Н. Татищевым в 1742 и 1744 гг. и участниками экспедиций второй половины XVIII – начала XIX в. на Северный Кавказ. Область Джулат занимала территорию Кабардинской наклонной равнины и прилегающие к ней территории предгорий Центрального Кавказа в излучине Терека. Область располагалась на пересечении важных торговых путей эпохи средневековья, здесь проходили маршруты перекочевков ставок ханов Золотой Орды. Сложившаяся в XIX в. традиция присвоения двум наиболее известным памятникам области Джулат названий Нижний Джулат и Верхний Джулат не препятствует их изучению и поиску их исторических названий. Имеющиеся свидетельства большой роли городища Верхний Джулат (Татартуп) не противоречат локализации города Джулат, давшего название данной области, на городище Нижний Джулат.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кабардинская равнина, река Терек, область Джулат, город

Виталий Александрович Бабенко,
«Наследие» жауапкершілігі шектеулі қоғамы,
Ставрополь қ., Ресей

Ортағасырлық жазба дереккөздердегі «таулы ел Джулад»: әкімшілік орталығын ерекшелік және баламалау мәселелері

Аннотация. Мақалада ортағасырлық жазба деректеріндегі Джулат облысын баламалаудың негізгі нұсқаларына шолу жасалған. Оны зерттеу дәстүрін 1742 және 1744 жж. В.Н. Татищев және XVIII ғ. екінші жартысы – XIX ғ. басындағы Солтүстік Кавказға жасалған экспедицияларға қатысушылар салған. Джулат аймағы Кабардин көлбеу жазығының аумағын және Терек иініндегі Орталық Кавказ тау бөктерінің іргелес аумақтарын алып жатыр. Облыс ортағасыр кезеңіндегі маңызды сауда жолдарының қиылысында орналасқан, осында Алтын Орда хандарының қоныс аудару бағыттары өткен. XIX ғ. қалыптасқан Джулат облысының ең танымал екі ескерткішіне төменгі Джулат және жоғарғы Джулат атауларын беру дәстүрі олардың зерттелуіне және тарихи атауларын анықтауға кедергі келтірмейді. Жоғарғы Джулат (Татартуп) қаласының маңыздылығы туралы қолда бар куәліктер осы аумақтың аталуына негіз болған Джулат қаласын төменгі Джулат қаласымен баламалауға мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: Солтүстік Кавказ, Кабардин жазығы, Терек өзені, Джулат облысы, қала

Vitaly Babenko,
«Heritage» Ltd, Stavropol, Russia

The “Mountainous country of Julad” in medieval written sources: problems of its localization and detection of its administrative center

Abstract. The article presents an overview of the main versions of the localization of the Julat region in medieval written sources. V.N. Tatishchev founded the tradition of its study in 1742 and 1744 as well as by the participants of

the expeditions to the North Caucasus in the second half of the 18th – early 19th century. The Julat region occupied the territory of the Kabardian plain and the adjacent territories of the foothills of the Central Caucasus in the bend of the Terek-river. The region was located at the intersection of important trade routes in the Middle Ages, where there were routes of migrations of the Golden Horde Khans' headquarters. The tradition of referring to the two most famous monuments of the Julat region as Lower Julat and Upper Julat, which developed in the 19th century, does not prevent their study and search for their historic names. Despite the importance of the Upper Julat settlement (Tatartup), the available evidence makes it possible to localize the city of Julat, which gave the name to the region, to the Lower Julat settlement.

Keywords: North Caucasus, Kabardian Plain, Terek-river, Julat region, hillfort

В отечественном кавказоведении со времен экспедиций на Северный Кавказ, организованных астраханским губернатором В.Н. Татищевым в 1742 и 1744 гг., академических экспедиций в 1768–1775 гг., экспедиций П.С. Палласа в 1793 г. и Ю. Клапрота в 1807–1808 гг. сформировался интерес к городищам Маджары, Нижний Джулат, Верхний Джулат и локализуемым на их месте золотоордынским городам Маджар, Джулат и Татартуп. Итоги исследований отмеченных памятников недавно были подведены в обобщающих работах [Кузнецов 2014; Маджар и Нижний... 2015]. Авторы данных работ, опираясь на археологические материалы и письменные источники, обоснованно выделяют на Среднем Тереке область Джулат [Кузнецов 2014: 100–103; Маджар и Нижний... 2015: 112–113, 140]. Историографические аспекты изучения Нижнего и Верхнего Джулатов были подробно рассмотрены Л.П. Семеновым и С.Н. Савенко [Семенов 1947; Савенко 2016]. С.Н. Савенко также поставил вопрос об исторической топографии данной области [Савенко 2016].

В последнее время в ряде работ Е.И. Нарожного активно продвигаются версии локализации области Джулат и двух основных ее городов, противоречащие историографической традиции, сложившейся с середины XVIII в. Они основаны как на некорректной трактовке, так и на игнорировании основополагающих для средневековой истории Северного Кавказа археологических и письменных источников. Вместо них он предлагает учитывать некие «реалии XIII–XIV вв.» [Нарожный 2020: 108].

Не отрицая факт функционирования на Верхнем Тереке двух крупных городских центров в золотоордынскую эпоху, он ставит под сомнение закрепившиеся за данными городищами названия «Нижний Джулат» и «Верхний Джулат». В золотоордынской археологии можно привести примеры несоответствия в названиях городищ и локализуемых на их местах городов (городище Маджары – город Маджар, Увекское городище – город Укек), что не дает оснований для сомнений в правильности названий отмеченных археологических памятников. В очередной работе на эту тему Е.И. Нарожный оспорил название «Нижний Джулат» и взял его в кавычки, попытавшись локализовать на его месте город Магас [Нарожный 2022].

Е.И. Нарожный в ряде работ оспаривает традиционную версию локализации области Джулат/Джулад на Среднем Тереке. Основные его аргументы в пользу ее локализации на Нижнем Тереке – ссылки на собственные работы, спорное толкование сведений В.Н. Татищева о городе «Юлате» (Джулате) и найденный у валов «Трехстенного городка» в терской дельте подъемный материал эпохи позднего средневековья [Нарожный 2016: 226–229]. И если в 2016 г. локализацию области Джулат на Нижнем Тереке «было заманчиво предполагать» [Нарожный 2016: 228], то уже в 2020 г. эта область «значительно уверенно» локализуется им на Нижнем Тереке [Нарожный 2020: 105]. А в 2021 г. им был констатирован факт, что область Джулат здесь «давно локализируют» [Нарожный 2021: 148].

В ряде средневековых письменных источников содержатся сведения об области Джулат и ее локализации. Область Джулат была впервые упомянута в письменных источниках, описывающих

вторжения армии Тамерлана на Северный Кавказ в 1395 г. Согласно сведениям персидских авторов Низам-ад-дина Шами и Шереф-ад-Дина Йезди, после переправы через реки Самур, Сулак и Сунжу армия Тамерлана подошла к Тереку. Переправившись на его левый берег, она вошла в «область Джулат» [Тизенгаузен 1941: 175]. По мнению И.М. Чеченова, она остановилась у брода в урочище Бештамак и переправилась на правый берег Терека с целью пополнения запасов продовольствия [Чеченов 2008: 371]. Армия Токтамыша отступила до реки, упоминаемой Шами и Йезди как Каурай [Тизенгаузен 1941: 119] или Курай [Тизенгаузен 1941: 175], где Токтамыш занялся собиранием своего войска. Несмотря на разночтения у Шами и Йезди, более правильным следует признать написание «Курай». Именно в такой форме эта река упоминается в сочинении академика И.П. Фалька, описывающем его поездку на Терек в 1773 г. [Полное собрание ученых... 1824: 92]. Это свидетельство не оставляет сомнений в локализации р. Курай/Каурай на месте р. Кура. Эта небольшая по протяженности река протекает в глубокой извилистой долине и является одним из древних русел р. Малки на юго-востоке Ставрополя; ее современное название аналогично названию реки в Закавказье.

Вероятно, Токтамыш проводил сбор войска на Новопавловском поселении в верховьях р. Куры (название населенного пункта неизвестно) или в его окрестностях. Поселение располагалось на маршруте перекочек ханских ставок в XIV в. из Маджара на Терек и торговом маршруте из Маджара в Дербент. По сведениям Низам-ад-дина Шами, после генерального сражения 15 апреля 1395 г. Тамерлан дошел до «местности Каурай» и стал лагерем. Здесь он оставил своего сына Мираншаха вместе с обозом [Тизенгаузен 1941: 121]. Вероятно, обоз оставался на Новопавловском поселении. Локализация области Джулат поблизости от «местности Каурай» является важным аргументом в пользу ее традиционной локализации в излучине Терека.

В записках немецкого дворянина И. Шильтбергера, оказавшегося в плену у Тамерлана (начало XV в.), область Джулат упомянута как «гористая страна Джулад» [Брун 1867: 31] и как «страна Бештамак (bestan), весьма гористая, с главным городом Джулад» [Брун 1867: 56]. Под названием Бештамак (от тюрк. «беш» – пять и «тамак» – горло, устье) традиционно упоминается урочище в месте последовательного слияния с р. Терек ее пяти притоков у ст. Екатериноградской (ныне – г. Прохладный в Кабардино-Балкарской Республике). Несомненно, это крупные реки Черек, Чегем, Баксан и Малка. Возможно, под пятой рекой подразумевалась либо р. Нальчик (приток р. Урвань), упоминаемая И.-А. Гильденштедтом [Гильденштедт 2002: 275], либо р. Урух, упоминаемая П.С. Палласом [Паллас 2010: 270], либо р. Баксанёнок («малая речка Бахсаны», упоминаемая кабардинский послом Саадат-Гереем Солтаналеевым в сообщении в Коллегии иностранных дел [Кабардино-русские... 1957: 29]. По данным Ю. Клапрота, урочище образовывали устья рек Малка, Баксан, Чегем и Черек, соединившиеся с Тереком [Клапрот 2008: 192]. Брод в урочище Бештамак имел стратегическое значение, т. к. долина Терека ниже по течению была труднопреодолимой и укреплена городищами в эпоху раннего средневековья.

Ф.К. Брун в своих комментариях к тексту И. Шильтбергера допускал, что под страной Бестан И. Шильтбергер «разумел Бештау (Пятигорье), где Иб-Батута встретил хана Узбека, или же ближайшие окрестности Екатеринограда, ныне еще именуемых Бештамак» [Брун, 1867: 34 прим. 2 к главе XXV]. Рассмотрение им района Пятигорья как одного из вариантов локализации «страны Бестан» вполне логично с учетом внешнего сходства названий данных местностей. При этом следует учитывать, что район Пятигорья и всей Минераловодской равнины входили в состав области Бишдаг средневековых источников [Бабенко 2018: 17]. Предположение Ф.К. Бруна о локализации «страны Бестан» в урочище Бештамак задавало правильное направление для дальнейших исследований.

Е.И. Нарожный выразил сомнение в возможности использования сведений И. Шильтбергера для локализации области Джулат и попытался привлечь рассмотренный выше комментарий Ф.К. Бруна в поддержку своей аргументации, но сослался только на первую часть этого предположения про Пятигорье, а его продолжение про урочище Бештамак проигнорировал [Нарожный 2021: 148 прим. 6]. Подобные манипуляции с текстом известного специалиста по исторической географии России позволили Е.И. Нарожному локализовать эту «весьма гористую страну» на Нижнем Тереке [Нарожный 2021: 148].

В одном из списков анонимной хроники «Таварих-и Гузида – Нусрат-наме», созданной в начале XVI в. при дворе Мухаммеда Шейбани-хана в «Дастане о Бату-хане по прозвищу Саин», содержится упоминание этой области. «Тумены, данные Шибан-хану [Батыем, таковы]: в горах Джулат Черкес, в степи – Кара Улак, в Крыму – Кырк йер <...>» [Мустакимов 2011: 231]. Двойное наименование этой области свидетельствует о сохранении ею в постзолотоордынский период в своем названии первоначальной основы «Джулат». Вероятно, в нем также отражен факт проживания предков кабардинцев на территории Кабардинской равнины в начале XVI в.

В 1666 г. турецкий путешественник Э. Челеби совершил поездку на Северный Кавказ. В области Таустан (Малая Кабарда) он упоминает два города, разоренных Тимуром: город Таусултан на берегу р. Бахистан и город Ирак-и Дадиан. Город Таусултан он называет древней столицей этой страны, основанной Хормоздом, сыном Ануширвана [Челеби 1979: 97]. Город Ирак-и Дадиан Э. Челеби посетил, двигаясь три часа по направлению к кыбле после посещения города Таусултан. Описывая город, он говорит в восторженных тонах о восьмиэтажных минаретах и надгробиях на мусульманском кладбище [Челеби 1979: 100–102]. Данный город, несмотря на массу неточностей в описании, принято отождествлять с Татартупом. Возможно, что под названием Таусултан путешественник упомянул городище Нижний Джулат. Об этом свидетельствуют упоминание былого величия и высокого статуса города, а также отсылка к истории основания города в эпоху раннего средневековья, как и в известном сочинении «Тарихи Дербенд-наме». Возможно, что Э. Челеби был знаком с местными историческими хрониками.

Под наименованием Джулат и Татартуп города в среднем течении Терека упоминаются в «Тарихи Дербенд-Наме»: «Нуширван воздвиг <...> укрепления <...> Кичи-Маджар, Уллу-Маджар и другие незначительные укрепления в пределах Дагестана <...> Уллу-Маджар и Кичи-Маджар называются теперь Джулад и Татар; последнее название происходит от того, что после разрушения города, большую часть его обитателей составили татары, выходцы из Крыма <...>» [Тарихи... 2011: 28–29]. Она также, как сочинение Э. Челеби, ведет историю города Джулат с хазарской эпохи. В.А. Кузнецов полагает, что данные сведения о Джулате и Татартупе кажутся верными, хотя и требующими проработки [Кузнецов 2014: 7].

Несомненно, что рассмотренные выше источники требуют критического осмысления и учета их специфики. В этом отношении показателен анализ отрывка из сочинения Ибн-Баттуты о путешествии в Болгар, произведенный И.В. Волковым [Волков 2022: 233]. Такого же критического рассмотрения требуют воспоминания И. Шильтбергера [Кузнецов 2014: 95]. Однако в отношении рассмотренных выше источников следует учитывать, что они независимо друг от друга свидетельствуют о наличии области Джулат в районе излучины Терека и урочища Бештамак.

Важнейшим источником по локализации городов Джулат и Татартуп являются материалы экспедиций 1742 и 1744 гг., организованных астраханским губернатором В.Н. Татищевым. В «Истории Российской», ссылаясь на подготовленную геодезистами С. Чичаговым и С. Щелковым карту, он перечислил города Маджар, Татартуп и «Юлат»: «Другой град на реке Терке, от Изляря в 200 верст, Тартупь имянуем, имеет стены каменные и внутри церковь з башнею высокою круглою

и развалины бывших неколиких полат. 3) На чертеже Юлат. 4) Выше онаго в Большой Кабарде в горах, в котором церковь христианская стоит цела и замкнута, в ней сказывают, что много книг греческих находится, токмо в оную под смертью входить запресчено, а книги, сказывают, что чрез окна видеть можно. Я охотно желал чрез посланных удостовериться, токмо и в город оной близживусчие не пустили» [Татищев 1994: 278]. У В.Н. Татищева города Татартуп и Юлат упомянуты отдельно от церкви, стоящей в горах Большой Кабарды. На российских картах Большой и Малой Кабарды, созданных в 1744 г. и позднее, обозначены «запустелые города» Маджар и «Елат»/«Юлат». Город Елат/Юлат отмечен на месте городища Нижний Джулат [Бабенко, Колесникова 2022: 81–82]. Примером подобной карты является карта И.Ф. Трускотта «Карта представляющая Кубань сочинял И. Трескот» 1783 г., на которой показаны «запустелые» города Маджар и Юлат (рис. 1). Несомненно, что участники данных экспедиций зафиксировали сохранившиеся в памяти местных жителей исторические названия городищ Маджары, Нижний Джулат и Верхний Джулат.

К сожалению, с момента выхода работы Л.П. Семенова [Семенов 1947: 6] объектом анализа традиционно является не сочинение В.Н. Татищева, а документ Екатерины II, созданный в 1768 г. на основе сочинения В.Н. Татищева. Его содержание существенно отличается от текста В.Н. Татищева: «<...> другой град на реке Терк от Кизляра с 200 верст, Тартуп имянуем, имеет стены каменные и внутри церковь с башнею высокою круглая развалины бывших неколиких полат. На чертеже Юлат выше онаго в Большой Кабарде в горах, в которой церковь христианская цела и замкнута <...>» [Катанов 1907: 242]. На наш взгляд, здесь изменилась структура предложения, исчезла нумерация отмеченных В.Н. Татищевым городов. В этом документе весьма неоднозначно упомянута христианская церковь. Она расположена то ли в городе «Юлате», то ли выше «Юлата» в горах Большой Кабарды, то ли выше от Татартупа на карте, т. е. севернее, в то время как у В.Н. Татищева «Юлат» и церковь упомянуты раздельно, в разных областях Кабарды. Здесь необходимо учитывать вторичность данного документа по отношению к сочинению В.Н. Татищева. Также необходимо учитывать исправления, внесенные в текст В.Н. Татищева автором этого документа, не знакомым с ситуацией на месте.

Л.П. Семенов, анализируя документ Екатерины II, правильно локализовал «Юлат» на городище Нижний Джулат. При этом он пришел к выводу о нахождении упоминаемой в документе Екатерины II церкви в городе Джулате, что не соответствует действительности [Семенов 1947: 6]. Х.М. Мамаев обоснованно сопоставил «Юлат» данного источника с христианской церковью на р. Чегем у селения Улу-Эльт, упоминаемой Ю. Клапротом [Клапрот 2008: 180] и П.С. Палласом [Паллас 2010: 277]. Можно согласиться с Х.М. Мамаевым, что «Юлат» документа Екатерины II находился в селении Улу-Эльт [Мамаев 1984: 86]. Однако данная локализация с учетом сведений П.С. Палласа и Ю. Клапрота может быть применена только для церкви, но эта церковь не могла быть принята за город. Документ Екатерины II не дает основания для иной локализации города «Юлат», чем на месте городища Нижний Джулат.

Е.И. Нарожный посвятил «дословному» сравнению сочинения российской императрицы и основоположника российской исторической науки специальную статью. В предпринятом сопоставлении фрагментов из их сочинений он не только не заметил отмеченных выше отличий, но и изменил цитируемый текст первого издания сочинения В.Н. Татищева: «<...> на чертеже Юлат (?) выше онаго в большой Кабарде в горах. В котором церковь Христианская стоит цела и замкнута» [Нарожный 2017: 22 табл. 1 правая колонка 10–11 строки]. На наш взгляд, в данной версии текст, приписываемый В.Н. Татищеву, повторяет структуру документа Екатерины II и имеет мало общего с текстом оригинала как в его первом издании, на которое ссылается Е.И. Нарожный, так и в академическом издании 1962 г. Подобное изменение текста меняет смысл предложения,

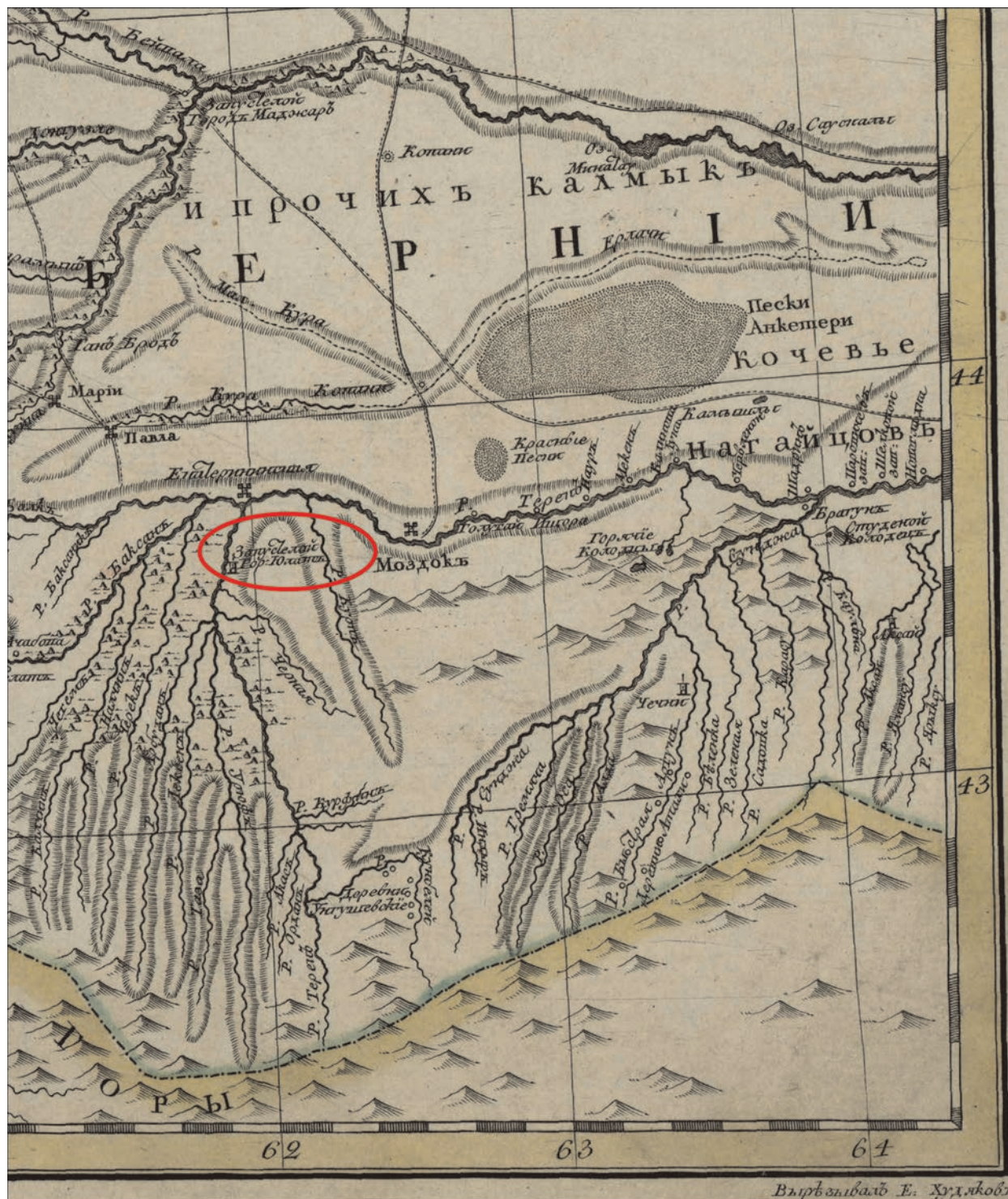

Рис. 1. «Карта представляющая Кубань. Сочинял И. Трескот» 1783 г. Фрагмент. Район Среднего Прикумья и Среднего Терека – по: [Карта... 1783]

в котором город Юлат был упомянут отдельно от Татартупа и от христианской церкви. Здесь появился вопросительный знак после упоминания города Юлат, никак не прокомментированный Е.И. Нарожным. Е.И. Нарожный локализует город Юлат не в Малой Кабарде, а в Большой Кабарде на р. Чегем [Нарожный 2017: 20]. Непонятно, как этот город мог поместиться на небольшой скале, о которой писали П.С. Паллас и Ю. Клапрот.

Традиция локализации городов Джулат/Юлат/Елат и Татартуп, заложенная участниками экспедиций 1742 и 1744 гг., была продолжена во второй половине XVIII – начале XIX в. И.А. Гильденштедт упоминает Татартуп с его пятью развалинами [Гильденштедт 2002: 261–262] и местность Джулат [Гильденштедт 2002: 279]. Ю. Клапрот посещал руины Джулата [Клапрот 2008: 6]. Он впервые связал городище Нижний Джулат с городом Джулат персидских авторов и «Дербенд-наме» [Маджар и Нижний... 2015: 109–110; Савенко 2016: 246]. Таким образом, усилиями участников экспедиций 1742 и 1744 гг., И.-А. Гильденштедта и Ю. Клапрота были локализованы два крупных золотоордынских города на Среднем Тереке.

По данным Л.П. Семенова, традиция разделения Верхнего и Нижнего Джулатов начинается в XIX в. [Семенов 1947: 7]. Им предложена вполне логичная версия: второе свое название (Верхний Джулат) Татартуп получил в связи с однородностью материальной культуры обоих городов, разрушением Нижнего Джулата и большой ролью Татартупа в быту и фольклоре горских народов [Семенов 1947: 9].

По мнению Е.И. Нарожного, традиция выделения двух Джулатов была заложена Х.М. Френом и «развита» И.Ф. Бларамбергом, якобы разделившим сведения о двух городах [Нарожный 2020: 108]. В своем компилятивном сочинении И.Ф. Бларамберг обобщил сведения персидских авторов и материалы путешественников XVIII – начала XIX в. об этих городах [Бларамберг 2010: 195–199]. Названия «Нижний Джулат» и «Верхний Джулат» он вообще не использовал. К моменту завершения работ над своим сочинением в 1834 г. он не мог видеть Нижний Джулат в том виде, в котором он пребывал на рубеже XVIII–XIX в. В его работе содержатся сведения о минарете и остатках мечети на Джулате [Бларамберг 2010: 196]. Он отдельно описывает в Татартупе три минарета, удаленных друг от друга и «полностью похожих на минарет в Джуладе; там также есть две церкви совершенно в русском стиле» [Бларамберг 2010: 199]. Из трех упоминаемых им «минаретов» (мечетей) в Татартупе к настоящему времени исследовано два, что подтверждает достоверность сведений И.Ф. Бларамберга. Как видно из текста И.Ф. Бларамберга, он не выделял два Джулата. Он привел сведения о реально существующих памятниках.

Проведение во второй половине XX в. археологических исследований на обоих городищах позволило окончательно локализовать города Джулат и Татартуп и поставить вопрос о локализации области Джулат средневековых письменных источников на Среднем Тереке. На наш взгляд, помимо отмеченных выше факторов необходимо учитывать следующие моменты.

Область Джулат занимала территорию Кабардинской наклонной равнины и прилегающие к ней территории предгорий Центрального Кавказа в излучине р. Терек, крупнейшей реки Северо-Восточного Кавказа. В.А. Кузнецов обратил внимание на пространство между предгорной равниной, заключенной между Тереком в его меридиональной части течения и первой цепью Кавказских гор, являющееся ареалом интенсивных этногенетических контактов [Кузнецов 1997: 163].

На территории области Джулат известно несколько крупных городских центров и поселений, возникших в золотоордынское время на месте бытовых памятников аланской эпохи (Нижний Джулат, Верхний Джулат, Булунгуевское, Терекское и Хамидиевское городища).

Городище Нижний Джулат расположено на стыке плоскостной и предгорной зон Центрального Предкавказья, на высоком правом берегу р. Терек, на плато [Маджар и Нижний... 2015: 109].

Вокруг города располагались плодородные земли и заливные пастбища [Маджар и Нижний... 2015: 112]. Основными занятиями жителей Нижнего Джулата являлись земледелие, скотоводство и ремесла. Основными зерновыми культурами являлись просо и пшеница. Район Кабардинской равнины отличается плодородными черноземами. Область Джулат с эпохи раннего средневековья производила большое количество зерна. Возможно, в золотоордынскую эпоху оно поставлялось в степные районы Северного Кавказа и, прежде всего, в Маджар. На городище Маджары обнаружено большое количество мельничных жерновов, что свидетельствует о масштабной переработке зерна в городе Маджаре [Обухов 2021: 177–179]. Природные условия Прикумья не благоприятствовали масштабному производству зерновых культур [Бабенко, Обухов 2021: 216–220]. Не исключено, что значительная часть зерна поступала в Маджар и его округу из области Джулат. Главное место в животноводстве занимали разведение крупного рогатого скота, лошадей и мелкого рогатого скота [Маджар и Нижний... 2015: 140]. Терские городища могли образовывать сельскую округу городища Нижний Джулат. Именно здесь армия Тамерлана пополняла запасы продовольствия в 1395 г.

Городище Верхний Джулат (Татартуп) расположено на левом берегу Терека, в т. н. Эльхотовских воротах – месте прорыва Терека через Терско-Сунженский хребет в 35 км выше по течению реки от Нижнего Джулата. Длина Эльхотовской долины составляет около 8,5 км, ширина – до 3 км. Она прикрывает путь на Осетинскую (Владикавказскую) равнину [Кузнецов 2014: 8–9].

По мнению В.А. Кузнецова, область Джулат, помимо важной хозяйственной роли в аланский период, имела важное значение в плане прохождения здесь ключевых торговых путей: с запада на восток (от низовьев Кубани до Каспия) и с севера на юг (от низовьев Волги к Дарьяльскому проходу), которые пересекались в данной области [Кузнецов 1992: 346].

Маджар, Пятигорье, Новопавловское поселение, Джулат и Татартуп располагались на маршрутах перекочевков ханских ставок в XIV в. На Верхнем Тереке В.А. Кузнецов локализует временную ставку ханов Золотой Орды. По его мнению, в этом месте располагался сборный пункт ордынских войск перед походом в Закавказье, располагавшийся на месте пересечения важнейших маршрутов [Кузнецов 2003: 30]. В ноябре-декабре 1318 г. армия Узбека провела здесь облавную охоту, как репетицию вторжения в Закавказье [Кузнецов 2003: 30–31].

Область Джулат занимала важное военно-стратегическое положение на Центральном Кавказе. В.А. Кузнецов обратил внимание на то, что татартупские укрепления были сооружены в Эльхотовских воротах, а не вблизи Дарьяльского прохода [Кузнецов 2003: 158]. Несомненно, что Татартуп прикрывал верхнее и среднее течения Терека от возможных хулагуидских вторжений. Одно вторжение могло произойти во время конфликта Берке и Хулагу в 1262–1263 гг. Киракос Гандзакеци сообщает, что Хулагу разделил свое войско на три части. Отправив часть сил во главе с сыном Абагой-ханом и Аргуном в Хорасан и оставив часть сил у Аланских ворот (Дарьяльского прохода? – В.Б.), он направил главные силы через Дербент. Хулагу «... вступил на [территорию] далеко за Дербентскими воротами, ибо туда есть лишь два пути: через аланов и через Дербент» [Киракос Гандзакеци 1976: 237]. Согласно сведениям Ибн-Василя, армия Хулагу продвинулась от Дербента на север на расстояние 15 дней пути и дошла до волжской дельты [Тизенгаузен 1884: 73–75]. Сведений о прорыве армии Хулагу через Дарьяльский проход нет.

В районе Татартупа долгое время сохранялись следы укреплений. Э. Челеби оставил свидетельства об Искандеровой стене в окрестностях города Ирак-и Дадиан (Татартупа) [Челеби 1979: 102–103]. Так называемый «вал Тамерлана» в 1979 г. наблюдал с вершины Терско-Сунженского хребта В.А. Кузнецов. Он представлял собой светло-желтую глиняную полосу шириной 6–8 м, протянувшуюся поперек терской долины [Кузнецов 2003: 24]. По сведениям Ф.С. Гребенца (Панкратова), в начале XX в. вал пересекал долину Терека не только на левом, но и на правом

берегу (Гребенец 1915: 8). По данным В.А. Кузнецова, сооружение валов не было характерно для укреплений региона в раннесредневековую эпоху [Кузнецов 2003: 24]. «Тамерланов вал» у Татартупа вполне соответствует золотоордынской традиции сооружения оборонительных сооружений. В.Ю. Коваль обследовал вал Болгарского городища и установил, что он имел протяженность около 6 км и высоту 4 м и не имел на гребне никаких вертикальных преград [Коваль 2019: 319–321]. По мнению И.В. Волкова и О.В. Лопан, вал на Болгарском городище был сооружен в 40-е гг. XIV в. по пока неустановленным причинам [Волков, Лопан 2018: 207].

Вал в окрестностях Татартупа был сооружен гораздо раньше. Вероятно, испытывая угрозу вторжений Хулагуидов через Дарьял, золотоордынские ханы построили в Эльхотовских воротах столь протяженный вал. Вероятно, имел укрепления и сам Татартуп. Ф.С. Гребенец (Панкратов) привел сведения из архива командира Моздокского полка Султан-Казы-Гирея. Согласно им, в 1319 г. хан Узбек «приходил с ордою, исправил галу (город) Татар-туп» [Гребенец 1915: 3]. Несомненно, здесь подразумевается ремонт укреплений Татартупа. Каменную стену вокруг Татартупа упоминает и В.Н. Татищев. Как показал В.А. Кузнецов, главной функцией города в XIV в. была военно-охранительная; во время крупных военных действий он становился базой для собирания войск и резиденцией ханов. После прекращения в 1357 г. войн с Хулагуидами он потерял эту функцию [Кузнецов 2003: 171–172]. На городище Нижний Джулат раннесредневековые укрепления первоначально были скрыты, но примерно в середине XIV в. на цитадели городища была возведена сырцовая стена [Маджар и Нижний... 2015: 118].

Вызывает интерес конфессиональный состав населения области. Помимо мусульман здесь проживало большое количество христиан. И. Шильтбергер описывает «гористую страну Джулад, населенную большим числом христиан, которые там имеют епископство. Священники их принадлежат к ордену кармелитов, которые не знают по-латыни, но молятся и поют по-татарски, для того, чтобы прихожане были более тверды в своей вере» [Брун 1867: 31–32]. В описании И. Шильтбергера «гористой страны Джулад» В.А. Кузнецов обоснованно видит Верхний Джулат, «расположенный в гористой местности и имеющий четыре христианских храма и христианские кладбища» [Кузнецов 2014: 102]. В.А. Кузнецов считает Верхний Джулат христианским центром на юге Золотой Орды [Кузнецов 2014: 104].

Таким образом, приведенные выше аргументы в пользу традиционной локализации области Джулат в излучине Терека опираются на сведения письменных источников и материалы археологических исследований. При своей высокой значимости города на месте городищ Нижний Джулат и Верхний Джулат, вероятно, исполняли различные функции. Они располагались в стратегически важных участках терской долины. Археологические и письменные источники позволяют считать Татартуп религиозным центром области. Он также выполнял в период расцвета Золотой Орды оборонительные функции и контролировал Эльхотовские ворота на случай хулагуидских вторжений через Дарьял. Город Джулат выполнял функции административного центра, вокруг которого начинала формироваться сельская округа. Несмотря на имеющиеся свидетельства важности городища Верхний Джулат (Татартуп), имеющиеся свидетельства позволяют локализовать город Джулат, давший название данной области, на городище Нижний Джулат.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабенко В.А. Локализация области Бишдаг в Центральном Предкавказье по данным письменных и археологических источников // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 16–20.
- Бабенко В.А., Колесникова М.Е. В.Н. Татищев и золотоордынские памятники Северного Кавказа // Oriental Studies. Т. 15. № 1. 2022. С. 74–85. DOI: [10.22162/2619-0990-2022-59-1-74-85](https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-59-1-74-85).

- Бабенко В.А., Обухов Ю.Д.* Памятники округа Маджар (Северный Кавказ). Современное состояние изучения // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 216-230. DOI 10.24852/ра2021.2.36.216.230
- Бларамберг И.Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Пер. с фр., предисл. и комм. И.М. Назаровой. М.: Изд. Надыршин, 2010. 400 с.
- Брун Ф.К.* Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1426 год // Записки Императорского Новороссийского университета. Т. 1, вып. 1. Одесса: Императорский Новороссийский университет, 1867. 156 с.
- Волков И.В.* Некоторые картографические и нарративные источники об Укеке // Археология евразийских степей. 2022. № 3. С. 204-242. DOI 10.24852/2587-6112.2022.3.204.242.
- Волков И.В., Лопан О.В.* О времени освоения и возможных причинах запустения южной части Болгарского городища // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 204-208.
- Гильденштедт И.А.* Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. / Пер. Т.К. Шафрановской. Ред. Ю.Ю. Карпов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 512 с.
- Гребенец Ф.С.* Курганы в окрестностях станицы Змейской (Терского казачьего войска). (Отчет об археологических раскопках, произведенных в 1912 году) // СМОМПК. 1915. Вып. 44. С. 1-30.
- Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. / Сост. В.М. Букалова. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 424 с.
- Карта, представляющая Кубань / сочинял И. Трескот. [Б.м.], 1783.
- Катанов Н.Ф.* Два исторических документа Императрицы Екатерины II о древностях Волги и Кавказа // ИОАИЭ. 1907. Т. XXIII. Вып. 1-6. С. 238-244.
- Киракос Гандзакечи. История Армении / Пер с древнеарм., предисл. и коммент. Л.А. Ханларян. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 357 с.
- Клапрот Ю. Описание поездки по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах / Пер. с англ. К.А. Мальбахов. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2008. 318 с.
- Коваль В.Ю.* Фортификация Болгара в XIV в. современное состояние проблемы // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. Памяти Г.А. Федорова-Давыдова. (Серия «Археологические источники Восточной Европы»). Под ред. С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова. Казань-Кишинев. 2019. Издательство «Stratum plus» Р. Р., Университет «Высшая антропологическая школа» / Сер. Археологические источники Восточной Европы. С. 307-323.
- Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. 2-е изд. доп. Владикавказ: «Ир», 1992. 392 с.
- Кузнецов В.А.* Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона // Памятники предскифского и скифского времени юга Восточной Европы. МИАР. 1997. № 1. С. 15-176.
- Кузнецов В.А.* Эльхотовские ворота в X–XV веках. Владикавказ: ВНЦ РАН; СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2003. 191 с.
- Кузнецов В.А.* Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. 160 с.
- Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа / Авт. Науч. проекта Э.Д. Зиливинская. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 184 с.
- Мамаев Х.М.* Из истории изучения средневековых городов Центрального Кавказа // В.Б. Виноградов, М.Б. Мужухоев. Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984. С. 79-94.
- Мустакимов И.А.* Сведения «Таварих-и Гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых Джучидов // Тюркологический сборник 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Вост. лит., 2011. С. 228-248.
- Нарожный Е.И.* О локализации «Трехстенного городка» на Нижнем Тереке: некоторые вопросы исторической географии XIII–XVII вв. // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. М-лы VII Междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова / Под ред. С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдикова. Казань; Ялта; Кишинев: Stratum Plus Р. Р., 2016. С. 225-231.
- Нарожный Е.И.* В.Н. Татищев и Екатерина II: Первые шаги в изучении средневековых памятников Северного Кавказа // Известия СОИГСИ. 2017. № 24 (63). С. 18-25.

- Нарожный Е.И.* Тамерлан и Северный Кавказ (несколько аспектов проблемы и ее решений) // Социально-гуманитарный вестник. Всерос. сб. науч. трудов. Вып. 27. Краснодар: Издательство Краснодарского центра научно-технической информации (ЦНТИ), 2020. С. 107-112.
- Нарожный Е.И.* События 1230–1240-х годов на Северном Кавказе и о «потерянном» Магасе // Золотоордынское наследие: сб. статей, посвящ. 700-летию со дня рождения средневекового татарского поэта Сейфа Сараи / Науч. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. Вып. 4. С. 14-153.
- Нарожный Е.И.* Городище «Нижний Джулат» в Кабардино-Балкарии // Археология евразийских степей. 2022. № 4. С. 136-146. DOI 10.24852/2587-6112.2022.4.136.146
- Обухов Ю.Д.* Переработка зерна в Золотоордынском городе Маджар // Археология евразийских степей. 2021. № 4. С. 177-182. DOI 10.24852/2587-6112.2021.4.177.182
- Паллас П.С.* Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793-1794 годах. / пер. с англ. В.М. Аталикова // Европейские дневники XIII-XVIII веков. Сост. В.М. Аталиков. / Проект Марии и Виктора Котляровых Кавказ. Вып. III. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. С. 247-283.
- Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской академией наук, по предложению ее президента. Т. 6. Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1824. 546 с.
- Савенко С.Н.* К исторической топографии Нижнего и Верхнего Джулатов золотоордынского времени (историографические аспекты) // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. М-лы VII Междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. / Под ред. С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдикова. Казань; Ялта; Кишинев: Stratum Plus P. P., 2016. С. 246-253.
- Семенов Л.П.* Татартупский минарет. Дзауджикау: Гос. изд-во Северо-Осетинской АССР, 1947. 24 с.
- Тарихи Дербенд-Наме. Воспроизведение издания 1898 г. Баку: «Нагыл Еви», 2011. 170 с.
- Татищев В.Н.* Собрание сочинений. История Российская. Ч. 1. Ред. кол.: А.И. Андреев, С.Н. Валк, М.Н. Тихомиров. Репринтное воспроизведение текста издания 1962 г. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1994. 500 с.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1884. 563 с.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Отв. ред. П.П. Иванов. М.; Л: АН СССР, 1941. 308 с.
- Чеченов И.М.* Вопросы локализации места генерального сражения между войсками Тимура и Тохтамыша в апреле 1395 г. // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. (г. Владикавказ, 21–25 апреля 2008 г.). Тез. докл. Междунар. науч. конф. / Отв. ред. А.А. Туаллагов. Владикавказ: СОИГСИ, 2008. С. 367-371.
- Челеби Эвлия.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья / Сост. и отв. ред. А.Д. Желтяков, прим. и комм. А.П. Григорьева и А.Д. Желтякова. (Памятники литературы народов Востока, VI). М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1979. 287 с.

М. Б. Кожа

Мұхтар Бакадырулы Кожа,
Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясави,
г. Туркестан, Казахстан; mukhtar_kozha@mail.ru

Потомки населения Сыгнака и других позднесредневековых городов исторической области Туркестан в этнической структуре казахов*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования этнических контактов горожан и кочевников на основе письменных источников и материалов археологических исследований г. Сыгнака и других позднесредневековых городов Южного Казахстана. Дается краткий обзор публикаций, посвященных взаимодействию городского и оседлоземледельческого населения средневекового Казахстана. Привлекаются сведения этнологических исследования о сунаках, сообщения письменных источников о средневековом городе Сыгнак-Сунак. Данные письменных источников в совокупности с материалами археологических исследований памятников городской культуры Южного Казахстана позволяют наметить этнокультурные процессы в городах исторической области Туркестан в период позднего средневековья. Для средневекового Сыгнака характерна полиэтничность с увеличением групп населения, имеющего кочевническое происхождение, и тюркизация. Представляется, что в период XV-XVIII вв. в состав горожан Сыгнака вливаются как волны казахской элиты, сделавшей город своей резиденцией, так и обедневших казахов-джатаков. Интеграционные процессы в период позднего средневековья привели к тому, что часть населения средневековых городов Южного Казахстана вошла в состав казахского народа. К категории казахов, имеющих городское происхождение, относится род сунак – прямые потомки населения средневекового Сыгнака.

Ключевые слова: археология, средневековье, Южный Казахстан, Сыгнак, тюркизация, сунак

Мұхтар Бақадырулы Қожа,
Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті,
Түркістан қ., Қазақстан

Қазақтардың этникалық құрылымындағы Түркістан тарихи өлкесінің Сыгнақ және басқа да кейінгі ортағасырлық қала тұрғындарының ұрпақтары

Аннотация. Мақалада Сыгнақ қаласы мен Оңтүстік Қазақстанның басқа да кейінгі ортағасырлық қалаларындағы жазба деректер мен археологиялық зерттеулер материалдары негізінде қала тұрғындары мен көшпелілер арасындағы этникалық байланыстарды зерттеу нәтижелері берілген. Ортағасырлық Қазақстанның қалалық және отырықшы егіншілік тұрғындарының өзара байланысына арналған басылымдарға қысқаша шолу жүргізілген. Сунақтар туралы этнологиялық сипаттағы мәліметтерден, ортағасырлық Сыгнақ-Сунақ қаласы туралы жазба деректерден алынған мәліметтер қамтылған. Жазба деректердегі ақпараттар Оңтүстік Қазақстанның қала мәдениетіне қатысты археологиялық зерттеу материалдарымен бірге соңғы орта ғасырлардағы Түркістан тарихи өлкесінің қалаларындағы этномәдени үдерістердің бағыттарын жобалауға мүмкіндік береді. Ортағасырлық Сыгнақ қаласының тұрғындары полиэтносты болуымен қатар көшпелі текті топтардың көбеюімен және түркіленуімен ерекшеленеді. XV-XVIII ғасырлар кезеңінде Сыгнақ қаласының тұрғындары қатарына қаланы резиденцияға айналдырған қазақ элитасы мен кедейленген қазақ-жатақтардың қосылуы байқалады. Соңғы орта ғасырлардағы интеграциялық процестер Оңтүстік Қазақстандағы ортағасырлық қалалар халқының бір бөлігінің қазақ халқының құрамына енуіне әкелді. Қалалық текті қазақтар санатына Сунақ руы – ортағасырлық Сыгнақ халқының тікелей ұрпақтары жатады.

Түйін сөздер: археология, ортағасырлар, Оңтүстік Қазақстан, Сыгнақ, түркітану, Сунақ

© 2022 Кожа М.Б.

*Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2021–2023, ИРН проекта BR10965310.

Mukhtar Kozha,

H.A. Yasavi International Kazakh-Turkish University,
Turkestan, Kazakhstan**Descendants of the population of Sygnak and other late medieval cities of the historical region of Turkestan in the ethnic structure of the Kazakhs**

Abstract. The article presents the results of the study of ethnic contacts of citizens and nomads on the basis of written sources and materials of archaeological research of Sygnak and other late medieval cities of Southern Kazakhstan. A brief overview of publications devoted to the interaction of urban and settled agricultural population of medieval Kazakhstan is given. The information of ethnological research about the Sunaks, reports of written sources about the medieval city of Sygnak-Sunak are involved. The data of written sources in combination with the materials of archaeological research of the monuments of urban culture of Southern Kazakhstan allow us to outline the ethno-cultural processes in the cities of the historical region of Turkestan during the late Middle Ages. The medieval Sygnak is characterized by polyethnicity with an increase in the population groups of nomadic origin, and Turkization. It seems that in the period of the 15th–18th centuries the citizens of Sygnak are joined by both waves of the Kazakh elite, who made the city their residence, and impoverished Kazakhs-Jataks. Integration processes during the late Middle Ages led to the fact that part of the population of medieval cities of Southern Kazakhstan became part of the Kazakh people. The category of Kazakhs with urban origin includes the Sunak clan – direct descendants of the population of medieval Sygnak.

Keywords: archeology, Middle Ages, Southern Kazakhstan, Sygnak, Turkization, Sunak

Исследования востоковедов и археологов показали, что в период средневековья в обширных регионах Казахстана существовала городская культура. Проблема этнических контактов горожан и кочевников на материале раскопок городища Сузак впервые рассмотрена в статье Л.Б. Ерзаковича [Ерзакович 1966: 69]. Позднее, в монографии К.А. Акишева, К.М. Байпакова, Л.Б. Ерзаковича «Древний Отрар», в отдельных работах С.М. Ахинжанова, Е. Смагулова и других исследователей, на материале раскопок Отрара и других позднесредневековых городов Южного Казахстана рассматривался ряд аспектов данной проблемы [Акишев и др. 1972: 207-208; Ахинжанов 1975: 56; Акишев и др. 1981: 194; Смагулов 1992:196-206; Ходжаев 1995: 33-40; Байпаков 2014: 343-360].

Фактологическая база, созданная археологическими исследованиями оседлоземледельческой культуры Южного Казахстана и Семиречья в совокупности с данными письменных и других исторических источников, позволяет рассмотреть вопрос о роли и месте городского и оседлоземледельческого населения средневекового Казахстана в этнической истории казахов.

Пожалуй, первым кто обратил внимание на происхождение рода сунак, проживающий на территории, примыкающей к городищу Сунак-ата, был Е.А. Смирнов. В публикации 1897 г. отметил: «В окрестностях Сунака обитает полуоседлое племя Сунак-ходжи или Сунак, совершенно не исследованное в этнографическом отношении. Тип сунаков и некоторые особенности их быта и языка указывают на то, что это не есть кровные тюрки, а, пожалуй, отреченные остатки тех поселенцев, которые занимали когда-то Саганак и многочисленные остатки поселений в лощине Ирым». В примечании автор пишет: «По словам окрестных киргизов (роды Кипчак и Кунград) Сунаки - сартовского поколения, что доказывается внешними отличиями (типом лица), обычаями (женщины скрывают лицо от посторонних) и отчасти языком» [Смирнов 2011: 74]. В.В. Бартольд подчеркивал, что у казахов слово «сарт» употребляется в смысле «оседлый житель», городской и сельский, на каком бы языке он не говорил [Бартольд 1968: 189]. По данным российских статистических материалов, большая часть сунаков вела оседлый образ жизни и имела стационарные постройки [Абиль и др. 2020: 365].

Примечательную информацию о происхождении рода сунак приводит В.А. Каллаур в статье «Древние города Саганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) и другие в Перовском уезде,

разрушенные Чингиз-ханом в 1219 г.», опубликованной в 1900 г.: «По расспросам моим о народе Сунак, чиракчи Мулла Кош-Мухаммед Татыбаев сообщил, что он сам происходит из рода Сунак. Они, сунаки, считают себя чем-то средним между сартами и киргизами: одни из них кочуют, другие живут оседло. Жители рода Сунак проживают: в Перовском уезде, в Яны-курганской волости 300 киб. и Сауранской 50 киб., в городе Туркестане до 200 дворов и в Бабай-кургане около 150 юрт. Развалины этого города между сунаками известны под именем Саганак. По преданию, город Суганак до разрушения был заселен ими, сунаками» [Каллаур 2011: 207]. Из этих сообщений следует, что сунаки считают себя потомками жителей г. Сыгнака, расположенного на территории нижнего течения Сырдарьи.

Сунакцы, скорее всего, как и другие жители ряда городов Центральной Азии, самоименовались в зависимости от своей пространственно-географической локализации. Примечательно, что упоминаемые в исследовательской литературе самоназвания ряда подразделений оседлых жителей Южного Казахстана – туркестанские, аккорганские (аққорғандық), карнакские (қарнақтық), карашыкские (қарашықтық), шобанакские (шобанақтық) ходжа, суир ходжа (сүйір-қожа), сунак [Валиханов 1985: 182; Муминов и др. 2008: 41–43; Муминов 2011: 28–48; Ерофеева 2000: 26–32; Ибадуллаева 2015: 27], «отрар-ходжа» [Кларе 1904: 29], напрямую связаны с урбонимами городов Южного Казахстана – Туркестан, Аккорган, Карнак, Карачик, Шобанак, Суири, Сыгнак, Отрар.

Сунаки указаны в списке казахских племен Н.И. Гродекова, М. Тынышбаева, где указывается их уран (боевой клич) и тамги (таңба) [Гродеков 1889: 300; Тынышпаев 1925: 30]. Современными казахстанскими исследователями сунаки отнесены к категории инкорпированных и внежузовых групп в составе казахов [Абиль и др. 2020: 364–365].

В ряде казахских генеалогий четко различают рода, входящие в состав жузов, и, как писал один из исследователей, «стоящие вне Орды», или, как говорят сами казахи, «жүзге кірмейтіндер». В этой группе, кроме торе и толенгутов, значатся кожа (ходжа), сунак [Ержанов 1996: 19].

История г. Сыгнак, по данным письменных источников, уходит в глубь веков. Сыгнак в форме *Сунах* впервые упомянут в анонимной рукописи персидского географа X в. как «небольшой город в области Фараба, очень богатый»; откуда вывозили в разные места луки. Согласно М. Кашгари, «Сугнак – один из огузских городов». Как селение он отмечен Абу Садам ас-Самани: «Абу-л-Фадл Сиддик ибн Сайд ас-Сунахи ал-Фараби – из селения Сунах, из городов Исбиджаба»; а позднее – известным историком Ибн ал-Асир. Сыгнак упомянут персидским историком Джувейни при описании походов хорезмшахов, потом – Чингиз-хана, в труде ан-Насави о монгольском завоевании. Под именем «Сгнах» он отмечен в XIII в. в истории армянского царя Гетума I [Кожа 2014: 634–636].

Место домонгольского Сыгнака археологами пока не определено. Стратиграфические шурфы на городище Сунак-ата [Жолдасбаев 2010: 94] не выявили слоев X–XIII вв., что указывает на иное местонахождение домонгольского Сыгнака, который был взят штурмом во время похода Чингиз-хана на запад. Поэтому обозначенная в ряде археологических исследований домонгольская дата основания городища Сунак-ата является некорректной. Перед археологами стоит задача выявления городища, соответствующего домонгольскому Сыгнаку.

Скупые данные письменных источников позволяют лишь в общем наметить этнокультурные процессы в средневековых городах Южного Казахстана. В домонгольский период, согласно грамотам хорезмшаха Текеша, своим наместникам жители нижнесырдарьинских городов Дженда и Барчанлыгкента подразделялись на «таджиков и тюрок», что свидетельствует о сосуществовании в присырдарьинских городах как иранского, так и тюркского населения [Ерзакович 1986: 91].

После подчинения Сыгнака монголам управление города было поручено сыну убитого Хасан-хаджи «с тем чтобы собрать вместе уцелевших, которые все еще прятались по углам» [ИКПИ-5 2007: 28].

Город возродился на новом месте и городище Сунак-ата соответствует позднесредневековому Сыгнаку, упоминаемому в источниках с XIV в. Город был одним из столичных центров Ак-Орды (Кок-Орды), что предполагает проживание в новом Сыгнаке вместе со старой группой населения части золотоордынской элиты и монголо-тюркоязычного гарнизона. Согласно «Чингис-наме» Утемиш-хаджи, Сыгнак входил в состав улуса Джучи и здесь какое-то время находился сын Джучи – Берке [Утемиш-хаджи 1992: 96]. Одним из степных правителей, обустроивших Сыгнак, был Урус-хан. Среди придворных Урус-хана отмечены бежавшие от Тимура эмиры - Адил шах и Сар Буга, возглавлявшие племена джалаир и кипчак [Мирза Мухаммед Хайдар 1996: 73]. О преобладании тюркоязычного населения в средневековых городах Казахстана XIV-XV вв. свидетельствуют и эпиграфические находки. Из городища Сарайчик происходит хум с надписями, представляющими отрывки из поэмы Юсуфа Баласагунского «Кудатгу Билиг» [Тасмагамбетов, Самашев 2001: 242–243], из слоя XV в. городища Аспара - лопатка коровы с тюркоязычным текстом [Муратов, Ерзакович 1967: 71–79].

В слоях XIV–XV вв. Тараза, Саурана, Отрара, Сарайчика встречены серьги в виде знака вопроса [Сенигова 1972: 198; Байпаков, Смагулов 2005: 27; Қожа 2019: 332–333]. Такие серьги найдены и в г. Сыгнаке [Воякин и др. 2021: 140]. Обычно они сделаны из проволоки, нижняя часть некоторых украшена дополнительной проволочной обмоткой (иногда к концу надеты круглые бусинки). Они были найдены в кыпчакских погребениях Восточной Европы и городах Золотой Орды, считаются этническим признаком кипчаков. Материалы археологических исследований перекликаются со сведениями письменных источников. Правителями Отрара и исторической области Туркестан в начале XV в. были братья Бердибек и Шейх Нур ад-дин - сыновья Сар Буга кипчаки. Бабур пишет о Шейх Нур ад-дине как о «кипчакском беке из Туркестана» [Бабур-наме 1993: 36]. Мирза Мухаммед Хайдар сообщает, что «в то время правителем Туркестана был эмир Шайх Нураддин б. Эмир Сар Буга кипчаки» [Мирза Мухаммед Хайдар 1996: 91].

К середине XIV в. ведущей формой в массовой жилой архитектуре Отрара становится жилище с каном, что считают результатом влияния центрально-азиатских элементов и следствием дальнейшей тюркизации горожан [Ерзакович 1986: 105]. Таким образом, археологические материалы и данные письменных источников свидетельствуют о проживании в городах Южного Казахстана групп населения, имеющих кочевническое происхождение.

Согласно «Михман-нама-йи Бухара» Ибн Рузбихана, «Купцы областей Туркестана, Мавараннахра и с Востока до пределов Кашгара, Хотана привозят в Сыгнак товары этих стран и совершают с людьми Дашта торговые сделки и обмен. Поскольку эти торговые сделки совершаются в Сыгнаке, то оно постоянно является местом пребывания купцов из [разных] стран <...>» [ИКПИ-5 2007: 172]. На основании указанных данных можно предполагать полиэтничность населения Сыгнака.

В период длительной борьбы за присырдарьинские города между Шибанидами и казахскими правителями Сыгнак чаще, чем другие города попадал в руки казахских ханов, т. к. именно здесь, на окраине исторической области Туркестан, находились зимние кочевья казахов. Как пишет Ибн Рузбихан о походе Мухаммада Шейбани, «дошел до границ страны казахов, то миновав Сыгнак, он приблизился к Кара-Абдалу, который является серединой их зимовий» [ИКПИ-5 2007: 172].

Занимавшийся исследованием позднесредневекового жилища Отрара и использовавший их как источник для реконструкции этнокультурных процессов Л.Б. Ерзакович отметил, что в XVII в. появляются новые элементы, характерные для полуседлого населения. Данные явления выглядят как ретроспектива степных влияний, вызванных «усиленной инфильтрацией собственно казахов в оседлую зону Сырдарьи на рубеже XVI–XVII вв.» [Ерзакович 1986: 106]. При раскопках прилегающего

к цитадели участка г. Туркестана в слое XVI–XVII вв. были выявлены основания трех юрт [Смагулов и др. 1999: 159–160]. В статейном списке пребывания (апрель–июль 1694 г.) в Казахской Орде Федора Скибина и Матвея Трошина упоминаются юрты внутри городов Туркестана и Саурана [ИКРИ-1 2005: 412, 415, 417, 418].

О продолжающейся тюркизации горожан в период позднего средневековья свидетельствует тот факт, что из шести ныне известных грамот XVI–XVII вв. из Сыгнака на персидском языке написана только одна. Выявленные копии грамот казахских ханов Таваккул и Турсун-Мухаммад конца XVI – начала XVII в., направленные в города Ясы и Суюри, написаны только на тюркском [Муминов и др. 2017: 41–42, 44, 50–56]. В ярлыке Убайдуллах-хана 1538-1539 г. о назначении на должность высшего духовного лица Сайрамского тумана упоминаются «тюрки и таджики» [ҚТТД-5 2006: 317], где тюрки уже указаны первыми. В вакуфной грамоте конца XVI в. в составе жителей Сыгнака названы арабы, тюрки, казахи и каракалпаки [ҚТТД-5 2006: 134].

Если с идентификацией последних перечисленных этнонимов вопросов не возникает, то, по мнению П.П. Иванова, нахождение арабов в данном районе объяснить трудно, т. к. в позднейшее время они в указанном регионе не встречаются. Исследователь предположил, что под арабами в XVI в. в прилегающем к г. Туркестану районе называлась группа населения, впоследствии получившая здесь известность под именем ходжей (қожа) и ведущая свою родословную от арабов [Иванов 1935: 34].

Понятие «ходжа» в различные периоды менялось. Есть предположение, что слово имеет индийское происхождение и первоначально (в VII–VIII вв.) этот термин в Средней Азии обозначал буддийского монаха. В.Н. Настич, говоря об употреблении данного термина в средневековье, счел необходимым отметить, что во всех случаях, включая и упоминания в нарративных источниках и актовых документах, этот термин прилагался исключительно к людям грамотным, образованным, независимо от их общественного ранга (впрочем, всегда довольно высокого). А так как грамотность здесь в первые века ислама, естественно, ассоциировалась, прежде всего, с арабским языком и умением читать Коран, то со временем слово «ходжа» стало осмысляться и как «потомок арабов» [Настич 1989: 174–175].

Сакральные родословные рода ходжа (қожа) - части современного населения Южного Казахстана повествуют о появлении их на территории региона в ходе арабского завоевания с целью распространения ислама в VIII в. В дальнейшем переселение арабов в Центральную Азию в первые несколько веков хиджры было довольно частным явлением, но к XV в. и особенно к XVI в. почти полная изоляция Средней Азии остановила этот процесс [Бабаджанов 1995: 92].

В письменных источниках встречаются сообщения о проживании ходжа в позднесредневековых городах Южного Казахстана. Автор XVI в. Фазлаллах ибн Рузбихан, описывая свое посещение присырдарьинских городов, пишет о встрече с сейидами – потомками пророка Мухаммеда в г. Ясы и Сауране [ИКПИ-5 2007: 206–210]. Автор сочинения «Тарих-и амнийа» Молла Муса, описывая об уходе части жителей г. Сайрама в 1684 г. в Джунгарию и Восточный Туркестан после повторного захвата города ойратским правителем, указывает, что «Люди Сайрама [делятся на] три племени, то есть на три рода: род ходжей, шахский род и эмирский род. Отобрав из этих трех родов по двадцать семей наиболее знатных и великих [людей] <...> привез в свою столицу Или» [ҚТТД-5 2006: 315]. Наиболее авторитетные представители этого рода на равных общались с верховными правителями казахов, выполняли важные поручения ханов, участвовали в обсуждении государственных вопросов [МИКХ 1969: 385; ИКРИ-1 2005: 415; Абусейтова 2020: 210–213; Ерофеева 2000: 33–35]. Русские послы к хану Тауке-хану Ф. Скрибин и Ф. Трошин упоминают о туркестанских «азяре и хожи», дававших советы казахскому правителю [ИКРИ-1 2005: 415]. Ходжа пользовались большим почетом

и привилегиями в традиционном казахском обществе и считались главными распространителями идей ислама. Согласно законам Тауке-хана «Жеты жаргы» (XVII в.), за убийство ходжа налагался штраф, превышающий в семь раз сумму штрафа за убийство простого человека [Левшин 1996: 368].

В период вхождения Сыгнака и других городов региона Туркестан в состав Казахского ханства усилилось оседание кочевников. Города исторической области Туркестан в русских источниках XVII–XVIII вв. именуется уже как «козацкие города» «казачьи города» [ИКРИ-12005: 383, 430], появляются новые сведения о проживании в городах исторической области Туркестан казахов [ИКРИ-4 2007: 94, 168; ИКРИ-6 2007: 99]. Согласно сообщению исследователя XVIII в. Христофора Барданеса о Старшем жузе: «многие из сих киргизов живут и домами в городах Ташкенте и Туркестане, Тасанаке и Сусаке (города в Южном Казахстане – М.К.), хотя в степи имеют также свои кибитки, куда из городов по желанию своему летом уезжают, и таковые, которые привыкли уже к градскому житию, прилежат к некоторым и рукоделиям» [ИКРИ-4 2007: 168].

В конце XVII в. правителем г. Сыгнака являлся Ишим-султан. В середине XVIII в. город был подвластен казахскому хану Бараку, в 1762–1798 гг. служил стационарной ставкой сыну хана Самеке Есиму II [Кожан 2014: 81]. Представляется, что в период XV–XVIII вв. в состав горожан Сыгнака вливаются как новые волны казахской элиты, сделавшей город своей резиденцией, так и обедневших казахов-джатаков.

Таким образом, сведения письменных источников и археологические материалы свидетельствуют, что еще до образования Казахского ханства население в средневековых городах Казахстана, расположенных на трассах Великого шелкового пути, не было однородным и состояло из различных компонентов. Этнокультурные процессы в XIII–XV вв. приводят к усилению тюркизации жителей городов и оседания в них новых групп населения, родственных насельникам Великой степи. Процесс интеграции степняков и горожан усилился с вхождением городов в состав Казахского ханства. Одной из важных особенностей развития Казахского ханства являлось сочетание кочевых скотоводческих районов и оседлых земледельческих районов с урбанистическими центрами, тесно связанных между собой экономически и политически. С конца XV в. казахские чингизиды становятся правителями ряда городов. Первое упоминание о казахах как о части населения Сыгнака встречается в XVI в. Археологические исследования и сведения письменных источников свидетельствуют об усиленной инфильтрации собственно казахов в оседлую зону Сырдарьи на рубеже XVI–XVII вв. Взаимопроникновению кочевников и оседлых жителей способствовала во многом общая культура: язык, письменность, религия и история. Интеграционные процессы в период средневековья привели к тому, что часть населения средневековых городов Южного Казахстана в ходе этнической истории вошла в состав казахского народа. В этническом составе современных казахов имеются некоторые роды, которые ведут свое происхождение от городских жителей. К этой категории относится род сунак – прямые потомки населения средневекового Сыгнака.

ЛИТЕРАТУРА

- Абиль Е.А., Исин А.И., Калшабаева Б.К., Калыш А.Б., Орынбаева Г.У., Рыскулов Т.А., Смагулов Б.К., Турсун Х., Тыхламетова А.С., Шотанова Г.А. Инкорпированные и внежузовые группы в составе казахов. Алматы: Изд-во ИП «Барбаева», 2020. 416 с.
- Абусеитова М.Х. Казахское ханство. Алматы: Шығыс пен Батыс, 2020. 344 с.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата: Наука, 1972. 214 с.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата: Наука, 1981. 343 с.
- Ахинжанов С.М. К вопросу о знаках на керамике позднесредневекового Отрара // Древности Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1975. С. 49-59.

- Бабур-наме. Записки Бабур. Перевод М.Салье. Ташкент: Гл. ред. энциклопедий, 1993. 464 с.
- Бабаджанов Б.* Мир-и Араб // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации. М-лы междунар. конф. (г. Алматы, 5–7 июня 1995 г.). Алматы, 1995. С. 88–98.
- Байпаков К.М.* Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Кн. III, ч. 2. Алматы: ИА КН МОН РК, 2014. 534 с.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А.* Ортағасырлық Сауран шаһары. Алматы: Credo, 2005. 202 б.
- Бартольд В.В.* Сочинения: в 9-ти т. Т. V. М.: Наука, 1968. 758 с.
- Валиханов Ч.Ч.* Собр соч. Т. 3. Алма-Ата: Гл. ред. Каз. сов. энциклопедии, 1985. 415 с.
- Воякин Д.А., Бактыбаев М., Искандерова А.Д.* Гавань Дешт-и-Кыпчака. 2021. Рукопись. 290 с.
- Гродеков Н.И.* Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области. Ташкент: Типо-Литография С.И. Лахтина, 1889. 544 с.
- Ержанов Ж.Е.* Сунақтар және Сунақ қаласы. Алматы: Ғылым, 1996. 216 б.
- Ерзакович Л.Б.* О позднесредневековом городище Сузак // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1966. № 3. С. 66–70.
- Ерзакович Л.Б.* Жилище позднесредневекового Отрара как источник для реконструкции этнокультурных процессов на юге Казахстана // Средневековые города Южного Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1986. С. 100–111.
- Ерофеева И.В.* Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. Алматы: Print-S, 2000. 178 с.
- Жолдасбаев С.* Средневековое городище Сыганак (X–XVIII вв.). Туркестан: Туран, 2010. 224 б.
- Ибадуллаева З.Ө.* Қазақ халқының құрамындағы қожалар. Тарихи-этнографиялық зерттеу. Алматы: Эверо, 2015. 176 б.
- Иванов П.П.* Очерк истории каракалпаков // Материалы по истории каракалпаков. Труды Института востоковедения АН СССР. Т. VIII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 9–89.
- ИКРИ-1. История Казахстана в русских источниках. Т. 1. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 704 с.
- ИКРИ-4. История Казахстана в русских источниках. Т. 4. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 368 с.
- ИКРИ-6. История Казахстана в русских источниках. Т. 6. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 516 с.
- ИКПИ-5. История Казахстана в персидских источниках. Т. 5. Извлечения из соч. XIII–XIX вв. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 476 с.
- Кларе А.К.* Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах его в 1904 г. // Протоколы заседаний и сообщения Туркестанского кружка любителей. Год IX. Ташкент, 1904. С. 13–42.
- Каллаур В.* Древние города Саганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) и другие в перовском уезде, разрушенные Чингис-ханом в 1219 году // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана. Туркестан: Туран, 2011. С. 204–211.
- Кожя М.Б.* Города и аграрные селения казахских ханств. Последняя четверть XVII–XVIII вв. // Эпистолярное наследие казахской правящей элиты. 1675–1821 гг. Алматы: АБДИ, 2014. С. 621–642.
- Қожа М.Б.* Ортағасырлық Отырар тарихы. Тарихи-археологиялық деректер негізінде. Нұр-Сұлтан: Өрнек, 2019. 424 б.
- ҚТТД-5. Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері. V т. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 440 б.
- Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских источников). Алма-Ата: Наука, 1969. 450 с.
- Мирза Мухаммад Хайдар.* Тарих-и Рашиди. Ташкент: Фан, 1996. 727 с.
- Муминов А.К.* Родословное древо Мухтара Ауэзова. Алматы: Жибек жолы, 2011. 30 с.
- Муминов А., фон Кюгельген, Д. Ди Уис, Кемпер М.* Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 368 с.
- Муминов А.К., Кумеков Б.Е., У.А. Султонов, В.К. Шуховцов, Д.Т. Кенжетаев, А.С. Кабылова, У.А. Утепбергенова, А.А. Айбасов.* Исторические документы мавзолея Ходжа Ахмеда Йасаи. Астана, 2017. 216 с.

- Муратов С.Н., Ерзакович Л.Б.* Лопатка коровы с тюркскими письменами на арабском алфавите из городища Аспара (Чуйская долина) // Эпиграфика Востока. 1967. Вып. XVIII. С. 71–79.
- Настич В.Н.* К эпиграфической истории Баласагуна // Красная речка и Бурана (Материалы и исследования. Киргизской археологической экспедиции). Фрунзе: Илим, 1989. С. 158-177.
- Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972. 218 с.
- Смагулов Е.А.* К вопросу об этнической принадлежности культуры позднесредневекового Отрара // Маргулановские чтения: сб. м-лов конф. 1990 (г. Алма-Ата). Ч. 1 / Отв. ред. З. Самашев.М., 1992. С. 196-206.
- Смагулов Е.А., Григорьев Ф., Итенов А.* Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана. Алматы: Гылым, 1999. 232 с.
- Смирнов Е.Т.* Древности на среднем и нижнем течении р. Сыр-Дарьи // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана. Туркестан: Туран, 2011. С. 70-78.
- Тасмагамбетов И., Самашев З.* Сарайшық. Сарайчик. Алматы: ОФ «Берел», 2001. 320 с.
- Тынышпаев М.* Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент: Вост. отд-ние Киргизского гос. изд-ва, 1925. 65 с.
- Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме. Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследования В.П. Юдина. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.
- Ходжаев М.Б.* Компоненты городского и оседло-земледельческого происхождения в этнической структуре казахов // Ата-мұра. Сб. статей, посвящ. 75-летию Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. Шымкент, 1995. С. 33-40.

А. Х. Шаяхметов

Анатолий Хайрутдинович Шаяхметов,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан; toliktommy@gmail.com

Особенности функционирования городских центров в среднем течении р. Арысь*

Аннотация. В статье представлены обзорные данные урбанизационных процессов в период развитого средневековья, а именно изменения в топографии городов, появление новых структурных элементов. Также в статье представлен краткий анализ возникновения городских центров в среднем течении р. Арысь. Особое внимание уделено атрибутам городских центров на средней Арыси – в крупнейших городах появляются характерные элементы городской инфраструктуры, а на периферии видоизменяются фортификация, разделяется и усложняется производство. Средневековые городские центры как явление для юга Казахстана – это результат урбанизационных процессов второй половины I тыс. н.э. Наличие приемлемого климата, свободного доступа к природным ресурсам, а также наличие рядом транспортных артерий позволяли освоить значительные территории.

Ключевые слова: археология, урбанизация, город, городской центр, средневековье, среднее течение р. Арысь

Анатолий Хайрутдинович Шаяхметов,
Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ, Қазақстан

Арыс өзенінің орта ағысындағы қалалық орталықтардың ерекшеліктері

Аннотация. Мақалада дамыған ортағасырлар кезеңіндегі урбанизация процестерінің, яғни, қалалар топографиясындағы өзгерістері және жаңа құрылымдық элементтерінің пайда болуы туралы шолу деректері ұсынылған. Сондай-ақ мақалада Арыс өзенінің орта ағысындағы қалалық орталықтардың пайда болуының қысқаша талдауы ұсынылған. Мақалада Орталық Арыстағы қала орталықтарының атрибуттарына ерекше назар аударылады – ірі қалаларда қалалық инфрақұрылымға тән элементтер пайда болады, ал шеткері аймақтарда фортификация түрленеді, өндіріс бөлінеді және күрделене түседі. Ортағасырлық қала орталықтары - Қазақстанның оңтүстігі үшін б.д. I мыңж. екінші жартысындағы урбандалу процестерінің нәтижесі. Қолайлы климаттың болуы, табиғи ресурстарға еркін қол жетімділігі, сонымен қатар жанында көлік артерияларының болуы ірі аумақтарды игеруге мүмкіндік берді.

Түйін сөздер: археология, урбанизация, қала, қала орталығы, ортағасыр, Арыс өзенінің орта ағысы

Anatoliy Shayakhmetov
Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan

Features of the functioning of urban centers in the middle reaches of the Arys River

Abstract: The article presents an overview of the urbanization processes in the period of the developed Middle Ages, namely, changes in the topography of cities, the emergence of new structural elements. The article also presents a brief analysis of the emergence of urban centers in the middle reaches of the Arys River. Special

attention in the article is paid to the attributes of urban centers in the middle Arys – in the largest cities, characteristic elements of urban infrastructure appear, and on the periphery, fortification is modified, production is divided and gets more complicated. Medieval urban centers as a phenomenon for the south of Kazakhstan are the result of urbanization processes of the second half of the first millennium AD. The availability of an acceptable climate, free access to natural resources, as well as the presence of a number of transport arteries, made it possible to develop significant territories.

Keywords: archeology, urbanization, city, urban center, Middle Ages, middle course of the Arys river

Город и городская культура на территории среднего течения р. Арысь начали развиваться с незапамятных времен. Процесс возникновения и роста городов в Средней Азии происходит в результате сложения Великого Шелкового пути. В результате политических и экономических процессов, происходивших на обширной территории, Римская, Парфянская, Кушанская и Китайская империи установили трансконтинентальную коммуникацию. Между природно-хозяйственными зонами вдоль торговых трасс возникают многочисленные города. Функционирование их происходит уже в тюркское время – в период появления Западного тюркского каганата [Боталов 2009: 15] Существует мнение, что города на исследуемой территории образовались в первом случае из оседлых центров, земледельческих районов, а во втором – из постоянных мест обитания кочевников. Оседлым центрам земледельческих районов свойственно было располагаться в центрах определенных районов: бассейн реки, оросительной системы, в узлах караванных путей и т. д. Для постоянных ставок кочевников важно было наличие вблизи зимовок, обильных родников, пастбищ, ответвлений караванных дорог [Агеева, Пацевич 1958: 69]. Каждый удобный участок активно осваивался и количество поселений росло в соответствии с количеством освоенных земель. Земли в широких поймах использовались в качестве земледельческих угодий, где полив осуществлялся с помощью развитой сети арыков, земли на надпойменных террасах использовались для отгонного скотоводства.

Регион средней Арыси с округами Испиджаб и Кенджеде был покорен арабами относительно поздно. С середины IX в. предпринимались активные военные и экономические меры на северных границах покоренных территорий Средней Азии. На данной территории возникают укрепленные форты – рабаты. Способствовал продвижению арабо-мусульманской культуры, с точкой отсчета в 840 г., поход Нуха ибн Асада в Испиджаб [Бартольд 1963: 268]. Во время арабского завоевания города Средней Азии были полным олицетворением власти над прилегающими территориями. В случае завоевания города, округ подчинялась завоевателям [Беленицкий и др. 1973: 145]. С приходом в регион ислама и наместников халифата черты города меняются. Для раннесредневекового города было характерно двухчастное деление – цитадель, то есть резиденция правителя и, собственно, сам город с населением. С укоренением ислама появляется трехчастное деление за счет обведения стенами пригорода – рабада. Новое деление подразумевало наличие цитадели – кухендиза, внутреннего города – медины (шахристана) и рабада с торгово-ремесленными точками [Филанович 2007: 69]. Рост города при социальном и экономическом развитии шел за счет уплотнения застройки, но градостроительная структура никак не нарушалась. В раннем средневековье городская жизнь была замкнута внутри городских стен, но отдельные элементы жизни проникали и за пределы города. Сопредельные территории обживались за счет вынесенных за пределы стен резиденции правителя, культовых центров и отдельных ремесленных кварталов. Происходило это хаотично, и в градостроительную структуру эти элементы никак не попадали. На рубеже раннего и развитого средневековья населенные пункты становятся частью чего-то большего – возникают городские центры, часть которых превращается в торгово-ремесленные предместья – рабады [Грицина и др. 2013: 161].

Анализ письменных источников с сопоставлением данных археологии позволили определить местоположение ряда городов на средней Арыси и ее притоках. К.М. Байпаков,

уточняя локализацию позднесредневековых городов, сопоставил данные письменных источников и полученные в ходе раскопок материалы. По мнению К.М. Байпакова, средневековый город Карасеман (Кара-Саман, Халадж-Карасман) — это городище Караспантобе в селе Караспан на Арыси, которое датируется IX–XVIII вв. Яганкент (Йаканкент) К.М. Байпаковым отождествлен с городищем Узынтобе на территории современного села Шубар (ранее село Чубаровка) и датируется VII–XVI вв. Основывался К.М. Байпаков на данных средневековых авторов и на данных, полученных путем сбора керамического материала [Байпаков 1977: 201–208]. В 700 м к западу от Узынтобе находится средневековое городище Чубаровское с развитой системой фортификации. На основании топографии и расположения памятника можно предположить, что в средневековое время здесь существовал крупный земледельческий центр. Б.А. Байтанаев в своей докторской диссертации локализовал средневековый Бадухкет на месте городища Торткултобе, Хурлуг на месте городища Мазараттобе, Дех Нуджикет был локализован на месте городища Шымкент, Азахкет (Дахкет) на месте городища Жыланбузган. Б.А. Байтанаев связывает Шараб с Карабулаком, но не с городским центром, а с географическим районом [Байтанаев 2008: 93]. Средневековый Манкет предположительно мог находиться на месте городища Булак-ковал [Агеева, Пацевич 1958: 131–133].

Города имели разную структуру и типологию и в основном брали свое начало в раннее время, проходя этапы становления от небольших незащищенных поселений до крупных городов с развитой инфраструктурой и высокой степенью защиты. Одним из признаков развития городского центра являлась развитая структура фортификации. Развитие военной мысли, наличие большого количества средств и рабочей силы послужили началом возведения длинных стен. Длинные стены окружали посевы за крепостными стенами города и препятствовали набегам кочевников. На исследуемой территории известны длинные стены двух крупных городов – Испиджаба-Сайрама и Караспана-Карасамана. По мнению Б.А. Байтанаева, длинные стены Караспана и Испиджаба появляются вслед за возведением подобных структур в Бинкете [Байтанаев 2007: 80]. Подробный анализ событий, предшествовавших возведению длинных стен, а также назначение длинных стен представил Б.А. Железняков. Длинные стены возникают с укоренением ислама в IX в. и связаны с нововведениями. Основной целью возведения длинных стен стала потребность в защите посевов до принятия ислама местным населением, но также могли обозначаться границы уделов и областей уже после отпадания фортификационных функций [Железняков 2009: 174–196]. Не менее важным атрибутом фортификации в средневековое время на территории средней Арыси являются сторожевые башни – караултобе. Караултобе считаются важнейшими элементами системы обороны и предупреждения о нападении. Последние исследования на караултобе показали их рассредоточение вокруг крупных средневековых городов и их использование на протяжении раннего и развитого средневековья. Очень часто караултобе фланкировали расположенный в низине город по высотам, что в частности было замечено при обследовании местности вокруг городища Ханкурган, а также рядом с другими городами района [Байтанаев и др. 2019: 21–29].

Для ведения управленческой деятельности в средневековый период были необходимы различные институты власти. Если ранее до арабского завоевания город считался резиденцией феодала, то теперь он являлся административным центром, представляющим государство в лице наместника [Беленицкий и др. 1973: 162]. Наместник назначался первым лицом государственной власти из числа приближенных. Наличие наместника в крупных средневековых городских центрах определялось защищенным и отделенным от основной застройки территории – цитаделью. Власть и само обозначение города как центра округа определялось наличием мечети. Военные действия в ходе арабского завоевания не принесли городам сильного ущерба. Только языческие храмы и идолы подверглись разграблению или уничтожению. Храмы после военных действий

часто переделывали под мечети [Беленицкий и др. 1973: 151]. Возведением соборных мечетей отметилась обозначение ряда городов как центров округа. Наличие мечетей в городских центрах среднего течения долины р. Арысь остается открытым для ряда городов. По данным письменных источников, средневековые мечети имелись в ряде городских центров. В «Китаб ал-масалик в ал-мамалик» ибн Хаукаля упоминается соборная мечеть в медине Испиджаба. В «Ахсан ат-такасим фи-ма'рифат ал-акалим» ал-Мақдиси также говорится, что в медине Испиджаба имеется соборная мечеть. По данным у ал-Мақдиси, соборная мечеть также имелась в Джумишлагу, Арсубаникете, Баладже, Бурухе и Азахкете [Волин 1960: 79–80].

Наиболее важными были наличие сельскохозяйственных и ремесленных учреждений, выполнявших колоссальную роль в поддержании экономики городского центра и целого государства. Возникновение городских центров, а также рост городов, по мнению Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевича, происходит в результате развития ремесел. Города становились местом концентрации ремесленного производства и местом сбыта продукции и услуг. В дальнейшем некоторые города становятся местом концентрации отдельных отраслей [Агеева, Пацевич 1958: 74]. Одним из массовых археологических материалов в крупных городах является керамика. Городские центры среднего течения р. Арысь в развитом средневековье были насыщены продукцией местного производства, о чем говорят большие коллекции керамического материала [Байтанаев 2016: 92–145, 166–194]. Также обнаружены предметы производства в виде гончарных инструментов и большого количества бракованных изделий [Байтанаев 2016: 286–309]. Гончарное производство в развитом средневековье имело большие масштабы практически во всех городских центрах, в том числе и на городище Ханкурган [Дубягина 2015: 132–135]. Керамика и ее производство также можно считать одним из признаков городского центра.

Очень важными были и торговые учреждения – базары, активно функционировавшие в средневековых городах и городских центрах. В «Китаб массалик ал-мамалик» ал-Истахри упоминается наличие переполненных рынков Испиджаба, а в «Китаб ал-масалик в ал-мамалик» ибн Хаукаля говорится, что рынки в Испиджабе были расположены как в медине, так и в рабаде. Ал-Мақдиси в труде «Ахсан ат-такасим фи-ма'рифат ал-акалим» утверждал, что в медине Испиджаба рынки крытые, имеется рынок тканей, также имеется рынок и в рабате Каратегина. В Хурлуге (Мазараттобе), по сведениям ал-Мақдиси, канал проходил среди рынков, также рынки имелись в Джумишлагу, Баладже, Бурухе, Дех Нуджикете, а в Азахкете рынок - в рабаде [Волин 1960: 78–81]. Свой чекан у города является больше признаком центра округа, а наличие монет сопредельных государств являются косвенным признаком городского центра с развитой торговлей. Чекан Кенджиде существовал при чагатаидах, то есть округ имел большое значение в период развитого средневековья [Бурнашева, Смагулов 2001: 136–149].

Не менее важными для городов были рекреационные и общественные учреждения. Наряду с мечетями и базарными площадями бани считались самыми посещаемыми местами в городе. Новыми в городском быте средневековых поселенцев были именно сооружения бань, которые начинали появляться с VIII в. [Беленицкий и др. 1973: 307–308]. Более широкое распространение бани получили позднее, в X–XII вв. Город, в котором имелись бани, считался благоустроенным и комфортным для жизни горожан. В 2013 г. на территории шахристана городища Сайрам (Испиджаб) были обнаружены остатки архитектурных конструкций в виде бани. На момент проведения работ сохранилась топочная часть бани, также фиксировались элементы интерьера. Баня относилась к разряду хаммам, причем очень хорошего качества и больших размеров. К сожалению, сохранность данной бани была очень плохой [Байтанаев 2013: 93]. Баня с городища Ханкурган была выявлена в 2015 г. Представлена баня остатками средневекового общественного сооружения из жженого кирпича. Относилась данная баня к одному из ранних типов бань, предшествовавших крестовидной

планировке хаммам. Ранее, в 2003 г., на территории Испиджабского округа была раскопана баня в поселке Екпинды – это загородное сооружение с характерным для ранних бань среднеазиатского региона подпольным отоплением. По типу баня относилась к хаммам, была утоплена в грунт, размещение помещений в структуре соответствовало принципу нарастания температур. Как уже отмечалось, это загородное сооружение, скорее всего, было возведено в резиденции вельможи, предположительно высокого ранга [Байтанаев, Богомолов 2007: 287–293].

Городские центры в среднем течении р. Арысь в средневековое время имели отличающиеся от городов признаки. Данные центры были расположены в географически удобных и благоприятных для управления хозяйством периферии. При довольно большом количестве городищ и поселений в районах среднего течения Арыси явными центрами были города, которые упоминались в средневековых источниках. Это является ключевым признаком для городского центра.

Также для определения городского центра важны были существующие на тот момент особенности крупного города – наличие объединяющих атрибутов. С приходом ислама важными атрибутами крупного города стало наличие соборной мечети – джума-мечети, наличие в городе или в периферии базаров и активной торговой деятельности – результат функционирования Шелкового пути, а также наличие благоустройства, в случае с канонами ислама – наличие бань. Наличие развитой фортификации после изменения общей топографии города – появление длинных стен и внегородских систем предупреждения – караултобе является скорее косвенным атрибутом городских центров, вынужденной мерой в связи с военно-политической обстановкой в первые годы укоренения ислама.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов южного Казахстана // Труды ИИАиЭ АН КазССР. 1958. Т. 5. С. 3-215.
- Байпаков К.М. О локализации средневековых городов Южного Казахстана // СА. 1977. № 2. С. 201-209.
- Байтанаев Б.А. К вопросу о топографии и стратиграфии городища Сайрам // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2007. № 1. С. 62-81.
- Байтанаев Б.А. Древний и средневековый Испиджаб: автореф. дис... докт. ист. наук. Алматы, 2008. 58 с.
- Байтанаев Б.А. Сайрамский клад: Средневековое золото. Алматы: ИА КН МОН РК, 2013. 238 с.
- Байтанаев Б.А. Керамика Сайрама. Алматы: ИА КН МОН РК, 2016. 316 с.
- Байтанаев Б.А., Богомолов Г.И. Средневековая баня из Екпинды (Предварительные итоги) // Кадырбаевские чтения–207: м-лы междунар. науч. конф. Актобе: ПринтА, 2007. С. 287-293.
- Байтанаев Б.А., Ергешбаев А.А., Шаяхметов А.Х. Сторожевые холмы в фортификации юга Казахстана // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 4. С. 21-29.
- Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: Изд-во вост. лит., 1963. Т. 1. 761 с.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. 390 с.
- Боталов С.Г. Кочевнический город как особое культурное явление кочевой цивилизации Евразии // Вестник ЧелГУ. 2009. № 28 (166). С. 13-19.
- Бурнашева Р.З., Смагулов Е.А. Клад чагатаидских монет из Культобе (г. Ясы) // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2001. № 1. С. 136-149.
- Волин С. Сведения арабских источников IX-XVI вв. в долине реки Талас и смежных районах // Труды ИИАиЭ АН КазССР. 1960. Т. 8. С. 72-92.
- Грицина А.А., Мамаджанова С.Д., Мукимов Р.С. Археология, история и архитектура средневековой Уструшаны. Самарканд: МИЦАИ, 2013. 240 с.
- Дубягина Е.В. Гончарные печи на городище Ханкурган // Вестник КазНПУ. Сер. ист. и соц.-полит. наук. 2015. № 3 (46). С. 132-135.
- Железняков Б.А. Об особенностях формирования городских рабадов в IX–X вв. на юге Казахстана (городища с длинными стенами) // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2009. № 1. С. 174-196
- Филанович М.И. Шаш – Ташкент и развитие мусульманской культуры в Сырдарьинском регионе в IX–XII вв. // Вестник МИЦАИ. 2007. № 6. С. 67-72.

Т. А. Васильева

Татьяна Афанасьевна Васильева,
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток, Россия; vasiljeva_ta@bk.ru

Екатериновское городище – военно-земледельческое поселение чжурчжэней (Приморский край)

Аннотация. Образование в XIII в. на территории Приморского края чжурчжэньского государства Восточное Ся связано со строительством горных городищ с мощной фортификацией. Эти военно-земледельческие поселения (Екатериновское городище в Партизанском районе – одно из них) выполняли военно-оборонительные функции. Структура военных поселений (мэньань и моукэ) была известна чжурчжэням с XI в. Данные города-крепости должны были быть опорой власти и приспособлены к постоянному полувоенному функционированию, обеспечивая себя всем необходимым. Хозяйственная деятельность населения Екатериновского городища носила комплексный характер с развитым ремесленным производством и сельским хозяйством, в основе которого было пашенное земледелие и скотоводство. Это позволяло снабжать себя продовольствием, вооружением, орудиями труда, бытовыми вещами, проводить военные тренировки и быть готовыми к отражению нападений неприятеля и к завоевательным военным походам.

Ключевые слова: Приморский край, средневековье, чжурчжэни, горные городища, военно-земледельческое поселение

Татьяна Афанасьевна Васильева,
РҒА ҚШБ Қиыр Шығыс халықтарының
Тарих, археология және этнография институты,
Владивосток, Ресей

Екатериновское қалашығы - чжурчжэндердің әскери-ауылшаруашылық қонысы (Приморск өлкесі)

Аннотация. XIII ғ. Приморск өлкесінің аумағында чжурчжэндердің Шығыс Ся мемлекетінің құрылуы қуатты бекіністері бар таулы қалалардың салынуымен байланысты болған. Бұл әскери-ауыл шаруашылық қалашықтар (Партизан ауданындағы Екатериновское қалашығы солардың бірі) әскери-қорғаныс қызметін атқарған. Әскери қоныстардың құрылымы (менган және мүке) чжурчжэндерде XI ғ. белгілі болды. Бұл бекіністі қалалар биліктің тірегі болуы және тұрақты жартылай әскерлендірілген қызметке бейімделіп, өздерін барлық қажетті заттармен қамтамасыз етуі қажет еді. Екатериновское қалашығының тұрғындарының шаруашылық қызметі дамыған қолөнер және кетпенді жер өңдеу мен малшылық негізіндегі ауыл шаруашылығы болды. Бұл өздерін азық-түлікпен, қару-жарақпен, құрал-саймандармен, тұрмыстық заттармен қамтамасыз етуге, әскери дайындықтан өтуге және жаудың шабуылдары мен агрессивті әскери жорықтарына тойтарыс беруге дайын болуға мүмкіндік берді.

Түйін сөздер: Приморск өлкесі, ортағасыр, чжурчжэндер, таулы қалалар, әскери-егіншілік қонысы

Tatyana Vasilyeva,

Institute of History, Archaeology and Ethnography
Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok, Russia**Ekaterinovskoye Walled Town - Military Agricultural Settlement of the Jurchens
(Primorsky Territory)**

Abstract. The formation of the Jurchen state Eastern Xia in the 13th century on the Primorsky Territory, is associated with the construction of mountain walled townes with powerful fortifications. These military-agricultural settlements (Ekaterinovskoye walled town in the Partizansky district is one of them) performed military-defensive functions. The structure of military settlements (meng'an and mouke) was known to the Jurchens from the 11th century. These fortified cities were supposed to be the backbone of power and adapted to permanent paramilitary functioning, providing themselves with everything necessary. The economic activity of the population of the Ekaterinovskoye walled town was of a complex nature with developed handicraft production and agriculture, which was based on arable farming and cattle breeding. This made it possible to supply themselves with food, weapons, tools, household items, conduct military training and be ready to repel enemy attacks and aggressive military campaigns.

Keywords: Primorsky Territory, Middle Ages, Jurchens, mountain walled townes, military agricultural settlement

С созданием на территории Приморья государства Восточное Ся (Дун Ся) в 1215 г. связан рост численности населения, строительство городов, подъем экономики и расцвет торговли. Это случилось после того, как в результате постоянных войн с монголами войско государства Цзинь терпит ряд крупных поражений и теряет часть территорий. В самом государстве вспыхивают восстания. В ситуации постоянных угроз военачальник Пусянь Ваньну со своим войском совершает переход на восток и объявляет о создании в 1215 г. нового чжурчжэньского государства Восточное Ся [Артемьева 2005: 544, 561]. Это государство не только располагалось на землях Цзинь, но и унаследовало государственную систему управления и систему чиновничества с подконтрольными ведомствами. На государственных землях возводились города, строительство которых было обязательной частью государственных общественных работ, благодаря которым обеспечивалась оборона, производство, транспортировка, хранение и распределение важнейших материалов и продуктов [Стужина 1979: 80–81]. Эти города наделялись военно-оборонительными, административными, экономическими и культурными функциями [Стужина 1979: 15]. У чжурчжэней сложились отработанные правила и устойчивые традиции в возведении городов, которые учитывали опыт предшественников и соседей. Соблюдались определенные требования к выбору места расположения памятника. Предпочтение отдавалось горным отрогам и возвышенностям, где было проще строить фортификационные сооружения и контролировать окрестности. Учитывалось наличие воды и расположенные рядом удобные долины для занятия земледелием.

Чжурчжэни, ведя борьбу с Сунской империей и завоевав северную часть их территории, конечно же, были знакомы с достижениями науки и культуры соседей, в том числе в области архитектуры и градостроительства и пользовались ими, добавляя при этом свои традиционные элементы и характерные детали. В летописных материалах по истории Цзинь (Цзинь ши) сообщалось, что “чжурчжэни, избрав хорошие места, на них заводили военное поселение и, расселив отряды, производили посевы, охраняли поселения” [История Золотой... 1998: 209]. Институт военных поселений (мэньань и моукэ) у чжурчжэней известен со времени образования государства Цзинь. В разное время они наделялись неодинаковыми полномочиями [Воробьев 1975: 55–57]. Данная структура была приспособлена к постоянному полувоенному функционированию. В «Цзинь-ши» упоминается, что эти поселения обеспечивали себя всем необходимым и постоянно проводили военные тренировки. От правительства они получали казенные наделы на льготных условиях, тягловый скот и сельскохозяйственный инвентарь, семена [Воробьев 1975: 130]. Взамен

землевладельцы выступали надежной массовой опорой власти. По численности военным поселениям моукэ полагалось быть до 300 дворов [Воробьев 1983: 81]. Их количество варьировалось в разное время. Для нормального функционирования городов-крепостей, которые находились на самообеспечении, необходимо было, чтобы хозяйственная деятельность этих поселений была приспособлена к потребностям как в мирное время, так и во время военных действий, используя созданные ранее для этих целей запасы.

Среди горных городищ чжурчжэньского времени в Приморском крае интересно Екатериновское городище. Оно расположено в Партизанском районе, в предгорье южного отрога Сихотэ-Алиня, в бассейне р. Партизанской (р. Сучан). Восточный чашевидный склон сопки разделен распадком на две части. По гребню сопки насыпан мощный крепостной вал протяженностью 2,2 км, который огораживает площадь в 27 га. Высота вала в разных местах различна. С востока, где вал проходит по пологому склону сопки, высота его более 4 м. В местах, где он насыпан по краю крутых, почти отвесных склонов сопки, его высота не превышает 0,5 м. А в юго-западной оконечности по гребню можно перейти на соседнюю гряду сопки, поэтому основной вал укреплен двумя дополнительными невысокими валами со рвами между ними. По валу прослеживаются 14 сторожевых башен и башенных выступов для камнеметных орудий. Центральные ворота, защищенные дугообразным захабом, находятся с восточной стороны. К ним из долины поднимается древняя дорога шириной 1,5–2 м, которая и сейчас не заросла деревьями. С восточной же стороны в местах, где наблюдаются неглубокие ложбины, в валу сделаны два разрыва, которые служили для сброса воды из городища во время таяния снега и сильных ливней. Внутри городища на склонах сопки сооружены террасовидные площадки, на которых располагались жилые и хозяйственные постройки. Большинство жилищ Екатериновского городища имеет завалинку-обваловку с трех сторон, что хорошо видно на дневной поверхности, часть жилищ не имеет внешних признаков, но в общей сложности количество дворов Екатериновского городища должно приближаться к 300 усадеб. Т. е. по количеству дворов это городище попадает в разряд военно-земледельческих поселений типа моукэ.

Материал, полученный при исследовании горных городищ на территории Приморского края, в том числе и Екатериновского, свидетельствует о том, что уровень развития хозяйственной деятельности средневекового населения был достаточно высок и носил комплексный характер с развитым ремесленным производством и сельским хозяйством, в основе которого было пашенное земледелие и скотоводство [Васильева 2016: 110–126].

Основу хозяйственной деятельности чжурчжэней составляли ремесла, связанные с производством и обработкой металла. При исследовании Екатериновского городища, как и на всех памятниках чжурчжэньского времени, практически в каждом раскопе встречаются изделия из него. Потребность в железе, чугуне, стали, бронзе возрастала по мере развития, становления и упрочения государства, строительства городов. На Екатериновском городище в большинстве раскопов встречаются следы работы с металлом – шлаки, корольки, куски крицы, руды. Часто в жилищах помимо очагов находятся горновые ямы, в которых разогревали поковки, куски крицы. Иногда для этого использовали очаги кана [Леньков 1974: 64]. Найдены новые и отремонтированные вещи – заклепанные котлы, наваренные лопаты. Есть места, где собраны обломки металлических вещей. Селились ремесленники по профессиональным признакам [История Дальнего Востока 1989: 245]. По характеру вещевого материала можно предположить, что екатериновские металлообработчики жили в районе центральных ворот и у родника. Массовыми находками в этих жилищах был кузнечно-слесарный инструментарий, встречаются крупные плоские камни – наковальни и почти всегда присутствуют новые металлические вещи. Ассортимент этих изделий обширен. Это и предметы

вооружения – наконечники стрел, копий, и бытовые вещи, и инструменты для работы с деревом, костью – топоры, тесла, пилы, резцы.

Большую часть находок из металла составляют орудия обработки почвы, сельскохозяйственный инвентарь, т. к. земледелие играло огромную роль в хозяйстве чжурчжэней. По сведениям из «Цзинь ши» в 1217 г., когда власти насаждали военные поселения и были заинтересованы в увеличении сборов зерна в государственные закрома и для нужд армии, земледельцев стимулировали и поощряли за проведение своевременного сева [История Золотой 1998: 209]. Выращивали жители Екатериновского городища просо японское и итальянское, просовидную чумизу, гаолян, гречиху, мягкую пшеницу, голозерный ячмень, фасоль угловатую, сою.

Пашенное земледелие было связано с животноводством. Об этом свидетельствуют находки костей крупного рогатого скота, лошадей. Есть скребок для чистки лошадей, удила.

Дополняли хозяйство чжурчжэней охота и рыболовство. Охотничье оружие и рыболовные принадлежности говорят об этом.

И эти высокопроизводительные и сбалансированные отрасли хозяйства позволяли городам-крепостям, к которым относится Екатериновское городище, осуществлять свою главную задачу – сохранять «боеспособность в военных и дееспособность – в мирных условиях» [Воробьев 1975: 136].

С созданием в XIII в. на территории Приморья государства Восточное Ся и строительством горных городищ перед городами малых и средних размеров стояли, прежде всего, военно-оборонительные функции, которые возлагались на военно-земледельческие поселения типа моукэ [Хорев 2012: 97; Леньков, Артемьева 2003: 94]. Вместе с тем, эта структура выполняла комплекс неразделенных общественных, экономических и военных функций.

ЛИТЕРАТУРА

- Артемьева Н.Г. Города чжурчжэней Приморья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы / Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 542-591.
- Васильева Т.А. Итоги исследования Екатериновского городища // Средневековые древности Приморья / Отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2016. Вып. 4. С. 110-126.
- Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк. М.: Наука, 1975. 448 с.
- Воробьев М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (XII в. – 1234 г.). М.: Наука, 1983. С. 367.
- История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. М.: Наука, 1989. 376 с.
- История Золотой империи / Пер. Г.М. Розова, коммент. А.Г. Малявкина. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 288 с.
- Леньков В.Д. Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII в. (по материалам исследования Шайгинского городища). Новосибирск: Наука, 1974. 188 с.
- Леньков В.Д., Артемьева Н.Г. Лазовское городище. Владивосток: Дальнаука, 2003. 284 с. (Свод археологических источников по средневековой истории Приморья. Средневековые города Приморья XII–XIII вв.).
- Стужина Э.П. Китайский город XI–XIII в.: экономическая и социальная жизнь. М.: Наука, 1979. 408 с.
- Хорев В.А. Ананьевское городище. Владивосток: Дальнаука, 2012. 340 с. (Свод археологических источников по средневековой истории Приморья. Средневековые города Приморья XII–XIII вв.).

**К. М. Байпаков,
Б. А. Железняков**

**Карл Молдахметович Байпаков,
Железняков Борис Анатольевич,**
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Республика Казахстан,
boriszheleznyakov@mail.ru

Камень с изображением креста из городища Каялык (новое в изучении христианства XII–XIV вв. регионов Жетысу–Иле–Шу)*

Аннотация. Городище Каялык, сопоставляется с городом Кайаликом – Кайлаком, внесено в Список всемирного наследия в 2014 г. Найденный в южной части городища Каялык, внутри стен в 2016 г. местным жителем окатанный камень с глубоко прорезанным изображением креста авторы совместно интерпретировали в 2018 г. как намогильный камень. Небольшие размеры артефакта и отсутствие надписи могут свидетельствовать о захоронении малолетнего ребенка. Несториане и другие христиане оставили след в культурных слоях памятников, прежде всего городской культуры Центральной и Восточной Азии. На городище под руководством академика НАН РК были исследованы культовые объекты: буддийский храм, соборная мечеть, ханака ордена Ясавитов, мавзолеи, манихейский храм. Мечтал Карл Молдахметович и об открытии христианского памятника, на Каялыке или в его округе. В результате он сопоставил городище Лепсы с христианским поселением в предместьях Каялыка. Дается представление о широком христианском контексте этой первой находки намогильного камня на Каялыке. Делается пространственно-хронологический анализ христианских памятников региона Жетысу–Иле–Шу XII–XIV вв.

Ключевые слова: намогильник, городище Каялык, несторианство, карлуки, кидани, Караханиды, Чагатаиды

**Карл Молдахметұлы Байпақов,
Борис Анатольевич Железняков,**
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

Қойлық қаласынан табылған крест бейнесі бар тас (Жетісу–Иле–Шу өңірлерінің XII–XIV ғғ. христиан дінін зерттеудегі жаңа дерек)

Аннотация. Қайалық – Қайлақ қаласымен теңестірілетін Қойлық қаласының орны 2014 ж. Бүкіләлемдік мұра тізіміне енгізілді. Қойлық қаласының оңтүстік бөлігінен, қабырғалардың ішінен 2016 ж. жергілікті тұрғын тауып алған, кресттің терең ойылған бейнесі бар домалақ тасты авторлар 2018 ж. қабір үсті тас ретінде қолданылған деп тұжырымдайды. Артефактінің шағын көлемі және жазудың болмауы жас баланың жерленгенін айғақтауы мүмкін. Несториандықтар мен басқа христиандар ескерткіштердің мәдени қабаттарында, ең алдымен Орталық және Шығыс Азияның қалалық мәдениетінде із қалдырды. Академиктің жетекшілігімен қалада діни нысандар зерттелді: будда храмы, собор мешіті, Ясавит орденінің ханакасы, кесенелер, манихей храмы. Карл Молдахметұлы Қойлықта немесе оның округінде христиан ескерткішінің ашылуын армандады. Нәтижесінде ол Лепсі қаласын Қойлық маңындағы христиан қонысымен

© 2022 Байпаков К.М., Железняков Б.А.

*Работа выполнена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2022–2023 гг., ИРН проекта BR11765630

салыстырды. Қойлықтағы қабір үсті тасының алғашқы табылуы кең христиандық контекст туралы түсінік береді. XII–XIV ғғ. Жетісу–Іле–Шу өңіріндегі христиандық ескерткіштерге кеңістіктік-хронологиялық талдау жасалады.

Түйін сөздер: қабір үсті, Қойлық қаласы, несториандық, қарлұқтар, қидандар, Қарахандықтар, Шағатайлықтар

**Karl Baipakov,
Boris Zheleznyakov,**
Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan

**Stone with a depiction of cross from the hillfort of Kayalik
(new in the study of Christianity of the 12th–14th centuries in regions of Zhetysu–Ile–Shu)**

Abstract. The hillfort of Kayalik, matched with the Medieval city of Kayalik – Kailak, is included in the World Heritage List in 2014. Found in the southern part of the site of Kayalik, inside the walls in 2016 by a local resident, the authors jointly in 2018 interpreted the rounded stone with a deeply cut image of the cross as on tomb stone. The small size of the artifact and the absence of an inscription may indicate the burial of a young child. Nestorians and other Christians left a mark on the cultural layers of monuments, primarily the urban culture of Central and East Asia. At the settlement under the leadership of the academician, cult objects were investigated: a Buddhist temple, Cathedral Mosque, hanaka of the Yasavit order, mausoleums, and a Manichaean temple. Karl Baipakov also dreamed of researching of a Christian monument, on Kayalyk site or in his district. As a result, he compared the hillfort of Lepsy with the Christian settlement on the outskirts of Kayalyk city. An idea is given of the broad Christian context of this first finding of a wet stone on Kayalyk. The spatial and chronological analysis of Christian sites of the region of Zhetysu–Ile–Shue of the 12th–14th centuries is given in paper.

Key words: logger, settlement Kayalyk, Nestorianism, Karluks, Khitan, Karakhanids, Chagataids

Введение. Случайно найденный христианский артефакт на городище Каялык, предположительно датируется XIII в.; относится к заключительному периоду существования Церкви Востока в Центральной и Восточной Азии. Это первая, уникальная подобная находка на Каялыке. Обычно, исследования по данной тематике подробно перечисляли исследования конца XIX в. Надо отметить, что за последние два десятилетия было также много сделано в этом направлении.

Самые широкие сведения о Каялаке середины XIII в. приведены В. Рубруком. Как показывают археологические исследования они ими подтверждаются. В том числе и относительно христианства. Рубрук искал христиан среди жителей Кайлака, нашел лишь людей с изображениями крестов и невнятными толкованиями своей религиозной принадлежности, наиболее вероятно это были манихеи. Храм с подобной принадлежностью был исследован на Каялыке под руководством К.М. Байпакова [Железняков 2018]. Рядом с Каялыком, согласно Рубруку располагалось христианское поселение, в котором была церковь, в которой он помолился [Путешествия 1957: 133], не сомневаясь в христианской принадлежности культового сооружения. К.М. Байпаков сопоставил это укрепленное поселение с городищем Лепсы, расположенным на левом берегу р. Лепсы. Хотя изначально было много версий этого сопоставления, поскольку оазис вокруг Каялыка и соседних участков пути насыщен многочисленными памятниками городской и поселенческой культуры, например поселение Карабогет, устроенное у переправы через р. Лепсы. Период наибольшего расцвета подобных памятников связан с оживлением этого участка коммуникации в XI–XIII вв. С X в. город был центром удела карлуков пребывавших, правда в зависимости от Караханидов, затем от киданей, короткое время независимых (на этот период приходится ранний расцвет мусульманской культуры). Потом последовал захват

найманами и вхождение города в Монгольскую империю и улус Чагатая. В течение нескольких лет на городище, представляющем собой нивелированную под сад территорию площадью 8–9 га, расположенную внутри стен торткуля, проводились рекогносцировочные раскопки, произведена топосъемка памятника. В нескольких шурфах, заложенных между плодовыми деревьями, были найдены в том числе и фрагменты керамики с изображениями прочерченных крестов, а также следы проведения военных действий. Восточный и северный участки городища под почвенным слоем, были покрыты селом, покрывавшим средневековые слои. Краткие отчеты по раскопкам на городище Каялык за 2004 и 2005 гг. проведенных Б.А. Железняковым под руководством К.М. Байпакова были опубликованы [Байпаков и др. 2005]. Судя по исследованиям артефактов и памятников христианства XII–XIV вв. определенная часть христианского и буддийского населения могла прийти с киданями [Мухтарова, Железняков 2021: 145, 157]. Стратегической целью населения региона могло быть получение доходов от караванных путей из Китая на Запад и Юг.

Краткая ретроспектива исследований намогильников. Исследователи несторианских кладбищ конца XIX – начала XX в. поначалу предполагали, что на каждом из двух кладбищ должно было находиться не менее чем, по 6000 подобных намогильных кайраков. Но после первых лет проведения исследований и раскопок, наступило разочарование однотипностью материала, как эпиграфического, тем более сопроводительного археологического (практически его полного отсутствия) из захоронений [Слущкий 1889: 1–3]. Через короткое время научный мир осознал, что подлинное значение намогильников состоит в содержании надписей, языке, иконографии. Они становятся важными музейными экспонатами. Определенно сказать, сколько несторианских надгробий было вывезено из двух кладбищ в Верный, далее в научные центры империи и Западную Европу, в другие города региона, действительно трудно. Но определенно можно говорить об известных данных с 568 камней, опубликованных Хвольсоном и проанализированных многими учеными, в частности, выделяется М. Диккенс [Dickens 2016: 106]. Очень подробно история вывоза камней, а также работ с копиями с камней анализируется П.Г. Борбоне материалы готовятся к публикации.

В 1886–1887 гг. более 100 намогильных камней было вывезено в Санкт-Петербург и размещено в Азиатском музее Академии Наук в 1889 г. В том же году Московское Археологическое Общество получило 10 камней от Пояркова. В 1894 г., еще один камень из Пишпека доставлен в Петербург. В 1902–1903 гг. шесть камней были пересланы в Петербург Н.Н. Пантусовым из Алмалыка [Коковцов 1905: 190–191]. В 1904 г. Н. Кротковым, российским посланником в Кульдже было выслано еще 10 камней. Были опубликованы Коковцовым [Коковцов 1907: 427]. Кроме того, несколько камней были презентованы гостям региона Шу-Иле, в частности, благодаря Готфриду Мерцбахеру – географу и альпинисту и Густаву Маннергейму, офицеру русской армии. Намогильные камни сейчас хранятся в Париже (7), Лион (6), Лондон (1), Мюнхен (1) и Хельсинки (1) [Borbone 2021: 106–107]. Также там содержится и вся информация о фотокопиях и контактных копиях с камней, которые, по-видимому, оставались недалеко от мест производства раскопок. Кроме того, есть публикация относительно намогильного камня из Шуской/Чуйской долины, хранящегося в музее Гульбенкиан в Университете Дюрхема (Великобритания) [Thaker 1956]. Очевидно, это единственный камень, достигший берегов Англии. Такер приводит интересные данные о том, что во время пребывания французской экспедиции в Верном, в 1896 г. члены экспедиции встретились с г-ном Пантусовым и инженером г-ном Гурде. Н.Н. Пантусов представил месье Шаффанджону коллекцию из 20 черепов и 20 могильных камней из его раскопок в Пишпеке, которые были собраны Полем (П.В.) Гурдэ с намерением отправить в Париж в дар французским

музеям. Ф. Нау писал в 1913 г., что он нашел черепа в музее в сохранности. Он искал и спросил в каждом вероятном месте в Париже, но не смог найти никаких следов надгробных камней. Возможно, они были потеряны или украдены по пути в Париж [Thaker 1956].

Отдельное предположение из статьи М. Диккенса, как минимум вызывают сомнения. М. Диккенс пишет о том, что: «по-видимому, приблизительно 500 (кайраков) были разрушены в огне в музее в Алма-Ате, в Казахстане в 1939 г. Одна из текущих проблем состоит в том, чтобы определить точное расположение каждого (кайрака) в настоящее время, что представляет собой нелегкую задачу»* (*дословный перевод авт.) [Dickens 2016: 106]. С последней мыслью трудно не согласиться. Но, при этом, из доступных данных, в здании Вознесенского деревянного собора, пожара, способного повредить сотни несторианских камней не случилось. Помимо несторианских камней (19 кайраков, поступивших в конце XIX и начале XX в.) в нем находились значительные историко-культурные ценности из различных регионов Казахстана, поступивших в музей и целенаправленно собираемых еще с 1831 г. «Древности Восточная» сообщают, что к 1889 г. г-н проф. Хвольсон располагает до 100 подлинных камней, а число всех надписей свыше 200 («фотографические и графитные снимки и снимки типографской краской») [Слуцкий 1889: 1], т. е., они были накоплены в Москве за 2,5 года после открытия и начала исследований. «Древности Восточная» от 1891 г. сообщают о еще 10-ти камнях, которые вместе с «прежними» подарены Историческому Музею в Москве [Слуцкий 1891: 4]. Д. Хвольсон в 1897 г. свидетельствует о 115 оригинальных кайраках и около 200 в изображениях, приводится фото 328-го кайрака [Chwolson 1897: 53].

Массовые находки связаны с относительно коротким периодом последнего присутствия средневековых христиан в регионе в конце XII – XIV в. На территории Казахстана, а также на сопредельных территориях от этого времени выявлены некрополи местных христиан. Присутствие памятников несторианства связано с миграционными потоками христиан, составлявших значительный процент населения, в частности, с регионов Внутренней Монголии, где народ онгутов практически полностью принял несторианство в XII в. [Halbertsma 2008: 44–72]. Значительное число уйгуров несторианского вероисповедания занимало заметные позиции при дворе Монгольской Империи, особенно после того, как монголы восприняли уйгурскую письменность [Halbertsma 2008: 90].

К истории христиан на Шелковом пути. Надежно документировано, что христианство проникает в Китай в 631 г. с сирийскими монахами, с миссией Алопэня (Авраама), Церкви Востока. Оно проповедуется и укрепляется до 840-х гг., когда со сменой династий в Поднебесной был введен жесткий запрет на «чужие» религии. Христиане мигрируют в Восточный Туркестан, на северные рубежи Китая, где происходит проповедь учения, укрепление христианства в XI–XIII вв., о чем свидетельствуют источники [Муравьев 2014: 58]. Один из «хоженных» маршрутов, «закрепленный» в источнике проходил через Шускую долину, Тараз, долину р. Арысь, Испиджаб далее на юг [Сюань-цзан 2012: 40–41]. Известная мемориальная стела из Сиани, исчерпывающая библиография, приведена в одной из последних монографических публикаций с качественной копией надписей со всех сторон этого уникального памятника [Ferreira 2014]. Стела была установлена в столице Китая в 781 г. с подробным перечнем деяний Китайской митрополии Церкви Востока (несторианской церкви) за 150 лет ее миссии. Но она была не первая и не единственная.

В монографии Д. Ферейры содержится указание на то, что в тексте на стеле есть указание на «возвращение» христианства в Поднебесную в эпоху Тан [Ferreira 2014: 287–288]. Автор приводит

все доступные ему источники, в частности («Учения Апостолов», свидетельствующий об одном из первых проникновений в Китай около, незадолго до 230 г. В этом тексте, помимо хорошо известных стран Ближнего Востока и Индии упоминается страна «Гога и Магога»; исследователи понимают под этой локализацией, факт того, что проповедь была осуществлена в Китае [Ferreira 2014: 287–288]. Есть и более реальные исторические упоминания о христианстве в Китае и у гуннов в V и VI вв. [Ferreira 2014: 287–288] Наиболее четким остается свидетельство о христианском празднике, отмеченном (общинной?) в одном из городов Китая в 247 г. [Ferreira 2014: 288–289]. Тем самым, наиболее «привлекательными» странами со значительным населением были мировые державы Древнего мира, но путь из Индии в Китай лежал через Среднюю Азию, в том числе, через Южный Казахстан.

В раннем средневековье центры трех религий: буддизма, христианства и манихейства создаются в Восточном Туркестане [Желобов 2017], начиная с V–VI вв. до проникновения и процесса массового обращения населения региона в ислам с X в. Значительное внимание в упомянутом труде уделяется политическому влиянию буддизма и манихейства на правителей Восточного Туркестана в этот период [Желобов 2017: 44–72]. Тем самым, узким, но весьма оживленным перешейком на пути между Востоком и Западом/Югом Евразии служил регион Памира – Тянь-Шаня, где насчитывается всего несколько путей, соединявших центры Евразии раннего средневековья (Средний Восток, Южную и Восточную Азию). Имелась тенденция к тому, что главные пути смещались на север. Сначала, с VIII по начало XIII в. это было связано с тюрками (державами карлуков и Караханидов), которые перехватили инициативу у Китая, а с XIII в. с перенесением центров Востока из Китая в Монгольскую империю, в частности в Каракорум.

О синкретизме несторианства. О правомочности употребления изначально «народного» названия – «несторианская церковь», существует много дискуссий, сводящихся к тому, что это – неадекватное название, с которым авторы полностью соглашались. Тем не менее, термин «несторианство» устойчиво продолжает применяться. Ставя перед собой цели реконструкции отдельных страниц истории этой крупнейшей по числу прихожан из мировых церквей, правда в короткие этапы истории, например, на рубеже VIII–IX вв., - в период одного из расцветов, будем применять оба ее названия: официальное (Ассирийская Церковь Востока) и укоренившееся, в том числе в библиографии по истории религий Востока – «несторианская». При этом, можно привести пример того, что в Китае эта ветвь христианства, называлась «Сияющая религия» - («Цзинцзяо» – кит.). На наш взгляд, это явилось следствием синкретизации учения, терминологии, ритуалов к особенностям местного менталитета и весьма древней традиции. Тот факт, что в Поднебесной церковь не называлась Церковью Востока весьма примечателен с точки зрения адаптации не только символизма и канонов, но даже самого ее названия. В этом контексте общеупотребительный термин «несторианство» уже не кажется столь далеким от сути, методов проповеди учения Церковью Востока. Сколько, возможно, иных названий этой церкви в странах Азии хранит ее историю?

Географическое распределение памятник. Первоисследователь этой проблемы и всего региона Жетысу Н.Н. Пантусов исследовал четыре кладбища несториан, три крупных: **Токмакское** [Пантусов 1888], **при-Пишпекское (Караджигачское)** [Пантусов 1886], **близ г. Алмалык** (в Илийской долине, теперь КНР) [Пантусов 1902; 1910], а также в ущелье **Зауке (Южный берег Иссык-Куля)** [Пантусов 1909]. Возникают новые вопросы и ответы по их истории [Кольченко 2010]. На одной из первых карт-схем, опубликованных Коковцовым было указано четыре местонахождения кайраков: по два из Шу и Иле [Коковцов 1905: 188] (помимо двух из долины

Шу, третье у с. *Мазар*, четвёртое в Кульдже (Алмалык). Коковцов писал, что палеографически и лингвистически надписи из Алмалыка очень сходны с шускими. Также он отметил хронологию совершения захоронений: 1360–1370-е гг., т. е. вторая половина XIV в. Всего было изучено 14 камней, из них три – по снимкам. В его публикации, интересна информация по хронологии совершения захоронений: 1360–1370-е гг., то есть вторая половина XIV в. [Коковцов 1905].

На карте, составленной по последним исследованиям, было нанесено четыре местонахождения (без Мазара; Алмалык – указан со смещением, по сути, на месте Мазара, расположенного на границе; а также без Зауке. С указанием нового некрополя на городище Иланбалык) [Tashmambetova 2019: 107]. Тем самым, иногда забывается относительно маленькое кладбище, опубликованное Н.Н. Пантусовым у выхода из ущелья Зауке на Иссык-Куле, где было найдено четыре камня, один из которых – мусульманский [Пантусов 1909: 14–15]. Трудно переоценить значение нового открытия несторианского некрополя на городище Ушарал (город Иланбалык), исследованный в 2010-х гг. [Archaeological Excavation..., 2018]. На текущий момент известно три кладбища на территории современного Кыргызстана, два на территории Казахстана (Мазар на р. Хоргос и новое местонахождение на Иланбалыке), а также в Кульдже, на территории КНР. Тем самым, все памятники относятся к региону Шу, Иле, Иссык-Куль, что входило в регион Жетысу, вопрос о географических границах которого был пересмотрен А.Е. Рогожинским, но вроде бы пока однозначно не признан сообществом, большинство исследователей ближнего и дальнего зарубежья по прежнему употребляют термин «Жетысу» в широком смысле. Рамки тематики данного исследования не позволили углубиться в данную тему. На картах местонахождений несторианских артефактов пока, были указаны кладбища, но не места единичных находок кайраков.

Однако, если включить исследования советского периода, то местонахождений намогильников с крестами запада Центральной Азии станет значительно больше. Отдельные несторианские кайраки были найдены в урочище Кеген/Кегень – два кайрака, рядом с валами (городище?) о чем сообщал еще Н.Н. Пантусов [Пантусов 1910]. Также в Таразе, в Ферганской долине, в Самаркандской области в районе христианского селения Ургут. В известной статье В.М. Массона приводится список всех мест, где они были найдены, рассматриваются дискуссионные вопросы [Массон 1978].

Крайне занимательная история развивается с открытиями нескольких кайраков на Краснореченском городище (Шуская долина), притом они были найдены в разное время, начиная с 1919 г., следы которых потом теряются [Массон 1978]. В 1938 г. «среди остатков мусульманского кладбища» в юго-западной части городища был поднят фрагмент жженого кирпича с изображением креста и сиром-тюркской краткой надписью: «Геваргис – темурчи». В комментариях Борисов пишет, что это был кузнец – тюрк и датировал его второй половиной XI – XII в. [Борисов 1963: 57]. Надписи на двух кайраках из цитадели, найденные в 1980 г., прочитанные сирологом А.В. Пайковой, датированы 1100 и 1220 гг. по Селевкидской эре (соответственно 789 и 909 гг. н.э.) [Горячева, Перегудова 1994: 92]. Однако, правильность/достоверность интерпретации подвергается сомнению некоторыми исследователями. В частности, П.Г. Борбоне, в личной консультации высказал мнение о датировке обоих камней XIII в. В последние годы были найдены еще четыре фрагментированных кайрака, хранящихся ныне в музее КРСУ [Кольченко 2019: 76]. М. Дикенсом и В.А. Кольченко готовится публикация. Пример с кайраками из городища Красная Речка, прежде всего, демонстрирует мозаичность христианского наследия этого памятника, даже, только связанного с христианскими намогильниками. Число найденных намогильников

свидетельствует о существовавшем некрополе: местонахождение также заслуживает быть нанесенным на соответствующую карту, будет четвертым на территории Кыргызстана.

Кайрак из Каялыка. В 2016 г. при случайных обстоятельствах (на склоне обрыва культурных слоев городища, сформированного течением р. Ащибулак) местным жителем на городище Каялык был найден плоский, окатанный камень, почти идеальной овальной формы с прочерченным изображением креста (рис. 1). Кайрак был передан В. Кузьминову, как человеку долгие годы, принимавшему археологов в своем доме. В 2018 г., Б.А. Железняковым и Д.А. Талеевым под руководством академика НАН РК К.М. Байпакова были проведены археологические исследования на городище Каялык по гранту Центра сближения культур (далее Центр – прим. ред.). Кайрак был привезен Б. Железняковым и передан К.М. Байпакову с комментариями о находке в южной части городища недалеко от южной городской стены, в том месте, где она разрушена дорогой и мостом через р. Ащибулак. В итоге, кайрак был передан в фонды «Центра». При встрече соавторы договорились провести дополнительные исследования на месте раскопок и совместно опубликовать находку. Но этим планам пока не удалось сбыться.

Размеры каялыкского кайрака несколько превосходят размеры самых небольших, происходящих из Илибалыка: 15,2×12,3×2,5 см. Намогильник представляет собой плоскую окатанную гальку почти идеальной овальной формы. На патинированной поверхности гальки был вырезан глубиной до 4 мм крест во всю длину и ширину лицевой поверхности гальки: 14,2×11 см. Изображение, именно прочерчено острым инструментом (по-видимому, это специфика пока единственного каялыкского кайрака, камень тонкий, при выбивке был бы не устойчив), судя по значительной глубине: многократно повторенным действием, совершенным острым и сверхтвердым инструментом. Форму креста можно назвать достаточно простой. На боках камня видна разметка, произведенная заранее, три точки с каждой из сторон – это края и центр каждой из лопастей. Нижняя перекладина креста – длиннее, примерно на 3 см остальных,

Рис. 1. Намогильный камень из городища Каялык с глубоко прочерченным изображением креста. Случайная находка

тем самым, достигая пропорций гармоничного размещения креста на поверхности гальки, не оставляя сомнений, где верх и низ у этого артефакта. Перекладины имеют заметное расширение к своим окончаниям. Это хорошо согласуется с формой овала камня. Перекладины пересекаются под прямым углом в центре – подквадратной формы «перекрестие». Можно констатировать, что метод нанесения изображения креста несколько отличается от привычной выбивки, к особенностям иконографии можно отнести тот факт, что крест занимает всю поверхность. Нанесение эпитафии – явно не предполагалось. Намогильный камень находится в экспозиции Музея «Центр сближения культур» и представлен на страницах каталога экспозиции [Культура 2020: 98–99], правда, там он опубликован без детализации данных о нем, поскольку данная публикация – первая.

Небольшое число кайраков из 15 экз., найденных на некрополе городища Ушарал в 2016–2017 гг., проведенных под руководством К.М. Байпакова и Д.А. Воякина имеют сходную графику креста, отдельные фрагменты имеют меньшие размеры каменного надгробия.

Памяти учителя, академика К.М. Байпакова. 2018 г. – был юбилейный, 20-й год широкомасштабного изучения городища Каялык. В результате тех раскопок и исследований городище, его округа и отрезок пути были явлены научному миру в совсем ином свете. Эти данные значительно превзошли любые ожидания археологов, хорошо знакомых с источниками. С 1998 г. начались раскопки городища, а с 2004 по 2011 гг. они проводились по программе «Культурное наследие», когда были достигнуты значительные результаты полевых исследований, которые, во многом не оценены всецело до сих пор, недостаточно проведено теоретическое осмысление материала. Начиная с 2012 г. объем работ резко сократился, а с 2015 г. работы вообще не проводились, в связи с изменением правил финансирования археологических исследований. Это был год, когда полевые исследования на городище возобновились, ожидалось еще два года исследований и, они сулили новые открытия. Карл Молдахметович очень любил проводить исследования на Каялыке – самом крупном городище в Алматинской области, расположенном на самом северном отрезке Шелкового пути к западу от Восточного Туркестана, расположенный в красивой долине р. Лепсы. Коммуникационный потенциал этой местности еще не раскрыт, все пути и тропы еще не выявлены. Обилие импортных предметов, культовые сооружения разных религий на городище, безусловно, свидетельствуют об оживленных связях. Карл Молдахметович каждый раз приезжал при проведении раскопок, лично вникал во все вопросы хода исследований, вопросы интерпретации сложных объектов, привозил ксерокопии, где опубликованы аналогичные объекты из других регионов, каждый день требовал детальных докладов по изученным объектам. То есть, не только был заинтересован в результатах, но и всеми силами пытался их достичь. Старался дольше задержаться на городище. Как настоящий археолог радовался каждой находке, особенно той, что помогала интерпретации объекта, каждому археологически исследованному помещению. В сентябре 2018 г. осуществилась давняя мечта К.М. Байпакова найти следы христианства, притом, именно в форме кайрака с крестом. Карл Молдахметович был очень взволнован этой находкой (написание совместной статьи по кайраку было совсем маленькой толикой всего, чего он тогда замыслил проделать на той волне позитива). Он счастлив и полон планов, которым, к большому сожалению уже не суждено было сбыться. В ноябре 2018 г. великого ученого не стало.

Менее, чем, через год от нас ушел Е.А. Смагулов, а в мае 2021 г. А.А. Нуржанов. Это были ученые, которые посвятили всю жизнь изучению городской культуры Южного Казахстана, многих научных проблем, которые неразрывно были с этим связаны. Ученые, которые много дискутировали

между собой. Это были наши учителя и старшие товарищи. Интерес к исследованиям этих ученых, уверен не иссякнет никогда. Вопросы, которые они ставили, надеемся найдут ответы в трудах их учеников, хотя бы отчасти.

Заключение. Источниковая база по христианским надгробным камням пополнена еще одним объектом. Известен еще один памятник, где найден пока один кайрак. Изучение несторианских кайраков принимает все большее значение для исторической и востоковедческой науки. Собираются и издаются все документы по проведенным первым археологическим исследованиям, где важное место заняли исследования этих кладбищ [Археология Семиречья 2011]. Особое место в интерпретации занимают востоковедческие и богослужебные исследования. Эти исследования, в частности заполняют лакуны между отдельными разделами: историей церкви, богослужебной деятельностью, надгробными эпитафиями, именами, титулами, календарями и делают представления о Церкви Востока вполне цельными [Муравьев 2014]. Несмотря на многие публикации надписей с кайраков их значение как литературного письма, исторического источника, все еще остается недооцененным, на наш взгляд. В том числе это касается однозначно придаваемому манихейскому значению религиозных терминов и смыслов в тюркских рунических надписях. Это направление успешно и планомерно развивала Н.В. Пигулевская. В частности, направление вертикальных строк справа налево, свидетельствует о сирийском влиянии на тюрков, а не о китайском [Пигулевская 1966: 229].

Раскопки 2018 г. на городище Каялык проводились совместно с Д.А. Талеевым под руководством К.М. Байпакова. Тогда были вскрыты помещения и хозяйственные дворы с навесами над расчищенными тандырами и суфами, недалеко от соборной мечети. Экспозиция «Центра» пополнилась экспозиционными материалами, в частности хумчами. Раскопанный объект примыкал к базарной площади с обратной стороны от мечети. Были предприняты и другие обследования, в том числе шурфовки перспективных мест, однако, планам по продолжению раскопок на городище Каялык пока не было суждено сбыться.

Тем самым, основная часть кайраков Шуской и Илейской долин, а также, теперь уже найденный в Жетысу относятся к периоду XIII–XIV вв. В отношении каялыкского, где отсутствует надпись об этом можно лишь уверенно предполагать, кроме того, нет документации, где именно он был найден, а тем более, стратиграфии. Мощность культурных слоев на городище внутри стен превышает 2 м.

В недавно опубликованном эссе, рассматривающем распространение несторианства у полукочевых и оседлых народов Восточной Азии. Прежде всего: найманов, керейтов, онгутов [Obrusánszky 2019]. Автор приводит интересный факт того что в стране Ховд в Улан Толгой в 1989 г. археологами была найдена надпись на сирийском, в конце которой значилась дата 1409 г. (1098 г. н.э.). Относительно онгутов приводится дата 1334 г. (н.э.), один из племянников правителя вернулся в несторианство из католицизма [Obrusánszky 2019: 186]. Тем самым, у народов проживавших к северу и западу от Китая христианство имело широкое распространение с конца XI до XIV в. Число этих народов, объекты исследованные археологами и случайные находки будут только расширяться. Христианство Жетысу XIII–XIV вв. было неразрывно связано с восточными регионами Азии, где в предшествующие века произошло широкое распространение несторианства.

ЛИТЕРАТУРА

- Археология Семиречья. 1857–1912 гг. Сборник документов и материалов / Сост. И.М. Самигулин. Алматы: Издательство LEM, 2011. 664 с.
- Байпаков К.М., Воякин Д.А., Железняков Б.А.* Раскопки на городище Каялык в 2004 г. // Культурное наследие. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана. 2005. С. 103-105.
- Борисов А.Я.* Сиро-тюркская надпись из развалин Сарыка // Эпиграфика Востока. 1963. Т. 15. С. 56-57.
- Горячева В.Д., Перегудова С.Я.* Памятники христианства на территории Кыргызстана // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент: Гл. ред. энциклопедий, 1994. С. 84-95.
- Железняков Б.А.* Культовое сооружение XIII в. на городище Каялык и манихейское наследие средневековой Центральной Азии // VII том альманаха Scripta antiqua. М.: Собрание, 2018. С. 24-40.
- Желобов Д.Е.* Государства Таримской впадины во 2 пол. IX – нач. XII вв.: политическое и религиозное Взаимодействие: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. 201 с.
- Коковцов П.К.* Христианско-сирийские надгробные надписи из Алмалыка // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1905. Т. XVI. С. 188-200.
- Коковцов П.К.* Несколько новых надгробных камней с христианско-сирийскими надписями из Средней Азии // Известия Императорской Академии Наук. 1907. С. 427-458.
- Кольченко В.А.* Христианское кладбище монгольского времени на городище Бурана (по данным архивных документов о раскопках 1886 года) // Генуэзская Газария и Золотая Орда 2. Казань; Кишинев, 2019. С. 209-221.
- Кольченко В.А.* Средневековое христианство Кыргызстана по данным археологических источников // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. IV. Христианство. Самарканд: МИЦАИ, 2018. С. 48-103.
- «Культура и религия на Великом Шелковом пути» экспозиция каталогы. Құрастырушы: Халықаралық мәдениеттерді жақындастыру орталығы. Алматы: Жамбыл, 2020. 160 б.
- Массон М.Е.* Происхождение двух несторианских надгробных галек Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. 1978. № 10. С. 50-55.
- Муравьев А.В.* Личные имена в восточно-сирийской литургической рукописи из Тайбэя // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 3: Филология. 2014. № 5 (40). С. 55-67.
- Мухтарова Г.Р., Железняков Б.А.* Буддизм Илийской долины XII – начала XIII вв. О находках предметов буддийского культа на городище Талгар И.И. Копыловым // Народы и религии Евразии. 2021. № 3. С. 145-160.
- Мякишева О.А.* Коллекция несторианских надгробных камней из фондов ЦГМ РК // Актуальные проблемы историко-культурного наследия Казахстана: м-лы Междунар. науч.-практ. конф. к 70-летию профессора, д.и.н. М. Елеуова. Алматы: Қазақ университеті, 2016. Ч. II. С. 199-204.
- Пантусов Н.Н.* План работ по раскопкам в 1886 году древнего несторианского кладбища близ города Токмак на урочище Бурана. *Об исследовании надв. сов. Пантусовым несторианских кладбищ близ гор. Пишпека и Токмокской области* // Архив ИИМК РАН. 1888. 40-б. Л. 98а—101а.
- Пантусов Н.Н.* Христианское кладбище близ Пишпека (Семиреченской области) в Чуйской долине // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Т. 1, 1886. СПб., 1887. С. 74-83.
- Пантусов Н.Н.* Надгробные христианские памятники в Алмалыке. Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. 1902. С. 161-188.
- Пантусов Н.Н.* Христианское кладбище в ущелье Зауке // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Год тринадцатый. Ташкент: Типо-Литография В.М. Ильина, 1909. С. 14-15.
- Пантусов Н.Н.* Город Алмалык и Мазар-Туглук-Тимур-хана. Кауфманский сборник. М.: Типо-литография И.Н. Кушнерев, 1910. С. 161-189.
- Пигулевская Н.В.* Еще раз о сиро-тюркском // Тюркологический сборник 1966. М.: Наука, ГРВЛ, 1966. С. 228-232.
- Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во географической лит., 1957. 287 с.

- Слуцкий С.С.* Семиреченские несторианские надписи, Доклад, читанный на заседании Восточной Комиссии Императорского Московского Археологического Общества, 26 февраля 1888 г. // Древности Восточныя. ТВК ИМАО, под ред. М.В. Никольского. М., 1889. Т. 1. Вып. 1. С. 1-72.
- Слуцкий С.С.* К Семиреченским несторианским надписям // Древности Восточныя. ТВК ИМАО, под ред. М.В. Никольского. Т. 1. Вып. 3. М., 1891. С. 1
- Сюань-цзан.* Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си юй цзи) / Введ., пер. и коммент. Н.В. Александровой. М.: Вост. лит., 2012. 463 с.
- Archaeological Excavation of a Medieval City and Presumed Nestorian Christian graveyard, Society for the Exploration of Eurasia, last modified August 2018. URL: http://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_aC.html (дата обращения: 13.07.2022)
- Borbone P.G.* Three Notes on Syro-Turkic Epigraphy // Христианский Восток. Т. 9 (XV). СПб.: Издательство ГЭ, 2021. С. 105-122.
- Chwolson D.* Syrish-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie. Saint Petersburg, 1897. 5. Tab. IV. 122 p.
- Dickens M.* More Gravestones in Syriac script from Tashkent, Panjikent and Ashgabat more // Winds of Jingjiao: Studies on Syriac Christianity in China and Central Asia, Jul 2016. P. 105-130.
- Ferreira J.* Early Chinese Christianity: The Tang Christian Monument and Other Documents. Sydney: St Paul's Publications, 2014. 428 p.
- Halbertsma Tjalling H.F.* Early Christian remains of Inner Mongolia: discovery, reconstructions and appropriation // Sinica Leidensia, Vol. 88, ed. by Barend J. ter Haar. 2008. 359 p.
- Obrusánszky B.* Nestorian Christians in frontier history // Журнал Фронтальных Исследований. 2019. № 3. С. 175-193.
- Tashmambetova Zh.* Christianity in Central Asia: adoption of East Syriac Christianity in the medieval period // A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in Eurasian Studies. Nur-Sultan, 2019. 109 p.
- Thacker T. W.* A Nestorian Gravestone from Central Asia in the Gulbenkian Museum, Durham University // *Durham University Journal*. 1967. No. 28. P. 94-107.

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS

АН КазССР –	Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата
АН КиргССР –	Академия наук Киргизской ССР. Фрунзе
АН РТ –	Академия наук Республики Татарстан. Казань
АН СССР –	Академия наук СССР. Москва
АСГЭ –	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург
БМАК –	Бактрийско-Маргианский археологический комплекс
БНЦ СО РАН –	Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской Академии наук. Улан-Удэ
ВДИ –	Вестник древней истории. Москва
ГАИМК –	Государственная Академия истории материальной культуры. Ленинград
ГРВЛ –	Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва
ДВО РАН –	Дальневосточное отделение Российской Академии наук. Владивосток
ИА КН МОН РК –	Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан
ИА РАН –	Институт археологии Российской Академии наук. Москва
ИАЭт СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Новосибирск
ИВ РАН –	Институт востоковедения Российской Академии наук. Москва
ИИАЭ АН КазССР –	Институт истории археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
ИИМК РАН –	Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург
ИИЯЛ УНЦ РАН –	Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа
ИргТУ –	Иркутский государственный технический университет. Иркутск
ИМКУ –	История материальной культуры Узбекистана. Самарканд
ИОАИЭ –	Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете

ИЯЛИ АНТ –	Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Татарстана. Казань
КарГУ –	Карагандинский государственный университет им. академика Е.А. Букетова. Караганда
КБИГИ РАН –	Кабардино-Балкарский Институт гуманитарных исследований РАН. Нальчик
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР/ Российской Академии наук. Москва
МарНИИЯЛИ –	Марийский Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Йошкар-Ола
МИЦАИ –	Международный Институт центральноазиатских исследований. Самарканд
МИАР –	Материалы и исследования по археологии России. Москва.
НАН РК –	Национальная Академия наук Республики Казахстан
МГПИ –	Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева. Саранск
ОНУ –	Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
ПА –	Поволжская археология. Казань
ПГПУ –	Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского. Пенза
РА –	Российская археология. Москва
СА –	Советская археология. Москва
САИ –	Свод археологических источников. Москва, Ленинград
СОИКМ –	Самарский областной историко-краеведческий музей им. Петра Алабина. Самара
СО РАН –	Сибирское отделение Российской Академии наук, Новосибирск
СМОМПК –	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис
СЭ –	Советская этнография. Москва
ТАССР –	Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
ТюмГУ –	Тюменский государственный университет. Тюмень
УдмГУ –	Удмуртский государственный университет. Ижевск
УрГУ –	Уральский государственный университет. Екатеринбург

МАЗМҰНЫ СОДЕРЖАНИЕ – CONTENT

Хабдулина М.К. (<i>Нур-Султан, Казахстан</i>) Исторические типы городов в степных империях Азии	7
Кызласов И.Л. (<i>Москва, Россия</i>) Почитание военной аристократии в раннем средневековье: свидетельства последующего посещения тюркских мемориалов	15
Белорыбкин Г.Н. (<i>Пенза, Россия</i>) Кочевнические древности Золотаревского городища	28
Усманова Э.Р. (<i>Караганды, Казахстан</i>), Кожя М.Б. (<i>Туркестан, Казахстан</i>), Сураганова З.К. (<i>Алматы, Казахстан</i>), Искандерова А.Д. (<i>Самарканд, Узбекистан</i>) Символика ритуалов мавзолея Джучи-хана (к вопросу об истории изучения)	40
Матвеева Н.П. (<i>Тюмень, Россия</i>) Взаимодействие населения лесостепи Западной Сибири в раннем Средневековье с народами Казахстана	53
Руденко К.А. (<i>Казань, Россия</i>) Некоторые итоги изучения взаимодействия кочевников и оседлого населения в Среднем Поволжье в XI – XIV вв. по археологическим данным	65
Коваль В.Ю. (<i>Москва, Россия</i>) Фортификация и средневековый степной мир	72
Васютин С.А. (<i>Кемерово, Россия</i>) Между государством и надплеменной политией: к дискуссии о характере власти в кочевых империях Внутренней Азии	83
Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Ахатов Г.А., Жанузак Р.Ж. (<i>Алматы, Казахстан</i>) Раннесредневековое погребение могильника Жагабулак I	95
Бисембаев А.А. (<i>Алматы, Казахстан</i>) Степи Западного Казахстана в раннем средневековье: в контексте анализа материалов Жагабулака	106
Haerke H. (<i>Tübingen, Germany; Moscow, Russia</i>), Arzhantseva I.A. (<i>Moscow, Russia</i>), Tazhekeev A.A. (<i>Kyzylorda, Kazakhstan</i>), Bronnikova M.A., Panin A.V., Modin I.N. (<i>Moscow, Russia</i>) On the interface of steppe and urban civilization: Interdisciplinary research at Dzhanqent (6 th – 11 th centuries AD)	111
Тажекеев А.А., Билалов С.У., Султанжанов Ж.К. (<i>Кызылорда, Казахстан</i>), Дарменов Р.Т. (<i>Нур-Султан, Казахстан</i>) Города огузов Восточного Приаралья: исторические ландшафты и новые исследования	121

Goffriller M.S. (<i>Suzhou, China</i>), Arzhantseva I.A. (<i>Moscow, Russia</i>) Remote sensing methods in the study of early Silk Road state-formation: the case of the Dzhety-asar culture of Kazakhstan	131
Амирғалина Г.Т. (<i>Тюбинген, Германия; Кызылорда, Қазақстан</i>), Билалов С.У. (<i>Кызылорда, Қазақстан</i>) Глазурованная керамика раннесредневекового городища Джанкент	142
Е. Ш. Ақымбек, М. С. Шағырбаев, Н. Б. Нұрғали (<i>Алматы, Қазақстан</i>) Ортағасырлық Талапты төрткүлінің керамикасы (2021 ж. қазба жұмыстары бойынша)	157
St John Simpson (<i>London, United Kingdom</i>) Erk-Kala (ancient Merv): a detailed study of a late Sasanian residence of the 6 th –7 th centuries	169
Бабенко В.А. (<i>Ставрополь, Россия</i>) «Гористая страна Джулад» средневековых письменных источников: проблемы локализации и выделения административного центра	181
Кожя М.Б. (<i>Туркестан, Қазақстан</i>) Потомки населения Сыгнака и других позднесредневековых городов исторической области Туркестан в этнической структуре казахов	192
Шаяхметов А.Х. (<i>Алматы, Қазақстан</i>) Особенности функционирования городских центров в среднем течении реки Арысь	200
Васильева Т.А. (<i>Владивосток, Россия</i>) Екатериновское городище – военно-земледельческое поселение чжурчжэней (Приморский край)	205
Байпаков К.М., Железняков Б.А. (<i>Алматы, Қазақстан</i>) Камень с изображением креста из городища Каялык (новое в изучении христианства XII–XIV вв. регионов Шу-Иле-Жетысу)	209
ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS	220

Ғылыми басылым

Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта. Еуразия даласы археологиясы V халықаралық конгресінің материалдары (Түркістан қ., 11–14 қазан 2022 ж.). 5 томдық.
Алматы – Түркістан: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2022. 3 том. 224 б.

Научное издание

Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. Т. 3. 224 с.

Scientific edition

Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022).
In 5 volumes. Almaty – Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 2022. Vol. 3. 224 p.

О.В. Кузнецова – компьютерлік беттеу және дизайн
Ә.М. Манапова, А.Е. Айтбаева – қазақ тіліндегі мәтіндерді аудару және редакциялау
Я.С. Шаяхметова – ағылшын тіліндегі мәтіндерді аудару және редакциялау

Компьютерная верстка и дизайн – О.В. Кузнецова
Перевод и редакция текстов на казахском языке – А.М. Манапова, А.Е. Айтбаева
Перевод и редакция текстов на английском языке – Я.С. Шаяхметова

Computer layout and design – Olga Kuznetsova
Kazakh translation and editing – Aliya Manapova, Aigerim Aitbayeva
English translation and editing – Yana Shayakhmetova

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалды.
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Баспаға 15.08.2022 жылы қол қойылды. Пішім 84×108 1/16
Шартты б. т. 23,52. Calibri гарнитурасы. Таралымы 140 дана.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана.
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 15.08.2022 г. Формат 84×108 1/16
Усл. п. л. 23,52. Гарнитура Calibri. Тираж 140 экз.

Original layout prepared at the Margulan Institute of Archaeology.
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Signed to print 15.08.2022. Format 84×108 1/16
Printed sheet 23,52. Calibri headset. Circulation 140 copies.

“Хикари” баспаханасында басылған
Отпечатано в типографии «Хикари»
Printed in the printing house «Hikari» hikari.kz24.online